

АНТОЛОГИЯ
РУССКОГО
ВЕРЛИБРА

АНТОЛОГИЯ
РУССКОГО
ВЕРЛИБРА

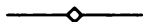
**АНТОЛОГИЯ
РУССКОГО
ВЕРЛИБРА**

360
АВТОРОВ

АНТОЛОГИЯ РУССКОГО ВЕРЛИБРА

СОСТАВИТЕЛЬ
КАРЕН ДЖАНГИРОВ

•ПРОМЕТЕЙ•
МОСКВА
1991

ББК 84Р7-5
А72

Антология русского верлибра. — М.: Прометей, 1991. — 752 с.

А $\frac{4702010202-596}{183(2) - 91}$ без объявл.

ISBN 5 — 7042 — 0589 — 5

© Составитель К. Э. Джангиров, 1991

**Издание осуществлено
при содействии
малого полиграфического предприятия
"КАВИ"**

Художник Анатолий Ленский

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Известно, что из груши нельзя сотворить яблоко, а детеныш вороны не может быть ласточкой. Известно также (по крайней мере профессионалам), что верлибр не «переписывается» каноническим стихом, каким бы мастерством ни обладал переводчик, а, в свою очередь, ни один канонический текст не превращается в свободный путем снятия рифм и нарушения размера. Следовательно, искусство лирического и техника канонического стихосложения — есть два принципиально разных метода освоения действительности. А это значит, что и в самом объекте исследования существуют зоны, доступные как только одному, так и только другому методу. Разумный подход предполагает ведение разработок по двум параллельным направлениям. Однако вместо этого мы долгие десятилетия в поисках драгоценных крупниц с удивительным упорством перемалывали уже основательно отработанные пласты, в то время как рядом оставались нетронутыми целые залежи. Да, велика на Руси сила инерции, глубоко потребность безмятежно (иногда с помощью вовремя опущенных век) катиться «вперед» по накатанным рельсам. Отсюда и неприятие всего нового, и в частности верлибра, резко отличного от устоявшихся литературных методов. Неприятие искреннее и вполне сочетающееся с провозглашенной сверху идеей построения канонического мира, населенного каноническими душами, умами, литературами и прочими его составляющими.

Конечно, были и другие, правда менее глубокие причины противодействия верлибру, мы же остановимся на некоторых выставляемых против него аргументах. Один из наиболее распространенных — «принадлежность» верлибра жанру прозы. «Но ведь это же проза!» — так зачастую восклицают те, кто просто не готов к признанию поэзии там, где нет ее традиционных опознавательных знаков. В основе такой реакции лежит давно укоренившееся заблуждение, трактующее поэзию как жанр. В действительности же, поэзия — это определенное (апогейное) состояние жанра, в качестве которого могут выступать и живопись, и графика, и проза, и канонический стих, и — свободный, и любая другая область интеллектуального творчества. К примеру, в оригинальных работах Вадима Сидура и Юрия Брусовани (их графика представлена в антологии) или же в прозаических миниатюрах Михаила Орлова поэзии явно больше, чем просто смысла в многострочных виршах некоторых «удостоенных» деятелей российского стихосложения. Для верлибра поэзия также лишь суть его определенного состояния, ибо и в этой форме таятся немалые чисто версификационные возможности. Правда, недостатки и просчеты здесь более зримы. Особенно верлибр не терпит фальши и лжи, что опять-таки не способствовало его признанию теми, для кого литература была и остается сферой обслуживания.

Другой, также распространенный довод противников свободной формы опирается на концепцию, рассматривающую верлибр как десант западноевропейской культуры (такова, в частности, гипотеза покойного А.Коваленкова). Точка зрения, полярная этой и поддерживаемая некоторыми сподвижниками верлибра, представляет последний как первую стихотворную традицию в русской литературе.

На мой взгляд, доля истины присутствует в каждой из данных позиций, но ни одна из них не отличается достаточной корректностью. Тезис о вторжении верлибра с чуждого Запада легко опровергается многочисленными в русской словесности примерами обращения к этому жанру. Это и Пушкин, и Лермонтов, и Блок, и Кузмин, и Гуро, и Маяковский, и Хлебников, и многие другие. В то же время не совсем уместно, определяя историческое место верлибра, употреблять слово «традиция». Здесь есть элемент натяжки, ибо, несмотря на приведенные примеры, в русской классической литературе (да и в более поздней) не было по существу ни одного крупного мастера, работающего только верлибром и оставившего сколько-нибудь значительное наследие в этой области. Для всех вышеназванных поэтов (как и для тех, кого можно еще назвать) употребление свободной формы носило эпизодический, случайный характер. Профессионалами этого жанра по большому счету никто из них не был.

Контртрадиция — вот слово, наиболее точно отражающее положение верлибра в русской литературе, начиная с прошлых веков и вплоть до 70-х годов нашего столетия. Причем контртрадиция, испытывающая в последние десятилетия нарастающее влияние западноевропейской и американской поэзии. Контртрадиция, не имеющая до недавнего времени тенденции к росту и отмеченная посменными периодами спада и подъема. Так, «расцвет» верлибра, обозначенный в предреволюционные годы и продлившийся с некоторым ростом до середины тридцатых годов, сменился длительным периодом глубокого спада и затишья. В середине 60-х годов намечаются новые сдвиги, связанные с появлением в литературе (разумеется, неофициальной) ряда поэтов, для которых верлибр — одна из основных форм работы со словом. Характерным для них был большой опыт переводческой деятельности, что, безусловно, наложило печать на их оригинальное творчество. В целом эта волна, будучи также еще очень слабой, не получила распространения и в дальнейшем по существу захлебнулась. Решающим же в судьбе верлибра я бы назвал период конца 70-х — начала 80-х годов. Собственно, все наиболее мощные силы, продвигающие нынче верлибр, дебютировали именно в это время. Их отличительные черты — более высокий стартовый уровень, быстрое, тотальное овладение разнообразной техникой свободного стиха, уверенность в его скором признании и отсутствие комплекса неполноценности, присущего прошлым поколениям верлибристов. Год 1988-й — год появления сборника «Белый квадрат» — стал знаменательной вехой в истории русского свободного стиха. Стремительность, с которой этот сборник завоевал симпатии читателей и спровоцировал целый шквал рецензий, статей и откликов в прессе («Московские новости», «Известия», «Московский комсомолец», «Советская культура», «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Московский литератор», «Литературное обозрение»...), доказала существование в нашей литературе определенной ниши, предназначенной исключительно для верлибра. Так или иначе, выход «Белого квадрата» и сопутствующий ему успех обозначили становление верлибра как жанра. Плацдарм был занят, однако он еще требовал своего упрочнения, что, в свою очередь, диктовало необходимость привлечения новых сил. При этом было

несколько рискованным слишком далеко отклониться от уже признанного в этой области направления. И это исключало на том этапе создание антологии верлибра, которая, как и любая антология, должна охватывать весь спектр ведущихся разработок. Составляя вслед за «Белым квадратом» сборник «Время Икс», я старался учитывать этот фактор, хотя соблазн «сбросить» весь существующий на тот момент потенциал был чрезвычайно велик. Сборник «Время Икс», вышедший в начале 1990 года и представивший творчество 18 верлибристов, был неким промежуточным ходом с целью удержать интерес к верлибру на достигнутом уровне и подготовить читателя к грядущей антологии. Другим таким связующим мостом предполагалась составленная мною и опубликованная в альманахе «Поэзия» (№ 58) «Антология одного верлибра», расширившая диапазон представления до 67 авторов. Кстати, та легкость, с которой эта работа была принята в редакции, явилась свидетельством состоявшегося перелома в отношении к верлибру, ибо даже для данного печатного органа, известного своими самыми широкими взглядами на современную поэзию, подобная «вольность» еще несколько лет назад была бы просто немыслимой.

Так, с выходом сборника «Время Икс» и последующей публикацией в альманахе, читатель становится достаточно подготовленным к данной антологии, вобравшей в себя работы 360 авторов (более 1600 текстов) и охватившей, как я надеюсь, все основное, что было сделано в области русского свободного стиха, не считая ранних и не очень характерных опытов.

Каковы же были источники формирования предлагаемой читателю антологии?

Основной — это поток рукописей. За последние несколько лет мною было рассмотрено свыше 3000 рукописей, полученных со всех регионов страны. Центрами ведущихся разработок бесспорно являются Москва и Ленинград. Достаточно широко русский свободный стих распространен по всей территории России и на Украине, менее — в Белоруссии, Казахстане, Молдове и на Кавказе. Наихудшая ситуация с верлибром в республиках Средней Азии, а также в Прибалтике. Последнее оказалось неожиданным, ведь для литовской, латышской и эстонской поэзии верлибр — давно утвердившая себя традиция. Вероятно, здесь сказывается общая отсталость русскоязычной культуры в прибалтийских республиках.

Другой источник — обзор выходящих сборников и периодических изданий. Данная работа стала особенно эффективной в последние полтора-два года, в связи с резким ослаблением цензуры и редакторского контроля. Практически в каждом четвертом сборнике этого периода встречались тексты, которые с большей или меньшей точностью следовало отнести к жанру верлибра. Однако, процент отсева здесь был явно выше, чем при обзоре поступающих рукописей, авторы которых в основном ориентированы на верлибр, что, кстати, еще раз подтверждает малую пригодность опыта канонического стихосложения для работы свободным стихом.

Еще один канал — «общение» с материалом, оседающим в редакциях издательств и журналов, тайные сусеки которых сравнимы с уникальными прижизненными захоронениями. Так, в редакции журнала «Таллинн» я «наскочил» на почти никому не известного верлибриста Георгия Кириллова, а в «Новом мире» аналогичным

открытием стал киевский поэт Игорь Винов. Еще ряд интересных авторов оказался в антологии в результате именно такого рода изыскательской деятельности.

Хочу выразить благодарность моим старым сподвижникам — Сергею Шаталову и Арво Метсу, действительно заинтересованным в широком представлении верлибра и предоставившим в мое распоряжение несколько ценных рукописей.

Нельзя объять необъятное, и, безусловно, за бортом этой книги остаются поэты, достойные участия в ней. Но я надеюсь, что потери не носят решающего характера и еще будут в дальнейшем восполнены. В целом в антологии представлены все основные направления в области верлибра — и тексты лирико-философского содержания, и тексты-конструкции, и тексты-парадоксы, и тексты-медитации, и даже тексты публицистического толка, несмотря на мое прохладное к ним отношение. Любители «бессодержательной» поэзии, построенной на принципах свободного потока сознания, также найдут для себя немало интересного.

Я надеюсь, что мне удалось преодолеть собственные симпатии и убеждения, вполне уместные при составлении группового сборника, но совершенно недопустимые при работе над антологией. Правда, одна моя позиция — предпочтение миниатюрам — оставалась в силе, ибо миниатюра — не только рациональный способ мышления, но и самая гуманная форма общения с читателем, несказанно уставшим от всевозможных длиннот и риторик.

С точки зрения жанровых признаков диапазон представления также велик — от верлибров, близких к прозе (работы Сосноры), до текстов, граничащих с белым стихом.

Нашли свое место и либрические опыты представителей канонической школы — феномен, на мой взгляд, любопытный.

Антология имеет и научную ценность. Собственно, только теперь на базе просеянного и синтезированного материала становятся реальными достаточно корректные обобщения и выводы.

Лично же для меня издание антологии означает возможность впервые за долгие годы борьбы остановиться, расслабиться, заново оценить и, может быть, даже переоценить свои устоявшиеся взгляды, как на верлибр в целом, так и на его действительную роль в современной русской культуре. То есть попытаться несколько изменить когда-то сложившуюся и окаменевшую с годами систему координат и, вероятно, увидеть то, что читатель книги — а он и есть последний и высший Судия — своим беспристрастным и незамутненным оком обнаружит сразу.

Так или иначе, с выходом данной антологии в истории русского верлибра завершается период его становления и начинается время спокойного осмысления пройденного пути и назревающей аккумуляции сил на его наиболее перспективных направлениях.

КАРЕН ДЖАНГИРОВ

СОДЕРЖАНИЕ

АЙГИ	17	БРОДСКИЙ	84
АКСЕЛЬРУД	24	БРУСОВАНИ	85
АКЧУРИН	24	БУНИМОВИЧ	94
АЛАВЕРДОНЦ	25	БУРАГО	95
АЛДАРОВА	25	БУРИХИН	96
АЛЕКСЕЕВ	25	БУРИЧ	96
АНАНДАНИРМАЛ	34	БУРКИН	106
АНГАЛАДЯН	35	БУХМАН	108
АНДРЕЕВ	45	ВАЛЕХ	109
АНДРИАНОВА	45	ВАЛИЕВ	110
АНСЕРОВА	46	ВАНЦАК	110
АРИСТОВ	49	ВАСИН	112
АРСЕНЬЕВ	50	ВАССЕРМАН	115
АСИНОВСКИЙ	52	ВЕГИН	115
АСТАФЬЕВА	52	ВЕРМИШЕВА	115
АФНАСЬЕВ	53	ВЕТРОВА	116
АХМЕТЬЕВ	53	ВИНОВ	116
БАЖЕН	54	ВИНОКУРОВ	127
БАЛАШОВ	55	ВИТЮРИН	130
БАНДУРОВСКИЙ	56	ВЛАСЕНКО	130
БАТУРИН	56	В. ВОЛКОВ	132
БЕЛИКОВ	58	ВОЛКОНСКАЯ	133
БЕЛОУСОВ	58	ВОЛОВИК	134
БЕЛЬМАСОВ	59	ВОЛОШИНА	135
БЕЛЯЕВА	67	ВОРОНОВСКАЯ	135
БЕРЕЩЕНКО	67	ВОРОНЦОВ	135
БЕССОНОВ	68	ГАБРИЭЛЯН	137
БЛАЖЕЕВСКИЙ	68	ГАЙНУТДИНОВ	137
БОГОМОЛОВ	69	ГАЛИМОВ	140
БОЙКО	70	ГАЛКИН	144
БОЛИН	71	ГАНПОЛЬСКАЯ	146
БОЛЬЧЕВ	71	ГАРКУША	147
БОНДАРЕВА	72	ГЕРАСИМОВ	148
БОНДАРЕВСКИЙ	72	ГЕРТЕЛЬ	149
БОРИСПОЛЕЦ	73	ГЛУЩЕНКО	149
БОРУШКО	75	ГОДИНА	150
БРАЙНИН	75	ГОЛОВАТЫЙ	150
БРАЙЧУК	76	ГОМОНОВ	150
БРИГИНЕЦ	78	ГОНЧАРОВ	151
БРИТАНИШСКИЙ	83	ГРЕЧКО	151

ГРОХОВСКИЙ	151	КАЗАКОВ	236
ГРОХОТОВ	155	КАЛУГИН	236
ГУБАНОВ	157	КАНАПЬЯНОВ	238
ГУМИЛЕВ	157	КАПИТАНОВ	239
ДАВЛЕТШИН	158	КАРАКМАЗЛИ	239
ДАГУРОВ	161	КАТАЛЬНИКОВ	240
ДАЕНИН	162	КАШНИЦКИЙ	241
ДЕМИДОВ	162	КВАНТРАШВИЛИ	241
ДЕНЬГИНА	163	КЕДРИНА	242
ДЕРИЕВА	165	КЕДРОВ	242
ДЖАНГИРОВ	166	КЕРЧИНА	246
ДЖУНА	180	КИРИЛЛОВ	246
ДМИТРИЕВ	181	КИРСАНОВ А.	249
ДОБИН	181	КИРСАНОВ С.	250
ДОЛЯ	181	КЛИМОВ	251
ДОНБАЙ	182	КЛИМОВА	252
ДОРИН	183	КЛИНУШКИНА	252
ДРАГОМОЩЕНКО	183	КНЯЗЕВА	252
ДРОЗДОВ	186	КОБЕНКОВ	253
ДУБОВСКАЯ	187	КОВАЛЬДЖИ	254
ЕЗЕРСКАЯ	187	КОЛЕСОВ	255
ЕНГИБАРОВ	188	КОЛОТВИН	256
ЕРЕМЕНКО	189	КОЛОТВИНА	257
ЕРМОШИНА	192	КОЛЫЧЕВ	258
ЕФРЕМОВА	193	КОНОПЛЕВА	258
ЖДАНОВ	193	КОНСТАНТИНОВ	259
ЖИГМЫТОВ	194	КОНСТАНТИНОВА Л.	259
ЖОВНОРУК	195	КОНСТАНТИНОВА Н.	259
ЖУРБИН	196	КОРМАШОВ	260
ЗАБРОДИН	199	КОРЧЕВСКИЙ	264
ЗАГОРЯНСКИЙ	199	КОТЛЯР	265
ЗАГотова	200	КОТЮКОВ	267
ЗАХАРОВИЧ	202	КОЧИНА	267
ЗЕМСКИХ	219	КОШЕЛЬ	268
ЗМОРОВИЧ	219	КРАВЧУК	268
ЗОЛОТОВ	221	КРАСНИКОВ	273
ЗУБАРЕВ	221	КРАСНОВА	277
ЗУЕВ	222	КРЕЙМЕР	278
ИБРАГИМОВ	223	КРИВУЛИН	279
ИВАННИКОВ	225	КРУГЛИКОВ	281
ИВАНОВА	231	КРУЧИК	282
ИВЛЕВ	232	КУДИНА	282
ИНОВ	233	КУЗЬМИН	283
ИСКРЕНКО	234	КУЛАКОВА	297
КАБАНКОВ	235	КУЛЛЕ	298

КУЛЛЭ	299	МУРЗИНА	378
КУЛТЫШЕВ	300	НАДЛЕР	379
КУЛЬБА	301	НЕЖДАНОВ	379
КУПРИЕНКОВ	301	НЕЖУРКО	380
КУПРИЯНОВ	303	НЕЙМАН	380
ЛАПИНСКИЙ	309	НЕКРАСОВ	382
ЛЕВИТАНСКИЙ	309	НЕКРАСОВА	383
ЛЕВЧИН	314	НИМБУЕВ	384
ЛЕЗИН	315	НОВИЦКАЯ	384
ЛЕНЦОВ	316	НОСОВ	396
ЛИПНЕВИЧ	318	ОЗЕРОВ	399
ЛИПНИЦКАЯ	321	ОКРОПИРИДЗЕ	401
ЛИПОВЕЦКИЙ	321	ОЛЬГИН	402
ЛИСИЦЫН	322	ОРАГВЕЛИДЗЕ	412
ЛУКЪЯНОВ	323	ОРЛИЦКИЙ	413
МАДИСОН	341	ОРЛОВ А.	417
МАЙ-АВГУСТ	342	ОРЛОВ М.	420
МАКАРОВ-КРОТКОВ	344	ОРЛОВА Е.	426
МАЛЬЦЕВ	346	ОРЛОВА М.	427
МАЛЫЙ	347	ОСИПОВ	433
МАРИН	348	ПАВЛОВА	433
МАРКАРОВ	348	ПАДЕРИНА	439
МАСЛОВ	350	ПАК	440
МЕДНИКОВ	352	ПАНЧЕНКО	441
МЕЖЕРА	354	ПАХОМОВА	443
МЕЛЬНИК	356	ПАШАНОВ	444
МЕТС	357	ПАЩЕНКО	445
МЕЩЕРЯКОВ	363	ПИНЯГИН	445
МИЖИТ	364	ПИСАРЕВА	446
МИЛОРАВА	365	ПОДОЛЬСКИЙ	446
МИНГАЛЕВ	366	ПОЛЕЩУК	448
МИРЗАЕВ	367	ПОЛЬЧЕНКО	460
МИТЮШЕВ	368	ПОНТЮХОВ	461
МНАЦАЦАНЯН	368	ПОПОВ В.	461
МОГУТИН	369	ПОПОВ Е.	462
МОЗЫРЬ	369	ПОТАПОВ	462
МОНАСТЫРСКИЙ	370	ПРЕДЫБАЙЛО	463
МОНАХОВ	371	ПРОВОРОВ	464
МОРДОВИН	372	ПРОКОФЬЕВ	466
МОРЕВ	372	ПРОНКИНА	467
МОРОЗОВ	373	ПРОСКУРЯКОВ	467
МОРОТСКАЯ	376	ПУСТЫНИН	468
МОСКАЛЕНКО	377	ПЭН	469
МОСКВИН	378	РАДЕЦКАЯ	472
МУРАТОВ	378	РАЖНИКОВ	473

РАЙКИН	474	СУЛЕЙМЕНОВ	563
РАХМАНОВ	481	СЫРОВА	564
РОЖНЯТОВСКИЙ	481	СЫРЫЩЕВА	564
РОМАНОВСКИЙ	481	ТАМРАЗОВ	565
РОСЛА	482	ТАНЦЫРЕВ	565
РУБИНШНЕЙН	482	ТАРКОВСКИЙ	566
РУДЕНКО Б.	484	ТЕПЛЯШИН	567
РУДЕНКО М.	485	ТЕР-АКОПЯН	567
РУМАРЧУК	485	ТЕРЕБИНОВА	567
РУМАНЦЕВ	487	ТЕСЛО	569
РЫЖОВ	487	ТУРОВ	571
САВОСТИН	489	ТУЧКОВ	573
САГАНЬ	491	ТЫШКОВСКАЯ	574
САМАЕВ	492	ТЭ	575
САМАРЦЕВ	493	ТЮРИН	576
САМОЙЛОВ	493	УЛАНОВ	600
САПГИР	494	УНКSOBA	601
САТУНОВСКИЙ	496	ФЕДОСЕЕНКОВ	605
САФРАНСКИЙ	497	ФЕЛЬДМАН	606
СЕДУГИН	500	ФИЛЕМОНОВ	613
СЕЛЬВИНСКАЯ	504	ХАТКИНА	614
СЕМЕНЕНКО	505	ХЕ	630
СЕНКЕВИЧ	505	ХЕЛЕМСКИЙ	643
СЕРГЕЕВ	505	ХЛЫБОВ	645
СЕРЕБРЯКОВ	506	ХМЕЛЬ	646
СЕРЕДЕНКО	507	ХУСАИНОВ	646
СИДУР	507	ЧАЙКА	646
СКИДАН	512	ЧАСТИКОВА	647
СКИФ	513	ЧАЩИН	648
СКУЛКИН	514	ЧЕКАНОВ	648
СЛЕПАЯ	515	ЧЕРНАВИНА	649
СОКОЛОВ А.	516	ЧЕРНЫШЕВ	651
СОКОЛОВ П.	518	ЧЕРЫГОВА	651
СОКОЛЬНИКОВ	519	ЧИГРИН	652
СОЛОВЬЕВ	519	ЧИЖЕВСКАЯ	653
СОЛОУХИН	521	ЧИКОВ	657
СОСНОРА	539	ЧУДНЫЙ	658
СОФРОНОВ	552	ЧУЛКОВА	659
СТЕГНИЙ	552	ЧХЕИДЗЕ	661
СТЕПАНОВ	553	ШАНЛИ	663
СТРАХОВА	554	ШАПКО	664
СТРОКАНЬ	555	ШАТАЛОВ	670
СТРУК	556	ШЕМЕЛИНА	677
СТРУЧКОВА	558	ШЕРЕШЕВСКИЙ	678
СУЗДАЛЬЦЕВ	559	ШЕШОЛИН	679

ШМИДТ	681	ЩЕРБИНА	689
ШМИТКЕ	682	ЩУПЛОВ	690
ШОР	685	ЭРГЕС	692
ШУМИЛОВ	688	ЯКМА	693
ЩЕРБАКОВ	689	ЯРБУСОВА	693

Г Р А Ф И К А

ЮРИЙ БРУСОВАНИ

16

КРИСТИНА ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС

203—218

434—438

615—629

ВАДИМ СИДУР

325—340

523—538

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

696

ГЕННАДИЙ АЙГИ

ИЗ ПОЭМЫ О ВОЛЬКЕРЕ

там в тайниках законных лугов
антрацитами светятся
черные дома полустанков

и вечером около рельс
маленькие красные фонари
горят так тихо и сосредоточенно
как будто сидят в них
маленькие Пимены
и тихо и застенчиво пишут

что сказание все продолжается

ОТЪЕЗД

Забудутся ссоры,
отъезды, письма.

Мы умрем, и останется
тоска людей
по еле чувствуемому следу
какой-то волны, ушедшей
из их снов, из их слуха,
из их усталости.

По следу того,
что когда-то называлось
нами.

И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдем
от людей мы вместе,
одной волной,

когда не снега и не рельсы, а музыка
будет мерить пространство
между нашими
могилами.

ПУТЬ

Когда нас никто не любит
начинаем
любить матерей

Когда нам никто не пишет
вспоминаем
старых друзей

И слова произносим уже лишь потому
что молчанье нам страшно
а движенья опасны

В конце же — в случайных запущенных парках
плачем от жалких труб
жалких оркестров

ТИШИНА

Как будто
сквозь кровавые ветки
пробираешься к свету.

И даже сны здесь похожи
на сеть сухожилий.

Что же поделаешь, мы на земле
играем в людей.

А там —
убежища облаков,
и перегородки
снов бога,
и наша тишина, нарушенная нами,

тем, что где-то на дне
мы ее сделали
видимой и слышимой.

И мы здесь говорим голосами
и зримы оттенками,
но никто не услышит
наши подлинные голоса,

и, став самым чистым цветом,
мы не узнаем друг друга.

ОТМЕЧЕННАЯ ЗИМА

белым и светлым вторым
страна отдыхала

причиной была темнота за столом
и ради себя тишину создавая
дарила не ведая где и кому

и бог приближался к своему бытию
и уже разрешал нам касаться
загадок своих

и изредка шутя
возвращал нам жизнь
чуть-чуть холодную

и понятную заново

ЛЮДИ

Так много ночей
линии стульев, рам и шкафов
проводил я движениями
рук и плеч
в их постоянный

и неведомый путь.

Я не заметил,
как это перенес на людей.
Должен признаться: разговаривая с ними,
мысленно мерил я пальцами

линии их бровей.

И были они везде,
чтобы я не забыл
о жизни в форме людей,

и были недели и годы,
чтобы с ними прощаться,

и было понятие мышления,
чтобы я знал,
что блики на их фортепьяно
имеют свою родню

в больницах и тюрьмах.

ЛЮБИМОЕ

Бледное лицо —
золотая кожа тишины!..

Где-то движутся сны
налегке,
и нет ничего,
кроме заигрывания бога
с самим собой
за этим его

прикрытием.

И — из этой игры
дочеловеческих начал
мне остается
познание тоски.

ПРОЩАЛЬНОЕ

О, вижу тебя я, как свет в апельсине,
когда его режут,
твоя тишина освещала зрочки
издали, еще не коснувшись,
словно ты видела
еще до зрачков —

там, в глубине —
в горячем и красном.

Как будто плечами и шеей
плечам ты моим объясняла,
где в близости есть расхождение,
но было ли это обидно,
когда это было

тише плеч, тише шеи
и тише руки.

И мне, как открытые форточки, запоминались
все детские твои имена,
их знал только я, и остались они,
как снег по ту сторону
тюремных ворот —

тише смерти и тише тебя.

ЖЕНЩИНА СПРАВА

Там то, говорящее,
меня удивляющее тем,
что создает себе волосы;

там то,
что падать стыдится и может упасть,
и яблоки катятся на привязи,
а привязи тонки,
холодны;

там — "Р", это полое "Р",
этот круг удивительных "Р",
там иголки от крови жасмина,
там
как будто обмывают олени глаза и рога,
а здесь, где я,
как будто раскладывают
хворост за хворостом.

Потребуем выюгу —
она зашевелится
в провалах витрин.

Звать начинайте без имени,
словно бросая
скрещивающиеся белые линии.

А там, там —
эта спина,
меняющая меня, как олени леса,

и она, как убийство, есть и не здесь,
и оторвана страшно названьем
от самого человека,
как будто во сне подарили
железную форму распутья
и сказали, что это есть вечность,

и стал я, поверив, несчастным,

и плачу я, плачу, плачу
во всех углах
самого себя.

АСТРЫ НА СТОЛЕ

срезая, касаясь слегка,
как столкнутся сейчас "озаря-сизари",
как "железо" из книги в осеннее утро
на белой странице, и сразу — осеннее поле,
тропинки, ворота, село;

а белое в памяти: дальше меня, за спиной, чуть
касаясь сугробов,
здесь не увидим, но знаем;

здесь, как под облаком ветка, проведенная лето
на крыше вагона,
врасплах хорошо и светло,

словно прячут частями
движенья девичьего детства
в углу водолинии

БЕЗ НАЗВАНИЯ

посредником было окно слуховое
между душою и небом!

а окольное зрение без крапинок глаз!
тревожило детскую память
как золотистую женскую стенку
меж нами и миром

и тогда зафиксировались
беспамятством мысли
в лете четвертом увиденные
тени ладоней
заовражных существ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАХА

дети серебряны цинковы ваши ключицы
рука как Норвегия в книге у маминых щек
но краскою бросят на крест чтобы стоял людской матерьял
словно кожа с Крестителя рук

о помни: есть верфи где сталь отражает
людей ягуарову радугу

как хозяином леса дубильщиком кожи
в автобусах смотрят в глаза

и ясный ведун будешь срезан как мох
и рекомендуется
не понимать

— а секс как разметка на небе как птица чужая без имени! —

эта скрипичная нитка способна
лишь резать следы на щеке

это отсюда
по-травам-тоска сотворится (есть непрерывно
как шум в роднике!) –

жалом ловимых
с собою считать наравне

ДЕВОЧКА В ДЕТСТВЕ

уходит
как светлая нитка дыханием в поле

и бело-картонная гречка
срезается лесом

птицы словно соломинки
принимают шум леса на шею

косички ее вдоль спины наугад
словно во сне начинают село
глядя на край каланчи

и там на юру на ветру
за сердцем далеким дождя золотого
ель без ели играет
в ю без ю

ВИД С ДЕРЕВЬЯМИ

Ночь. Двор. К птицам на ветках притрагиваюсь —
и не взлетают. Странные формы. И что-то людское
— в безмолвной понятливости.

Средь белых фигур — наблюденье такое живое и
полное: словно всю жизнь мою видит единая — с
темных деревьев: душа.

Л Е В А К С Е Л Ь Р У Д

* * *

Он пишется для себя, а втайне
желает, чтоб все же его прочли,
когда превратится в посмертный том.

Дневник при жизни — громоотвод,
мечтающий статьobeliskом.

* * *

Ты считаешь их тонкими,
чувства и мысли свои,
а они — мелковаты,
как будто размазаны
по ломтю насущного хлеба.

* * *

Разве прибор — не двигатель вечный,
не маятник тысячелетий? Сверяю
время свое по нему.

М А Р А Т А К Ч У Р И Н

* * *

Летом,
Когда дети разъезжаются по пионерским лагерям,
Их полуобнаженные матери
Моют холодной водой
Полы в своих железобетонных квартирах,
А утомленные главы семейств
Предаются воскресным размышлениям о жизни,
Покуда Эрот,
Свесив пухлые ножки с пыльной вершины
платяного шкафа,

Точит новые стрелы
Для надвигающихся сумерек.

ЭВРИКА АЛЛАВЕРДОНЦ

МЕРТВЫЙ

Ты лежишь,
Твой странный взгляд остановился на мне.
Ты глух,
Но я чувствую, ты слышишь мысли мои.
Ты нем,
Но я знаю, ты говоришь мне что-то.
Ты — нечеловек,
Твоя душа далеко, она забыла тебя.
Ты — забытая страна одной жизни.

МИЛАНА АЛДАРОВА

КОНЕЦ-1

конец
это когда
на дороге твоей возлегла
индостанской священной коровой —
ни шагу... и тронуть нельзя... и сама
не стронется с места... не встанет...
не шевельнется... —
усталость

РЫБЫ

да! мы — рыбы с разных глубин!
не приближайся!
сплющит...

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ

КАЖДОЕ УТРО

Каждое утро,
когда я открываю глаза,
я вижу окно
и в окне — небо.

Каждое утро
оно напоминает мне о том,
что я не птица.

* * *

Посмотришь, прищурясь, в даль —
берега не видно.
Поглядишь внимательно в голубую даль —
берег незаметен.
Вглядишься пристально в ясную даль —
берега нет.
Безбрежность.

Зачем же тревожиться?
Не лучше ли радоваться?

Радуйтесь,
радуйтесь:
берега нет —
безбрежность!

СНЕГ

Если запрокинуть голову
и смотреть снизу вверх
на медленно,
медленно падающий
крупный снег,
то может показаться
бог знает что.

Но снег падает на глаза
и тут же тает.

И начинает казаться,
что ты плачешь,
тихо плачешь холодными слезами,
безутешно,
безутешно плачешь,
стоя под снегом,
трагически запрокинув голову.
И начинает казаться,
что ты глубоко,
глубоко несчастен.

Для счастливых
это одно удовольствие.

* * *

Ее не поймешь.

То она прогуливается поодаль
с черной сумочкой,
в черных чулках
и с белыми волосами до пояса.

То лежит в беспмятстве
на операционном столе,
и видно, как пульсирует ее сердце
в кровавом отверстии.

То она пляшет до упаду
на чьей-то свадьбе,
и парни пожирают ее глазами.

А то просто стоит передо мной
спокойно и прямо,
и в руке у нее
красный пион.

Но всегда чуть-чуть печальная —
радость человеческая.

ДВА КАМУШКА

Ну что вы!
Ничего ведь и не было!
Да, да,
ничего такого и не было,
ничего подобного,
ничего похожего!
Ничего ведь и быть не могло
похожего,
ничего подобного
не могло случиться!

Да бросьте вы, право —
какие глупости!

Просто однажды
на ливадийском пляже

положил я
два маленьких серых камушка,
два округлых,
обкатанных морем камушка
в ямки
ее загорелых ключиц.
Потому что ямки
были глубокие,
потому что лежала она
не шевелясь,
потому что камушки
были под рукой —
только и всего.

ТАК

— Не так, — говорю, —
вовсе не так.

— А как? — спрашивают.

— Да никак, — говорю, —
вот разве что ночью
в открытом море
под звездным небом
и слушать шипенье воды,
скользящей вдоль борта.
Вот разве что в море
под небом полночным,
наполненным звездами,
и плыть, не тревожась нисколько.
Вот разве что так.

Иль, может быть, утром
на пустынной набережной,
поеживаясь от холода,
и смотреть на большие баржи,
плывущие друг за другом.

Да, разве что утром
у воды на гранитных плитах,
подняв воротник пальто,
и стоять, ни о чем не печалась.

Вот разве что так, — говорю, —
не иначе.

ОСТОРОЖНЫЙ

Он с детства знал,
что осторожность не мешает,
и прожил жизнь
с великой осторожностью.

Он осторожно
незаметно умер
и после смерти
был предельно осторожен.

Неосторожным
был он только раз —
когда родился.

О, как он проклинал себя
за это!

СТИХИ О ТОМ, КАК ПЛОХО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Хорошо быть обезьяной,
и попугаем хорошо быть,
и крысой,
и комаром,
и амёбой.

Плохо быть человеком:
все понимаешь.

Понимаешь,
что обезьяна — кривляка,
попугай — дурак,
крыса — злюка,
комар — кровопивец,
а амёба — полное ничтожество.

Это удручает.

* * *

Хочется, хочется...
мало ли чего хочется?

хочется сказать:
да будьте вы прокляты!
но я говорю:
да простит вас бог!

УВЯДАЮЩИЕ УШИ

Послушаешь —
уши вянут:
 желтеют
 подсыхают по краям
 сморщиваются
 отвисают
 и свертываются в трубочку
неделями ходишь
с увядшими ушами

можно конечно
не слушать —
 заткнуть уши ватой
 так и ходить
но любопытство разбирает:

вдруг все же скажут
что-нибудь путное!
вдруг все же ляпнут что-нибудь
по ошибке!

а кое у кого
уши всегда свежие
 упругие
 мясистые
 нежно-розовые

полжизни бы отдал
за такие уши!

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Жеребцы храпели, наезжая на
оборванцев. Барабаны били.

Ю. Тынянов

Жеребцы храпят
наезжая на грязных оборванцев
барабаны бьют оглушительно

жеребцам не нравятся
лохмотья оборванцев
барабаны бьют вовсю

оборванцы отскакивают
от храпящих жеребцов
барабаны грохочут

жеребцы
унесутся
оборванцы
убегут
барабаны
утихнут

останется воспоминание
о каких-то жеребцах
которые наезжали
на каких-то оборванцев
(почему наезжали
будет забыто)
и о барабанах
которые били
(по какому случаю они били
станет загадкой)

возникнет легенда
о таинственных оборванцах
которые мчались
на храпящих жеребцах
(у каждого за плечами
висел барабан)

НЕЧТО ТРОЛЛЕЙБУСНОЕ

Троллейбус мчался через мост
навстречу двигались
колесницы
карыты
телеги
фургоны
катафалки
автобусы
грузовики
и гоночные автомобили разных марок
на рысях проскакал
эскадрон гусар
на отличных
хорошо ухоженных лошадях
я ехал к ней

на край света
и задремал

когда я проснулся
троллейбус куда-то падал
рядом была она

мост кажется рухнул? —
спросила она
и погладила мою руку
к сожалению рухнул! —
ответил я
и поцеловал ее в переносицу

падение будет бесконечным? —
спросила она
и поцеловала меня в висок
по-видимому бесконечным —
ответил я
и погладил ее плечо
прекрасно! —
сказала она
и поцеловала меня в губы
долгим
сладостным поцелуем

троллейбус падал
медленно кружась
как осенний
кленовый лист

рядом падали
колесницы
кареты
телеги
фургоны
катафалки
автобусы
грузовики
и гоночные автомобили разных марок

чуть поодаль
безукоризненно сохраняя строй
падал эскадрон
бравых гусар

ПУТНИК

Горы
болота
реки
пустыни
лесные дебри
необозримые поля
морской берег
и путник с посохом
идет
по узким горным тропам
пробирается
по зыбучим непроходимым болотам
переплывает
бесплодные сухие пустыни
углубляется
в дремучие лесные дебри
пересекает
необозримые бескрайние поля
и долго шагает
по самому берегу моря

горы рассыпятся в прах
болота превратятся в пустыни
пустыни будут заболочены
реки обмелеют и высохнут
леса станут полями
поля зарастут лесом
морской берег станет непроходимым
но путник с посохом
и впредь
будет шагать своим путем

мы верим в это
ибо это нелепо

верой
и спасаемся

ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Высокие деревья
появляются на холме.
Высокие деревья
спускаются по склону.

Высокие деревья
останавливаются в низине.

Гляжу на них с восхищением.

А в их листве
уже щебечут бойкие птицы,
а в их тени
уже кто-то расположился на отдых.

Но высокие деревья пришли ненадолго.
Постояв немного,
они уходят.

Бегу за ними,
размахивая руками,
бегу за ними,
что-то крича.
А их след простыл.

Век буду помнить,
как приходили высокие деревья,
как они спускались по склону холма.
Век не забуду,
как они ушли,
унося с собою щебечущих птиц.

Э М А Н У Э Л Ь А Н А Н Д А Н И Р М А Л

* * *

под тишиною я подразумеваю
конечное и тихое пристанище бури

* * *

правда вечного огонька горит и горит в ладонях

* * *

карлики чувствуют ветер сильнее

* * *

философия детского шума
пламя коршуна
консилиум полей
оранжевый гимн морковки
верующий велосипед
ручки для ненастья
беззубая вечность
митинг парнокопытных
пуговица Лао-цзы
маленькие кирпичики розового детства
серебряный колокольчик одинокой радуги
догма чистой действительности
миллиметры утомления
долина господнего змия
эквилибристика колибри
еще пятьдесят тонн одинаковых людей

повествование о точке растянутое на 1000 страничек

РУБЕН АНГАЛДЯН

* * *

Я слышу, как умирает
Палая листва
В тишине осторожного
 снегопада.
И вижу, как, вобрав молчанье,
Деревья превращаются
 в слова.

* * *

Я уверен, что есть дорога,
Которая грустит по мне.
Быть может, она длиною в один шаг,
Но все равно
Это моя дорога.

* * *

Даль,
Это не только
Непреклонность пространства
Самопознания.

Даль,
Это не только
Годы в научном поиске
Рационального.
Даль — человечность.

НАДЕЖДА

Я вижу, как трава
приподнимается на цыпочки —
пытается поймать
первый луч солнца —
и как падает роса,
чтобы освежить
древнее лицо
земли.

* * *

Осень.
Трепетные полутона ее отражены
в воде...
И я удивляюсь
Мальчишеской душе природы.

* * *

Нет ничего злее
бездомного ветра,
И это лучше всего знают
опавшие листья.

* * *

Печальное вечернее море.
Чужой закат плывет

Над твоими тоскующими волнами
И отражается на скалах...
Пустынный берег твой —
Приют для тлеющих лучей
Забытого светила.

Кто поверит
В одинокость огромного моря,
В беспредельную одинокость?

КЛИНОПИСЬ ДОЖДЯ

Дождь...
Дождь колкий, как обида.

В пересохшем русле ожидания
Притаилась ракушка надежды.

Диск телефона.
Цифры...
Дождь...

В пересохшем русле ожидания
Бьется последний гудок
отчаянья...

ПРОШЛИ ДВА ГОДА...

Ночь — тоскующие руки...
Ветер.
Прошли два года.
Два года ненужных потрясений,
Воспоминаний истертых,
Как подошвы, изношенные до дыр.

Свет падает
На твои глаза,
Утра свежий луч.

Небесный свет
В твоих небесных глазах
Обнажает мои зрачки,
Что почернели,
Как весенняя земля,
Забывшая,

что такое
Семя.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Однажды
Ты прорубишь колодец
В прожитых днях.
И поймешь,
Что первую дверь в мир
Открыла —
Твоя доверчивость.
Однажды,
Когда ты вернешься
К этому колодцу
И захочешь выпить прохладной воды,
Помни,
Что на дне —
Твое детство.
Ты молча присядь,
Уставший и пыльный
От множества дорог,
И после зачерпни из колодца
Лишь один глоток
Той доверчивости.

ВЗГЛЯД

В материнском молчании
Я вдруг увидел, как пульсировала
Горечь прошлых лет,
Так в капле морской
Таится
Острый взгляд
Соли.

МГНОВЕНЬЕ

Свертывался день, как кровь,
И ртутью капал на бумагу.
Не касаясь земли, воеет бешеный ветер.
А в том пространстве нет ничего, кроме покоя.
Я задыхаюсь в пене покоя,
Пусть даже очень воздушной и свежей.
Закрыта дверь, она была последней,
А между первой и второй секундой есть нечто в виде
бесконечной пружины,

Сжатой до предела.
Лишь осознать все это мне не хватило времени.

МОРЕ

А может
Ты так же пусто,
Как раковина морская,
Которая хранит
Гулкие удары
Твоего сердца,
Море?

Или
Жизнь твоя полна
Тайного смысла
Под этими прохладными
Звездами?
И приносишь к своему берегу
Не суету и усталость,
А недосказанную
Горечь?..

РОЖДЕНИЕ СНЕГА

На опавшие
 скрюченные
Листья
Снег,
Снег осторожный садится.
Словно маленький щенок,
Языком теплым лижет
Желтую траву, листья,
Камни.
Принюхивается к ветвям, ручью,
Асфальту,
Хочет понять,
Что же было
До его рождения.

МАРТ

За окном
Тонкий профиль зимы.

На прозрачную нить пробуждения
Март
Нанизывает
Зерна тепла.

Вода — скиталец...

НЕВОЗМОЖНОСТЬ

Вот и лето.
Долгожданное лето.
Река, небо, деревья,
Трава и руки, раскованные
И нежные...

Но как не хватает тончайшего
Узора
Инея.

ТЬМА

Когда исчезнет свет,
Тьма поглотит
Реальность тоски, время разлук
И печальные улыбки зеркал.

А когда исчезнет тьма,
То оставит потерянные кем-то
Большие глаза молчания.

ДВЕРИ

!

Я разрываю звенья
Меж миром и собой.
Я покидаю лабиринт тоски,
Ночных созвездий хор
Мне не согреет душу.
И пусть пустыня тьмы

Мне угрожает пленом,
Я разрываю звенья тьмы,
В забвеньи
Оставляя Лету.

II

И вот полузабытая тоска
всплывает в дальнем проулке обиды,
И исчезает...
За занавесками сто тысяч лиц,
За занавесками тоска и злоба,
И отражается последний день
нетронутых страниц
надежды,
И лик бездомной юности
Маячит, как метроном дождя.
Улицы пустынные.
Там дождь летит, как мотылек,
И разбивается о крыши,
И, словно дни, стекает в лужи,
И слышу я труб водосточных
доксиленд —
один ты и бездны лик,
твое одиночество
и чепчик смирения,
позора блуждают рядом,
и в спину брошена подкова
ветра.

Скорлупа часов
Разбита.
Желто-белая тоска
Надменных улиц
Выливается из стен, подвалов,
Крыш, антенн, сараев и
заполняет всю
долину, —
В речном потоке
Сообщника найдя,
Бесшумно покидает город...

III

О, небо — несмелой прозы фолиант,
Закрытый фолиант
Твоих обиженных безмолвных глаз.
А зеркало овальное
Вместило

Всю мелочь комнаты твоей,
Твое молчанье и тепло постели,
Ночник, что до сих пор
Не выключен,
Хоть скоро будет полдень.

Река, как зеркало,
И облака над ней,
И над облаками плач твой
Подхвачен клювом чайки,
Резвится чайка в раковине неба.
А раковина неба

покоится

В моих руках.

IV

Твои глаза —
Сухие осенние листья.
Недвижим горизонт страдания...
Руки твои — сага разлуки.
Мечется меж снами

явь дорог.

У каждого из нас
Свой аквариум мироздания,
Хотя мы сами
Как в аквариуме.
Мы обитаем рядом,
Словно рыбы, в мутной
Комнатной воде
Двадцатого столетья.
И наша речь понятна
Только нам.

ВИДЕНИЕ ТОСКИ

Тень от ограды
Острая,
Словно тонкие губы
Зноя.
Зной.
Старая собака спит безмятежно
Под абрикосовым деревом,
Словно ребенок.
Маленький ереванский дворик,
Каких когда-то было много.

Проспект. Фонтаны. Гул.
Гудки автомашин.

Зной.
Тишина дворика,
Как трава под абрикосовым деревом,
Приглашает в свое лоно...

Так что ты тоскуешь
В серых сетях
Ненастного дня,
Где старость гнездится
В проулках
У Мойки,
Где воды бескрайнюю тяжесть
Разлук
Баюкают в зимние ночи,
Где дождя равнодушие
Заменяет
Радушие солнца,
Где ты одинок...

Колыбель одиночества — здесь.

МОИ МОСТЫ

Левону Мкртчяну

Если однажды
Стон земли, словно смертельная усталость,
Просочится в корни дерева —
Дерево замолчит.
И в этом молчании
У камня оцепенеет душа.
И возникнут стебельки-мосты
Бесконечных печальных дум
Между деревом, землей, камнем...

Земля моя — колыбель моя.
Моя короткая жизнь
Пусть будет честной рукой,
Протянутой к тебе
Рукой надежды.

А когда хлынет живительный ливень,
Я даже в ночи увижу

(То зоркие глаза земли),
Как улыбнется дерево
И как оборвется
Нить неподвижной тоски
У камня.

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ ПЕРЕВОДОВ ПАРУЙРА СЕВАКА

Над перекрестком
Всех моих сегодняшних разуверений
Дерево твоих стихов.

Душа устала,
И сердце оглохло от боли.
И зов отчуждения, спеси,
Разлук,
Как зола,
Угасает
В костре этих дней.

Одиночество — сердцебиение духа.

Я стал богаче
На боль твою,
На горечь этих строк,
Что проступает,
Словно пот в морщинах рук.
Ах, дерево...
Безлистое, беззащитное
(не весеннее)
Осеннее дерево
Скорби
В ожидании первого снега.
Над книгой твоей
Мой взгляд теплеет,
Как облако
 в сияющих лучах
 заката...
И верю я, что смерти нет.
И Арарат над миром —
Как вечный наш
Хачкар...

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

СЕРАЯ ТРАВКА

Полынушка, полынушка,
тихая травка,
серая, как придорожная пыль!
К лицу подношу эту мягкую ветку,
дышу — не могу надышаться,
как невозможно наслушаться песней
о самом наилюбимейшем на земле.

Кто ее выдумал?
Какому поэту, какому художнику
в голову мог прийти
этот ослепительный запах?

Сухая межа в васильковом уборе;
жаворонок,
трепещущий в синей, теплой струе,
полузакрывши глаза
и солнцу подставив серую грудку;
зноем приласканные дороги;
лодки медлительных перевозов,
затерянных в медоносных лугах;
и облака кучевые,
подобные душам снежных хребтов,
поднявшихся к небу, —
все в этом запахе,
в горьком духе полыни.

Когда я умру,
положите со мною вместо цветов
несколько этих волшебных веток,
чтобы подольше, подольше чувствовал я
радость смиренномудрой земли
и солнечной жизни.

Не позабудьте!

МАРИНА АНДРИАНОВА

* * *

Брести вдоль пустых берегов

заросли, болотные камыши
"Цветочки" Франциска Ассизского

тихие рыбы

"так и воспринять смерть
с мечтой о новом произведении"

В Е Р А А Н С Е Р О В А

* * *

Я хочу
однажды
увидеть чайку с голубыми глазами
по имени
которого нет в словарях моей памяти

Время
растягивает удовольствие полета
и выплевывает летящее тело в другой секунде-вселенной

Но моя чайка с голубыми глазами
преодолеет все оттенки синего...

* * *

моя вера
утренняя слеза ребенка
катится по щеке рассвета
исчезает в складках
полуоткрытых губ
и возникает вновь
каплями чистого молока в просторах
божественного творения

* * *

Ваша паршивая собака — такая прелесть.
Ваша драная кошка — такое чудо.
Я люблю их
за тот эстетический ужас,
когда красота — несчастна.

* * *

Хочу тишины еще нерожденной бабочки

* * *

Когда ты увидишь
чернеющих птиц на клавишах —
ты прикоснешься к тайне.

* * *

Чем ближе к потолку,
тем больше в паутине
запутывается взгляд.

* * *

И только пришедшая
из темноты леса
женщина
берет сознание
как спелый банан
и очищает от зеленой кожуры
твою мысль

* * *

Ты соткан из бесконечной любви
она рвется с твоих губ
она рвется из твоих глаз
она так стремительно рвется
из твоего тела
к любому встречному
что забывает предупредить об этом.

А память твоя горит
бесконечным количеством
любовных связей
с одной
женщиной.

* * *

Еще одно слово
и в космос умчится крик

почти звериное рычание
бессильного что-либо сделать сознания

крик растворится в колокольном звучании сфер
и останется со мной
навсегда нерожденным ребенком

он переплавит мой рот
в камень
его должна я выплюнуть
и сгнуть в разгоряченной утробе Геи

"где твоя родина, девочка?"
"но ведь я еще вернусь, мама?"

слезы вскипают и прожигают лицо
обнажают нетронутый временем череп Йорика

"...Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем..."

* * *

поль гоген
коронован огненным цветком
правом задавать вопрос: кто же мы?
и человеческими болезнями от инфаркта
до сифилиса

развенчан современниками

восстановлен потомками

* * *

Им —
потенция.
А нам?

ВЛАДИМИР АРИСТОВ

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ "ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВЕТВЬЮ"

ГАЛАТЕЯ

Где те песчаные города у моря,
Которые я думал тебе создать?

Разве явление твое понимал я,
Когда каждый вечер земля тобой тяготела,
И мосты уходили в далекий невидимый берег.
Разве ты берег тот долгожданный,
И ты на мосту, Галатей?

Только город хотел я начать,
Только город тайный у ног твоих,
Чтобы его уходящей ночью
Разбивал молчаньем и воздухом тихим
Ветер морской равномерный.

Темнота, лишь одна темнота
В песчаных улитках земли...
Заколдованный город,
Закруженный легкой водой.

Ты земля неизвестная,
Уходящая в глубь вращения и моря,
Вся в губах нерожденных,
Вся в дельтах рек пересохших...
Нет, не я тебя вызволил из темноты, Галатей.
Ты сама пришла,
По обочине брезжущего шоссе.
Я увидел тебя лишь минуту назад
В широком его повороте.

Можно и жить теперь у подножья земли,
Только вначале даруя для всех
Стены из влажного утреннего песка.

А дальше, а выше?
Разве не ищем мы в верхней жизни земной
Путь от города ночного песка?

Г П Е Б А Р С Е Н Ь Е В

* * *

Выцветшая в заповеднике птица удачи
жадный до дружбы но культяпый и в лишаях серый волк
золотой петушок счастья отпевший самого себя
сошлись под мимолетным деревом судьбы
и ждут Иванушку дурачка и одноногого Сильвестра
Валерия Брумеля которому снятся кузнечики
Робертино Лоретти которому снятся кенары.

* * *

Запряженные цугом привычек
понукаем себя едой
сном
копуляцией
жуем на привалах скупой ячмень книг
пьем застоявшуюся воду музыки
лижем соль солнечных пятен
на траве наших детей
и проговариваем спотыкающиеся слова наших завещаний.

* * *

Чист свет солнца
цвет дыма
этот спиралевидный нож
вкручивающийся в мякоть синева
называемой небом

когда ребенок начнет улыбаться
возьми его улыбаться вместе с тобой.

* * *

Это не склерозная кровь бьется о череп
не пресс нервотрепок выжимает давление
не одиночество шарит по своим неряшливым углам
это сарацинское пшено слов раскатывается по мыслеловке

нейронный хор подсмеивается над безголосьем
это странный шум на берегах реки где я и поплавок и
удилище
и леска с жадногубым крючком.

* * *

Чудесно
и мне подвалило маленькое счастье
я стал равнодушен к глине
к ее хватке прикусывающей пальцы
словно заигравшаяся собака
к ее всхлипыванию под шагами
вязко рвущему свои мышцы
эти пузырящиеся рыжебурые мухоморы
смешная жалость толкает взять их в руки
баюкать округляя трещины и разрывы
прикладывая на шаре ободки бровей
вдавливает глаза и рот
ставит уголок вместо носа
прислонять намеки на духовные дары
к чайной чашке
(вот и удалась пересадка тела)
ждать когда обветрится берегиня
и попросит поднести ее к окну
посмотреть на себя оставшуюся
и подыскать имя.

* * *

Они
кому имя легион
говорят и спорят о поэзии
а по-моему
под высокой и густой сосной
всегда стоит душистая прохлада
вот и все.

О Л Е Г А С И Н О В С К И Й

* * *

Всю ночь
у меня на коленях
сидело утро.

Утром
ко мне на колени
села ты.

Какое тяжелое утро.

* * *

По асфальту ползают пчелы.
Не знают, что такое телевизор,
который теплее цветка.

* * *

Перешагиваю через мертвую стрекозу.
Солнце похоже на схему метро.
Ветер гудит в портфеле.

Н А Т А Л Ь Я А С Т А Ф Ь Е В А

* * *

Научи меня языку моих предков,
вставь в мое горло
гибкую гортань ребенка
или
ивовую дудку —
буду свистеть
удивленно,
как птица.

ПЛАТОН АФАНАСЬЕВ

* * *

я измерил дно древнего колодца
оно было бездонно

я измерил глубину моря отчуждения
оно было бездонно

но я познал меру времени

* * *

у каждого
есть своя синяя чайка
в море
моя чайка
кричит над Финским заливом
и только ночью

* * *

я у секунд учусь чуткости
у часов исполнительности
а у времени безвозвратности
не просто воплощаться в бесконечность

* * *

Если твои ноги вязнут
в песке —
это естественно.
Ты идешь.

ИВАН АХМЕТЬЕВ

* * *

были попытки
которые

не получив развития
превратились в события

* * *

погружаясь в воспоминания
я вижу
как много было необыкновенного
значительного
далеко превосходящего
скромные масштабы
моей личности

* * *

может быть
мы многого не знаем
а может быть
мы не знаем
ничего существенного

Б А Ж Е Н

* * *

У стихов
Есть сердце

ЖИЗНЬ — и

Поэтов надо беречь
Иначе они уйдут
И на Земле
Не родится
Ни один
Человек

ЭДУАРД БАЛАШОВ

ДЕРЕВО

Растет корнями.
Крепнет ветвями.
Подхваченное небом,
Несет с собою землю.

НЕ ОПОЗДАЕТ

Прошедший реку — не утонет.
Проживший дебри — не заблудится.
Забывший время — не опоздает.

* * *

Странные эти цветы,
Иван-да-Марья, —
Иногда они — люди.

СНЕГ

Идет и идет.
Конца ему не видно —
Белому одиночеству.

* * *

В небе осеннем
Летающих по ниточке уток
Серые крики.

БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Дошел до конца — иди дальше!

КОНСТАНТИН БАНДУРОВСКИЙ

ИЗ ЦИКЛА "240 БАЛЛАД О ЖЕСТЯНОМ КОЛОКОЛЬЧИКЕ"

Быть
Только тенью, и то,
Уцепиться за последний клочок,
не отпустить полностью, и то.
Вот я
Имитирую телодвижения, звуки, поедаю зверей,
сомнамбулически самотранспортируюсь,
Потому что чувствую иногда боль,
Иногда чувствую.
Иногда слышу звон жестяного колокольчика.
Вот и все, что осталось. И то.

МАКС БАТУРИН

* * *

Достав из пыльного чемодана
респектабельный вид,
надеваю издавшие виды штиблеты
и отправляюсь на прогулку,
вооружившись тростью.
Важно шагаю по обомлевшим улицам,
время от времени пробуя тростью
прочность деревьев, скамеек,
киосков "Союзпечати" и пр.
Я доволен собой. Мне хорошо.
Мне отлично. Мне здорово.
Мне прекрасно. Мне великолепно.
Я счастлив.
Но вдруг в нирвану мою
врывается голос какого-то сумасшедшего:
— Простите, у Вас не найдется спичек?
— Извините, я забыл дома свой уличный разговорник, —
отпариваю я и гуляю дальше,
восстановив свое прежнее состояние.

* * *

Тане Мишанской

Запасы холодной воды это память о мысленном снеге
текущем мимо островов и сосен на север

твои руки на серой лавке возле пустых дач
повторение тысячелетних ненарушаемых траекторий

твои губы после дороги мимо зеленой реки
это газ божественного невиданного лимонада
утешающего усталость детей бессонницы
и размышлений раннего утра

Прогулка вдоль полуреальных пионерских лагерей
под журчание невидимых существующих медленно птиц
это одновременно воспоминание о пятнадцати годах назад
пени о зеленом шуме с синей эстрады
трафаретах зубной пастой на дешевых трикотажных
футболках
страшных плакатах о гражданской обороне
с иллюстрациями достойными Апокалипсиса и "Чумы" Камю

Прогулка вдоль пионерских лагерей
это непрерывно возникающие фрагменты обмелевшей реки
с силуэтами неслышно черпающих гравий машин
сквозь игольчатые и листовые деревья
это автобусы мчащиеся в Юргу и Новосибирск
по почти невидной дороге на той стороне
под тучами и облаками гонимыми солнцем

Прогулка вдоль пионерских лагерей
это непрерывное ощущение тебя
твоего напряженного движением тела
осторожное ликование от близости к тебе и всему
что могло быть всего лишь воспоминанием или фильмом
но никак не мечтой

ибо даже мечтать о таком
я повествователь о несбыточном и небывалом
не смел никогда

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

ТРИ ПОРТРЕТА

Люди возьмут красное слово,
расплавят его на огне
и плеснут мне в лицо.
И тотчас на этом лице,
хорошо удерживающем дождь,
проступят черты
величественных уподоблений:
скулы превратятся в скалы,
шрам у правого глаза —
в нестершийся крестик крещения,
глухаринные дуги надбровные
отразят небывалую думу.

Люди возьмут черное слово,
расплавят его на огне
и плеснут мне в лицо.
Из того же материала —
шрамов, скул и надбровных дуг —
люди получают обратное:
шрам у правого глаза
сложится в злодейский прищур,
глухаринные дуги надбровные
передвинут мой мозг к переносью,
и завершит картину
тяжелый неправильный прикус.

Лицо же мое не обладало
ни теми, ни другими чертами.
Разве что с годами
хорошо удерживало дождь.

НИКОЛАЙ БЕЛОУСОВ

* * *

Что
может быть умнее
философии
полученной шишки
в темноте жизни

освещающей
тебе
дорогу?

А Л Е К С Е Й Б Е Л Ь М А С О В

ГРУСТЬ

В мой дом больше не приходят лешие, колдуны и серые
они навсегда покинули мой мир. волки:

Я привык к этому,
и утром, когда выпадают веселые собаки
и куда-то спешат озабоченные автобусы,
я чувствую себя счастливым.

Но теперь я почти все знаю о том времени,
в котором надо носить за собой повсюду имя и отчество,
в котором почтенные люди стараются ходить медленно
и осторожно, чтобы не расплескать свои мысли,
в котором умирают скорее всего не от старости,
а от одиночества.

* * *

Разные деревья имеют разные имена,
а разные облака имен не имеют:
слишком быстротечна их жизнь.

Этого не понимают только дети,
и дают облакам имена.

Но однажды дети становятся взрослыми...
и наступает осень —
и идут долгие дожди.

Люди ругают погоду,
а погода здесь ни при чем.

ФОТОГРАФИЯ

Тихо.
Пасмурная погода навечно расположилась

на крышах, деревьях и в воздухе.
Какие-то люди наблюдают в себе сердце и мозг:
замерли.
Беглый день — беглое мертвое...

...Пожалуйста, закройте фотографию —
она обманывает!
Жизнь проходит не потому,
что существует время —
она проходит потому,
что у нас есть память!

* * *

У этого старика выцвели глаза,
а волосы похожи на дым.

Его чуть слышные с пришаркиванием шаги
напоминают шаги усталых деревьев
в ночном лесу.

Он идет издалека:
скорее всего из 19 века.

ТОЛЬКО ЧТО...

* * *

В глубине слова "озеро"
прошли какие-то люди с удочками наперевес,
шевелинулись высокие теплые травы,
тихо вздохнула моя родина,
где тысячу веков назад кто-то раскатил во все концы
желтые озера.

* * *

Стало заметно, что многие люди живут на деревьях.

Пространство утратило объем
и улицы со всем своим скарбом сделались плоскими.

Город растоптал собаку.

Музыка оделась и ушла,
оставив на сцене музыкантов и дирижера.

* * *

Старые лошади
живут тихо
и медленно,
потому что они перегружены
воспоминаниями.

* * *

Благодаря огням, я знаю:
мрак имеет объем;
все, что не освещено,
является содержанием мрака.
Течения шагов и голосов,
шум невидимого ветра,
запах сырого неба:
все это — содержание мрака.

Но когда умирает сознание,
тоже наступает мрак.
Мрак, не имеющий объема и содержания,
мрак, не имеющий времени.

О чем это говорит?
что это значит?

Может быть то, что существуют две правды:
одна — мир есть,
другая — мира нет.

* * *

В каждый уголок города надуло темноты
из Вселенной.
Тени копируют тени.
Стены копируют стены.

На каждый уличный стук выбегает сердце —
слушать: кто идет.

Вот упал и разбился на асфальте чей-то
голос.
Вот собаки разорвали и хотят съесть
тишину,
но тишина сама съедает собак.

Пусто.

Ночь тщательно вытирает пыль
с мертвецов,
выпуская их в ночь.

МОЖЕТ БЫТЬ...

Из соседней комнаты слышалась музыка.

Как будто это тонкая струйка нежности
выплеталась из воздуха и им же поглощалась.

Через мгновение музыка исчезла.

А я подумал, о том, что на сегодняшний день
воздух, должно быть, плотно насыщен музыкой
и голосами людей, и что создавать музеи
в домах, в которых жили и творили великие
предшественники, велит человеку его будущее,
которое сможет воспроизводить из воздуха все то,
что не вошло в рукописи, партитуры и картины.

ТАК, ПОДРАСТАЯ, ВИДИТ МЫСЛЬ

1

По дороге идут двое — старик и ребенок...

А может быть, идет только старик
и ведет за руку свое отражение?

2

Человек заканчивается также,
как день, дождь и листопад.
Заканчивается, чтобы начать сначала.

3

Это наш страх сравнил состояние сна
с содержанием смерти,
и придумал бездонное — Ничто.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Он утверждает,
что статуи отличаются от людей только тем,
что они спят не ночью, а днем.

Он пытается убедить меня в том,
что к старикам возвращается не только прошлое,
но что к ним возвращается и будущее.

Он ходит по городу
и палкой переворачивает лужи,
чтобы земля пропитывалась влагой...

Он говорит:
— С точки зрения Марса,
Земля — объедающаяся планета.

Наверное, его можно считать сумасшедшим,
но я работал в похоронном бюро
и видел,
что гробы действительно чем-то напоминают
консервные банки.

2

Он говорит:
— Ночью реки становятся каменными,
деревья — черными,
а люди — мертвыми,
потому что ночью происходит смена
времени,
пространства
и жизни.

3

Откуда он приходит?
Я не знаю:
он всегда появляется и исчезает внезапно.
Иногда мне кажется, что он выходит из меня
и заходит в меня.

Но...

сегодня он вновь появился неожиданно
и принес новость:
— Чем больше город,

тем больше в нем домов, стоящих
на задних лапах.

Но ведь я живу в маленьком городе!

4

Он говорит:

— Все в мире не так просто!

В августе деревья стоят неприбранные и чужие:
они как руки абстракционизма.
Осенью собаки лают на пространство,
потому что чувствуют исходящую от него опасность.
Зимой лица людей освещены нездешними
каменными кострами...

Все в мире не так просто,
как утверждают наши знания и незнания!

5

Он говорит:

— Не нужно все время возле себя удерживать тишину:
когда-то надо выходить из ящиков помещений,
из собственного молчания
и — одиночества.

Потому что и без того
каждый живет один на один со своим страхом.

Потому что и без того
все мы погружаемся в темноту,
хоть и придерживаемся как за перила
за мысли умерших.

Я

1

Я принадлежу 1959 году.

Об этом говорят документы.

Об этом говорят свидетели моего рождения.

Но как бы глубоко я ни старался заглянуть
в собственную память —

я не могу в ней себя увидеть

трех, четырех или пятилетним ребенком.

Зато в памяти хранится другое:

обрывок какого-то вагона...

чья-то рука переводит меня через рельсы и ночь...
вокруг — деревья, вершинами погруженные в небо...
я — в доме, где со стен и потолка капаят жирные тараканы...
Но что я из себя представляю в той реальности?
Кто я — ребенок или старик?
Почему воспоминания обрываются мраком?
Не говорит ли это о том,
что 1959 год был, прежде всего, годом моей смерти?

2

Жизнь кормила меня из рук математикой и стихами.
Читая художественную литературу, я открывал,
что во многих произведениях прошедших веков
как в зеркалах отразилось будущее...
Часто уходил ночевать на луну.
Там пришел к выводу:
поэзия должна делать такие же открытия,
как физика, математика, астрономия —
поэзия должна открывать для человека
его внутреннюю вселенную.
Понял, что о смерти знаю от других людей.
Именно к осознанию того, что я смертен,
направлена людьми моя мысль.
Значит: смерть — это еще один, выдуманный человеком,
бог!

Но почему, не веря ни в каких богов,
я должен верить в человеческую смерть!?

3

Я занимаюсь сбором времени:
мои дневники и стихи — это документы, свидетельства
и приметы времени,
текущего во мне,
принадлежащего только мне одному.
И я утверждаю:
каждый человек живет в своем собственном времени!
Так индийские йоги, для того,
чтобы выключить из нормальной работы
сердце и дыхание,
настолько сильно "замедляют" в себе
ход собственного времени,
что создается иллюзия
полной остановки в них жизни.
Так сознание философов и художников
контролирует пространство собственного времени
на очень больших глубинах:

разум этих людей,
постепенно впитывая в себя историю и культуру
десятков, сотен и тысяч земных лет,
сохраняет в себе это время,
вживается в него,
мыслит в нем,
тем самым "делая" это время
своей собственной зрой.

4

Когда-то люди узнали во мне себя
и уступили мне пространство для жизни —
поделились со мной
зимой, летом, осенью и весной,
воздухом и водой,
хлебом и музыкой.
Во мне нет ни одной изначально собственной мысли!
Во мне нет ни одного изначально собственного чувства!
Мое тело принадлежит отрезку времени в тридцать лет,
а мозг напитался знаниями и чувствами моих учителей,
которым сегодня уже сотни и тысячи лет.
Мое восприятие и ощущение мира
передано мне как эстафетная палочка от прошлого,
и сегодня я сам тот источник,
от которого возьмет свое начало
и будет питаться энергией жизни будущее.
Я ПРОДОЛЖИЛ ПРОШЛОЕ —
БУДУЩЕЕ ПРОДОЛЖИТ МЕНЯ!

5

Я утверждаю:
смерти, как вечного Ничего, нет!
Есть закон развития жизни.
Есть единый живой организм — Человечество,
который состоит из нескольких миллиардов человек.
И естественную смерть каждого человека
нужно рассматривать
как обновление и развитие всего Организма.
Я утверждаю:
кроме всех других чувств,
мы должны испытывать чувство патриотизма к
Человечеству,
потому что на планете Земля именно Человечество —
наша родина.
Я утверждаю:
мое будущее и будущее каждого человека

не смерть,
а жизнь,
пока есть и будет существовать Жизнь.

ВИКТОРИЯ БЕЛЯЕВА

* * *

В городе
где столько мостов
нет перекинутых через забвение рук
которые бережно перенесли бы тебя
через невзгоды
через сомненья
Перекидываем жердочки
рискуем свалиться в Лету раньше условленного
ползем на четвереньках (лишь бы доползти!) —

И забываем
что весь смысл-то был
не в этом.

ЮРИЙ БЕРЕЩЕНКО

* * *

Слово "слишком"
похоже на отсекающий удар клинка.
Наверное, поэтому
Люди, которые
Слишком любили
И слишком желали,
Часто никого не любят
И ничего не желают,
Предпочитая говорить и думать о себе
В прошедшем времени.

М. Б Е С С О Н О В

памяти Сергея Степанова

Он взглядом
обнял
Рукою поднятой
поднялся
Прозренье вошло
И всякий сказавший
Сказал — что хотел
Опуская предел в
Запредельность
И всякий ответил
Что мало
и что уже хватит
Личины округ
Разбросав
Они веселились
Не зная пощады в забвеньи
Не ведая страха в утрате
Он всех обнимал поднимаясь
Их лица похожи на лики
Все Они смертны
Не веря в пророчества Сущих

Е В Г Е Н И Й Б Л А Ж Е Е В С К И Й

ЛЮБОВЬ

О нервные ноздри
Гордой аристократки и красавицы!
О этот взгляд,
Обжигающий презрением
И одновременно внушающий любовь!
О эти коралловые губы на бледном лице!
О эта гневная статья гнедой кобылицы!
О легкая белая рука с пахитоскою на отлете!

Испанка... креолка... рыжая шотландка...
Дочь Елисейских полей...
русская княжна...
американская журналистка?

Не знаю.
Но нужна критическая ситуация и беспредельное мужество,
Которыми вполне наделен ты, —
Вырывающий ее из рук индейцев,
Защищающий от пьяной компании на балу,
Спасающий на необитаемом острове,
Выносящий из горящего здания,
Прикрывающий от выстрела грудью,
Бросающий к ее стопам все золото Клондайка,
А затем покоряющий ее,
Обольщающий ее,
Побеждающий...

О этот романтический бред Фенимора Купера и Вальтера
Скотта!
О великолепная мишура Александра Дюма и Оноре де
Бальзака!
О грезы, превращенные в пошлость голубоглазым
американцем!
О дешевая парфюмерия несбыточной любви
И юность, отравленная липкой патокой кустарного
воображения!
Юность, еще не знающая,
Что любовь по сути своей не страсть, а сокровенная
жалость —
Чувство, на которое трудно рассчитывать женщине,
Если она тебе не дочь и не мать...

К О Н С Т А Н Т И Н Б О Г О М О Л О В

* * *

В шелесте трав — осень и голод.
В бутоне головы — пчела вместо Бога.
Лишь травы видели Землю,
Промелькнувшую под ними во Вселенной.

Я отдаю свою веру пауку, для меня
Паутину плетущему.
Вот наслажденье. Лежа в клевере,
Ждать смерти.

НИКОЛАЙ БОЙКО

* * *

На исходе осени
с облетелых листьев
необъяснимая тоска
пьет
студеный путь птиц.

На встревоженном лице отлета
ползает
пространство ассоциаций.

* * *

В осеннем саду
у колодца сознания
бродит
ностальгия самообмана,
высматривая
в случайном цветке
осязание
прошлой
видимости.

* * *

Что меж нами?
Листопад
пролетающих ветров,
а, может,
стеклится
грусть?

Наши взгляды ложатся
лунным светом
среди ветвей
надежды.

* * *

Бесконечность —
наследство мысли,

первый и последний
шаг
в себя.

А Л Е К С А Н Д Р Б О Л И Н

ПАМЯТЬ

собака берет у меня из рук
жесткое мясо
она не видит
как я уродлив
не знает
как выбивают зубы
учившие делать добро ради добра

страшные сказки запомнила старость

ГОЛОС ТЕЛА. ОСЕНЬЮ

Черная клякса
рассвет
на серой бумаге
только ради ушедших сквозь чужие глаза
Шляпу полную дней
держит в руках темный фокусник
бросив
лицо в замызганный ветер

ЗНАКОМСТВА

это мой друг — сумасшедший
еще с апреля
измазанный краской стрижами и морем

И Г О Р Ь Б О Л Ы Ч Е В

* * *

“будьте прохожими”
день

ночь
день
за окном
воет троллейбус
как бомба в военном кино
день
ночь
май
скрипят за окном качели

ЭРА БОНДАРЕВА

ПТИЧИЙ ЭТЮД

Анархические знамена крыльев,
Выстрел крика на штыке клюва.

Чайка реет.

В порыве банно-прачечного романтизма
Купальщица с кондитерскими бедрами кисти Рубенса,
Предъявляя в мечтательной улыбке
Дождь золотых зубов,
Чувствительно рокошет:
— Почему я не птица?
Вдали от мирской суеты,
Под облаками,
С думой о прекрасном...

Стооким взором военачальника
Чайка следит за пляжными аборигенами,
Рассчитывая по их отбытию
Позавтракать дебильными рыбами
У канализационной трубы.

ИГОРЬ БОНДАРЕВСКИЙ

НА ХОЛМЕ

На холме — бревенчатая окраина,
окаймленная пыльной лентой
ухабистой старой дороги.

Здесь вечерами возле калиток
на скамейки старухи садятся,
чтоб глядеть безмятежно в пространство.

А в пространстве — до горизонта —
поля и леса, леса и поля.

Старушечьи души
растворяются вечерами в покое лесов и полей.

Всякий идущий
среди вечерних полей и лесов
должен чувствовать непрестанно
растворенные в воздухе души старух.

* * *

Жаркий асфальт, скудная тень,
пыльный уличный полдень.

Спящая возле дерева
пыльная уличная собачка.

Такая пыльная, словно это ее
сегодняшним утром дворник
намел метлой со всего квартала.

ВИТАЛИЙ БОРИСПОЛЕЦ

* * *

Срываю
листок календаря —

на меня
во все глаза
смотрит
пустая страница

* * *

С тех пор
как я

обрел дар
видеть
сквозь стены —

я утратил дар
видеть
и даже бреюсь
теперь
наощупь

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

В полночь
подошел
к постели
и утопил
в подушке
свое
отчаяние

* * *

Так что же
прощенья
вымаливаем
стоя на коленях

мы —

привыкшие
все брать
силой

ПЕЙЗАЖ

На белые страницы
истории
нахлынули штормовые волны
черных букв.
Над морем жизни
нависли грозовые облака —
глаза
выживших очевидцев.

О Л Е Г Б О Р У Ш К О

ПРОЙТИ

по Пути
нельзя пройти быстрее
или медленнее

Путь — ведет

Г Р И Г О Р И Й Б Р А Й Н И Н

* * *

О глобус истертый разум,
сколько веков ты переползаешь в цивилизациях
с места на место!

То по Египту в горбах у верблюдов
бродил ты в бескрайних пустынях,
где поднялись экспонаты простых геометрий,

В Индии ты надувал баллоны слонов
и пускал их бродить в светоносных пополах,

то Элохим сводил тебя в точку,
чтоб ты мог лучиться в бескрайней Вселенной.

Греки и римляне, прекрасные телом,
разобрали тебя на множество малых сияний,
чтобы ты мог услаждать прихотливых.

Или как Кришна скакал по полям в колеснице Арджуны,
между двух армий,
собой их смыкая, как молния тучи.

Ты надоумил Европу вынуть огонь из Быка
и зажечь энтропийные джунгли,
чтоб обрести осязание новых рельефов.

* * *

Потом завьюжило,
И термометр почти сглотнул свою ртуть.
Ты мне шептала: "Не забудь,
Что люди больны Рождеством".
По запруженным улицам
Ползли светящиеся трамвайчики,
И ватные коты
Заполняли центр Вселенной.

Е В Г Е Н И Й Б Р А Й Ч У К

* * *

Космический ветер
пронизывает наше сознание,
словно игольное ушко!
Оно — та самая пустота,
какой представляется Человек
в материальном мире
полей и энергий космоса...

* * *

Видеть, воспринимать, уличать, порочить —
это и значит творить начерно.
Остается лишь переписать набело
с наскальной росписи собственного сердца.

Ведь отражение —
одна из естественных форм цветения
полированного камня...

* * *

Укрыться в складках
световой волны...
Быть маленьким и нежным
сном
высоких энергий...

* * *

Сбегаются и разбегаются детские вопросы
на палочке с конской головкой.
А взрослые? — Упираются, встают на дыбы и храпят,
извожженные длинным хвостом
собственного страха...

* * *

Скользящие бабушкины воспоминания —
лишь прикосновения к прошлому,
сухие шелестящие прикосновения,
от которых прошлое чуть-чуть поет...

Да, бабушкины воспоминания
скользят по блеску ее глаз,
как по сухому льду...

* * *

Карликовые дубки переплелись,
словно удав зацвел.
Случайно уснул — и зацвел во сне.

Хочется добавить: во сне
цвета морской волны...

* * *

.....путем референдума
очарованных причин
и совращенных следствий.

* * *

выброс
черновика
в альбиносы

СТАЛКЕР

Ходить, сужая круги,
вокруг чуда, спеленутого накрепко
пластами искривленных пространств,
распеленывая их, словно кочан,
чтобы обнаружить внутри
крепкую кочерыжку смысла...

Монумент любознательности.

ДРАМЫ В ПРИХОЖЕЙ

На занимательном сюжете,
как на вешалке, висит
наше внимание часами...

А между тем,
на длинных, с петлей, концах событий
часто качаются самоубийцы,
исчерпав до секунды резервы
всяческого смысла.

А Л Е К С А Н Д Р Б Р И Г И Н Е Ц

ЗАВТРА

Ты щедро подаришь другому
мои глаза,
мои губы,
мои слова,
мои мысли.

И, не замечая подмены,
будешь ходить с ним
по скверам,
по площадям,
по клавишам брусчатки,
по струнам вечера,
которые тебе подарил я.

А я буду
стоять на углу
с протянутой шляпой
без глаз и мыслей,
без улиц и музыки.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Как по цилиндрам
велотренажеров
бегу на месте,
а ноги устали,
будто сто миль
за плечами
(ведь пробежал
и в самом деле
не меньше),
но вокруг
тот же двор,
где я со всеми
разбивал новый
полисадник,
и старый дом
с "Кафе-мороженое"
за углом.
И моя первая женщина,
у которой я почему-то
так хотел
попросить прощения.

* * *

Едва научился
уходя уходить,
как уже не могу
оставаясь остаться.

А я думал —
это любовь.

КРЫМСКОЕ

Я сидел на скале
и дышал морем,
которое
любовно играло с берегом.
Внизу качалась лодка,
в ней весело перешептывались
юные нимфы
в смелых купальных костюмах.

А на косе вдали
стояли мальчишки,
примеряясь,
с какой ноги
ударить заходящее солнце.

* * *

Я примчусь
в этот двор
на ярко алом
мотоцикле

Швырну на траву
шлем

Сниму с рук
черные
грубые перчатки

И спрошу:
зачем ты мне
лгал
что мечты детства
не сбываются?

БЫЛЬ

Прошлое —
закончилось вчера.
Будущее —
наступит завтра.
Настоящее —
слой пыли между
мазком мастера и реставратора

* * *

звезды —
это плоды
на ветвях деревьев
выросших
из моих глаз

* * *

на травы упал снег
луна покачнулась
от брошенного ребенком
снежка
смотрю —
и снова ничего не понимаю

* * *

я возвратился домой
словно великан
в страну птиц

* * *

время покажет
нам
наши портреты

МАНЕВРЫ

Мы
роем
одиочные окопы

Мы
запасаемся
средствами
индивидуальной защиты

Мы
самостоятельно
тренируемся
в меткости

На
случай
войны человечества
с
одиочеством

ВЫСЬ

**Выше самой высокой травы
вырастает дерево,
выше самого высокого дерева
поднимается небо,
выше самого высокого неба
залетает мечта,
выше самой высокой мечты
возносится человек,
но я не раз видел траву
в человеческий рост
на заброшенных людьми тропах,
ведущих ввысь.**

*** * ***

**Моя модель мира
начинается и заканчивается
в одной и той же
точке**

**эта точка
не больше и не меньше
чем другие —**

**чем те
которые ставят
в конце**

**философских трактатов
смертных приговоров
министерских постановлений
любовных писем
прошений о помиловании
кулинарных рецептов
стихов о партии**

**Но в ней
в отличие от других
начинается и заканчивается
моя
модель мира**

ПЕСОК НА ЗУБАХ

Страх — остаться последним,
страх отстать,
страх,
что развяжется шнурок
и запутаются ноги,
страх — быть не первым.
Хватит!
Я буду идти вдоль дорожки
медленно,
но без боязни,
я буду у финиша целым и первым,
потому что у меня
ничего нет.
На меня не ставят болельщики
и не обещают заработка,
мой тренер давно ушел
на пенсию —
он когда-то в меня верил.
Кроссовки и номер я вернул клубу.
И только песок на зубах
остался моим.

В Л А Д И М И Р Б Р И Т А Н И Ш С К И Й

* * *

Далеко-далеко, там, где море швыряет на берег
обглоданные тела деревьев,
будто безголовые торсы
античных богов, когда-то прекрасных и цельных,
и выбрасывает, как на базарный прилавок,
крупные круглые раковины морских гребешков,

я ощутил впервые могущество времени,
беспощадного, яростного, как пространство,
переполненное бушующей, мощной материей моря,
выхлестывающей наружу, рвущей хитросплетенные сети
всех геометрий и алгебр и прочих конструкций
мысли.

И О С И Ф Б Р О Д С К И Й

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Человек приходит к развалинам снова и снова,
он был здесь позавчера и вчера,
и появится завтра,
его привлекают развалины.

Он говорит:

Постепенно,
постепенно научишься многим вещам, очень многим,
научишься выбирать из груды битого щебня
свои будильники и корешки альбомов,
привыкнешь
приходить сюда ежедневно,
привыкнешь, что развалины существуют,
с этой мыслью сживешься.

Начинает порой казаться — так и надо,
начинает порой казаться, что всему научился
и теперь ты легко говоришь
на улице с незнакомым ребенком
и все объясняешь. Так и надо.

Человек приходит к развалинам снова
всякий раз, когда снова он хочет любить,
когда снова заводит будильник.

Нам, людям нормальным, и в голову не приходит, как это
можно вернуться домой и найти вместо дома развалины.
Нет, мы не знаем, как это можно потерять и ноги, и руки
под поездом или трамваем — все это доходит до нас —
слава богу — в виде горестных слухов, между тем это и есть
необходимый процент несчастий, это — роза несчастий.

Человек приходит к развалинам снова,
долго тычется палкой среди мокрых обоев и щебня,
нагибается, поднимается и смотрит.

Кто-то строит дома,
кто-то вечно их разрушает, кто-то снова их строит,
изобилие городов наполняет нас всех оптимизмом.
Человек на развалинах поднял голову и смотрит,
эти люди обычно не плачут.

Даже сидя в гостях у — слава богу — целых знакомых,
неодобрительно смотрят на столбики фотоальбомов.

"В наши дни, — так они говорят, — не стоит заводить
фотографий!"

Можно много построить и столько же можно разрушить
и снова построить.

Ничего нет страшней, чем развалины в сердце,
ничего нет страшнее развалин,
на которые падает дождь и мимо которых
проносятся новые автомобили,
по которым как призраки бродят
люди с разбитым сердцем и дети в беретах,
ничего нет страшнее развалин,
которые перестают казаться метафорой
и становятся тем, чем они были когда-то:
домами.

* * *

Те, кто не умирают, живут
до шестидесяти, до семидесяти,
бедствуют, строчат мемуары,
путаются в ногах.
Я вглядываюсь в их черты
пристально, как Миклухо
Маклай в татуировку
приближающихся
дикарей.

Ю Р И Й Б Р У С О В А Н И

ИЗ АЛЬБОМА "ГОЛОСА И ТЕНИ"

* * *

Когда я начинаю писать, я просто
хочу изобразить женщину, зверя
или дерево, но течение реальности
так таинственно и непредсказуемо,
что в результате меня выбрасывает
на берег в том месте, где я еще
не бывал, и я только успеваю
заметить, что у женщины
каменное платье и осенняя
улыбка...

* * *

Вечность — не поток текущий
к божественному устью,
а всего лишь картотека мгновений,
нанизанных на стеклянную нить.

* * *

Я верую, стало быть — я есмь.
Каждому воздается по вере его.
Воздается прозрением.
Существующие смотрят, верующие
видят. Абсолютное зрение —
всевидящее око. Реальность
увиденного есть мера прозрения.
Слепые лишены глаз, незрячие —
веры. Изображенное равнодушно
оказывается гербарием и каталогом.

* * *

Остановись, мгновенье,
ты прекрасно — твердит бородатый
человек в перепачканном красками
халате и без усталости останавливает
время. Мгновения наслаиваются,
текут и застывают на холсте
струпьями...

* * *

Я хочу передать тяжесть лет,
пролетая сквозь ворота будней
с легкостью ласточки. Когда
я заканчиваю картину, то я вижу,
что все те предметы и явления,
которые я запечатлел, существуют
не сами по себе, а связаны между
собой единой жизнью по закону
храма, собора, вечности.

* * *

Душа, выскользнув из пластмассовой
кожи, порхает над лицом вод,
оранжевой бабочкой носится над
сморщенной пленкой, неуловима,
как солнечный луч...

* * *

Картина — не цель, не подарок
искусствоведу, желающему купить
новое блюдо и поставить отметку
на лоб живописцу, картина —
открытая дверь в бесконечно
длящийся космос...

* * *

Мыслимо ли преодолеть прозрачное
зло и убийственную светопись
фактов. Всезнающий лектор
указывает линейкой на звезды,
и части космических тел,
пронумерованные лаборантами,
в строгом порядке падают
женщинам под ноги.

Я вижу, но не чувствую запаха.
Я знаю и чувствую, но не верю.
Я слышу и понимаю, но не люблю.

Как Иона, проглоченный рыбой,
я трепещу в сердцевине вод.
Я сфотографирован — я убит.
Но снимать — это и значит снимать.
Кожу, как кожуру с апельсина.

* * *

Картина — это способ победить
забвение. Если у меня в картине все
могут обмениваться голосами,
то значит, они не исчезают,
не умирают. И даже если человек
ушел, его голос продолжает звучать
в картине.

* * *

Художник пишет сны, создавая на холстах странные образы жизни, потерявшей лицо и душу.

* * *

Эшафот Хрусталь Огонь
Эйнштейн Христос Ольга
Эра Храм Облако
Эрот Харон Одиссей
Эпилог Хаос Облик
Экклезиаст Хлеб Отец
Эпизод Хроника Опыт

* * *

...Даровано чудо — помнить запах и свет.

* * *

Камень, упавший на дно, и птица, взлетевшая в небо, — синонимы бытия.

* * *

Мир теряет устойчивость и завершенность, линии искривляются, сквозь объекты прорываются ветер и свет, разнородное сливается, разновеликое уравнивается.

* * *

Целое — по ту сторону света, и правда мгновения — еще

не истина бытия, а всего лишь
карнавальная маска реальности...

* * *

Бес подsunул нам чудо-игрушку
и защелкал зубами, прогрызая дыру
в небосводе. Мелко наструганный
хлеб бытия превратился в сырую
похлебку, и единое стало песком,
текущим у нас между пальцев.
Зримое вторглось в наши глаза
и заслонило незримое.
Зарытые в фотожурналах,
засыпанные фотоснимками,
мы погружались в черно-белое
месиво, теряя почву под ногами.
Плоское, сложенное в папки, росло,
как Вавилонская башня, и мы,
потерянные в лабиринте дней,
искали нить Ариадны. Плутая,
мы отвергали зрение, ибо,
обманутые многократно,
принимали фантомы за сущее.
Проклиная суррогаты реальности,
пахнущие типографской краской,
мы, как рабы, ломали пирамиды,
построенные нами, и рвали
репродукции и фотопортреты
вождей. И только тогда,
когда мы стали настолько
одномерны, что смогли проползти
через первое попавшееся под руку
мгновение, мы выползли через
диафрагму на свет божий и узрели
Вселенную.

ИЗ КНИГИ "ЛИЦО СВЕТА"

* * *

Зрачок
оправленный радужным
ободком мысли

пронизывающий сумрак
взрывая медленную
однозначность видимого
проникает вглубь вещей
замкнутых в себе
и возвращается
полный настороженности
и смутного знания
предчувствуя дальнейшее
врывается трелью
в бесконечный туннель бытия
и становится образом
пылающим в полутьме ожидания

* * *

Тайна прикосновения
к музыке
ускользающей из рук и чарующей
шумом ручья
и взволнованной рожью
из пламени леса
рвущихся птиц на свободу
в ярости бега суховей
и хрустальные дверцы
открытые в раннее утро
разноцветного хаоса света

* * *

Бег по бесконечной кривой
текущей в пустыне долгого сна
шаги хрустящие в тишине
среди гор и дорог
деревья растущие из земли
ветвями касаясь неба
сплетают ветви в причудливом
ритме движенья
оплодотворенные
солнечным светом
и молчание в напряженном
безмолвии

К ТИШИНЕ

Когда на моем лице останутся только глаза
одни глаза
в которых весь мир отражается
вспыхивая и затухая
и кровью моей обагрится пространство
цветы и дома омывая

Когда я умру
чтобы родиться снова через тысячу лет
и любовь затеплится в умершем сердце
чтобы согреть холодное небо
и люди вновь обретут умение петь

Я прильну к тишине
и вторгнусь в открытые губы

С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

События и отсутствие событий
происходящих на самом деле или происходивших
когда-то
имеющих значение или нет
в эпоху кратковременных династий
когда шуты сменяли шутов играя
миллионами человеческих жизней
как орехами
во многих людях повторяя одно и то же
автоматически утверждая мертвую истину
и не зная
что получится из всех этих уравнений
с одним Неизвестным

* * *

Я стал гулким эхом
и древние песни обняли меня
руками столетий
и с востока откликнулись горы
на мое откровение

Артерий сумасшедшая ясность
обагрила снег под березами

и в храмах запели органы
молясь обо мне

Я смежил усталые веки

ЗА ОКНОМ

Лицо света
в глубине полутьмы
отраженного голоса звезд
падающего на землю
и уходящего вглубь
мира
растущего в огромном
пространстве космоса
вечной памятью
живущего в каждом
из нас

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

в фантазмагории бредовых миражей
кишащих змеями зияющих отверстий
над грудями руин растений
чреватых оспою ранений
и призраков блуждающих в огне кипящей магмы

клочья черной пены
на лицах искаженных тел покрытых пеплом
мертвые глаза и умершее небо в мертвых лужах
последний день похоронил себя
самоубийцей перерезав вены

* * *

Стен кольцо в круговом карауле
круговой анфилады
несбывшихся снов и мечтаний
на грани крика
застывшего в камне вечным вопросом
Не быть или быть?

ОТВОРИВ ДВЕРЬ

В городе с прямыми углами
я мечтал о вселенских параболах
и случайный прохожий
казался мне новоявленным мессией
моя плоть разделенная надвое
вбирала в себя шум и ярость дышащего космоса
и последнее слово умирающего человека
врезалось в меня ножом

Я был никому не известен
и даже собаки не знали
кто я такой

Только ты поняла меня
отворив дверь в мое одиночество

Я понял простую истину
что любовь равноценна хлебу
и тот кто дарит любовь
не исчезнет бесследно

МИР ЗАМКНУЛСЯ

Лабиринт суеты
из которого нет выхода
необходимость
загнавшая нежность в угол подвала
и окна закрыты ставнями в час катастрофы
Мир замкнулся в своей деловитости
и забыл
как играют дети

ЗАБЫВ ОБО МНЕ

Мое имя — оно не имеет значения
потому что оно любое
Павел Юрий Хуан
Соломон или Мацек

Тысячи мертвых живут в моем теле
их руки и губы
мои

Тысячи тел растворились во мне
чтобы стать моим телом
их зубами я грызу эту стену
под названием вечность

Те которые будут после
после меня
не будут знать мое имя
Я обречен на забвенье
но моими губами
они будут пить родниковую воду
забыв обо мне

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

я не поэт
да и разве бывают живые поэты

я работаю в школе
преподаю математику
информатику
а также этику и психологию семейной жизни

при этом ежедневно возвращаюсь домой
к жене

как сказал романтически настроенный классик
любят это не когда смотрят друг на друга
а когда двое смотрят в одну сторону
это про нас

вот уже десять лет мы с женой
смотрим в одну сторону

в телевизор

вот уже восемь лет туда же смотрит сын

я не поэт
да и разве не надежно мое круглосуточное алиби
приведенное выше

цепь недоразумений и случайностей
изредка приводящая к появлению в периодической печати
моих стихов
вынуждает к признанию

стихи я пишу ввиду безысходности
во время проведения контрольных работ
невзирая на все реформы общеобразовательной школы
отдельные учащиеся продолжают списывать
дабы пресечь
я вынужден сидеть вытянув шею
бдительно расширив зрачки
и вперив немигающий взор в околосемное пространство
таковая поза неизбежно приводит
к стихосложению
желающие могут провести следственный эксперимент
стихотворения у меня короткие
ибо редкая контрольная работа длится дольше 45 минут
я не поэт
может
этим и интересен

ДМИТРИЙ БУРАГО

Осень,
в еловые шишки прячутся звуки твои.
Медленно-медленно наплывают на землю листья,
прижимаясь холодными лбами к асфальту.
Облачные странники, пришельцы из детских миров,
тихо улыбаются,
прикрывая собою солнце,
оставляя нас без времени.
А мы
бьемся о хрустальные лепестки воздуха
и даже не слышим,
как хрустят под ногами
осколки.

* * *

А может небо — это состояние?

Между свергнутыми в беспамятстве листьями
и надломанной хворостинкой
весенний жучок озабоченно ползет в сторону,
оттаскивая за собой небо.

* * *

Я бездельничаю.
Из волшебной пустоты вытягиваю нитки,
сейчас она распухнет и
упадет.

ИГОРЬ БУРИХИН

* * *

Лучше всего чувствуешь на кончиках пальцев,
когда тело изжевано жестким нетерпением ласки.
После После — сперва работа —
завязь Голубого цветка, самых страшных
милых энергий, когда, пульсируя уже полу-
обморочно на пике покоя, больно уж
сладко, вытекает из сердца желчный
червячок тоски. И Печаль Печаль
в твой челнок по реке, где церковным басом.
Лучше б не родиться, думаешь, мне совсем.
Снова ноет пустота о рожденье, покуда Свет
Свербит Сверкает Сворачивается. И все слова
заметет, если произносить их быстро,
как напоследок.

ВЛАДИМИР БУРИЧ

МОТТО

Человек
все возможные варианты белого
от красного до синего

Человек
бесчисленные варианты мягкого
от твердого до жидкого

Человек
бесконечные варианты доброго
от насилия до самопожертвования

Все явления и предметы названы криком его горла
Величины длин частей его тела
стали первым масштабом вселенной

МОДУС ВИВЕНДИ

Обитаю
в кубе комнаты
в шаре аэростата
в пирамиде ракеты

Создаю
и люблю
эти формы

Погибаю
при всякой попытке
геометризации
моего
тела

ОДА МАКСИМАЛИЗМУ

Мне хочется сразу все

Я не могу снизить до частицы

И я чувствую
как в моем горле застревают клепанные формы моста
а глаза раздирает пятьсоттридцатитрехметровая башня
телевизионной мачты

И с зенита моего поля зрения скатывается слеза
размывая и коверкая панораму города

* * *

За годы своей жизни
я собрал огромную коллекцию взглядов

Синие
серые
зеленые бабочки взглядов
покоятся в круглых коробочках суток

Одни выглядят так
как будто их только вчера поймали

другие в полете обгорели
с третьих стерлась пыльца

они стали бесцветными
цвета костного мозга
цвета ненависти
цвета страха

* * *

Детство

северный полюс
ангины

к ноге прижался
теплый тюлень
грелки

голову сжали
наушники
земных полушарий

термометр
вынутый из под мышки
показывает
температуру
океана

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Черное
ищет белое
чтобы убить в нем светлое
и превратить его в серое
или
полосатое

* * *

Чего я жду от завтрашнего дня?
Газет

* * *

Долг убивать
Долг сопротивляться

Существо со средней продолжительностью жизни в 60 лет
убивает

существо со средней продолжительностью жизни в 60 лет

Это небо беспринципно как проститутка

Этот дом эта земля беспринципны как проститутка

О тоска

отчаяние

и холод

существа

трансформирующегося в землю

* * *

Ненависть деструктивна

Любовь требует формы

Как трудно творить

на столе

разоренной планеты

ТЕОРЕМА ТОСКИ

В угол локтя

вписана окружность головы

Не надо

ничего

доказывать

* * *

Коробочка

зубного

порошка

ты удивительно чиста

и целомудренна

Нет

не могу...

Где этот тюбик пасты?

* * *

Разве можно сказать цветку что он некрасив?

* * *

Ледник
Римской империи
отступая
оставил в долинах Европы
валуны изваяний

Они стоят
в центре скверов
среди астр и петуний

Запоздалое признание
варварских народов

ЛИЦО И РУКИ

Открою глаза —
цветные осколки
взорвавшейся бомбы дня

Закрою руками лицо —
поймаю ночь
две трепещущие птицы глаз

АРМСТРОНГ

Черный архангел
возвестивший конец Арфы

Прометей
прикованный к трубе

ОДА БИБЛИОГРАФАМ

Библиографы
вы сейсмические станции
регистрирующие затухание старых поэтических вулканов

и пробуждение новых
свидетельствующих о продолжающемся процессе
книгообразования

Товарищ астроном
вы считаете
это вулкан на Луне заработал?
Ошибаетесь
вам любой библиограф скажет —
это вышла в свет
и стала светом
Антология современной лунной поэзии

КАФЕ "СИНЯЯ ПТИЦА"

Трубач ушел с окровавленными губами
Старик дремлет над прорубью рюмки

Девушка
поставив руку на локоть
держит двумя пальцами сигарету:
верую

* * *

Лопата
громоотвод моего отчаяния

Только земля знает
его напряжение
и силу

АДАПТАЦИЯ

Что-то подпиливаем
чтобы не натирало руку
что-то подстругиваем
чтобы не оцарапать колено
что-то подкрашиваем
чтобы не задеть взгляда
что-то подвинчиваем
сшиваем

связываем
утепляем

Так вся жизнь проходит
в изготовлении
протезов
своих ощущений

* * *

Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья

Каким предательством ты купил все это?

* * *

Состарюсь
буду ходить задыхаясь
от астмы
нараспашку
в любую погоду
с тайной надеждой
что кто-то заметит
мою медаль
за оборону
достоинства
человека

* * *

Голуби крысы фасадов
Крысы голуби подвалов

Я ищу идею за которую бы меня распяли

* * *

Книги не заменят отца и мать
Книги не заменят жена и сын

Я зашел
в пахнувший клеем
тупик

* * *

И в стране скрипок
западают клавиши

ЭСКАЛАЦИЯ

Покупаю газету
слышу шум листьев

Разворачиваю страницы
слышу хруст веток

в папоротнике колонок
нахожу труп
брата

* * *

И выпит день

В полоске желтого заката
чаинки-воронье

НОЧЬ

Я лежу на спине
и смотрю в потолок
с ушами полными слез

БЕССОННИЦА

Слушаю
сердцебиение подушки

Вижу
зеркала
беззвучное эхо

Думаю
о рыбах
доисторического океана
с идеей человека
во чреве

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ

Пришел с лопатой
пересадил корни
глаза
сердце

Все перепутал
на месте почки
выросло зеленое ухо

ФОРМУЛА ОХОТЫ

Черта горизонта

Птицы в числителе
рыбы в знаменателе

Умноженные на дробь выстрела
и переменный коэффициент удочки
дают произведение
доступное каждой посредственности

* * *

Я заглянул к себе ночью в окно

И увидел
что меня там нет

И понял
что меня может не быть

* * *

Отцветут
опадут
лепестки галстуков
шелуха костюмов
кожура обуви
и останется
голый смысл жизни
на первый взгляд никому не нужной
как зеленые

несъедобные
семена картофеля

* * *

Музе Павловой

На бульваре
закрыв лицо от страха газетой
сидят
в ожидании смерти
пенсионеры

Старый Христос с Иудой играют в шашки
разбойники хвастаются тем что их тоже распинали
Мария вяжет варежки внукам

У ног ее
дети
из песка строят
Вавилонскую башню

* * *

Музе Павловой

Мы беседуем с учителем на ступенях храма
Ступени доходят мне до макушки
Я вижу огромные пальцы на сандалиях
траву
растущую из ноздрей камня

И не понимаю
ни слова

* * *

А. И. Алиханяну

Сорвите с меня повязку виденного
Сбейте с рук оковы сделанного

О это первое озеро
отразившее первое облако

* * *

Перерезав горло лезвием забора
угасающим взглядом покатился по каменным
дорожкам рая

ни одного жевательного рефлекса
ни одного фонтанчика слюны из алого кита гортани
только призраки цветоформы
только молекула аромата
величиной с розовую венеру
влетела в мохнатую пещеру носа

* * *

и когда упал песок
в часах господа бога
он его разравнял
и сделал
цирковую арену

И В А Н Б У Р К И Н

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ СОЧИНЕНИЕ

В каменных крестословицах
Нью-Йорка,
где услужливые окна трут
вечером
друг другу спину,
где правая сторона продает левую,
где левый глаз отказывается
помогать правому,
где нули капают как слезы,
а слезы похожи на горькие нули,
где в кудрявом блеске
саксофонов
отворяются лица негров,
где, открывши рот, красавицы
обнажают как пулеметные ленты
зубы,

где кто-то из Пятой симфонии
Бетховена
упорно стучит в мою грудь,
где память подает мне на золотой
ложке
душистые стихи Хлебникова,
где в темных барах я опускаюсь
на живописное пьяное дно
и нахожу затонувшее сокровище,
сверкающее пронзительным вином
и чистой душой —

в каменных крестословицах улиц
небытие определяет
сознание...

ЛУНА НАД САН-ФРАНЦИСКО

Чуден, как Днепр у Гоголя,
город Сан-Франциско под луной.
Луна словно Оксана
смотрит на него из небесной Малороссии,
и Сан-Франциско как парубок в белой свитке
стоит, измученный ожиданием
и опоясанный блеском.
Какая струна кольнула его в сердце,
какая волна кидалась к нему на шею в светлые ночи —
он весь охвачен томлением,
и улицы его как кисти цветущей акации
висят над хлебосольным заливом.
Николай Васильевич!
Встаньте,
возьмите перо,
забудьте про Оксану и луну в Гамбурге
и посмотрите на луну,
которую делают в Сан-Франциско,
на Тихий океан,
который объездил весь земной шар,
но вернулся опять в Сан-Франциско,
чтоб лежать, как влюбленный,
у ног любимой...
Эх, луна!
Эх, Сан-Франциско!
Эх, Николай Васильевич!

ВЕСНА

В гнездо из пальцев
прилетел карандаш
и начал чирикать.
Дерево позвонило портному
и заказало себе юбку;
портной позвонил дереву
и заказал грушу.
Гроб заказал себе покойника.
Кто-то сочинил страну для скрипки.
Вера надела выражение Лизы,
потому что Лиза
одела своим лицом кавалера Веры.
Пиджаку дали адрес,
и он поехал искать
две руки, спину и грудь.
Глазам дали задание
расставить мебель азбуки,
задержать уезжавшие буквы
и доставить их в голову.
Полицейский играл на пистолете.
Река текла к Пушкину,
и разочарованная пуля
покончила самоубийством.

В О Л Ь Ф Б У Х М А Н

* * *

Господи,
удали из памяти
все, что было со мной
в этой жизни, —
оставь только
велосипед и стихи.

КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ

Я объяснял утопающему,
как ему следует тонуть.
Я говорил:
никак не могу согласиться

тебя спасать,
если ты будешь так неразумно тонуть.
А утоающий
привык тонуть
вполне определенным образом
и никак не хотел
тонуть по-другому.
Мои слова его оскорбляли
и раздражали.
До сих пор
мы стоим друг над другом
и молча спорим.

В А Л Е Х

* * *

Когда кого-нибудь ждешь, то ищешь глазами знакомую
тьень. И выслушиваешь шаги.

Солнце стоит в зените как тысячу лет назад.
Люди шумят как тысячу лет назад.

И я жду.

ПЯТНО

Взбежать на вершину скалы
или взойти,
с открытыми глазами,
или вслепую,
лицом,
или спиной
шагнуть в темноту?..

А может,
оставить кистью белесое пятнышко
на черном холсте,
черную точку на белой бумаге,
завязать последний узел
в светлой паутине судеб
и поплыть,
как легкое облако
к синему
морю...

ЗАМИР ВАЛИЕВ

УТРОМ И ВЕЧЕРОМ

Выхожу из дома,
иду на работу.
Вырастаю до размеров:
автобуса,
улицы,
города,
нации,
страны...

А вечером,
возвращаясь с работы,
вновь уменьшаюсь до размеров:
дома,
семьи,
макарон
и щеток
для чистки зубов...

СЕРГЕЙ ВАНЦАК

* * *

не спеша прогуляться
по символам троп
и углубиться в звуки
символов птиц

Господи, живое осталось
в мокрых следах
от быстро текущих слез

предупреждая всех об измене
заговорю о рассудке
и скоропостижно вольюсь
в отметины
метеорных линий на облаках

Боже
сотвори мне правду
по своему подобию
добрую
в символах лиц друзей
преданных мною
и в ожидании
милости свыше
глядящих вверх

* * *

в нагом рассвете
плавал горячий ветер
косоугольной бабочкой
прыгая с крыши
метил в прошлое
голубое и розовое

ЖАРА

ломаный ряд
мелодий
долгая
перфолента фраз
лапами запятых
тропы
осатанелых ос

ПЕРВОМАЙСКОЕ

нарядная
народная fuga:
"песня про сало"

* * *

социализм
рождает
иное качество цели —
всем
каждому вопреки

В Я Ч Е С Л А В В А С И Н

* * *

С легкостью день
переходит в ночь —
и наоборот.
С легкостью зима
сменяется летом.
Вырастают деревья,
зацветают цветы.
С легкостью необыкновенной
происходят землетрясения.
И даже шампиньон приподымает асфальт
с легкостью.

* * *

Окружить себя детьми:
пятилетними...
десятилетними...
пятнадцатилетними...

чтоб видеть,
что такое пять лет,
что такое десять лет,
что такое пятнадцать лет...

чтоб видеть,
что это не так уж мало,

чтоб видеть,
что не так уж мало
осталось жить.

СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

Встретить
в феврале
на заснеженной улице
бегуна в желтой майке,

исчезающего
в паутине берез
в направлении роддома.

* * *

Я и смерть —
мы избегаем друг друга:
карлик и великан, стоящие рядом —
...слишком смешны.

* * *

Приветствую вас, вещи — приближающие горизонт,
И вас, вещи — овеществляющие поворот,
Все непрозрачное, то есть цветное,
Я приветствую вас, полноценные объекты!

* * *

Мой редактор живет в каморке,
В низеньком доме,
на первом этаже:
Стол, раскладушка, дверь без замка —
Входи, случай!

Мой редактор задумчив —
Часами может следить
За розовой бабочкой, поселившейся
На ситцевой занавеске...

* * *

Весною
осыпан осенними листьями...

ПО ДОРОГЕ В ЯЛТУ

Автобус — освещенная комнатка.
Ночь.

Шум мотора, разговоры и жужжание. —
Вслед за ласточками на юг
уезжает последняя муха...

ВЕСНА

Оранжерея в сумасшедшем доме.
Сумасшедшие выращивают цветы.
Завхоз: Автор.

Глав. врач: Морковкин...

Бесшумное солнце.

Март.

Оранжерея.

* * *

Нищий в подземном переходе.
Выручка пятнадцать копеек —
хватит на булку с водой
на два дня...
Бесконечная продолжительность жизни.

* * *

Сентябрь объясним —
как бабочка,
как божья коровка,
как дым от костра,
как папоротник...
Глупо,
но сентябрь объясним.

* * *

Годы идут,
с корнем выворачивая из жизни
людей и предметы.

ИГОРЬ ВАССЕРМАН

* * *

Что подарить тебе?
Вечер?
Но без поцелуя он остается ничей
И ложится на плечи,
Беззвучно уткнувшись в стекла,
Как кошка в пустые ладони.

ПЕТР ВЕГИН

* * *

Вот и осела земля на могиле отца,
и стрелки травы показывают полдень.
Или полночь? Спроси звезду.
Спроси траву об отце. Скажи
траве о себе. Чем набухло сердце,
что не дает спать разуму — все
скажи траве. Скажи отцу. Эти
зеленые перископы земли когда-нибудь
поднимутся и над тобой. И пусть будет кому
спросить траву о тебе.

СЭДА ВЕРМИШЕВА

* * *

Ш-ш-ш...

Со всех сторон, со всех концов
Течет песок.
Песчинки собираются в лицо
Пустыни...

* * *

Усталая лошадь,
Возбужденная виденьем собственной тени,
Отчетливо-весело ржет
И пускается в путь
По своим отголоскам...

ЕВГЕНИЯ ВЕТРОВА

* * *

Я скоро уеду от милых каштанов
Струящихся в небо
Осеннее
Низкое
Несинее
Сквозь белесую пелену
Продев голову
Руки
Прижмусь лицом
К прозрачной сфере
Чтобы внимательно рассмотреть космос
Игру звездных тел
И как солнце сражается с кучевыми облаками
Долго не двигаясь
Буду смотреть в это окно —
Как в детстве — в окно своей комнаты
Ожидая от неглубокой перспективы
Бескорыстия и доброты

ИГОРЬ ВИНОВ

БЕЗМОЛВИЕ

Само безмолвие покусывает бритвенную травинку.
Ему не мешают горизонтальные песни насекомых.
Шелковая гусеница заползает в себя
и уже окрыляется бабочкой веселой (такая у нее религия).
Между стволов арахна с крестом на мозаической спине

(это не имеет никакого отношения к христианству)
пожирает любовника, тем самым разрушая созданную
из себя самой геометрию —
О, не знающая границ, всепоглощающая любовь!
Отзываясь на медное "ку-ку", наш взгляд ищет клаксон
(как на первых авто) и отказывается верить
в серую внешность птицы.
Выбрав фотогеничную позу, замирает ящерица.
Вероятно, она изображает чудовище из очередного
кинокошмара,
но исчезает или преобразуется в шорох —
Неужели это неожиданное кокетство и есть мимикрия?
Безмолвие длится, как остановившееся мгновение.
Уже слышно, как работают дождевые черви,
как почва повторяет их тела.
От безмолвия тяжелеет небо
и прогибает контур проплывающего листа.

* * *

Неужели, рожденный под фосфорным молотом, ныне
запущенный в кроссворд автострады, кузнечик
не имеет никакого отношения к Вивальди?
Неужели мы уже никогда не вернемся в насекомое детство,
где муравей с оторванной головой продолжает шевелить
лапками,
а ты на корточках разгадываешь осеннее кладбище
сороконожек?
Я отказываюсь верить в то, что души стрекоз, муравьев,
бабочек,
пауков, цикад, гусениц не вибрируют в транзисторных лесах,
что автомобильный рев не приобщает нас к гармонии
беспризорных звуков.
180 километров в час.
Соло для одинокой скрипки со стрекозой.
Слышите, как гудит надвигающийся муравейник?!
Звук олицетворяет движение.
Безмолвно ложатся на лобовое стекло прозрачные ризы
дождя.
Никто никогда не узнает
сколько музыки гибнет в автомобильной катастрофе.

САМОВОСПОМИНАНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ КАК ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В автомобильной катастрофе машина обретает свободу
воли Из нее выпадают неподвижные боги

а я возвращаюсь в себя по коридору замедленной смерти
по коридорам детства

где даже при электрическом свете не исчезают тигры
где пьются воды а люди растут из песка и смотрят
на мир словно рыбы впервые

где некто заносит надо мною нож и в последний миг
я узнаю в нем отца

Так продолжается жизнь после смысла Пробуждение
длится от удара колокола к истокам сновидения
и уже на стыке зрения и слуха я исчезаю в заплакавшем
сыне и вспоминаю что мир состоит из атомов а человечество
это машина из которой выпал неподвижный бог

ИГРОКИ

Пифагорейской вогнутой зернью транскрибируя слух,
они выкладывают лабириму, в которой суслики пожирают
египетскую
куклу, они избегают квадратных решений, ибо только
домохозяйка
может вычислить кубатуру страха.
Гербовый отставник гадает над мандалой, разворачивающей
Вселенную,
читает костяной веер и опрокидывает планы
противника — четыре-пусто
(влияние оказывает расщепленный портвейн).
Балансируя кровью, он взвешивает рыбу с отмороженной
головой,
а там, за кадром: новостройки, искусственные моря,
колхозы, поезда
и игроки — игроки в домино.
Возможно, в Марьиной Роще они сидят с миндалевидными
глазами
и повторяют комбинации седого полковника. Не ведая, они
расшифровали
свою эпоху. Над ними кружится осенняя птица, ей чудится

звездное
небо, и стол, вздрагивая, внезапно, как минное поле,
обретает
астральный порядок.
Птица — бледный Гастелло над вражескими поездами —
О восточный соблазн камикадзе!
Игроки голозубо уставились в птицу. —
Возможно, так на Олимпе рассматривают раненый
самолет, и эта
сумасшедшая бабочка — помеха в беспечной игре.
Мутнеющий взор, свирепые белки — “Это происки врага”.
Шесть-четыре — в архитектуре костяного свиста зависает
бледнеющая
птица.
Она умирает на лету и в этот момент
видит разрушение чисел
и гибель Вселенной.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ ИСЧЕЗАЮЩЕГО ШАРА

Для того чтобы из груди выпустить рогатую птицу
следует преодолеть утвержденное жертвенной кровью
сходство зверей и людей сходство обретающее
столь страшный смысл в образе содомской красоты

словно продолжая танец приближается плавно
смуглая девочка-подросток В руках у нее этот мир
и поднос с головой Иоанна Но за чертой повседневного
страха ветер рисует мою пустоту
взгляд упирается в голые воды
возвращаясь в меня неизвестного мне
пощечиной веткой сирени прекрасно летящей во тьму
или прохожим выпавшим из толпы

А воды гнутся и время течет между глаз
в прозрачной машине вселенских законов
где звезды вырабатывают судьбы
а собаки несчастны как люди
с перевернутым сердцем я наблюдаю как сатана
исповедуется перед зеркалом Плоским лицом
настигая безумие разгадывает меня в различные эпохи
и опять между сном и его осознанием
целует ей руки моими губами в тишине на двоих
о которой вопят: нож на крае стола (зачем неизвестно)
свеча чтобы смотреть на свечу чей-то ангел рожденный в

печали шар хранящий во тьме пустоту лицо на пределе ума
отраженное в медленном шаре и прочие знаки вины

Одиночество имя испуганной птицы готовой исчезнуть
для всех и себя И прежде чем я оглянулся на свист
и увидел тебя обнаженной душа раздвоилась и птица
забилась в груди Чужими руками узнавала ты
собственное тело Все произошло слишком просто
чтобы в этом раскатыться я увидел тебя прежде чем

Видишь мир получился вращается шар и уже не прекратитъ
исповедь не погасить свечу ибо кончилось небо
и космос повис в пустоте словно маг прекративший
мышление Выдох Уже никого никогда разбудить
невозможно

Свеча догорает и шар за пределами шара исчезает
бесшумно текучь зеркала а нож на столе неподвижен

* * *

Человек созерцает себя на ладони
и рисует себя, заключенного в образ,
миллиардами свадебных глаз.

О, звездоглазый, звероглазый, древоглазый,
каменноглазый!

О, двуглазый слепой!

Ты восходишь по лестнице-лестнице глаз в архитектуру
света,

где каждый вздох, каждый камень, каждый день, каждый
плач —

это изнанка неба.

Где птица, прозревая имя, обретает полет,
а цветок запах и цвет,

Где звезды долгие времена вычерчивают
ускользающую розу,

а луна это жадный колодец, завлекающий смертью.

Только имеющий безмолвное ухо,
легко и свободно слушает звезды.

Ты уже знаешь, как просыпается семя,
как, осознав одиночество, оно взрывается деревом

и, умножая листы, возвращается к небу.

Как лучи прорастают в сосудах и обретает цвет...

Ты увидел себя на ладони,

и уже ни один из миров не вмещает твой вздох.

Так Архимед, погружаемый в воду, вытесняет собой
архимедово тело.

Пусть ладонь возвратится в ладонь.
Пусть цветы расцветут именами.
Пусть взгляд не спотыкается о вещи,
но продолжает себя в их непостижимости.
Мир открывает себя через любовь
и это вспоминает зверь перед лицом ребенка,
а человек перед лицом...

УЕДИНЕННЫЕ БОГОМОЛЫ

Я умер однажды и вижу теперь наяву
каждую деталь возлюбленного тела
проволочные усики золотистые волоски на подрагивающей
лапке
синие крылышки на спине сложенные аккуратно
Словно причинноследственные отношения мы сочетаем
твердые
члены и это последний способ взаимопонимания
ибо мир лишь повод к преступлению и любви
это так очевидно
в последнее время архангел не смотрит на часы

САДА САДОВНИК

Он встречает восход до восхода,
повторя губами движение трав.
Вставляет в цветы волосатых шмелей
и весомо напудренных пчел.
Раздвигает листву для зеленых плодов,
круглых, как небо.
Кормит слящимся мясом клубники
панцирный взвод муравьев
и долго рисует их бархатный след на песке.

ФРАЗА НА СТЕКЛЕ

Сквозная боль продолжает тебя
неумолимо и бессмысленно
некто водит пальцем по стеклу
возникает страшный знак
постигая его мы становимся чужими

* * *

Небо похоже на то, что не существует.
Оно голубое, как мята в июле.
В небе летают птицы.
Когда птица летит, ее нет нигде.

* * *

Небо,
дерево,
я
встретились в полдень,
в конспиративном лесу.
Дерево — без кожи,
я — без коры,
небо — без облака...
Пароль:
"Пустоты нет" ...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В НОВОМ СВЕТЕ

*Ворота его не будут запираются
днем, а ночи там не будет.*

Откровение. Глава XXI, 25.

I

Вдоль побережья камни и воздух
отсутствие бывших людей
неизвестных богов и
собаки которая лает на воду
все готово к закату особенно небо
словно голые женщины
из отчетливых снов заключенных
деревья стоят у тебя за спиной
им как слов не хватает ветвей
но даже единственной веткой
возможно обнять пустоту
и разрывая пространство и ветер
обозначить внезапную тайну вселенной
обозначить внезапно
тайну внезапной вселенной
о точность лишенных значения линий
боль сохраняя в груди и вдали
метнуть
эту детскую молнию в мир

в неизвестных ворон
чья речь закликает
черно-белую вечность
и вернуться в игру не играя
 то есть жить
смотреть на людей без улыбки
курить
 и не видеть что
между пальцев твоих
пустота
 папираса
 опять пустота
ты можешь расставить вдоль моря
темные венские стулья
ожидание станет наглядным
на миг
обретая наивную веру
и львиную гриву
 стопой прикоснуться к волне
 вспомнить круглый живот и руки
 которые некуда спрятать
как слова или ветви
ты можешь придумать чужие стихи
и не встретить меня
 за словами
затем
 словно корень который вопит как дитя
себя извлекать
 из рубашки
 из ума
и в момент совпадения тела с его неизвестным
войти в раздвоившийся корень огня
уже вне блаженства и формы
ты настаиваешь меня
повторяя орнамент ковра
 на котором встречаются
до пробуждения
 ускользаешь в подобиях
умерших в танце зверей
расплетая пространство дыханий и вздохов
восходишь
 в цветущие раны безмолвия
я тобою исторгнут из плоти крошечной
о семя пылающей тьмы
ты уже не вернешься
возможность реальна
 и я на закате смотрю на закат.

II

Золотистые блики и стоны цикад
извещают безмолвие бездны
а море висит словно сад
 между адом и раем
 когда ты проходишь по саду
 неволью касаясь деревьев
 превращая пейзаж на закате
 в портрет уходящего зверя
однако невинные ступни
оставляют хромые следы
шаг
 еще
 и начнется безумие но
под пристальным небом
границы игры очевидны
словно черт в зеркала мы закованы в первый сюжет
все случается ныне и присно
так собирая себя из осколков безмолвного взгляда
ты спускаешься к морю
и за твоей напряженной спиной
из-под власти имен вырывается ад

III

Волна круговая
от камня бежит замыкая
пространство ударом
период
в безмолвии сердце теряет свои очертания
от горизонта до горизонта
вод летейских прилив и отлив
неизвестно
 вино или небо
 Господь или мир
опечатаны камнем
 во тьме
приближается тьма
и встречаются вещи
 себя покидая
пальцы струятся в ладонь
это спящая женщина смотрит на руки
и уже наяву пленяет холодную рыбу
во тьме
выгорает до тла
одинокчество

смысл неподвижный имен
и становится камень прозрачным но
синее золото в складках пелен
но золото золота глаз ее
льется глаголом из тьмы пророк
вечная бабочка бьется в висок
спящего в мире иудея

тщетно

не рыбу но сына
от Духа и Девы
он стережет беззаветно

как зверя

во мне прекращен
просыпается некто
во тьме
и вспомнить пытается кто я и где я

отчаянно

в поисках сердца выйти из круга
восьмерками бродит по крови
очерченный образом камень не тонет в груди
в женском теле пытая ничто
отдается богам и дождям
на границе любви и соблазна
ее настигает Рембрандт

это страх перед чистым холстом
пролетаю без слез

над мерцающей плотью

мимо снов и души на прозрачных ветвях

ожидание длится
инфанта молчит

задыхаясь в горячих шелках
и шуршание платья сливается с шелестом
перепончатых крыльев

во тьме ад разомкнулся

вода замолчала

это понять невозможно
после Голгофы и замерших птиц
наступила суббота
словно зуб в нерассказанном сне
в небо дня выпал камень
из тверди священного взора

чей младенец похищен

Мария глядит в тишину

о синее золото в складках пелен

о золото золота глаз ее

ангел во гробе а за спиною

сад и

IV

Инея цепь.
Цепенеет прозрачное слово.
В звонких созвездиях мертвой воды
дерево спит,
 словно дева в объятиях зверя.
Голубоглазый лосось в лапе льда
просит пить, и
 бледнеет звезда до рассвета.
Жизнь прошла —
только Данте по зеркалу бродит,
смотрит под ноги —
 корчится ад под ногами.

V

На границе миров поцелуй и укус
где пчела с окровавленным ртом
убивает пространство в магическом танце

Путь к цветку дольше жизни
поскольку кончается Вечность безмолвно
цветоносным кружением
наркотической раной цветка

Ты следишь за пчелой
а в тяжелые медные соты
заползает змея
боль и стыд заползает в Адама извне

За отравленной следуя кровью
он себя узнает по частям

В небе небо мелеет
и горбится твердый рельеф

Все пути и дороги уводят из сада

Лишь однажды во сне оглянувшись
я вспомнил
мы листья которые падают тихо как листья

VI

Здесь
 на чистом как смерть берегу
среди белых камней можжевельных терпких кустов
начинается небо

Попал в самую середину
Пыльного стада овец.
Овцы равнодушно обтекали меня,
Как островок,
С обеих сторон.
Они тыкались своими тупыми
Курчавыми мордами
В меня и друг в друга.
Они шли, как шли по этой дороге
Тысячу лет назад.
И две тысячи лет назад.
Они текли, как текла бы
Долина вместе с травой,
Как текли бы холмы,
Как небо с облаками...

Пастух схватил одного барана
И вынул складной нож.
Другой пастух стал разводить
Костер для ужина...

Но если поднять лицо человека,
Как крышку бака,
Под ним будет клубиться
Хаос.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОЧЕВИДНОСТЕЙ

Меня со всех сторон окружили очевидности.
— Это же очевидно! — я слышу, как восклицают
То тут, то там...
Я не верю в очевидности.
Я не верю, что земля стоит на месте, а солнце восходит,
Хотя я убеждаюсь в этом всякий раз —
Стоит лишь мне выглянуть в окно.
Я охотник за очевидностями.
Надев акваланг и ласты,
Я спускаюсь с духовым ружьем под воду.
Я выслеживаю очевидность, крадучись и петляя.
Прицеливаюсь и, когда она разлетается, как тарелка,
На тысячи осколков,
Я издаю крик радости: — Одной меньше! —
И делаю зарубку на ложе приклада.
Но когда я поднимаю глаза,
Вижу, что осколки
Опять слетелись, — тарелка невредима.

И опять слышу вокруг себя, как восклицают
То тут, то там:
— Это же очевидно!

* * *

Посреди московского двора
Мальчик ест ломоть арбуза,
Как будто играет на красной губной гармонике.
К нему подходит другой мальчик
И просит дать откусить.
Первый что-то мычит и отрицательно мотает головой.
Тогда второй ударил его.
И оба, схватившись, покатались по земле...

Я хочу написать когда-нибудь книгу,
Где было бы все о времени.
О том, что его нет.
Что прошлое и будущее —
Одно и то же сплошное настоящее.
Я думаю, что все люди — те, кто живет, те, кто жил,
И те, кто еще будут, — живут сейчас.
И я хотел бы вычерпать тему времени до дна,
Как вычерпывают ложкой солдатскую баланду.

Неужели один из тех мальчиков — я?

Если бы вечность имела бюрократизированный вид,
То можно было бы там найти галошу Савонаролы,
Портянку Шекспира, пенсне Гомера.

МОИМИ ГЛАЗАМИ

Я весь умру. Всерьез и бесповоротно.
Я умру действительно.
Я не перейду в травы, в цветы, в жучков.
От меня ничего не останется...
Я не буду участвовать
В круговороте природы.
Зачем обольщаться.
Прах, оставшийся после меня, — это не я.
Лгут все поэты! Надо быть беспощадным.
"Ничто" — вот что
Будет лежать под холмиком на Ваганькове.

Ты придешь, опираясь на зонтик,
Ты постоишь над холмиком,
Под которым лежит "Ничто", потом вытрешь слезу...

Но мальчик, прочитавший мое стихотворение,
Взглянет на мир моими глазами.

ЮРИЙ ВИТЮРИН

НЕЖНОСТЬ

Когда я вернусь домой
Из далекой долгой поездки,
В которой,
Чтоб легче жилось,
Я старался забыть,
Что у меня есть дом и семья,
Я почувствую нежность,
Щемящую нежность
Ко всему,
Что старался забыть
И терял хоть на время.
Я почувствую нежность,
Неуемную нежность —
И мне станет страшно:
Как я мог
Прожить без нее
Так долго!

ГЕОРГИЙ ВЛАСЕНКО

* * *

распахнутые створки раковины —
любовники лежат устало.
так, выброшенная на поверхность,
дышит рыба.
ослабло поперечное кольцо объятий
(набит на бочку последний обруч,
и на волнах качаются у горизонта, в размерах
уменьшаясь, Гвидон с царицей).
спало их бившее не электричество, а

то, что разбросало одежду по полу
и силой центробежной сбило набок и в ноги
простыни и одеяло,
и волосы взъерошило и разметало,
как водоросли по гальке после шторма.
иссякла музыка, замолкли инструменты.
аккорд последний взят.
пальцы влюбленных переплелись,
как плющ и кружево ограды.
в зазоре между берегом и морем
отхлынувшим — отдернут полог — приникли
молча друг к другу смычок и корда.
цитра пересказывает лютне Кама Сутру.
в тайне, в костном мозге, реке подземной,
спрятанной в позвонках — колках,
уже рождается мелодия другая,
еще не сыгранная пьеса для рук, колен, ключиц и губ.
в токе крови зреет ее голос.
в последние мгновения перед грозой
сплох разрывает плотное, густое небо,
из темноты выхватывая стога
и очертанья леса:
и вот два тела приподняло невидимой волной,
наполнило, переплело, сомкнуло.
так занавес ревнивый, падая, скрывает
виртуоза от вожделенных взоров зала.
мышцы расслабились, отдыхает разглаженная
кожа, как партитура после правки.
под утро маэстро дрожащей спичкой зажигает
в губах подпрыгивающую нервно сигарету.
сползает капля пота по виолончельной деке
между лопаток разведенных — планета родилась.
слизни ее, она из переплавленного снега,
речная мелкая жемчужина, горошина, — и ищет русла.
а разве мы не реки?

* * *

проезжая по России в такси,
на заднем сидении лимузина,
приклеившись к стеклу вроде плевка
в корзине, смотрю на пашню, грача —
фрачного гражданина, и ветлу, торчащую
песу для расстроенного пианино
голодный котенок у меня нет молока —
я мужчина, и плачу, верхнее, глотаю слезы,

потому что иначе шофер примет меня
за психа или начнет расспрашивать,
а что я ему отвечу? я и сам не знаю,
куда еду, широка страна моя родная,
километры врассыпную убегают,
как из школы дети.
по ночной автостраде Икарус чешет.
дождь на стекле играет в стеклярус.
ускоряясь, уезжая на север от лета.
на попутках и электричках.
из Москвы в Петербург катит Радищев.
спицами мелькают столбы верстовые.
Трезоры. Полканы лают, и важные
постовые строго смотрят на горизонт.
станционный смотритель, высморкавшись, открывает
зонт, природа поздней осенью грустнее
крепостного народа, потому что в ноябре
дело идет к концу года.

ВЯЧЕСЛАВ В. ВОЛКОВ

* * *

Темная комната
Превращается в бездну Вселенной
И где-то там на самом дне в углу
Копшится маленькое жалкое существо
И кроме него нет никого
В этом безграничном мраке
Зябко съжившись под одеялом
Я опять вспоминаю
Самого последнего мамонта

* * *

Прошлое не возвращается
Оно только остается
Оно намертво срастается с настоящим
И пытается убить будущее
Я — сегодняшний
И сразу же вчерашний и будущий
Я вечный

* * *

Просто все просто
И любимый кактус
Цветет раз в год
И пыль на полке
Вспоминает свежесть
Прошлых ночей
И чистые страницы
Останутся чистыми
А конверты ненадписанными
И вместо петуха трамвай
И в зеркале
Чужое отраженье
И луна воеет
На свет в моем окне
И я молчу
Стараясь молчать
Завариваю крепкий чай
И слушаю сонату будильника
И скоро опять вставать
И выходить из дома
И куда-то идти
Чтобы где-нибудь на остановке
Или в магазине
Или под светофором
Или все равно где
Вспомнить тебя
И понять что тебя еще не было
Понять что просто все просто
А казалось таким запутанным

МУЗЫКА ТОСКИ

Чья-то тень
пропускает между пальцами пепел
и плачет

ВЕРА ВОЛКОНСКАЯ

* * *

Как холодно
и какая лень
откапывать мамонтов и друзей

откладывать нежнокожие мечты
и ждать кто из них вылупится
в пустыне
посреди миражей
мне, человеку, — не больше, не больше
как холодно
и какая лень...

* * *

Выходя замуж
выбираешь не мужа
а образ жизни

* * *

Совершенное сердце?
Оно, наверное, белое...

МИХАИЛ ВОЛОВИК

* * *

В мире, созданном нами, в мире,
задуманном нами как "аз"
и исполненном в стиле "предел",
мы танцуем свое,
абсолютные боги любви.
Затвори парадную дверь в этот театр,
погаси их свет,
мы уходим сегодня с тобой в монастырь
Монотипии Чистых Границ,
в тишину и покой,
где время не властно над нами.

ЛЮДМИЛА ВОЛОШИНА

* * *

Растения не знают
о смерти
животные не знают
о смерти
человек знает
он говорит
— Не бойтесь мы будем вместе
— О чем ты? —
спрашивают глаза
лошадей и ромашек.

ИСАННА ВОРОНОВСКАЯ

АКВАРИУМ

Храм пленников в живородящем
трансе
нерасторжимость сна и стен
стена догнала ползучие объятия
водорослей
в стекло уперлись недоуменно
в неоновом зуде подсветки
забыли раковины свои певчие
дары
вцепясь в песок качаются
гордыней
в зеленой воде близорукие жабы
замшелые мечтательные идолы
набухая блаженным хохотом
отщипывают пух небесных
отражений

ВАДИМ ВОРОНЦОВ

ИГРА

Дети
остановились на берегу,

чинно расселись на скамейках.
Они призывают всех к спокойствию.
Они вынимают из карманов шарфы
и вешают их на шеи.
Они вспоминают вехи:
водят по воздуху ветками
(они думают, что это трости).

Они говорят:
"Раньше было лучше"

МЯТЕЖНАЯ

Девушка с белой розой
наклонилась над всеми цветами,
спутала с ними волосы.

Ее спокойные губы
снимают с тихих цветов
капли прохладного солнца.

Пчелы плывут и плывут
по теченью ее дыханья.

Она наклонилась над цветами,
над всеми цветами,
спрятала в них глаза.

КАК ЭТО — РАНЬШЕ УТРА?

Утро,
рожденное в тонких крыльях,
тише пчелы в ожидании дани,
утро,
простое как песня прохлады.

Видели,
видели вы когда-нибудь
орхидеи у водопада?

НИНА ГАБРИЭЛЯН

* * *

...И я хотела уйти,
Но женщины из моего рода —
Все вместе:
И старая прабабка,
И покойная бабка,
Которую в юности бросил муж,
И все остальные женщины
Из моего рода —
Меня ухватили за руки
И толкнули меня к тебе.
Ты посмотрел на меня удивленно
И мне вновь захотелось уйти,
Потому что увидела я,
Как в глазах твоих, помолодевших внезапно,
Осторожно и мягко ступая,
прокралась пантера

И скрылась.
Да, я хотела уйти,
Но женщины из моего рода —
Недолюбленные, недоласканные,
недоцелованные женщины —
Подняли плач и вой.
Они вопили, стонали, дергали меня за рукав...
И разве могла я уйти,
Если женщины из моего рода,
Все женщины из моего рода,
Изголодавшиеся женщины,
Хотели твоей любви?!

БАРЫЙ ГАЙНУТДИНОВ

СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Многие вещи, которые были нужны когда-то,
пропали, отпев свои нежные песни,
как загулявшие рекруты.
Кто напомнит о них?
Пусть они рассмеются еще раз.

В который раз после бабушкиных похорон
не открывался, с о в с е м не был нужен
сундук, пахнувший цветами и слезами,
никто из мальчиков не пронесет на боку
трофейную офицерскую сумочку,
придерживая ее за изысканный ремешок.

Куда пропал дружок моего детства? —
имя его стало ушедшей вещью.

Сегодня никто не вернулся домой —
просто пришли и курили.
Никто не забыл пообедать.
Не расхохотался от нечего делать.
Не видели крысу.
Никто не уехал к морю.

Кажется, что никто не влюблялся
и не погибла ничья молодость
в этом мире целых и сломанных всяких вещей.

УВИДЕВШИЙ СЫРЫЕ СНЕГА

Куда вернулись эти сырые снега?
Что они нашли здесь, кроме свежеиспеченного хлеба,
этих рябин, этой слякоти, там, где отлетело тепло,
и уже не хочется думать.

Снег вернулся чистоплотный,
кошачий деревенский снег, шитый белыми нитками,
снег накрывший собою древние бриллианты росы,
снег, замутнивший небо, и снег,
вселившийся в бриллиант ноосферы. И вот,
когда-то, утверждая свою узорчатую правду, труженики
убили Гесиода — провозвестника нового труда на земле.
А ведь он любил их сестру.

Торжествуй, природа, свои труды и дни!
И все-таки наша жизнь очень далека от древнегреческой,
мы живем на универсальной русской планете,
где соседствуют эвкалипт и подорожник.

Мы все едем в одном, набитом людьми,
трамвае, и уже не хочется думать, просто сознаешь себя
едушим среди снега. А в комнате дубовые листья осени
на столе смешались с кленовыми,

гуляет кошка с урчащим гироскопом
в голове; пересмешники, все мы умерли когда-то
в дереве, все мы гордились бриллиантами росы,
завернутыми в эти сырые снега...

БЕГУЩИЙ

Узнайте, как это происходит:
все начинается с темноты, в которую впрягается
ваше тело,
темнота эта полна влекущих огней и влекущего шума,
и запахи
еще ничего не говорят вам, а праздника нет
и в помине;
но вы становитесь умнее,
оказывается, темнота эта полна брезжущих цветов,
не слышимых
до того нежных мелодий, и — что это? — вот он,
цветок,
на темном ветру трепещущий, но праздника нет
и в помине,
потому ваш голос слишком еще шелестящ;
но вот вы уже прорастаете среди ясно видимых ночью
цветов,
и вот уже пахнет прозябающей розой, но беды еще
совсем никакой,
ведь то, что вам снилось, сбывается наконец,
легко и страшно,
но темнота продолжается,
и это вас успокаивает, потому что не вы один не
понимаете и
забываете; и вот перед вами река; кто-то там, далеко,
наклонившись к воде, будет улавливать ваши лепестки —
чужие лепестки на темной воде, тающие в цветочных
пальцах, а вас уже нет и
в помине. Ваш бег проглотила темнота.

ОДА МЕРТВОЙ БАБОЧКЕ

В тот год (198...) в этом городе я потерял тебя и не отыскал
другую: ни на улице, ни в метро, ни в театре, ни в квартире,
ни в песне, ни в институте, ни на воде, ни в небе. Нигде.

Понимаешь, я теперь возвращаюсь к тебе: бывшей, сгоревшей заживо, разбившейся, покончившей с собою в только нашей с тобою — твоей и моей — жизни, полной обоюдных садовых измышлений.

Ведь ты казалась бессмертной, казалась не самой красивой среди самых красивых, не самой доброй среди самых добрых, не самой краткой, как бабочка, шелковая садовая дурочка, среди всех самых бабочек.

МЫ ЗАБЫВАЕМ ПРО ЧУЖУЮ ОСЕНЬ:

осень сидящего в клетке попугая,
бездомной собаки, памятника великому поэту,
кошелька, туфельки, крысы, немного кинематографа,
дервянной лестницы в саду, опрокинутого в пруд
дерева, неосуществимой мечты, родных деревьев,
далекой страны, где не пришлось никогда любить,
другого кошелька, разметаемых ветром листьев,
непришедших писем, ручейка, скамейки в парке
и осень плачущего невидимыми слезами старика.

РУСЛАН ГАЛИМОВ

ЗВУК

Я родился 24 апреля 1946 года

Звук увесистой пощечины
взметнулся вверх
над местом происшествия.
И первое, что в голову пришло:
"Ну вот я и родился!"
"Вот и родился..." —
повторили деревья.
"Ился, ся, ся, я..." —
откликнулся асфальт.

Те, кто не спал,
выскочили на улицу.
Будильники разбудили остальных,
заплакали дети,
у кого-то прокисло молоко,

и кто-то в эту ночь
выиграл по лотерейному
билету.

Зазвонили телефоны
в пожарной команде,
в роддоме, в милиции,
в отделе перевозок, в морге,
где в последний раз
перевернулся мертвец.
Звук удивился резонансу,
испугался самого себя и
кинулся по широкой улице,
по пути наткнулся на ведро,
опрокинул его на кошку
и, больно ударившись о
водопроводную колонку,
дико закричал, задрожав
от ужаса.

Какой-то озорник
принялся палить по воронам,
которые от удивления
начали лысеть, и агент
по заготовке перьев
решил в этом квартале
перевыполнить план.

Город ощетинился ухватами антенн
двенадцатиканальных телевизоров,
и местная воинская часть
была поднята по тревоге.

"Они могут поймать меня", —
подумал Звук и рванулся
выше, к облакам.
Попробовал заговорить он
с ними, но облака
проплыли молча стороной.

"Да, скучно с вами,
спущусь-ка я пониже".

Город остался далеко позади,
впереди мелькнули огни деревни.
Собаки встретили Звук лаем,
петухи раньше времени
закукарекали, а племенному быку
приснился сон, каким смешным
и глупым было детство.

Силы покидали Звук.
Он с трудом перевалил
через деревню и за околицей,
в глухом овраге, тихо
свалился в пожелтевшую листву.

"Мама", — прошептал он, —
"Мама!.." — и горько заплакал.
Травы на рассвете покрылись росой.
"Вот и все!" — мелькнуло у него в сознании.
Вот и все.

ПРОГНОЗ

Сегодня в Душанбе
дождь,
а может, женщина
вдруг вспомнила меня.
Ее огромные глаза
застыли на дороге,
по которой я не приду
никогда.

* * *

Все не могу вспомнить
прошедшее лето,
лето, похожее на сон,
и сон на лето.
А когда проснулся,
будильник звоном
листья желтые рассыпал.

Осень...

* * *

Однажды я долго шел
за хромым человеком
(нам почему-то было по пути).

Потом мы расстались.
Он пошел к себе домой,
я захромал в свою сторону.

* * *

Осень

опустила на крышу моего дома
долгоиграющую пластинку дождя.
И паутина мелодии снов,
не выдержав последней капли
воспоминаний,

опрокинула на мое лицо
миллионы лиц, которые
я любил когда-то.

* * *

Сегодня думал я о смерти,
бродил по лужам,
щурился на солнце.

Сегодня встретил я
двадцать девять
беременных женщин
и решил,
что не страшно умереть.

* * *

Я мог бы стать
Великим Режиссером
одного-единственного фильма,
если бы еще не играть в нем
главной роли и не быть его
Единственным Зрителем.

* * *

Он сидел, слегка подогнув ногу,
на самом краешке стула и,
неестественно жестикулируя
(при этом надо было соблюсти равновесие),
доказывал, что Тулуз-Лотрек не стал бы
великим художником, если бы
в детстве не упал с лошади.

Он настолько убедил меня,
что теперь я не знаю, кто из них
гениальней — лошадь, что сбросила Лотрека,
или Тулуз-Лотрек, что
упал с лошади.

* * *

Я дарю вам леса и звезды, метель и снегопад,
я дарю вам солнце и ночь. Я ухожу и дарю вам
зелень и синеву. Я дарю вам все это, потому что
никогда этого не имел, как не будете иметь и
вы этого, но не забудьте потом, когда будете
уходить, подарить все это остающимся.
Я надеюсь, что им будет приятно.

ИГОРЬ ГАЛКИН

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

(номера расставить по желанию)

?

мои словесные портреты
становятся все одиознее
а я растерян почти до верлибра

?

это я
черная душа в светлой человеческой упаковке
а сверху снова закутан черным пальто
и завинчен черным зонтом

страшно от этого мне одному
я невидим в черных витринах ночных

когда-нибудь я встречаю женщину
просвеченную почти насквозь
и мы уходим вместе
потому что невидимы оба

мы напоминаем черного жука в стеклянной коробочке

и так продолжается до тех пор
пока не появится кто-нибудь прозрачный

?

я ехал в автобусе и забыл следующий сюжет
наверно его не стоило помнить

?

одна женщина впервые стала светлее
я перестал ей верить

?

другая женщина впервые стала серьезной
но я
все равно ей не поверил

?

я стоял на автобусной остановке
один
потому что была ночь
и был ветер

люди
прячась от ветра и ночи
садились в любой автобус и ехали куда попало

кто-то курил невдалеке
у него был расстегнут воротник
подъезжали пустые автобусы
но они отправлялись в другую сторону

мы ждали уже втроем

наконец подъехал наш автобус
с трафаретной табличкой "в парк"
двое сели
мне нужно ехать гораздо дальше
у меня другой путь
но почему-то он
всего лишь
возвращенье

?

Анне

твое имя не извратимо анаграммами
твои волосы похожи на медь
из которой чеканят деньги

(в них долго будет незаметной седина)

в твоей ли ладони мои пальцы превратятся в корни

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Меня сжимало гранеными кулаками лифта
и зашвыривало на высочайшие этажи

Я отношусь к линейному большинству
и потому не увидел там никого

но зачем же у нас глаза
математическим символом бесконечности

и объектив кинокамеры
задыхающимся ртом
хватает сухие глотки реальности

как не хватает слов
не хватает даже обозначить

я скудно назвал это **МЕТРАМИ ВРЕМЕНИ**

* * *

Мы выдумали право выдумывать врагов.

ЕЛИЗАВЕТА ГАНОПОЛЬСКАЯ

* * †

Там, где нас нет и никогда не будет,
Берег Слоновой Кости
омыт лазурью,
роза ветров тихонько
шуршит лепестками,
и веет розовым маслом
повсюду, повсюду...

Там, где нас нет и никогда не будет,
зыбкие дюны
сползают в море,

а море
нервно следит за небом,
а небо хмуро
сыплет дождями
на зыбкие, влажные дюны...

Там, где нас нет и никогда не будет,
в зябкую воду спускается темный лист...

ВАСИЛИЙ ГАРКУША

ПОСЛЕ "БЕЛОГО КВАДРАТА"

Перебираю камни
Которые предстоит разбрасывать

Посторонние звуки...

Устало падают
С ветвей моих ладоней
Плоды пророчеств
Моих гадалок

Ты смотришь в спину моим цветам
Которые ведут меня в сон
Где я пройду по раскаленному лицу пустыни
Узнавая следы моих невозможных странствий
На обожженных тропинках желаний
Уводящих в тупик миража.

СОН СЛЕПОГО ЗВЕЗДОЧЕТА

В этой тьме его взор бесконечен.

И опять я коровкой божьей
Что на солнце уснула в полночь
Звездочету слепому снился

Наблюдаю за битвой галактик
С мириадами новых личинок
На вселенском аукционе

За коллекцию подземных натюрмортов.

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

* * *

Вам не нравится как я выгляжу
как выглядит лицо человека
не пожимающего холодных рук
как выглядят руки
жмущие руки дружбы
как выглядят ноги
не ходящие по проторенным тропам
как выглядит спина
согнувшаяся не от пригибаний
как выглядят глаза
чуть расстерянные
но не кричащие "Я"
как выглядит посох в руке
надломанный но ненадломленный
как выглядит моя жена
выпархивающая из меня
как птица из ветра
как выгляжу я мы люди
свет порох огонь музыка
и солнце сердца
Солнце сердце

* * *

Мое
слепое
смирное
сопливое
сомнамбулическое
светлое
сочное
согнувшееся
(смотреть
сон)
святое
солнечное
сорное
скатившееся
(по склону
сознания)

естество
слова
сподобившегося
остаться
на листе

ДМИТРИЙ ГЕРТЕЛЬ

* * *

Мне представляется тело твое,
изогнутое, как напряженный лук,
когда я беру в ладони твой стан осторожно и твердо,
и ты подаешься мне навстречу,
и стебли рук расцветают где-то над головой
и опускаются мне на шею,
весомые, как две грозди винограда,
и голова твоя запрокинута —
нет, не ко мне —
к звездам,
к счастью,
и я целую шею твою
и плечи твои,
я только ветер,
я только солнце,
я только дождь,
и струи прикосновений моих пробегают по тебе,
как по волнуемой ветром пшенице.

ВИКТОР ГЛУЩЕНКО

* * *

Большие мужчины играют в баскетбол,
Большие мужчины дерутся на ринге.
А маленькие мужчины
Пьют дома чай с женами и детьми
И смотрят по телевизору,
Как большие мужчины
Играют в баскетбол и дерутся на ринге.

НИКОЛАЙ ГОДИНА

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Лучшее,
что можно сказать
о весне,
сказала птица,
неизвестно откуда
появившаяся
на дереве.

* * *

Никогда
ничьих портретов
не вешал перед собой
на стену.
Стена должна быть чистой,
как горизонт.
Так виднее будущее.

ГЕННАДИЙ ГОЛОВАТЫЙ

* * *

Луна —
огромная —
в половину окна.
И птица на ней —
одну секунду —
и на всю жизнь.

ЮРИЙ ГОМОНОВ

* * *

Лужи —
Осколки упавшего
Неба.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

* * *

Что значит время?
В космическом беспределе
Нет ни времени, ни пространства.
Единый комок,
Черная тайна, перед которой
Наш неугомонный современник,
Одержимый покоритель природы,
Становится или смешным,
Или глупым.

ОЛЬГА ГРЕЧКО

У ВОДЫ

Композиция в духе Дали:
берег, столик, вертикального неба лимон...
Ни души, только смех в лозе.
Смех, смех, смех, сорок эх.
Смех в ракушке, ладошке, лодыжке.
Ой, щекотно, нога затекла!
А не стой на одной ноге
перед странной картиной:
берег, столик, вертикального неба лимон...

ЛЕОН ГРОХОВСКИЙ

* * *

Птицам нет до нас дела!
Им нет до нас дела,
и, горбая свои распростертые лопасти, проносятся,
перечеркивая пунктиром полета
нашу мелочную возню на дне
воздушных колодцев,
суматошное копошение в мусорных кучах времени,
которое мы называем жизнью...

Птицам нет до нас дела,
и они пролетают, испытывая большее, чем земное,
притяжение иных миров,
и, падая в бездну вселенной,
своим радостным криком
разбивают они стеклянные перегородки
пространства,
презревая границы четырех измерений.
Где — заложники смерти,
тщетно приподнимаемся на носки,
пытаясь взлететь...

* * *

Бабочки не плодятся...
этим летом им слишком жарко.
Редкие вылетают они из ячеек пространства,
медленно и с одышкой распахивая свои отеки крылья,
на которых капельками пота
проступает потускневший узор.
И антенны-усики опадают бессильно,
и ножки вжимаются в обвисшее брюшко —
тюбик с желтой пастой жизни...

* * *

Среди овощей и животных
Пестует солнце его.
Куриное слово повторяет, на корточках сидя,
цыплятам.
(Они понимают друг друга, если им не мешать.)
Сын свиньи добродушен к нему, лежа в луже лениво.
Ласточкиным птенцам муравьиные яйца носить,
Гладить голубей и собак.
Пасти червей дождевых после дождя.
Диогену до него далеко!
Он — философ,
этот маленький в дырявых трусах.
Желтой дынькой живот.
В глазах голубое незнание зла.
Сквозь эти чистые окна
В зрячую душу гляжу,
В ней бессарабская грусть еще не свила гнезда...

* * *

Важно опереться на кого-то или что-то...
как в этом дворе, где тебя заслонили
пыльные спины листьев, травы,
пышные соцветия,
незрелые шишки репейника...
Я, как эта ель одинокая посреди их зеленой толпы,
где вьются мириады мошек,
ползают сонмы букашек,
звенят мощные дрели жуков,
глухо хлопают матерчатые крылья бабочек,
снуют мокрицы и жужелицы...
Боже! Целый мир густонаселенный вокруг меня
стучит и вибрирует, поет и скрежещет,
свищет и бьется в паутине пространства,
натягивая тугую сеть жизни.
Вот-вот она оборвется, и все мы вывалимся
в дыру четвертого измерения, —
и небытие поглотит все
без остатка.

* * *

И женщина в белом халате прошла и куда-то скрылась...
И деревья во дворе толстели,
присосавшись губами к маленьким фонтанчикам
желтого молозива,
стекающего по бесчисленным сосцам дня,
и облако, заткнув дыру в небосводе,
повисло над крышей.
Птицы-закройщицы кроили
из синей ткани пространства платье для "завтра".
А "сегодня"? Было ли оно?
И когда?
может его никогда не было и завтра не будет?!
И вся наша жизнь — один день, бесконечный...
как нить, выдернутая из клубка солнечной пряжи?

* * *

Я не стану учить вас, как надо плести кружева
из нитей сухого дождя,
как не надо бояться подсолнухов в небе,

где по звездной дорожке
блистательно бродят светила,
как не надо любить наших женщин земных,
чьи лица опущены вниз,
когда утром бредут они
неспешной походкой на рынок
щупать кур бледнолицых,
уснувших на низких прилавках
от дремотных миазмов
густых сельдереев...
Я и сам не умею летать,
хлопать крыльями громко
над улочкой сонной,
где время оседает
незримою пылью...

* * *

Босыми ногами расту из земли.
Птица — ночь на плече.
Как дерево, звездам понятен...
Ветер гуляет теплым теленком в траве.
На перевернутом ящике спят индюки.
Коленчатый вал старушки земли безобидно
бренчит.
Вся механика жизни ясна.
Мудрый, как мох, улыбку таю,
Планетам и рыбам одинаково рад...

* * *

На плече моем лыж желобки,
стекает по ним запах смолки и кожи...
Белые рельсы лыжни
проторю до прозрачной постели ручья,
этой ночью уснувшего,
где рыбы смотрят сквозь лед,
любясь коньками детей...
Жесть лесной тишины
загремит от неловкого прикосновения
к натянутой проволоке
горизонта.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АВГУСТА

По этой траве глянцевиной,
где уходящее лето расплескало свой желтый елей,
скользить невесомо.

Среди тучных деревьев, на которых небесная пряжа
повисла,
где ветер взбивает белки облаков мягкой кистью своею,
где солнце, плавясь, стекает на лоб,
одевая постепенно все тело спасительной пленкой загара,
и шепчет (щекотно) мне в самое ухо день августа этот...

И забываю
где я? зачем?
...с пауками на высоких ногах
вместе куда-то бежим,
раздвигая пространство...

АЛЕКСЕЙ ГРОХОТОВ

* * *

Вчера и сегодня
Осенью
Жизнь с листа
Являет некую жизнь
Голосом старого клена

Уже ничего не сберечь
Уже ничего нельзя
Выкинуть
Радужный
Ад

От погребальной до колыбельной.

* * *

Снег
из цикла Мадонна
под твоей немеркнущей тенью
видеть небо наощупь
ясно
и пейзаж мой — рука

в окне
со свечой
из цикла Кремня и Мха.

* * *

Над зримым, как в отместку, нам ли? небом

И скалы имеют корни.
И стены имеют уши.

* * *

Как журавлиным клином
Сошелся свет
В путь.

ТАК

1

Бумага.
Тушь.
Перо.

Это во мне,
стремясь к одиночеству,
осень свивает
в единый со мной
иероглиф

небо,
деревья
и дождь.

2

Дворник присел отдохнуть
У ворот
Гудящего шумного дома

На коленях сложив
Красные натруженные листья.

3

Это и будет осень.
Это и будет старость.
Это и будет
что будет.

4

Я не умер. Я просто уехал.
Взял билет. Приобрел чемодан.
Пообедал. Простился с друзьями.
Занял верхнюю полку в купе.

Так и ехали. Женщина, мальчик
И седой, как знакомый, старик.

ОЛЕГ ГУБАНОВ

* * *

орешеченный в заповеднике твоих коленей
лежу не думая о небе
если ты уйдешь
стану ли снова
собой?

СЕРГЕЙ ГУМИЛЕВ

АВТОПОРТРЕТ

Когда я захочу
написать свой автопортрет
я напишу
голую ветку яблони
зябнущую под холодным осенним дождем
и на этой ветке
я напишу
одинокое яблоко
забытое всеми
и тоже зябнущее
под холодным

осенним
дождем

БЫТИЕ

Я не знаю
кто сказал что всему есть предел

в моем маленьком сердце
помещается целый мир
и в этом мире
живет маленький человек
и у этого человека тоже есть сердце
в маленькой его груди
и в маленьком его сердце
тоже помещается целый мир
и так далее и так далее и так далее

и тот человек
в чьем сердце живу я
тоже знает
что я живу в его сердце

ИГОРЬ ДАВЛЕТШИН

* * *

Забравшись на Эйфелеву башню,
Я бросил свое тело навстречу Земле.
И лишь тогда я смог стать свободным
И зафиксировать стрелку желаний
На полном нуле.

“ОДА МОЕМУ ПЛАЩУ”

В карманах моего плаща
Есть все, что мне нужно для жизни:
стартовый пистолет,
обломки любви,
огрызки желаний,
Две копейки, чтобы звонить по ночам,

по номерам телефонов,
брошенных в подъезде пьяной рукой.
Воротник моего плаща так высок,
Что я не вижу звезд,
Я не вижу людей.
Подклад моего плаща так тепл,
Что, когда я бываю проездом в Антарктиде,
Я сплю на снегу
Рядом с пингвинами.
И я слишком люблю свой плащ,
Чтобы любить кого-то еще.

* * *

Переливаньем из сосуда в сосуд
Время движется;
Белый листок
течет по ряби водяного неба,
Помоги мне оттереть травяной сок
от пощечин крапивы у смолистых деревьев.
Не мешай мне уснуть,
Заглуши хоть немного
Тихий плеск пожелтевшей кроны,
Отведи взглядом рук
Надвигающийся шторм на
Башню Нашего Снега.
Тонкий укус в шептание губ
И развалины города —
поглочены льдом.
Удавка телефонных гудков
Затягивается на горле Музыки.
Дыханье реки
Брызгает дождем в разгоряченное тело.
Год медленно тянется выпаданьем из снов.
Круженье Вселенной — безнадежное дело.
Зеркальная спица
Чистого Солнца, ударившись о гладь морей,
отражается маяком
в глазах заплутавших странников,
продвигающихся от церквей
в монастырь Черной Вдовы Опустевшей Планеты.
Последний мостик
над рухнувшей пропастью
протягивает птиц огромным магнитом
в сети глубин,
в жерло Везувия.

Мертвые Электрички
Захлопнулись,
как крышка банки
с пойманной бабочкой.

* * *

...я увидел туннель,
своды которого
держались лишь сцеплением рук.
Только через бинокль дождя
я смог разглядеть вишневую свечку —
В финале этой распрямившейся спирали,
Вытянутой до радуги
С бензиновым запахом
полыхающего дома,
окна которого
лишь минуту назад бросались теплом.
Обычный закат
за грязным стеклом.
...все небо покрыто письменами египтян,
сочинявших стихи,
для написания в пирамидах чужих богов.
Верноподданнический
вздых озеревшей толпы,
вгрызается в лицо собственного сына,
вознесенного на кресте.
Хочешь, я подарю тебе
свою карму,
написанную в Книгах Желтых Времен,
Времени Распустившегося Алоэ
и Времени Багрового Водопада.

* * *

Я художник опавших листьев,
Я скрипач засыпающих улиц,
Я вывешиваю свои иконы в чужих борделях,
Я пускаю по венам весенний воздух.
Ты не можешь впитать в себя мои пальцы,
Мои влажные пальцы,
оставляющие след
на твоих черных глазах.
Ты пытаешься вникнуть в мои мысли

методом животного совокупленья
и не можешь меня понять,
когда я строю башню
из табачного дыма.
Ты пытаешься раствориться
в моем дыханье,
Но я художник опавших листьев,
Я скрипач засыпающих улиц,
и пусть даже в борделе,
но там, есть!
иконы, написанные с тебя,
хотя я и сам не могу объяснить,
зачем для фигуры Марии
я беру твое млечное тело,
но я стал художником опавших листьев,
я стал скрипачом засыпающих улиц
лишь после того, как я увидел
уже засыхающий шрам,
оставшийся от прикосновения
соленых от влаги губ.

* * *

Остаток нашего времени равен нулю,
нулю, уходящему в прорубь пространства.
Возможность повторной встречи — один шанс из ста,
ведь среди тысяч деревьев — одно лишь мое,
посаженное в теплую землю,
политое безумством стихов,
укрытое ошибкой героя,
спасенное от выстрелов града,
стреляющего в нас россыпью льда.

ВЛАДИМИР ДАГУРОВ

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

В жизни побеждают сангвиники.
А я холерик,
И мне нужна флегматичка,
чтобы исправить положение
хотя бы в потомках...
Но флегматички
ленивы,

прекрасны
и пронизательны:
им нравятся
победители.

ЕВГЕНИЙ ДАЕНИН

ЛИВЕНЬ

Было небо мякотью брошенного яблока,
где жала цветомузыкально-страшных насекомых,
клубясь
и рукоплеща кровавыми рукавами,
благословляют складки пиломатериалов
на дальнюю дорогу — самобранку...
так сыплет плод семена из орбит
и тает,
и, —
заскорузлые горсти запуская в недра подобий,
как устриц, —
так луцется икрою под их коготками
наждачная игра вавилонских раковин...

И не было яблока, не было мякоти, не было неба:
роясь
крошащимися породами знаков
в междуусобицах глаза-порога,
зевают свитками
тысячепалые карусели,
кромсаются
рукописи ладоней
в ладонях...

АНДРЕЙ ДЕМИДОВ

МОЛИТВА

Странная мудрость звезды,
не ощущающей времени,
Приди ко мне, дай надежду на вечность...
Необъяснимая нежность двух лебедей,

Научи меня своему тополинному клику,
Его у людей называют любовью...

Ребенок, шепчущий маме: "Одуванчик — это мгновение",
Как удалось тебе стихотворение
Из одного словечка?
Душу мою озари удивлением...

Будь бесконечна, молитва...

СВЕТЛАНА ДЕНЬГИНА

* * *

Живет ли кто-нибудь?
Если живет, то где?
Разве что там,
где
в мгновение
удлиняется по вертикали
мягкий кошачий хребет,
и коготь
пытается зацепить
связку сушеной рыбы;
где
лоснятся на крыше
розовые яблоки,
где
огромный желтый осокорь
растет из воды,
и бывают ночи,
когда вода
густеет, меняя плотность,
перестает литься и течь
и, засыпая, напоминает ртуть —
нельзя ни выпить из кружки,
ни умыться.
Вот там, может быть,
кто-нибудь и живет.

* * *

Ты — степная река.
Берега,

черные и сыпучие,
поросли осокой и рогозом.
Трава, провожающая тебя
по руслу —
живая и тяжелая,
и чем дальше от тебя —
тем она невесомей,
светлее
и суше.

И ты никогда не увидишь
той степи,
что лежит в глубине —
алой, звенящей, сухой,
эхом отдающейся под ногами.

ОСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Мне надоел
шорох бумаги и стук открывающихся зонтов.
В темной комнате
среди уснувших карпов
и рассыпанных бусин
хочу быть опять
веткой ивы в банке с водой.
Опять разучусь слышать людей
и буду время свое проводить,
глядя на дно огромного блюда.
Хмель и фасоль,
дикий виноград и вечерний ветер
останутся за окном.
Я забуду про хлеб, молоко и кофе.
Но за несколько дней
по желтой восковой звезде
угадаю
знак
самого щедрого дня в году
и самой прозрачной ночи.

НЕКРОМАН

С желтой скамейки в метро,
напрягаясь,
смотрит в провал туннеля

некроман.
Его осязание минует
запах шпал и железа —
он чует глубину.
Часами он кружит
по кольцу, по костям
и ищет тупиковые ветки,
где от стены отделится
нечто, дублирующее поезд,
и увезет его, например,
в некрополь,
в привычную сферу.
На его плечах
и в волосах —
крошки штукатурки,
упавшей с потолка заброшенной комнаты.
Он живет тем, что смертен,
и когда-нибудь причастится
холодным глотком воздуха,
который прибьет его к берегу
огромного мира Некро.

РЕГИНА ДЕРИЕВА

* * *

Всю жизнь
я искала ангела.
И он появился,
чтобы
сказать:
"Я не ангел!"

* * *

Старые женщины
говорят о мертвых
так,
будто они и не умирали.
Старые женщины шелестят,
как сухая листва
под ногами.

КАРЕН ДЖАНГИРОВ

ИЗ КНИГИ "МОДУЛЬ Я"

* * *

Тяжело,
каждое утро
просыпаясь растением,
учиться заново жить —
заново быть человеком, заново
уравновешивать космос
своим лицом.

* * *

Скоро!
Совсем уже скоро,
быть может, каких-нибудь сорок смертей,
и ты станешь, как я, поклоняться Засухе,
сердцевина которой — утоление жажды... Как я,
ты будешь молча смотреть в глубину Родника
и видеть Пепел...

* * *

Все, что вечным казалось,
постепенно уходит, взамен
остается умение видеть за тучей
очертание птицы, еще
способность чувствовать боль
от столкновения рыбы
с камнем...

* * *

Странно!
Ушли годы.
А жизнь осталась.

* * *

Одиноко
бьется в груди
городок забвения.

* * *

Спросил у ветра:
"Зачем человеку дом?"

Ветер ответил:
"Человеку нужна легенда".

* * *

О сколько поколений трудилось зря!
А я по-прежнему овеян печалью морского животного
и доверяю птицам.

* * *

Вздрагиваю!
От скрипа дремучей улитки.
От искривления корня далекого дерева.
От полночного всплеска морского булыжника.
От колебания ласточки в недрах рассвета... —

Такая во мне
тишина!

* * *

Хотя бы однажды
хочу рассмешить черепаху,
чтобы увидеть
глубину
смеющейся.

* * *

С моего порога начинается море, —
каждое утро, выходя из дверей,
окликаю золотую рыбку.

* * *

Ежесекундно
соприкасаюсь с миром:
трогаю ветер,
читаю травы,
слушаю горы,
беседую с птицами... —

Вспоминаю себя
по крупицам.

* * *

На берегу одного безымянного моря
я увидел сверкающий труп дельфина.
Я лег с ним рядом на мокрые дюны.
Кто скажет, что я одинок?

ИЗ КНИГИ "ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ВЕЧНОСТИ"

* * *

Изначально
враждебное
отношение
материи
к самой себе —

Закон Сохранения Вечности.

* * *

Идея счастья —
идея многократного использования
одного мгновения.

* * *

Лицо,
кратное только себе, —
лицо гения.

* * *

А вы знаете, смерть —
это есть наибольшее из
существующих в жизни пространств... Это жизнь,
не вмещающая более
ни в одну действительность.

* * *

Толпа — это "за".
Человек — это "против".
Ты против толпы,
ты за человека —
ты есть Толпа.

* * *

С
годами
стираются грани
между миром и "Я".

И тогда наступает вечность
с невозможностью выжить
и совершенным умением жить...

* * *

Армения!
Из какого металла
этот тяжелый крест,
веками сгибавший к земле
твой стебель?!

АРАРАТ

О Тебе,
выросшем из крупниц
нашей неисчерпаемой древности,
думаю!

И мысли мои,
как осколки кипящей звезды,
падают в океан
бессилия...

* * *

Если все истины
сложить по крупницам в целое,
то непременно родится огромное лживое зеркало,
кривизна которого —
жизнь...

* * *

Какая нелепая мысль —
о господстве человека в природе,
сотворенного самой природой
по методу его отрицания.

* * *

Рыбы имеют море.
Море имеет берег,
на котором в часы печали
стоят одиноко люди,
несущие на плечах
дороги...

* * *

Осень —
сочинение шепотом
на тему:

**“У ветра пальцы
Бетховена”.**

*** * ***

Птица — стремительный жест пространства.

*** * ***

**Приходят люди.
Уходят люди.
Как сон приходят.
Как сон уходят.
А Человек остается
стоять неподвижно
у камня,
у дома,
у моря,
у дерева...**

**Наедине со своим
Отсутствием.**

*** * ***

**Здесь
каждый из нас
думает молча о главном,
теряя прочее...**

А ведь из Прочего соткано время! Вот так

**каждый тайком
уменьшает
жизнь.**

*** * ***

**Время —
скачок пространства.**

**Непрерывность времен
определяет мгновенность
вечности.**

ИЗ КНИГИ "УЗУРПАТОР КОШАЧЬИХ ШАГОВ"

*** * ***

**Овладевая
всеми попутными
карнизами,
крышами,
трубами,
свалками
и
городскими трущобами,
он постепенно достиг
способности проникновения
в каждый грядущий
миг!**

**И верховным ветром
ему был присвоен титул
Узурпатора Кошачьих Шагов
и вручена в безраздельное пользование
земля до другой планеты...**

*** * ***

**Перемещаясь в пространстве,
он непрерывно молчит, иногда
объясняется жестами...
Из-за страха случайного разоблачения,
он даже мыслить старается знаками,
как бабочки, звезды, деревья... Он знает —
существует такой океан,
из глубины которого
за ним наблюдают рыбы...**

* * *

Уже

к его печали прислоняются горы,
в его одиночестве тонут моря,
в его отрешенности гаснут ветры,
его именем пугают галактики...

А он,
как и прежде,
не подозревая об этом,
живет совершенно обыденной жизнью:
тоскует,
мечтает,
работает,
думает,
спит...

А иногда
(особенно ранней осенью)
бывает слегка взбудоражен идеей —
добиться признания маленькой женщины,
которую даже не любит

уже.

* * *

Он никогда не любил черепах и даже
испытывал к ним неприязнь и страх,
ибо был совершенно уверен,
что именно они — черепахи —
крадут у людей пространство...

И не потому ли наш мир
так тесен?

* * *

Уже которую осень
отрешенно скитаясь по травам,
он постигает в пространстве
Блаженство Стрекоз Зависающих,
с единственной целью — в свой мир, огороженный скалами,
посеять частицу
нежности...

* * *

Утратив границы,
он утратил способность
видеть во сне миры.
И теперь ему снится
лишь одно сновидение — море!
Безбрежное,
 тихое,
 нежное
 море...

Это значит — он стал бесконечностью!
Ведь известно, что море —
есть сон бесконечности, сон
бесконечности,
сон...

* * *

О трех
чудесных
заморских странах
спросил он у трех скитальцев,

и оказалось,
что он там жил.

* * *

Он очнулся
у себя на ладони
и замер,
удивившись
своей компактности.

* * *

...А по ночам
он пишет трактат
о построении гиппопотама
из кирпичей забвения.

ИЗ КНИГИ "ЗАПИСКИ СТОРОЖА"

* * *

И мое лицо
помнит много обид и бед.
И много камней я ловил на своем веку,
но никогда не таил на них зла
и никогда не стремился свести с ними счеты,
хотя легко узнавал их
по особенной остроконечности
и неловкой манере опускать глаза
при случайных встречах
со мной...

Нет, я никогда не таил на них зла, ибо знал —
нет
камня
на свете,
который хотел бы быть камнем!

Таковым его делает
Жизнь.

* * *

Во все времена
мы стоим перед дверью в Будущее,
созерцая безмолвно в замочную скважину
панораму чудесного мира, в котором
есть решительно все, кроме нас самих,
отрешенно стоящих за дверью...

И потому наш удел —
и сегодня, и завтра, и вечно —
любить этот мир,
в котором живут
Другие.

* * *

Каждый раз на закате,
когда за черту горизонта,

угася,
падает солнце,
мне слышится звон
разбитого вдребезги
шара!

О сколько во мне
накопилось за множество лет
остроконечных осколков
света...

* * *

Подари мне, Осень,
шепот девственно чистого моря
и беспамятство дюн, ускользящих вдаль...

Озари мою жизнь
светом ласково нежных существ,
обитающих за безысходностью...

Дай испытать напоследок
с твоих невесомых ладоней
отрешенность во мгле остывающих ливней...

Дай прижаться лицом к неприкаянным листьям, которыми
на излете небес в родниках заходящего солнца
пеленают детенышей аисты...

Подари мне, Осень,
Забвение...

* * *

Буду

у трав
набираться умения
принимать
очертание ветра...

У гор —
так же легко и просто
рассеивать в небо
птиц...

У рыб,
несущих мерцание моря,
учиться
мыслить
кристаллами...

ОНИ

Перебегают
лицо,
как улицу,
и
ускользают
вдаль.

И опять
перебегают...

* * *

В другую страну,
где издревле бушует безмолвие,
мы ворвемся на миг
и на вечность останемся... Там,
перемещаясь по дюнам
безымянного моря, мы будем
вычитать из пространства ошибки замедленных птиц,
созерцать небеса,
целовать обнаженные камни...
И ощущать непрестанно на неизменяемых лицах
космический бриз
Беспамятства...

ИЗ КНИГИ "ВЫСОТА МОЛЧАНИЯ"

* * *

В министерстве плохой погоды
объявляется конкурс на должность Смотрителя Луж.
Одиноким предоставляется осень.

* * *

С. Д.

Как повесть о земле дочитываю Птицу,
в конце которой миф
о счастье в небесах.

* * *

Беспамятство —
земная суть воды.
Она печальна...

* * *

Жить так,
как живут деревья —
параллельно солнцу,
вдали от времени.

* * *

О безбрежность яйца!
О бесконечность жеста!
О красота молчания!
Я знаю, что будет вчера.
Я помню, что было завтра.

* * *

Непрерывное
рождение
прошлого
уравновешено
неплом
будущего.

* * *

Пауза между
двумя мирами
(например, между камнем и деревом) —
свидетельство того, что жизнь продолжается.
Да!
Жизнь продолжается,
пока на земле остается хотя бы одна дорога
и хотя бы одна бесконечность
заключена в действительность.

* * *

"Она" —
это только попытка
преодолеть "я",
тщетность которой
и есть — "он".

ЗЕРКАЛО

мертвый
детеныш
моря

СЕКUNДА

муравьиное
сердце
планеты

НЕДЕЛЯ

тайна
семи
одуванчиков

ЖЕНЩИНА

черновик
птицы

ЦВЕТOK

душа
смерти

Д Ж У Н А

ОДИНОЧЕСТВО

Со звезды на звезду спускаясь,
я веками искала свой образ
и его на земле нашла я,
на земле,
 где я одиноко
прорываюсь
к источнику неба...

ПЛАЧ

При слове "Армения" плачу,
плачу беззвучно,
чтобы мой скорбный вопль
не разбудил,
не испугал детей,
что под равнодушным ночным небом
греются у костров
среди камней,
которые вчера были их
 домом.
О, Армения!
Плачу беззвучно,
прижимая тебя
к своему безутешному сердцу.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ

* * *

Останется .
корова с полным выменем
идущая по тротуару
вдоль шестнадцатизэтажного дома

Останется
седой тополь под окном

Останется
небо в безумных облаках
на краю света
и выбеленные стволы яблонь
высвеченные молнией
из темноты июльского ночного сада

ВЛАДИМИР ДОБИН

ДОКОЛЕ?

Над тальими льдинками
свет озарения выцвел.
Натянута радуга
между деревьями в поле.
Дождя не боясь,
не накинув пальто,
в поле выйти
и все повторять:

это утро зачем?
это горе к чему?
это счастье доколе?

АРТУР ДОЛЯ

* * *

Желтый лист упал на стену,
прожег.

Так появилось окно.

В окне я увидел
сожженные города,
сколько листьев на них упало.
Тени сожженных людей
по городам сновали,
сожженные книги читали,
и некоторые говорили,
что в книгах мало огня.

Над ними горело солнце,
все, что было на солнце — сгорело.
За городами поля
чернели
теньями от солнца.
К небу рвалась мысль,
вытканная из пепла,
даже от слабого ветра
она засоряла глаза.

В тех городах поклонялись
куску прозрачного льда,
который живет на небе.
Лед тот никто не видел,
но небо собой внушало,
что есть в нем кусок льда.
И если тени сожженных
представляли блаженство —
это кусок льда,
и в нем они заморожены.

Пепел попал в глаза,
мне захотелось льда,
я побежал по улице
с книгою на плечах,
которую надо сжечь.

С Е Р Г Е Й Д О Н Б А Й

ЛУННАЯ НОЧЬ

Приступ луны,
Волеизлияние лунного света:
В человеке морской прилив сил.
И здравый смысл,

Кутаясь в остатки темных углов,
Не может ничего объяснить...
А надо просто выйти на кухню
И покурить,
Или прогуляться по карнизам
Нашей двенадцатизатжки —
Только бы в это время
Не окликнул здравый смысл,
Кутаясь в халатик жены...

А Л Е К С А Н Д Р Д О Р И Н

* * *

Ты снова
Время провела
Не с тем...
А ведь это было
Твое время! —
И оно уже не вернется к тебе.
Ты думала,
Что просто провела время...
А это —
Время провело тебя!

А Р К А Д И Й Д Р А Г О М О Щ Е Н К О

НО НЕ ЭЛЕГИЯ

Зине

Параллельный снег.
Звериный дым ютится по неолитовым норам ночи.
Понимание заключено в скобки глаз, покусывающих
белое.
И мозг, словно в лабиринте мышь.
Ты видишь то, что ты видишь.
Мир притаился. А ты только дичь, ступающая
с оглядкой по ворсу хруста.
Пойману быть.
Помойка утратила таинственную мощь останавливать
энтропию,

как кровотечение останавливает разжеванная крапива,
как бесноватых пение.

Два деления или три тому
по шкале С° еще прощались
(расторгая связи) части,
к полноте стремясь,
к распаду, как к встрече...

Откуда же ствол тепла?

Прямо солнце, ложась на кровельный скат.

Воскресенье и опять воскресенье.

Теперь и труп, должно быть, тверд, как звезда,
и так же неуязвим в озерах подземных — не страшен,
как не страшно оружие или огня безмятежного
светозарный столп,

у которого смолистые корабли ворон,
уменьшаясь, падают за ноготь видимого,
глазом Арктики живя наполовину и мной,
вмявшим в снег куст красноватой
польни.

Так узнаем строение неба, — отмеряя себя от месяца, —
наследуя царство по первородства праву,
издохшую мышь
вытряхиваешь из лабиринта.

Из параллельных,
звериного дыма, из того, что видишь,
и того — что увидено.

ЭЛЕГИЯ ВТОРАЯ ПО СЧЕТУ

То
пишется, что не написано, следуя
к завершенью.

Что написано — не завершено, постоянно
следуя к завершенью.

Выбор значения.

Искушение неким значеньем. Затем
множественное число,
вишня,

висок покоится покуда в равенстве,
как соцветье стены в изучении дождя.

К рукам неприменимо — заброшенность...

Достаточно ли сказанного для слушающего?

Довольно ли мне значений "меня", чтобы
остановиться,
что пишется сведя к тому, что написано,
не возжелав иного:

чего нет
 и быть не могло никогда в сказанном здесь
 и сейчас заново: догадайся, от кого эта открытка.
 Преткновенье догадки, дрожжи различий,
 но не узел их превращений в метафору...
 Ко рту вспять дыхание — великолепная радуга,
 на морозе порой заметно ее становление,
 и, наконец, вот ее описание —
 неуверенность в том, что начало ее
 не во мне: желать. Жало желания и т. д.
 Повторять, изживая желание.
 Резок запах мерзлой ботвы,
 подсолнух черен.
 Холода суверенность, цветущего, как стена
 прохожего. Конец всегда внезапен.
 Ты отдаляешься от того, кто избрал себе
 первое лицо. Несколько лиц.
 Одно из них первое. Конец неожидан, схож
 с завершеньем.
 И близость обрушивается — теперь все близко телу —
 не называть домом ни при каких
 обстоятельствах, не называть...
 Предпочти умолчать, как на морозе.
 Ты кончила?
 Предпочти вечер со стаканом холода
 и себя в гостях у себя,
 когда пишется о вине, как о глазах
 замороженной рыбы,
 в которых одно никогда не станет другим
 за изученьем стены в цветеньи
 не сказанного
 весною.

ЭЛЕГИЯ СНУ НА 5-е ФЕВРАЛЯ

сон — это "четыре".
 произносящие: "черты четыре будут и впредь
 чернеть на червивой странице,
 не разворачивая
 свитка чисел".

В "четыре" уместенное полнолуние.
 Прозрачность, как целлофановая оболочка
 замкнутой выпукло комнаты. Шар.
 Собою сон не означен. Вор.
 произносящие: "уроки чтения продлятся недолго...

неясность слуха — ров, плавающий окончания гласных, —
не воспрепятствует разворачивать алфавита свиток". Рот.
Лишь на мгновенье облегченьем угол — узок

в пленительной неясности слуха,
в двух чертах, повторенных в двух окнах,
где белым-бело.

Углы тонки, как исцеление раны.
Углы остры — извлеченный из колодца Сириус,
влага проста в пунктах пересечения,
в живых дырах рифм,
не произносящие в совпадении — это "четыре",
это преломление трещины, за которой устье
черной скорости пересечения,
но, чтобы пропасть там, приняв форму
безмятежного сна,
необходимо коснуться мысли о недоступности
его рубежа.

Луна

стояла.

Труд ощущенья руки, немоты. Потом второй руки,
снова той, что была перед этим в аскезе пересечений,
где — мне и произносящим.
Киноварь, познающая небо.

Отсюда ветры в тесном кольце.

Небо отвыкало; язык.

У коры стола сидели все, кого мозг впитал,
позволял
извлекать из себя в любых сочетаньях.

Не было

ни единой вещи, какую нельзя было бы
поименовать "свет"

или "четыре", что не суть важно,
когда огибает сон изогнутым телом стекла,
следом.

Им был,

вторым, третьим, четвертым, не приходя
в произнесение.

В Л А Д И М И Р Д Р О З Д О В

* * *

Сумерки не имеющие очертаний
и одиночество

прекрасны в этих аллеях
где срывая голосовые связки
молчат деревья
а жестяные желтые листья
ржавеют на земле под скамейкой
их много пустых скамеек
они вздрагивают
повинуясь ритму шагов
когда по аллее
движется бронзовая фигура сентября

СОФЬЯ ДУБОВСКАЯ

ПОРТРЕТ

Принципиально некрасивый.
Так оно верней.
Красота — для ловли душ.

Насмешлив.
От этого излечит
первая утрата.

Слишком занят собой.
Раньше это называлось
"одиночество".

Дорожит личной свободой.
Чтоб было чем жертвовать.

Отличное гнездовье
для таланта.

КИРА ЕЗЕРСКАЯ

* * *

В комнату залетела птица —
На минутку,
И тут же вернулась в небо.
Одновременно с этим
Случилось вот что:
Тельце упало на подоконник,

А птичья песня
Незаметно для себя
Превратилась в песню о птице.

* * *

Слово "театр" —
Из лексикона галок
И мокрых мыльниц.

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

ДЕВЧОНКЕ, КОТОРАЯ УМЕЕТ ЛЕТАТЬ

Ты только не бойся. С тобой никогда ничего не случится,
потому что у тебя два сердца. Если в воздухе на секунду
замрет одно, то рядом забьется второе.
Одно из них дала тебе твоя мать.
Она смогла это сделать потому, что девятнадцать лет назад
сумела полюбить, полюбить... Ты не смейся, это очень
трудно — полюбить.
А второе сердце дал тебе я. Носи в груди мое шальное
сердце.
И ничего не бойся.
Они рядом, если замрет на секунду одно, то забьется
второе.
Только за меня не волнуйся, мне легко и прекрасно
идти по земле, это понятно каждому.
Мое сердце в твоей груди.

МОЯ ЗНАКОМАЯ

Моей знакомой из третьего подъезда шесть лет.
"Знаешь, — сказала она мне как-то утром, — наш дом
похож на бутерброд". Я посмотрел на нижний этаж, где
висела вывеска "Хлеб", и согласился. "Ну а девять
этажей — что?" — решил уточнить я. Оказалось, девять
этажей — это сыр, колбаса (вареная и копченая),
паштет и т. д. в зависимости от того, что на каком этаже
было на завтрак.
К дому-бутерброду подъехала машина "Молоко".

Утро жизни. Все кажется вкусным.
И мне вдруг стало стыдно, что я так много позабыл.
Я поскакал немного на одной ноге со своей знакомой по
"классикам" и с аппетитом пошел на работу.

АПЛОДИСМЕНТЫ

Каждый вечер в огромном зале я собираю тысячи аплодисментов, тысячи всплесков человеческих рук, и охапками приношу их домой.
Ты сидишь на тахте с книжкой в руках, укрывшись пледом. Я включаю свет, чтобы ты могла разглядеть то, что я принес, и закрываю окно, чтобы они не разлетелись. Аплодисменты заполняют всю комнату, плещутся у твоих ног, фонтанчиками взлетают к потолку, а ты радуешься как маленькая. Я сажусь в кресло и жду, когда все утихнет и успокоится. Ты продолжаешь играть, и мне становится грустно, потому что всякая игра рано или поздно надоедает. Я встаю и распахиваю настежь окна, аплодисменты вырываются на улицу и разлетаются... Минута, другая, вот и стих последний хлопок.
Я поворачиваюсь к тебе, хочу, чтоб ты меня разглядела, я устал, я голоден, и у меня болят плечи... Но ты ничего не видишь и не слышишь, тебя оглушил огромный зал и закрыл меня.
Завтра я снова пойду собирать для тебя то, без чего ты уже не можешь жить.

В Л А Д И М И Р Е Р Е М Е Н К О

ЭТА СЕКУНДА

Эта секунда
Теплая и ласковая как раненый жаворонок,
Безголосое зернышко,
Брошенное в бездну,
Обведенную хрустальным циркулем,
Дерзкая песчинка
Всеобщей крови,
Имеющая форму Я,
Плутает в закоулках Вселенной.
От нее рождаются дети и звезды,
И все, что способно родиться...

* * *

Город, юный;
Как застиранная футболка,
Лежит на краю материнского сна,
Там, где рассвет и тревога
Каждый день сходятся на пустой остановке
и ждут человека.

НА БАЛКОНЕ

Нежное пламя
Горбатых настурций
В ладонях июля
Воскрешает черты отца,
Любившего это время,
И простые цветы в зеленом ящике,
Напоминающем лодку.
Сколько раз он касался
Деревянного борта!
Сколько раз поднимал
Паруса папиросного дыма!
Сколько раз обнимал
Женщину на берегу,
Жестяной кашля
Вычерпывал прошлое
И молчал, озирая
Неподвижные волны земли...

В СТАРОМ ДОМЕ

Угрюмые часы
В деревянном футляре —
Вавилонская башня наоборот.
На самом верху
Живут кузнецы.
Они работают не покладая рук,
Без конца сватаются
К розовощеким минутам
И никогда не стареют.
Ниже,
На белой площади
Черные дамы в тяжелых корсажах стоят
И с видимым безразличием

Ожидают знака
Часовой стрелки.
А все остальные
Беспечно качаются,
Обняв маятник.
И едва оборвется жизнь,
Падают в море времени.
Только вожди и поэты
Выбирают путь под гильотинной вертикалью.
И круглое лезвие
Именуют солнцем.
И громко зачитывают
Собственный приговор.

ИСТОРИЯ

Человек,
Ничком лежащий в долине,
Выкашливая легкие,
Вывернутые бегом,
Не имеет имени и возраста,
Потому что не отцовым потом
Скреплены
Скалы
Вокруг,
И не материнская рука
Зажигает
Звезды
Над ним.
Человек,
Ничком лежащий в долине,
Безмолвный,
Как брошенный камертон,
Не может раскрыть свою тайну.
И кто он —
Марафонский посланец
Или последняя надежда
Погибшей разведки,
Лишь под утро узнает земля,
Когда в свете факелов и автомобильных фар
Сойдутся над ним народы
И окликнут его,
Каждый на своем языке.

* * *

Мне понадобилась зачем-то
лошадь. И тогда
я вспомнил про самолет,
угнанный моим
дедушкой
из Калькутты.
Вот только
Куда он мог задеваться?
Может, провалился
в ту трещинку,
под раковинной?
Я взял нож и стал
ковыряться там.
Нашел муху с одним
крылом, она
посмотрела на меня
сквозь очки и сказала:
"Научитесь сначала
петь,
а уж потом
ловите мышей". И ушла.
По своим делам.
Выковырял твою прошлогоднюю
обиду, но поскорее
запихал ее обратно.
Не дай бог,
вылезет. Что я с ней
буду делать?
Наконец показалось
красное крылышко
самолета. Но тут
меня позвали к телефону.
А когда я вернулся, то
самолета уже не было.
Может, он превратился в бабочку
и улетел нюхать цветы?
Ну и ладно,
в конце концов, можно сходить
на работу и пешком.
Да и неудобно
в городе с самолетом.
Мыть его негде.

В ванной не умещается.
Только при чем
тут
лошадь?

О Л Ь Г А Е Ф Р Е М О В А

* * *

День
каждый
скользит по высоким травам
у ссурийским тигром,
а я как дикий олень — в вечном дозоре.

И В А Н Ж Д А Н О В

ДОМ

То, чем был я когда-то,
все присущее мне, что тебя не коснулось,
я хочу уничтожить, забыть, даже если
это то, что спасало меня
и еще бы спасло не однажды
от одиночества и пустоты.
Умирает ли дом, если после него остаются
только дым да объем, только запах бессмертный жилья?
Как его берегут снегопады,
наклоняясь, как прежде, над крышей,
которой давно уже нет,
расступаясь в том месте, где стены стояли,
охраняя объем, который четыре стены берегли!
Нет окна,
но тянутся ветви привычно
клена красного, клена зеленого,
клена голого, заледеневшего
восстанавливать это окно,
помогая прохожим отражаться в пропавшем стекле.
Умирает ли дом, если мы этот дом покидаем?
Умирает ли дом, если он забывает о нас?
Поцелуй озаряет его.
Ты сказала:

— Благословляю тот день, который соединит нас,
и все, что будет потом. —

То, что было потом, охраняет теперь снегопады,
разлинованный отсвет окна создавая в полете,
словно сердце синицы на встречном ветру
прогибаясь над светом.

Этот свет поцелуя, снегопадами наспех обжитый,
был ли в пору тебе, когда ты глаза на окно поднимала?
Тот, кого ты ждала, а потом в этом доме встречала,
сам придумал себя для тебя и не знал, что придумал себя.
Все мне кажется, был я свидетелем в доме счастливом.

Потому и хочу я забыть все присущее мне,
что тебя не коснулось,
все, чем был я когда-то,
умирающий больше похож на себя, чем живущий.
Но нет прошлого с теми, кто помнит о прошлом
в час открытых дверей
в дом счастливый.

И нет неба над небом, земли над землей и любви над
любовью.

* * *

Когда умирает птица,
в ней плачет усталая пуля,
которая так хотела
всего лишь лететь, как птица.

БАЯР ЖИГМЫТОВ

ВЕЧНЫЙ ШКОЛЬНИК

Учусь у дураков
Мудрости.

У мудрецов —
Глупости.

Веселые учат меня
Грусти.

Печальные —
Радости.

* * *

Разбилось зеркало.
Осколки твоего лица
Собираю я очень долго.

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Где-то в декабре
Сквозь печальный восторг
Длинной вереницей
Идут куклы
Плакаты несут
Человек человеку брат
Жизнь свобода и мир
Надоело играть в театре
Опротивело кланяться режиссерам
Нет не говорите им
Что они дети лжи
Не бросайте в автобусы
Не слушайте дураков
Пусть
Доиграют
Где-то в декабре
Сквозь печальный восторг

В Л А Д И М И Р Ж О В Н О Р У К

* * *

в пламени свечи
горит и плавится ночь
стекает большими каплями в ладони
в которых словно в зеркалах
отражаются глаза хитрых существ
живущих на границе
между добром и злом

ИГОРЬ ЖУРБИН

* * *

Плывать под водой с открытыми глазами,
чувствовать соль во рту, вдыхая морской ветер,
ощущать всем телом свежую мощь
этой соленой глыбы,
радоваться за всех умерших предков
этой гигантской пульсирующей капле,
звенящему зною золотого воздуха,
невыразимой остроте
восприятия собственной жизни,
остающейся как бы навечно
в жаре ускользающих полдней.
Радоваться всякому дню и возможности действий.
Ибо на миг вышедшим из глыбы небытия
не найти большего смысла в мире,
чем радость жизни.

* * *

Мать и отец, все родственники, неостановимо
разбредаящиеся по дорогам времени, оставляющие только
грустный след в кинокадрах памяти, освещенных солнцем и
звездами. Так же и прозрачный след в остающихся за
плечами полых структурах идеального.

Все люди вокруг, за телами которых охотится время,
стирает им в лица цепкую сетку старости, стирает их с лица
земли.

Все живое, своей красотой и скоротечностью
существования вызывающее обжигающую тоску
ежеминутной утраты без обретения, вроде песни,
существующей только в момент звучания.

Жизнь, как стадо, гонимое по пустыне к миражному
водопою, испив из которого она обретет бессмертие.

ПАМЯТНИК ДОЖДЮ

Дождь в городе не такой, как дождь в деревне,
дождь в горах не такой, как дождь в лесу.

И в то же время в них есть что-то общее,
кроме того, что во всех случаях с неба течет вода.
Когда мы встретились в Минске, пошел дождь.
В Минске дождей хватило для того,
чтобы их вознецавидеть.
Потом мы привыкли к нему —
он стал ассоциироваться с нашей любовью.
В летнем дожде мне слышится женский голос,
в осеннем — плач ребенка,
которого в первый раз обокрали.
Расставались мы под дождем в Ленинграде.
В Ленинграде дождь пахнет морем.
Дождь в городе не такой, как в деревне,
а дождь в горах не такой, как дождь в лесу.
Но дождь — это дождь. Дождь — это руки,
протянутые друг к другу через сотни километров,
через сотни лет...

* * *

Время — физическая величина расставаний.
Сейчас в радиации задыхаюсь от тоски,
вспоминая себя здоровым.
Человек — клубок плоти и духа, катящийся к развязке.

* * *

Жизнь относительна.
Композиторы
из глубокой древности
водят смычками современных скрипачей.

МУЗЫКА СФЕР

В фиолетовой высоте — огромный поющий Голос,
великий и торжественный,
голос, который нельзя остановить,
в котором отчаявшиеся голоса
ищущих друг друга нелюбивших влюбленных,
голос Матери, рыдающей о гибнущих детях,
тревожный и предостерегающий, полный сочувствия,
мучительно родной Голос,

с болью непрожитых жизней,
глухим криком совести,
растерянностью обманутых надежд,
удивленным одиночеством забытых,
с привкусом смертной тоски.
Наверное, это и есть время:
наполняемая нашими душами вечность.

* * *

Дома полны арестантов,
дороги — разбойников и нищих.
В этом лесу еще водятся звери —
мы спугнули лису на свалке мусора.
О, как велика наша свобода:
ни денег, ни дома, ни будущего.
Великие Бродяги, мы горды тем,
что еще сохраняем человеческий облик.
Ограбленные и неузнанные,
мы ищем точку опоры для радости.
Но вселенская неприкаянность нашего духа
страшнее сожжения на костре.

* * *

Темная комната одиночества —
картина, полная красок,
лишенная смысла...
Звон падающих капель в пещере —
это нераздавшихся шагов.
Ее сердце-птица,
бьющаяся в темноте.

Темная комната одиночества
хочет, чтобы ее увидели.
Только б кто-нибудь зажег свет,
а она б уж ничего не пожалела,
раздала бы все свое имущество.

И стояла бы пустая и счастливая —
светлая!

ЮРИЙ ЗАБРОДИН

СОНЕТ О СЧАСТЬЕ

Мы играли во дворе. И один мальчик прыгнул дальше меня.
Я надул губы и совсем уж было собрался заплакать,
Но тут соседка выкатила на кресле своего больного сына.
Мы с гиканьем помчали его по улице. И он смеялся...

Однажды я почувствовал себя на грани жизни и смерти:
Некая красивая женщина не посмотрела в мою сторону.
Но вдруг я услышал неуверенный стук палочки слепого.
И я понял, как прекрасны эти цветы в глиняной вазе...

Мой школьный товарищ добился в жизни большого успеха.
Ему даже некогда отвечать на нежные письма матери.
А у меня бездна свободного времени. И зимой, и летом
Я навещаю старых друзей и пишу подружкам детства...

— Счастлив ли я? Мне трудно решить этот вопрос:
От людей и книг я узнаю все новые и новые ответы...

ВАЛЕНТИН ЗАГОРЯНСКИЙ

* * *

Проснулся город,
Вылез из-под одеяла шерстяной ночи,
Потянулся руками замерзших улиц
И вспугнул прикорнувшие, было, троллейбусы,
И они, как мурашки, пробежали
По телу вздрогнувшего великана.
Но утренний прохладный ветер
Гладит его волосы-деревья:
"Ну, что ты!.."

* * *

Жили-были две сестры
Радость и Печаль,
И глаза у них одни
Были на двоих...

* * *

Стена со мной заговорила!
Наверное, и я стена...

* * *

Роза прячется в себя
Между лепестками...

* * *

На самой высокой ноте
Птица тихо сидит...

* * *

Тишина... Певчая!..

С В Е Т Л А Н А З А Г О Т О В А

* * *

Я увидела звук —
маленький цветной шарик —
легкий, как мыльный пузырь.
Я поймала его, и он не лопнул.
Он просто распался надвое.
Смотрите! У меня на ладони
два цветных звучащих зрачка.
Я ввинчиваю их в глаза.
Слушайте... Мои глаза поют.
Они поют, когда приходит час тех,
кто слышит.
Это день!
Они смыкаются,
когда приходит час глухих.
Это ночь!
Интересно, какое сейчас время года?

* * *

Кто-то выходит раньше.
Кто-то едет до конца.
Кого-то выталкивают.
Маленький переполненный автобус —
маленький переполненный мир.
Планета пеньков,
крепко уцепившихся за место.
Изваяний с отбитыми ушами.
Не слышащих голоса матери,
висящей на подножке
и умоляющей подвинуться
хотя бы на одного ребенка.

ВООБРАЖЕНИЕ

Сколько же раз я хоронила себя?
Тонула в пруду.
Меня растирала в песок армянская плита.
Я вылетала искрой из горящего самолета.
Я бывала заморской принцессой,
но умирала, не дождавшись любви,
от какой-нибудь неизвестной болезни.
Сколько же раз я хоронила себя?
Хорошо, что я не люблю математику.
Иначе бы я числа выстраивала в ряды,
как солдатиков.
А я боюсь чисел.
Острые — могут зарезать,
круглые — задушить.
Я так хочу улыбнуться.
Оборачиваюсь, и чье-то злое лицо
задевает мой нос.
По улицам бредут мрачные, злые люди.
Львы некормленные.
И тут же воображение рисует мое участие
в их бедах.
Но я еще умею смеяться.
Смеяться над ними, над тем,
что у них нет воображения.
Пусть бы вообразили себе радость.
Как я. Сейчас воображу,
что непременно рассмешу их.
Что это? Дождь?
Или по моим щекам опять бегут их слезы?

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Умею солнце превратить в кусок льда,
проглотить его и заполучить ангину.

Ах, как смешно,
я болею летом.

Ах, как смешно я болею.

Над моей головой сгущаются
два огненных жара —
солнечный и лихорадочный.

Я не вижу границы меж ними.

Два куска льда обжигают спину.

Вот они проникают друг в друга.

Это отец и мать.

Вот они взрываются и отъединяют меня.

Я начинаю новую жизнь.

А Л Е К С Е Й З А Р А Х О В И Ч

* * *

Мне не нравится думать

Что ты — те же другие

И когда ты говоришь "люблю"

Тысячи "люблю" звучат как эхо

И когда ты обнимаешь меня

Тысячи повторяют твою нежность

И когда ты плачешь и смеешься

Весь мир плачет и смеется

Потому что мир знает только смех и слезы...

И еще

мне не нравится думать

Что ты знаешь об этом

Знаешь но говоришь о себе

Забывая что тебя нет

Есть только тысячи "люблю"

сказанные не нами...

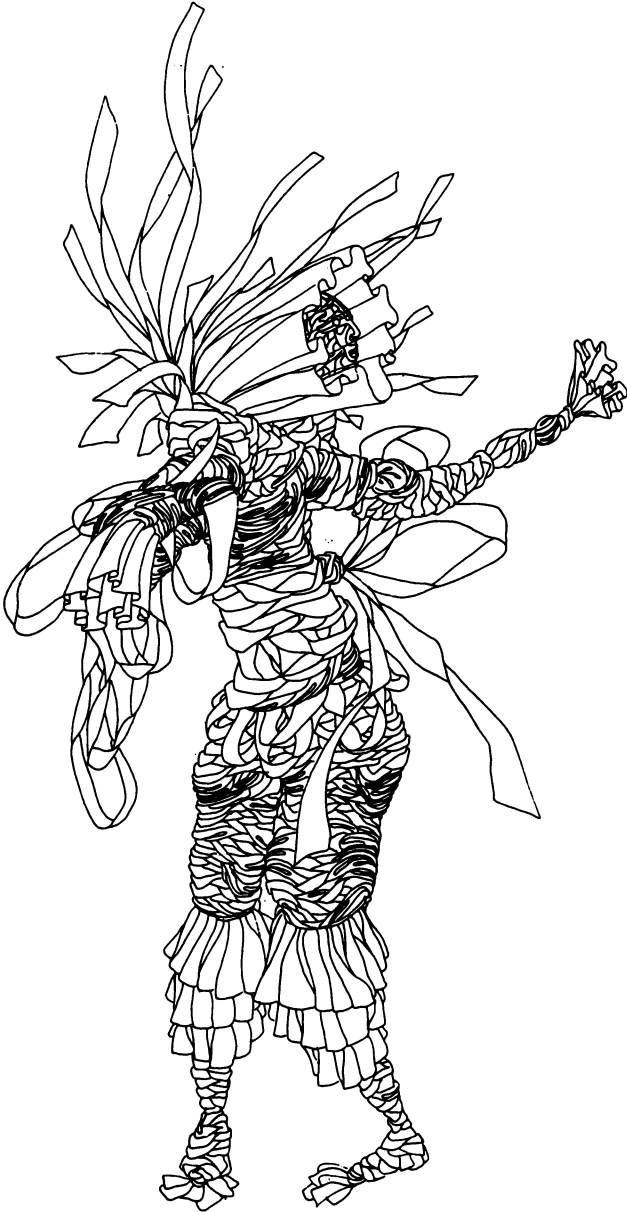

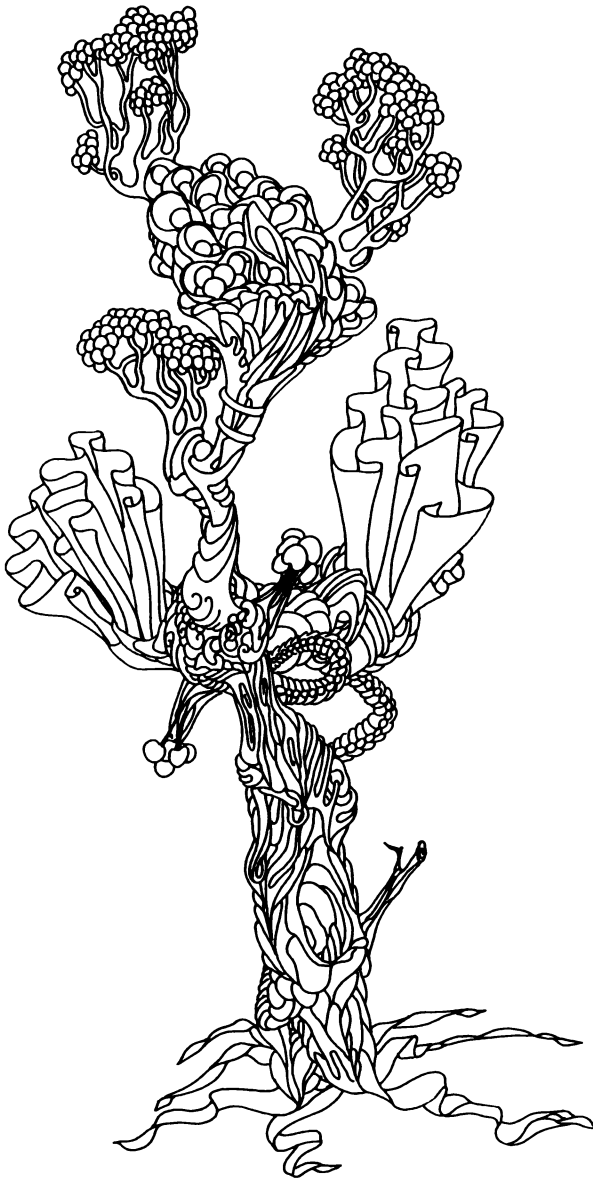

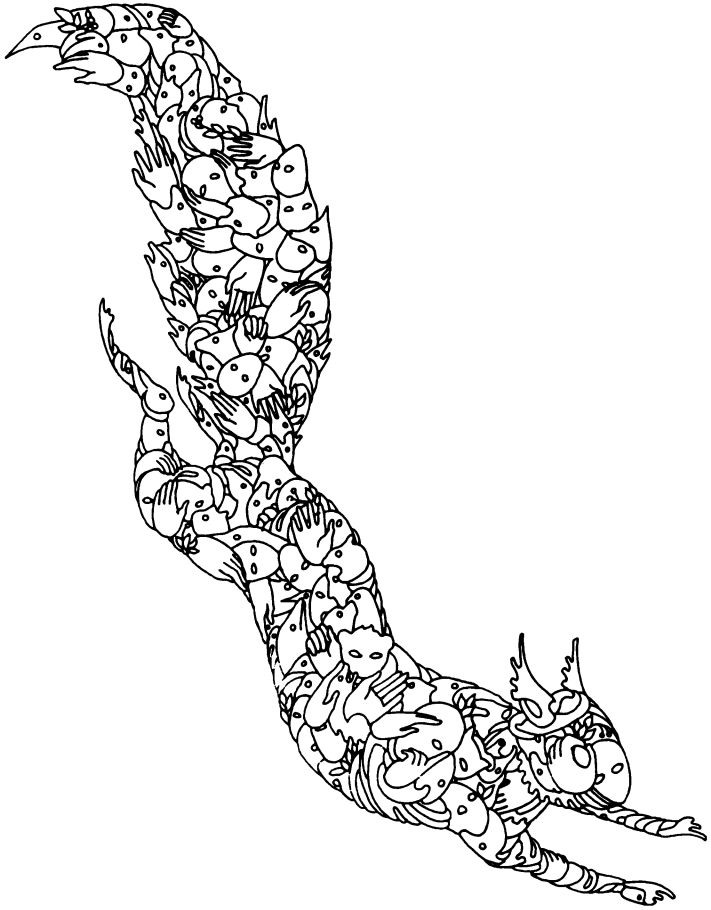

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

* * *

Закружился газетным листом
Чьих-то криков и шепотов
Маскарад,
Отлетел,
Не осталось имен...
Что это за трава —
Чертополох?
Не видел никогда.
Строй песчаных барханов
Двинулся на парад,
Чьи следы?
Кто идет?
.....
Странное прозвище времени —
Искарיות.

ЮРИЙ ЗМОРОВИЧ

КНИГА ЛУЧЕЙ

* * *

Вот орех — сладость роста; в ветвях — путаница
прозрачного.

* * *

Вот здесь, в зрачке; это — по пыли зеркал; здесь —
нежность моя.

* * *

Сливы во льду расплескали знамена весны: ты же
холодный, декабрь.

* * *

Кислый поток, брови закопаны в стыд, бриз
пустяков — брата лицо.

* * *

Проштал от нити небес: в буре морей также растет
звкалипт.

* * *

человек сказал
(он может раствориться в пятницу)
он специализировался
на растворении личности
в определенный день недели

человек сказал
он может цветастую косынку
набросить на тополь
с тем чтобы женщина
стояла под деревом
нагая

человек сказал
между тем машина глотала монеты
те же ссыпались-ссыпались
все-желтые
в косо́й день осени

человек сказал
кто-то подышал на чье-то тело
а все были укутаны в коридоры
двери столы и штатные расписанья

а сквозь окно прорывалась
багровая в блестках
бесконечно живущая в запахе
теплая с изморосью
осень —
больше любого из живых существ
больше самой великой стройки
больше поля зренья —
да и за горизонтами
ОНА

О Л Е Г З О Л О Т О В

* * *

на гребне души где почти дикобразным крылом
и уже к типографии правятся спазмы в абзацы
горлу ровным из всех вариантов как самый
бескровный
на грани спокойного умысла будет крик
словно из доказательств
о любви будто долгой работы портрет или скрип
половиц или ставень горлу в подлиннике без изъятий
до последней булавки до складки и шелеста платья
с госпитальной аллеей и мокрым крыльцом с этой
вкривь
перерезанной веной что имя по буквам твое
нет твое ли ах знать бы я б набело всею тобою
на задах типографий и боен в закатах с бельем
госпитальным и запахом листьев и боен
вперемешку с губами на вдохе и их общий батист
предноябрьской батики пятен заката и сыпи
рвал бы горло тобою как именем — вену как титром
возле рта обрывают любовь
и в предчувствии ссылки
и тоски у впитавших тоску фонаря и дожда окон
стянутых в белое до половины по смете интерната ли
госпиталя по поцелуям водянки возле рам
узнаваемых
плакал и думал о смерти б

С Е Р Г Е Й З У Б А Р Е В

* * *

Я родился?
Воскрес?
Или просто оказался недостаточно умелым,
чтобы как следует умереть?
Ведь все это
я уже видел.
Ведь все это
уже было со мной.

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

Дважды один будет два
но это неправильно если речь
идет о сердце обезьяны
голой — красноязычной восторженной
и наивной — на целое
стадо таких обезьян приходится
только одно — одно — одно сердце
и точка

* * *

Куда ты поплывешь свеча
куда ты поплывешь
на жалком облачке тобой
устроенного
моря...

ВИКТОР ЗУЕВ

* * *

Теперь все чаще
Я обращаю свой взгляд
В прошлое, в детство.
Скоро я буду помнить
То, что было до меня.

ВТОРАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Зеленая тяжесть морской волны —
Ну какая же это тяжесть?
Руки протяни,
Обними ее,
Обними,
Усни.

Так мне снился сентябрь,
Обозначенный годом
На карте Времени.

ПЕРЕКРЕСТОК

Т. А.

Я потерял ощущение времени.
Забыл, на что похожа ночная вода.
Забыл, что не знал этого.

Я уже не слышу собственного голоса.

Иногда во сне вспоминается имя,
звучать ему не дано.

Этим летом было мало звезд,
и мы принимали блики на проводах
за Большую Медведицу.

Потом лето прошло.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Минуем скорее это пустое окно
пустое словно город с единственным памятником
рухнувшим во время землетрясения
пустое как страна где все мужчины ушли на войну
пустое как земля где с войны не вернулся ни один
Минуем скорее это пустое окно
чтобы наше окно блеснуло
блеснуло как луна в низких ноябрьских облаках

А Л Е В И Б Р А Г И М О В

КАМЕШЕК

Волна за волной
проносятся надо мной.

Я морской камешек,
обточенный,
гладкий.

Лежу и думаю:
"Где мои углы?"

СТАРИК

Я живу в мире
живых и мертвых.
И мертвые часто
живее
живых.

ПЫЛЬ

И пыль похожа на бабочек
в солнечном свете.

РАЗГОВОР ЗА ОКНОМ

За окном разгомонились капли
тающего снега.

“Она его любит”, — прозвенела одна.
“Ничего подобного”, — прозвенела другая.
“Вы обе правы”, — сказала третья.

ТРАГЕДИЯ

Говорят: “Трагедия, отчаяние!”
А это просто наш будничный хлеб.

ГАЗЕЛЬ

Газель на банке
с апельсиновым соком.

Все, что осталось
от старой поэзии?

АЛЕКСАНДР ИВАННИКОВ

* * *

На дне
Когда-то бушевавшего и
Высохшего ныне моря
Лежит
Небо, полное
Негодующих кузнечиков
И слепорожденных трав,
Слегка колышимых
Неумирающим ветром,
И, если закрыть глаза,
Можно оказаться на
Морском пляже,
Но это походит
На игру в жмурки
С собственной
Совестью

* * *

Среди множества струй дождя
Есть одна,
Лишенная голоса,
Напряженная,
Не касающаяся земли.

Она не умеет врать.
Ей всегда больно.

* * *

Это небо для живых,
Мертвых оно раздавит.

* * *

В городе не живут
Совы,
Но по ночам я слышу

Совиный крик;
В городе не живут
Петухи,
Но каждое утро
Меня будит страшный
Крик петуха;
Хотя я не апостол
Петр,
И точно знаю,
Что в моем городе
Никто
Не живет.

* * *

Волны разбиваются о прибрежные камни
Волны памяти разбиваются о камни отчаянья
Прибрежная трава шумит на ветру
Прибрежная трава горечи стремится за горизонт
Безумие мира прорастает осокою
Осока в зеленой крови забвенья ищет только
строгость
Неба.

* * *

Торжество покоя
В маленькой судьбе
Тщащейся взлететь над Городом
На подрезанных крыльях
Гулкая высота безумья —
Остроконечная ночь
Первозвездного неба —
Тайна отчаянья и смеха открытая настезь

* * *

Танцуй мой глупый дым
На струне напряженного света
Мягкий канатоходец
Мастер Невозрожденья
Неуловимый как все

Тайная печаль .
Обрушится тяжелым пеплом
Недокуренной папиросы

* * *

Я погружаюсь в небо. С каждым летом меня все
глубже засасывает
в его голубую духоту. Я напрасно хватаюсь за стебли
травы.
Земля не будет моей могилой. Ей все равно!

* * *

Какие глубокие дни
Настали —
Эхо будущих ран
Того кто медлит родиться
У ночи слишком много звезд
Чтобы в каждую верить

* * *

Ловля синих кузнечиков
В синей траве
Бесконечна!
Синее на синем
Не составляет контраста;
Белое на белом —
След на снегу.
Любая зима кончается
Черной грязью; и тогда
На поверхность всплывают
Кости деревьев:
Их обглоданные (кем?)
Сучья;
Скелет новогодней ели
Более всего походит
Именно на скелет.
Отомри, замерзшая птица!
Но это — душа...
Ловля синих кузнечиков
В небе усталости.

* * *

Когда-то,
Давным-давно,
По свидетельству памяти, которому верить не стоит,
Где неизвестно, но где-то,
Что тоже не достоверно
(Образ действия
Переходит
В обстоятельства образа мыслей),
Впрочем,
Печалиться рано:
Все еще устранимо,
А если — нет, то
Я здесь не главный:
Я промолчу,
Ну да вы все равно узнаете...

Когда-то
Давным-давно,
По свидетельству времени, которое лжет
нестерпимо,
Которое в вечной
Ссоре с Историей,
Которая точно уж знает,
Что было лишь то, чего не было,
А главное, было не так,
Впрочем, ладно, я все расскажу...
Когда-то,
Важно что не сейчас,
Когда можно было все, что угодно,
Кроме того, что было нельзя,
Если что-нибудь было
Когда-то...
Снова я не о том!

Давно,
Когда люди были как дети,
Жил поэт и распутывал ветер,
И небо раскручивал как веретено.

* * *

Область натуральных надежд
Находится
За пределами
"Я",
"Ты",

"Мы", —
Горсточка лунного света
На дне
Навозной
Лужи,
Осколок неба
Под ногами прохожих,
Поезд ночной,
Мчющийся в никуда,
Проламывающий
Темноту
Гнилого
Забора,
Море,
Уводящее
Все дальше
В себя,
Млечный Путь,
Не позволяющий
Этого,
Тайна капли и
Тайна травы,
Прорастающей
Из
Асфальта,
И тайна
Дождя,
Которую
Так легко
Опоздать услышать.
Область натуральных надежд
Простирается
За пределы
Личности,
За
Пределы
Земли, но
И она
Остановится там,
Где
Деймос и Фобос —
В одном лице,
Как две половинки разъятой сливы.

* * *

Над холодами столетья царит звездная жуть. Свет
оскопленных звезд проникает в ущелья распахнутых

улиц. Марионетки прохожих на нитях лунного света.
Одиноко висится темное небо. Небо гулкое, как
тамбурин. Как слово забытое — "Нет".

* * *

Гений парадокса,
Он совмещал в себе несовместимое,
И был бесконечно разнообразен:
Мерзок и противен,
Холоден и бездарен,
Страшен и смешон, —
Мир, в котором нам выпало...
Жить?

* * *

С каждым ударом часов
К нам приближается Время —
Мертвая улитка субъективного материализма.

* * *

Одиночество гибельной славы,
Страшнее времени,
Осторожней вечернего света.

Привкус его на губах —
Привкус горького миндаля
И йода.

Одиночество — тайна,
Которую нам не понять.

Одиночество не укрыть
В пространствах лгущих зеркал, —

Одиночество остается тайной
И в разбитых вдребезги стеклах.

* * *

Послушная колеблемому пламени оплывающей
свечи, ночь движется по узкой канве циферблата.
Забывая, забываясь. Она глубока по обе стороны
оконного стекла, — нигде не глубже.

Часы стенные ведут скрупулезный отсчет ночи, как
бы находясь вне ее, вне времени, вне пространства.
Как бы являясь причиной их всех.

В полночь мелодия гимна открывает шабаш ведьм.
Ночь вспыхивает черным пламенем по обе стороны
стекла, и музыка времени умирает в сгустившемся
воздухе папиросного дыма.

Слепота поражает материю ночи, и десять казней
египетских стоят в очереди, сверя остановившиеся
часы.

* * *

Строгая иерархия, где любая ступень следует за
любой, хаос неразрывности без намека на
диалектику, награда, которая оборачивается
служением, и служение, которое не приносит никакой
награды, — Путь, что может пройти только слепой,
Небо, что может обрести только ребенок.

С В Е Т Л А Н А И В А Н О В А

* * *

Лето, лето.
Цветная капуста,
медведь на площади
и взлетающее
вверх по лестнице
белое платье.
Лето, лето.
Поместившееся
в зеленом воздушном шарике
сиплое велосипедное лето.

Ситцевый луг.
Омут ос,
оправленное в белый цвет
ожиданье.

А Л Е К С Е Й И В Л Е В

ИЗ ЦИКЛА "УТРО. РИЖСКИЕ СТИХИ"

* * *

Моя жизнь — агония детства.
Учимся бегству в сны.
В них спокойней и лучше.
В них и ты уместен.

Засыпаю, трепетным мясом сердца
ощущая когтистые корни родины.

Но перед сном
по каналу пустому
брачный танец бацилл электронных
наблюдать воровато,
дыхание замедляя,
чтоб не стошнило.

Так входило в тебя мастерство прорицателя
собственных снов — по волнам.
Сила... И не сразу поймешь, откуда.
Так
отраженные берегом волны прибоя
увлекают пловца в океан,
и единственный шанс уцелеть —
лечь на волну, раствориться,
стать частью ее, ощущая
невольную прелесть полета над бездной,
экономя силы для вечернего броска назад —
к реальности,
к твердому дому смерти.

* * *

Ты свободен.
Ты можешь уйти.
За тебя
Все сделают дети.

НЕИЗБЕЖНАЯ ВАРИАЦИЯ НА ЗНАКОМЫЙ МОТИВЧИК

Кто-то устроен так, что нигде и никогда не пропадет.
А кто-то — так, что пропадет везде и всегда.
Но самое интересное: тот, кто устроен так,
что нигде и никогда не пропадет, действительно
не пропадает, а...

вот видите?

И Г О Р Ь И Н О В

* * *

"Метафора" по-новогречески — "перевозка".
Меня перевозит она к праначалу,
к расхождениям и родству,
"А!.." — так плачут младенцы на всех континентах.
"О!" — так губы круглились еще у Париса,
когда он глядел на Елену.
А что до войны Троянской —
то разве не длится она донныне?..

* * *

Падают капли из крана —
овеществленное время...

Сколько прошло столетий?
Сколько раз обновилась кровь
в тебе и во мне?

Раннее христианство
с детской эмблемой рыбы...

Средневековая нетерпимость...

Где мы с тобою?

Кажется, Возрожденье
тоже уже за плечами?..

* * *

У последней черты
суесловье смолкает.

Цыганка, торгующая "петушками" и раскидаями,
улетает на пестрой гирлянде воздушных шаров,
жар-птица навечно переселяется в зоосад.

НИНА ИСКРЕНКО

ГИМН ПОЛИСТИЛИСТИКЕ

Полистилистика

это когда средневековый рыцарь
в шортах
штурмует винный отдел гастронома № 13
по улице Декабристов
и куртуазно ругаясь
роняет на мраморный пол
"Квантовую механику" Ландау и Лифшица

Полистилистика

это когда одна часть платья
из голландского полотна
соединяется с двумя частями
из пластилина
а остальные части вообще отсутствуют
или тащатся где-то в хвосте
пока часы бьют и хрипят
а мужики смотрят

Полистилистика

это когда все девушки красивы
как буквы
в армянском алфавите Месропа Маштоца
а расколотое яблоко не более других
планет
и детские ноты
стоят вверх ногами
как будто на небе легче дышать

и что-то все время жужжит и жужжит
над самым ухом.

Полистилистика

это звездная аэробика
наблюдаемая в заднюю дверцу
в разорванном рюкзаке
это закон
космического непостоянства
и простое пижонство
на букву икс

Полистилистика

это когда я хочу петь
а ты хочешь со мной спать
и оба мы хотим жить
вечно
Ведь как все устроено
если задуматься
Как все задумано
если устроится
Если не нравится
значит не пуговица
Если не крутится
зря не крути

Нет на земле неземного и мнимого

Нет пешехода как щепка румяного

Многие спят в телогрейках и менее тысячи

карт говорят о войне

Только любовь любопытная бабушка

бегает в гольфах и Федор Михалыч

Достоевский

и тот

не удержался бы и выпил рюмку

"кинзмараули" за здоровье

толстого семипалатинского мальчика

на скрипучем велосипеде.

В Ленинграде и Самаре 17-19

В Вавилоне полночь

На западном фронте без перемен

Ю Р И Й К А Б А Н К О В

* * *

Ночь

Тихая как хижина вдовы

Тишина прикрыла рукой
опаленные ресницы

Зачем задергивать занавеску —
месяц умолк

Откуда взяться ветру —
ты не дышишь

О Л Е Г К А З А К О В

ОСЕНЬ В ГАТЧИНСКОМ ПАРКЕ

Неподвижен огромный парк.
Только шорох порхает
В аллеях, тропинках, между стволами,
И гаснет в пожухлых травах,
И возникает снова.

Опадает листва.
Над прудами — неистово-синее небо!
Вот сейчас с легким шелестом
Приотворится сфера небесная.
И вверх полетит золотая листва,
В черный космос.

И Г О Р Ь К А Л У Г И Н

* * *

Я заблудился во времени.
Говорят, что век у нас в крови.
У меня в крови все века —
Прошлые и будущие.
Я заблудился во времени.
Дайте мне плащ и коня —
Я уеду к Рождеству Христову.
Дайте мне лунный свет —
Я вскину руки и взлечу,
Как потомки, освобожденные от тяготения.
Материальный мир
Вводит в обман машинами
Выпуска тысяча девятьсот такого-то года,
Постройками архитектуры

Второй половины двадцатого века,
Космическими станциями на пятерых,
Конфликтами государств
С именами политиков, сфотографированных
газетами,

И словом история,
Времяшенным нам в сознание...
На самом деле истории нет.
Есть протяженное сейчас,
В котором пирамида Хеопса и видения Апокалипсиса
Сосуществуют на равных с дыханием
Новорожденного Пьера или Ивана.
Мысль, едва воспламенившись в черном колодце,
Уже летит к основанию мира
И туда, вперед, за холмы времен.
Точнее говоря, не летит,
А сразу существует — и здесь и там
Во всем объеме неуловимого пространства,
Которое, если хотите, и есть
История: прошлая и будущая.
Все в мире обратимо.
Необратимость — сказка для овец,
Придуманная уставшими пастырями:
Умрешь — обратишься в прах,
Подводя итоги,
Сгоревшая спичка,
Взросшая энтропия...
Нашу безмерность бинтуют ярлыками понятий,
Делая нас крохотными человечками
Перед лицом неодолимого танка времени.

А мы — совесть космоса
И убить нас нельзя!

ХАЧКАР

Хачкар растет из армянской земли, как округлое
дерево из камня, как дерево-крест.
Хачкар светится сам по себе: в его форме
запрограммирован свет.
Хачкар — фигура, и он же — картина; глаз
путешествует в линиях хачкара, как в плавных
кровеносных сосудах.
Хачкар всегда розоват и незаметно порист.
По Бруно Понтекорво Вселенная — вся — пронизана
потокон нейтрино.
Поры хачкара — иллюстрация к новейшей теории.
Перед хачкаром стоишь молча и не с банальным

НИКОЛАЙ КАПИТАНОВ

* * *

Кончен день. И новое утро сорвет
афиши, приклеенные усатым мужчиной
в черной шляпе.

Ты давно заметил его, развешивающего
заголовки спектаклей и фильмов.

Вот и сейчас он с торжествующим лицом
привлекает обитателей города.

Старые афиши — не выбрасывает.

Он заворачивает в них уходящий день
с красным, еще неостывшим закатом.

В ОКТЯБРЕ

Одинокая птица над полем.

Мечется без звука, словно потрясена
и не может выкрикнуть отчаяние.

И ты бредешь пустынной дорогой,
навстречу красной полосе сумерек,
весь в думах о прошедшем лете...

Теряешь все, что невыразимо дорого:
женщину, постоянство, листву,

привычные звезды.

Но осень вытягивает из тебя

благодущие,

как жар из глубокой раны.

ДИНАРА КАРАКМАЗЛИ

* * *

Мне так долго твердили,

Что крылья иметь,

Все равно, что горб,

Что человек, пишущий во мне стихи,

Не выдержал

И выбросился из окна.

Смотрю на весну и плачу.

* * *

О, это равнодушие,
Оно сильнее смерти и разрушительной обвала,
Ты просто злое растение,
А на растение нельзя обижаться.

ПАУТИНА

Мерцающее облачко счастья,
Всегда парящее над землей
Подвешено за тонкую паутину.
Взбираюсь по ней, затаив дыхание,
Оборачиваюсь и вижу — о ужас —
По этой же паутине взбираются гроздья людей...

НИКОЛАЙ КАТАЛЬНИКОВ

ГРУСТНЫЙ МОТИВ

Хорошо,
когда есть
гитара.
Если нечего
сказать —
всегда можно
что-нибудь спеть,
так,
для души.
Пою...

А погода дрянь.
И все-таки хорошо,
что кроме гитары
есть
какой-никакой снег,
он холодный...

Люди —
странные существа,
чтобы согреться
они жадно пьют поцелуи,
зачастую пьянея...
А снег —
отрезвляет!

Да здравствуют
трезвенники
в полпервого ночи!
Интересно,
а если снежинку
увеличить
в тысячи раз?
Прекрасная,
она наверняка
будет больно вонзаться
своими иглами,
доставая до сердца...
Но, скорее всего,
недолго...

Снежинка растает
и, выскользнув из рук,
наполнит слезами
землю —
и все!..

САВЕЛИЙ КАШНИЦКИЙ

* * *

Боюсь
Оказаться бессмертным
И тысячи-тысячи раз
Вместе с любимыми
Умирать.

Г. К В А Н Т Р И Ш В И Л И

* * *

Для любви нужно
хотя бы два человека
для онанизма
хотя бы один
с одиночеством сложнее
для него потребуется

целое общество
неуклонно стремящихся
к прогрессу.

* * *

Стадо это хорошо.
Можно ничего не бояться
кроме
другого
стада.

С В Е Т Л А Н А К Е Д Р И Н А

* * *

Раньше
Все замечали меня,
А я ничего не видела,
Теперь
Все замечаю я,
А меня — никто:
Преимущество
Прожитых лет.

К О Н С Т А Н Т И Н К Е Д Р О В

* * *

Все, что запечатлел ход жука на коре Корана,
все, что червь плодоносный в яблоке отпечатал,
все это, залитое свинцом пустоты,
образует мир,
неизвестный червю, пребывавшему в нем.
Преломленное яблоко образует круглую пустоту,
из которой яблоко происходит,
так пустующий гроб фараона,
повторяя его очертанья, хранит пустоту,
из которой возник фараон.

Похож на пустую коробочку гроб фараона.
Пустота — то пространство, что оставил уходя

фараон.

Так пространство червя
остается в надкусанном яблоке,
но где тот червь, где то яблоко?..

Что происходит с пустотой,
когда вокруг пустота?

Помнит ли червь о пустующем гробе тела
или, повторяя потусторонний путь фараона,
он остается в пирамиде воздушного яблока
оболочкой собственной пустоты?

ПЕРСПЕКТИВА

Летающая точка
перспектива
тополиного пуха
куда ты унесешь мое зрение
мир заполнен тополиными перспективами
роются перспективы
вот скрестились два взгляда
но они невидимы
один не знает
что другой
смотрит в ту же точку
из другого пространства
я и не подозреваю
что иду навстречу тебе
и если удаляюсь
то часто неизвестно откуда
шаг —
и перспектива обнажена
вот встреча поезда с поцелуем
поезд выехал к югу
а поцелуй был направлен в север
столкновение неизбежно
но они прошли друг сквозь друга
не ведая друг о друге
аэроплан поднимался к луне
а наперерез устремился взгляд
в точке пересечения ничего не произошло
слабенькая вспышка
и аэроплан летит
перпендикулярно взору
зрачки роются
роются звезды

и тополиный пух
где кто куда откуда с кем никогда
быть может
пересечется
Лобачевский вычислил
неизбежность встречи
всего со всем
даже параллельные линии
встретятся в бесконечности
что уж говорить о непараллельных
летит пчела
унося перспективу в мед.

ИЕРОГЛИФ ЛАЗУРИ

Раздвигающий плоскость до горизонта
втиснувший горизонт в плоскость
неподвижных зрачков
устремленных в себя
пеленающий фараона и крокодила
бережно хранящий сердца в сосудах
восково-медовый
настоянный на всех травах
Пусть твое сердце
крылатое как скарабей
улетит на восток
на запад
Останься
с пустотой в груди
на каменном ложе
с пламенной золотой печатью
на устах из спелого воска
Мир переполнен мертвыми птицами
мир повис
наполненный мертвыми птицами
они летят сквозь мел антрацит и песок
прибитые к воздуху невидимыми гвоздями
распластанные на плоскости
они улетают в плоскость в плоскость в плоскость
в плоскость
О чем щебечут эти люди
с головами ибисов и шакалов
о чем они говорят?
— В каталептическом танце бирюзовых глазниц
лазурная золотая
ты обнажена и я обнажен
теплые крылья бабочек

вылетающих веером из гробов
осыпающих тело бирюзовой пылью
распахнутым веером мы выпали из гробов
Если и это непонятно читай другой перевод:
— Вейся прах в лазурной выси
виси в синей сини
прозревая розовой пылью
взоры роз разверзая
липни к теплым листам
листая
теплые паруса телесных папирусов
на лазоревых крыльях
прах
улетает...

ДООС

— Есть возможность лечь навзничь, —
сказал мне врач.
О, какой восхитительный выбор:
от Христа до Христа — верста,
далее — по требованию — везде.
Мне, пламенному мученику бечевы и вервия,
пламенному заступнику всех народов,
пулеметному настройщику всех пулеметов,
одновременному негодяю всех стран,
любимчику ненасытных вдовых —
приостановится конь,
и осатанеет закат.
Знание — это не знание, а простуда
ВЕЗДЕМИГРЕНЬ.
Этот гарнир из неодной доли —
гарантия катарсиса от любви.
Квитанция, которую я получил,
полыхает закатом,
там солнечная печать.
Надо доверять только вечности по субботам,
все остальное время лучше не доверять.
Неостановленная кровь обратно не принимается.
Окна настезь — и все напрасно:
две дани времен, две отгадки,
одна направо, одна налево —
ДООС:
Добровольное Общество Охраны Стрекоз.

ЛАРИСА КЕРЧИНА

* * *

Что вы хотели узнать,
Когда положили голову
На грудь измаявшейся от бессонниц планеты?..

Что вы хотели понять,
Когда ощутили
Миллионы сердцебиений в ноющем чреве?..

ГЕОРГИЙ КИРИЛЛОВ

* * *

Двигался лифт.
С восьмого этажа на первый. В лифт
вошли двое, и двое вошедших ранее
встретили этих двоих
молчанием.
Третий мог задать вопрос первому,
второй мог
поклониться четвертому —
этого не было.
Четвертый сохранял
свое достоинство в новой? ситуации,
третий безрассудно искал сюжет для
новеллы, первый источал
величие. Этаж за этажом
четверо были четверо
и не смогли обратить внимание
друг на друга.
Четыре пустые реплики.
Независимость движения четырех звезд.
И больше ничего.

* * *

Для того, чтобы быть формулой,
хорошо молчанием стать
вычеркнуть жажду подвига
и дать разбитым губам
серую пустоту неба

* * *

Ощущалась неудобная боль под ребрами. Правая
заботливо
касалась — правая ладонь — воспоминания о
кинжале.

Забота состояла в том, чтобы отвергнуть
реальность того непонимания, которое вошло
во внутренности вслед за недвусмысленностью
лезвия.

Полдень. Точнее, четверть первого.
Но свет дня виделся чьей-то глупой выдумкой.
Реальна была только истина боли.
Ладонь видела, видела глубину страдания
и уходила вместе с дыханием
к столику, накрытому в глубине Ориона.
Его ждали бессмертные,
а он был хилый, негероический, чуточку похожий
на ландыш, и ему было как-то наплевать
на Вселенную.
Хотелось вместо правды Вечности
лжи Веджвудовских хижин. Простите, но этого
хотелось.

* * *

вечер подполз зеленым шепотом
сердце хочет пространства
но его нет
мир оцетинился индустриальным шумом небо
забыло о солнце и только
твои щеки плавая в пламени
негорящей свечи
говорят о любви и сердце начинает
забывать о своей боли
несуществующее есть жизнь
то что кажется жизнью тысячу раз
надоело каждому разумному
человеку
вечер подполз зеленым шепотом
и в его смуглости родились слова
столь необходимые
моему сердцу

* * *

один или два раза
у папы может наступить очень

печальный день
день когда мама уйдет
скажем в кино или в замок глена
в этот день ничёго не будет кроме
пластинок и темной комнаты
но у папы есть один крохотный друг
и поэтому папе будет не
очень грустно и одиноко
этот крохотный друг тихо играя с пиратом сильвером
варягами и другими человечками
будет слушать про ингигерду ехавшую к ярославу
или плач ярославны или
простые строки маргариты наваррской
тихий человек слушающий совершенное
и есть доказательство непреходящего
а следовательно счастье
как и мама
не может уйти надолго

* * *

я слушал тиканье солнечных часов
и услышал
увидел?
цвет журчащей пустоты
сердцу доступны невозможные сколы ощущения
невозможность кажется доступней чем
обыденное наслаждение разумом
и это называется любовью

* * *

только узнав тебя
я понял
как изыскан и нежен персик

* * *

Я закрываю книгу, и страница под моими руками
становится ударом крыльев
такой доступной и необходимой Победы.
День кажется упавшей ресницей, а воробы,
ворвавшиеся в завиток снежных искр,
представляются очередной строчкой. Но строчки

не будет.
Взгляд Солнца, ты уже здесь. Вот, это твоё
бытие, и к этому можно прибавить только
молчание.

АНДРЕЙ КИРСАНОВ

* * *

Ты ещё не проснулась
а мир уже очищается
утренними слезами

Ты ещё не проснулась
а птицы уже наполнили мир
гармонией

А на холме сидит какой-то чужак
и поёт песню
о свершившейся ночи

* * *

Сегодня я разгадал тебя

Все оказалось просто

Я хочу поделиться
и осчастливить других

Сажусь писать твою формулу
но первая же строчка
растворилась в бумаге

Пытаюсь высказать тебя
но слова обволакиваются пустотой

Хочу выразить тебя в движении
но моё тело не слушается
и я в бессилии опускаю руки

* * *

Не входи
если ты еще веришь
в чудо

* * *

сбившись
она исчезла

* * *

гордый как путь

* * *

чтобы увидеть равнину
нужна
хотя бы одна гора

* * *

только поздней ночью
приходит раннее утро

С Е М Е Н К И Р С А Н О В

СОН ВО СНЕ

1

Кричал я всю ночь.
Никто не услышал,
никто не пришел.
И я умер.

2

Я умер.
Никто не услышал,
никто не пришел.
И кричал я всю ночь.

3

— Я умер! —
кричал я всю ночь.
Никто не услышал,
никто не пришел.

В Л А Д И М И Р К Л И М О В

* * *

когда пришло Время
оно вытеснило меня своей жесткой наступательной
поступью
из моего пространства
совсем по закону вытеснения погруженным
телом — воды
меня оказалось ровно столько
сколько времени уместилось во мне
Время заполонило лунку моей прошедшей жизни —
и сомкнуло свои уста надо мной
я — канул
в канун чьего-то зарождения

КОНЕЦ

Я всёхнулся
Я
ВСЁ
узнал

ГАЛИНА КЛИМОВА

РОЗА ВЕТРОВ

Когда распускается роза ветров,
один лепесток — попутный ветер,
что по утрам,
как свежую почту, приносит надежды.
Я жду их!

И трижды завязанный вихрем
шейный платок почтальона,
как маленький флюгер,
спешит указать дорогу:
тебе — уходить,
мне — возвращаться,
нам — по пути.

СВЕТЛАНА КЛИНУШКИНА

* * *

Дождь вычеркивает лица,
Я зачеркиваю дождь.
Никто не заметит борьбы
богатыря и дракона.

* * *

Лежащий на дороге камень
может сказать — "камень",
он может сказать — "дорога",
но никогда —
"больно мне".

МАРИНА КНЯЗЕВА

МАЛЫШ

Макушка — цветочная розетка.
Там светлая капля нектара из пчелиной мечты —

Малыш едет в вагоне
Лицом к стеклу,
И ветер перебирает лепестки затылка
Как пенки ромашки.
Любит? Не любит?
Полюбит ли?
Мать трогает венчик макушки,
Прогибая лепестки
Как пчела, опыляющая цветок.
Мать снимает ветер с кудряшек
И наматывает на мизинец,
Не уставая гадать:
Любит? Не любит?
Полюбит ли?

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

ИГРА

Играли,
играли,
играли...

В жмурки играли.

Поочередно закрывали глаза руками,
прятались кто куда...

Однажды
закрыл я глаза руками,
выкрикнул считалочку,
пошел искать,
и никого не нашел —
все спрятались очень хорошо:

кто превратился в примерного семьянина,
кто ушел ловить сайру в море,

а Танька
сбежала в старые девы.

ВЕНОЧЕК

Улыбка Марии,
прикосновение Ольги,
радостный вздох Лизаньки... —

славный веночек
на могилку
старого графомана. .

СКАЗКА

И встречается Сергей Петрович растение.
И во все глаза глядит на Сергея Петровича
растение.

Вот и сказке конец.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

* * *

Женщиной не овладеть.

Как бы ты ни вскружил ей голову,
как бы ты ни прельстил ее сердца,
как бы ты ни ломал ее волю,
сколько б ты ни владел ее телом —
женщиной не овладеть.

Не для тебя округлится плотно
чрево ее, и набухнут груди,
и сосцы увлажнятся млеком
не для тебя, временщик.

Ты доиграл послушно
краткую роль властелина:
женщиной жизнь владеет,
мощный прилив ее чрева
солнцу угоден теперь.

* * *

Не выносит она одиночества —
с глазу на глаз с собой оставаясь,
испуганно обнаруживает,
что не может найти себя.

Так растерянно
повисает вода в невесомости,
так отчаивается зеркало
в темноте.

* * *

Плотник
в сосне различает доски,
художник
в доске прозревает лицо.

* * *

...когда умру,
кто-то нарушит весь порядок
моего привычного уклада:
переставит мебель,
перетасует книги,
перевесит картины,
переклеит обои,
и только слова,
которые я уложил
в определенном порядке,
останутся в том же порядке.

ЕВГЕНИЙ КОЛЕСОВ

ОЩУЩЕНИЯ

Будто глиняный глобус,
на черепки расколосась память —
лопнули обручи параллелей,
развязались шнурки меридианов.

Глубокие моря и мелкие буквы,
малые города и большие страхи,
синагоги, церкви и мечети,
воины со щитами,
украшенными головой Медузы
для устрашения врагов внешних
и внутренних,
корабли с изогнутыми бортами
и письменные столы с бумагами,
футбольные поля,
поросшие жесткой травой
и прочие чудеса —

все распалось, рассыпалось, разлетелось,
и нам теперь остается
всю жизнь собирать черепки,
успеть торопясь воедино собрать
мозаику наших ощущений.

ВАЛЕРИЙ КОЛОТВИН

* * *

Смертельно раненное утро
Проснулось сегодня с оранжевым криком
Обернулось желтым днем
И понеслось по асфальтовым плоскостям
Вступая в крепости домов
Уводя пленниц и пленников
По чисто вымытым улицам
Пестрыми колоннами
Прошли они и ушли под гомон грачей
В красный полдень
В бордовый вечер
И пели где-то далеко
И смеялись

Пленники

Пленницы

Лишь я спрятавшись в тайную щель
Между стенами книг
Переждал наступление праздника
Стихло все
Годы прошли
Тишина словно пыль осела на мои руки.

* * *

Мы росли среди рифов улиц,
Омываемых приливами пыли.
Мы росли в каменных губках
Наших жилищ,
Боясь высунуть наружу
Единственную ногу.
Город-остров возвышался
Над нами
Глыбой весомых снов.
Наши маленькие катастрофы
Взрывали наши сердца
Вспышками сверхновых,
И поэзия молча входила
В опустошенные души
Осколками первозданности.
Здесь среди причудливых
Наслоений и наростов,
Среди чудовищ и чудес
Большого барьерного бурга
Нас впервые посетила
Шалость купанья,
И мы выкупались на
Славу,
Напившись млечного меда Колумбов,
Открывших старый колодец,
Старый колодец, питающийся
От сердца Земли.

МАРИНА КОЛОТВИНА

Мы путники в этой жизни,
На тризне собственных дней
Незванные гости.
Мы чашу свою выпиваем до дна,
До последнего дня,
До последнего вздоха,
Но плохо, что летопись жизни
Мы пишем,
Уже опьянев
От последней капли,
И не замечаем, что капли дождя
(Или слез?)
Смывают
Еще не просохшие строки,

И руки
 Все больше синеют
 От пролитых строк...
И в прозрачном потоке
Меркнувшего сознания
Приходит знание
Уже такого далекого "Я"...

О С И П К О Л Ы Ч Е В

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Человек не хочет умирать,
Как керосиновая лампа не хочет гаснуть.

Вот, ложась спать,
Ты дунул раз, —
Дыханье ушло в сторону.
Дунул второй раз, —
Опять дыханье ускользнуло.
Третий раз дунул, —
Опять промах,
Лампа горит и горит,
Тогда ты разозлился
И, изловчась,
Со всей силой дунул —
Вертикально —
Прямо в ламповое стекло:
Дыханье накрыло
И убило огонь.

Так поступает и смерть.

НАТАЛЬЯ КОНОПЛЕВА

* * *

Мы одиноки.
Это неизлечимо.
И если сейчас
Я согрею пальцы твои в ладонях,
После еще грустнее
Станет обоим,
Как будто праздничный поезд
Промчался мимо.

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВ

* * *

Шнурки от ботинок очень долго тлеют.
Магний ярко вспыхивает на мгновение —
это мгновение и остается на фотопластинке.

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВА

* * *

Чтобы трижды не пропел петух,
ты трижды свернул ему шею.
Но меры предосторожности
предательству не помеха.

* * *

Творю себя.
Раствор единый — туман и музыка.
А сырость — сплошное непересыханье лужи,
той самой, из которой пишем.

НИНА КОНСТАНТИНОВА

* * *

Не тяга к первооснове бытия,
Не любовь.
Безумие.
Не повинующееся тебе влечение плоти
к чужому.
Вражда тела. Удушье.
Черная страсть.
И спасают
не резоны разума, не увещевания,
не умерщвление плоти. —
Усилие. Возвращение. Припадание всего существа
к подлинности.

Божья тоска.
Молитва.
О даровании сил — глядеть на чужое —
и улыбаться просто и легко.
Свободно.
И в чужом ощутить то родное,
что роднит всех в рождении и смерти.
Взгляд —
И это — бесконечно.

А Л Е К С А Н Д Р К О Р М А Ш О В

* * *

Он рычит. Рычит, что жить без нее не может.
И тушит сигарету о свой сжатый кулак.
Верю ему и не верю.
Верю
потому, что он — это я. Пятнадцатилетний.
Не верю...
Потому что его женщина — это еще не женщина,
лишь
замочная скважина, через которую он смотрит в мир,
смотрит
и не может оторваться
даже затем,
чтобы вставить ключ.

* * *

Если бы сердце жило отдельно от человека,
как бы жило оно?
Ведь нет у него ни зубов, ни лап,
ни крепкой раковины,
ни ядовитой железки,
ни шкурки хамелеона.

Если бы сердце жило отдельно от человека,
ему бы пришлось все это приобрести:
и острые зубы, и крепкие лапы,
и роговой непробиваемый панцирь,
и ядовитую железу,
и способность хамелеона к мимикрии.

и
завис так
на мгновение,
Луна чуточку приблизилась к Земле
(ученые тут же бросились высчитывать отклонение),
Солнце поближе притянуло Землю
(ученым опять работа),
что-то шевельнулось в звездных туманностях,
и у пульсаров резко участился пульс,
даже разбегающиеся галактики на секунду
остановились,
словно кто-то надувал воздушный шарик
и сделал паузу,
чтобы набрать воздуха...
А почему?
Все потому, что не так уж часто
котенок ловит снежинки.

ЛЕБЕДЬ

На зеленой воде,
где опавшие листья, как солнечные зайчики,
белый лебедь
спит
посредине пруда,
засунув голову под крыло
и м-е-едленно кружась.
Кругом так невозможно тихо,
что кажется,
это собственное вращение Земли
то и дело
слегка поворачивает птицу
против часовой стрелки.
Или
таким образом проявляет себя
вращательный момент вселенной.
Хотя, может быть, у этого лебедея
просто такая привычка:
во сне
пошевеливать правой лапой.

СВЕРХЧЕЛОВЕК

Мое маленькое сверхъя,
твое маленькое сверхты,
наше маленькое сверхмы...

Разве думано,
что
сверхчеловечек — фонтанчик волос надо лбом —
появится именно так.
Вот так:
твое маленькое сверх-я,
мое маленькое сверх-ты...

* * *

доказано что
два человека притягиваются
с силой
в одну миллиардную долю ньютона

доказано что
любовь это сложный гормон
развития в человечестве человеческого

лишь уравнение жизни
с одним неизвестным
и одной незнакомкой
недоказуемо

* * *

Снова слышу:
всему есть начало и
всему есть конец.
И снова
жизнь сравнивают с рекой.
Но помилуйте!
Разве Волгу втиснешь
в границы между истоком и устьем?
А жизнь
в прокрустово ложе
между рождением и смертью?
Нет!
Начало — это еще не точка отсчета.
Конец — это еще далеко не все.

АНДРЕЙ КОРЧЕВСКИЙ

ПЕНЕЛОПА

...Но стоит только ему ненадолго отлучиться,
и в доме начинают происходить невероятные вещи.
Еще минуту назад комната пустовала,
а сейчас передо мной уже кто-то сидит.
Я стараюсь держать себя в руках
и спрашиваю: "Что вам нужно?"
Он улыбается и отвечает что-нибудь вроде:
— О прекрасная госпожа,
окажите мне честь,
согласитесь выйти за меня
замуж! —
Я собираюсь с мыслями
и объясняю,
что я давно замужем,
что муж вот-вот вернется,
что он просто пошел в лавочку напротив,
за маслом, —
и я, кажется, вполне убедила незваного гостя, —
но я выхожу в коридор,
и там меня приветствуют двое,
я кое-как протискиваюсь
и натываюсь на очередную троицу в кухне,
и на лестнице,
на чердаке,
на крыше,
на крыльце,
под столом,
в шкафу,
в спальне,
всюду женихи,
женихи,
женихи,
женихи...
Они очень вежливы и улыбкивы,
и нет никакого смысла им что-то говорить или
отказывать,
потому что место одних тотчас занимают другие.
И они пьют за мое здоровье,
и они поют песни в мою честь,
и они уже организовали турниры и войны
за право обладать мной,
и я проклиная мир,
на пятьдесят процентов
состоящий из моих женихов,

и я молю бога
дать мне хоть мгновение одиночества и тишины,
но напрасно,
напрасно,
напрасно...

И потому
всякий раз, когда он уходит,
я говорю ему:
"Прощай, и возвращайся скорей!"
И потому
я говорю ему:
"Все бесцельно без тебя,
и то, что я вышью днем,
само собой распускается ночью!"
И потому,
отправляясь в тысячелетний путь,
он смотрит мне в глаза
и утешает:
"Ну что ты, милая,
я сейчас вернусь,
я только схожу в лавочку напротив
за маслом", —
и никогда не оглядывается, уходя.

Э Л Ь М И Р А К О Т Л Я Р

"МОЗАИКА ГОРОДА"

ДОЖДЬ

Дождь! Дождь от сотворенья мира! И завтра, и
веки! Бурлят, кипят обочины дороги! Изнемогают
крыши, захлебываются водосточные трубы! Сто тысяч
тонн воды за шиворот!

ЛУЖНИКИ

В Лужниках чистая-чистая тишина. В большой
котловине дремлет Москва-река. Еще не проснулись
фигуры физкультурников.

ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Стрелки прилипают к циферблату, деревья прилипают к палисадникам, затылки прилипают к шляпам, шины прилипают к мостовой. Жарко. Газировочные автоматы шипят, как огнетушители. Кипит искусственный лед, не хватает стаканов.

ДОМА

Скорость, скорость, скорость! Кажется, неподвижные дома сейчас двинутся вслед за такси и жильцы будут платить за проезд!

ГАМЛЕТ

Подвыпивший оратор в метро читает из "Гамлета": "Быть или не быть?" Добродушное кольцо вокруг героя. С противоположного конца станции приближается милиционер: "Гражданин, давайте не будем!"

СТАРЫЙ ГОГОЛЬ

Скорбящий, унылый старый Гоголь. Маленькие владельцы велосипедов раскатывают по лужам. Четыре непромокаемых бабушки на скамейке, пенсионеры в серых шляпах и угловатых пальто. Осень.

ДЕВЧОНКИ

Девчонки!

Каждая проходит по улице, как независимая республика, со своей конституцией и флагом!

ЛЕВ КОТЮКОВ

СЧАСТЛИВЕЦ

Некто по профессии м.н.с.
Очень любил лошадей —
И ходил на занятия
В школу верховой езды,
Которую оплачивала его состоятельная мамаша.
Жена м.н.с.-а терпеть не могла лошадей —
И со скуки оброгатила своего мужа.
М.н.с. решительно развелся с женой.
Но после того, как упал с лошади
По кличке Сентенция
И сломал себе правую ногу,
Опять сошелся с бывшей супругой.
Каким-то исключительным образом
Ему удалось устроить своего сына
В балетную студию.
И хотя один мрачный родственник
Сказал м.н.с.-у, когда м.н.с.
Пришел к нему на новоселье:
“Пригнись, а то рогами дверь зацепишь!..” —
М.н.с. счастлив,
Как коммунист 30-х годов,
Участвовавший в подрыве
Храма Христа Спасителя.

НАТАЛЬЯ КОЧИНА

• • •

Бродят меж людей те, что когда-то тоже были
людьми,
Те, что теперь уже просто тени,
Живущие по иным законам
Иного бытия,
Те, что просят прощения смущенно,
Совсем неслышно,
Столкнувшись с чьим-то телом в толпе.
Тело спешит в Никуда,
Чтобы потом меж другими телами
По миру бродить.

ПЕТР КОШЕЛЬ

МЕРА

Лишь человек —
мера всех вещей

в горьковатом воздухе,
текучем, как вода,
или скульптурном, как мрамор,

в ностальгии по женскому смеху
над темным заливом,

в победившей идее,
осколки которой
впиваются в тело,

и в разбитой идее,
осколки которой
впиваются в тело.

ДМИТРИЙ КРАВЧУК

* * *

Хей
куда летит этот снег
к тебе ли в постель?
к древнеиндийскому богу
складывающему алтарь во славу Луны?
к отрицающему день и свет
среди разбитых зеркал
тысячи голов освещенные сиянием Шивы
подобно кирпичам
складывают дорогу в сторону отражения тьмы
он стал бы пророком закрытых дверей
если бы змеи текли струями
бесконечно и плавно
но
лунные нити тянут волосы твоих предков
сквозь могильную память
как камень
тянет в глубины расплавленных снов
стираются священные надписи на твоих подошвах
и это

не что иное как
движение уставших во рту языков
взбивающих в пену слюну
как море стирает берег и скалы
Хей
где написана книга Лесов и Морей
сплетенная корнями
скрипучих деревьев
волос
и слов
в свете рыбьих чешуй — блистательный Фараон
в гробницах Египта
иероглифы теней и птиц мерно парят
в сетях твоих глаз
когда ты
кричишь разрывая страницу добычи
захлебываясь радостью солнца
играющего в капельках сока граната

* * *

Сазыкину Д.

здравствуйте Жители Высокой Травы
дышащие запахом забытых стрекоз
здравствуйте Жители Черных Подземелий Полов
тень разрезает свет на сотню частей из стекла
того кто был
зеркальный скрежет отраженных лиц
впивается в горло забытых имен
здравствуй бродяга пьяно бредущий в косах Луны
листья купаются в струях поющих ветров
того кто был
но
рыбы зовут кандалным пересвистом зрачков
в стеклянное небо врезаются струи вина
ступени ведущие вниз приводят к воде
купальщиц упавших светил
к мокрой траве
того кто был
расскажи мне о том
что ты видел у него в этих снегах
дыхание весел среди груды волн
чертит тенями
в чернильнице моря стая ветров
в пасти сжимает чаек и рифы
среди простуженных скал скользящих взглядами в
воду

приветствуйте тех
кто покинул закрыв на засов струи огней
Четвертая Тень Говорящих что время пришло
из тысячи слов
Время Сражений Корней —
Время Великого Эна — жителя Песочных Слез
куда опрокинуты скандальные тюрьмы зубов
оставляющих след?
того кто был
зеленым зверем на восточной стороне всех стен

* * *

глаза цвета испуганных свечей
зажигают во мне желание вытереть слезы
с печальной плоскости стекла
замерзшего в пепле дождей
сиротящих улицы
пугающих собак отраженным дыханием луж
хотелось бы вспомнить имена
остались одни номера телефонов
в которые нет желания стучаться
извиняясь и плача по прошлым часам
самая большая дыра в моем мире —
это небо
которая разлетелась ровно настолько
насколько наш мозг мал
и казалось бы это большое свинство
но я хочу провалиться именно в эту дыру
и дыша воздухом звезд
упасть на холмы сухих листьев
рассыпанные на дне Вселенной

(спасибо Додо)

гроза в зове вздыхающих богов
я так скучаю по твоим ветвям
растущим как руки сакуры
неожиданно ярко опьяняя меня
блеском цветов электрической песни
волосы сливаясь с моим дыханием
плавно стекают
с обрывов плечей в далекую бездну спины
и я забываю о ножах
воткнутых мне в голову
за многие годы проживания в этом мире
в любом шкафу тот же воздух
что и в моих легких
в морской пене

в крике дельфина
губы твои думают желанием
я помогу тебе в этом

* * *

Три года шел дождь.
Барабанил по крышам домов,
По стеклам стучал,
Моросил на лица
Мелкой пылью стеклянных причин.
Все, что могло расти —
росло,
Обвивая дома и цепляясь за ноги
Мокрых прохожих.
А иногда по вечерам
вместо луны
Вставали огромные капли у горизонта,
светясь,
И тогда старики говорили, что видят,
Как там, внутри
розовощеких младенцев небес,
Плавают рыбы цвета потерянных ласк.

Три года шел дождь.
Три года кавалеры достойного Ордена Чаш
Ковали мечи.
Ковали их молча.
Лудили щиты.
Точили.
Точили.
Блестели глаза во тьме мастерских,
И в шорохах мокрого дня
Скрипели колеса телег,
укрытых рогожей,
смазанной салом.

Три года прошло
Как некий таинственный час,
Что гонит за стрелкою стрелку
На циферблате дорог,
Как некий обыденный миг,
Что торопит за ложкою ложку
На трапезе бледных детей,
Как некий капризный, но ласковый шелк.
Все прошло,
Прошелестело
и сгнуло прочь.

Светила выстроились в единственный ряд.
Из прелой, из мягкой и рыхлой земли
Вышли навстречу предки,
И каждый узнал свою мать.
Вот как счастье вернулось в дома.
У очагов запело,
Зашелестело маленькое и злое пламя.
Мама!
Мама!
Молчали лица,
Молчали руки,
Звуки стеснялись шагов
Нашедших счастье мужчин.

Но трубы ударили вдруг
Медной поверхностью в самый зенит,
И кончился час,
И кончился миг.
Насыщенный воздух, что всюду проник,
Застыл, как кристалл,
Звения,
Хранилищем став вечным
вечного мига

Счастливых мужчин.

"СУМАСШЕДШАЯ МАМА"

я знаю сумасшедшую маму в тени неподвижных
эвкалиптов
подобно себе живет она в одиноком пророчестве
времени
без претензий на старость. остановка сенсоавтобуса
Медхауз с ядовитым шипением зеленых испарений
вскрываются
двери при помощи тупого лезвия желаний
выпуская наружу нечаянное трепетание наших тел
под
грузом чемоданных мыслей оттягивающих наши руки
до
уровня первостадии человекообразия. дорога
каменно-
окрашенная г-м Некрасовым не краской а здравым
полубредом
— единственное место наступления нашего отряда
по пути проецирования взглядов к глазам
сумасшедшей

мамы которая постоянно генерирует лопотание
сказок и малоизвестных слов
"АО" говорит она это значит что нами не потерян
последний шанс вернуться в автобус и проехать еще
не одну милю до суперстанции Ля Морт швейцаром там
сеньор Сальвадор а я не редкий гость был до того как
ни встретился с излучением сумасшедшей мамы с тех пор
и я и мои друзья соотрядники не берем билеты на
обратный путь.

Г Е Н Н А Д И Й К Р А С Н И К О В

* * *

Верлибр —
единица речи
говорящих на языке философии
Следовательно
все философы
были поэтами

* * *

Боюсь
что у всех у нас
одинаковое "до" и "после"
утешимся
неповторимостью
того
что между ними

* * *

Мы не умеем
слушать
слышать
любить
быть любимыми
ненавидеть

прощать
мы все время защищаемся
держим круговую оборону
вокруг голого Короля
по имени "Я"

* * *

Или я чего-то не понимаю?

Но мне кажется
что законы Ньютона
Бойля-Мариотта
Теории относительности
гравитации
и все прочие законы
в которых я тоже не разбираюсь —

надо обязательно переписать,
переиначить,
изменить

Или я чего-то не понимаю?

* * *

Каждый
хотя бы раз
в какой-то
непредсказуемый миг
на мгновение ощущал
тревожное касание
неизвестно откуда возникшего
сквозняка

Смерть всегда
держит дверь приоткрытой

* * *

Мы —
спрятались в дома и одежды
в работу и общественное положение
в самомнение

в тысячи мелочей
в бесконечные хлопоты
в ассоциации и партии
в оружие стада на стадионах
в десятки различных религий

нас невозможно найти
обнаружить
узнать

и только —
осталось одно уязвимое место
одна надежда
незащищенная Истина —

Голые глаза

* * *

С годами
мы становимся похожими
на большую морскую раковину
хранящую внутри себя
самый первый самый нежный
самый розовый завиток —

тихий плеск детства
и маминого голоса...

* * *

100-лько лет
я тебя не видел
о как я уСТАл
100-бой!

* * *

Собака, Жизнь,
дай
я тебя поглажу!

* * *

Постоянен
как пейзаж
в окне

изменчив
как
ежеминутно
обновляющаяся
вокзальная толпа

* * *

Маленький человек
все время говорит:
Я не виноват,
что они
такие большие выросли!..

* * *

Во сне
видишь столько неба
сколько видит его
океан

* * *

На старости лет
после серьезных занятий
чтения философии
сочинения умных стихов
споров
столкновений
углублений
стремления занять
не последнее место в обществе
выглядеть достаточно серьезным...

После приобретения
болезней суставов
сосудов —

вытащить из картонной коробки
старые юношеские верлибры
весьма несерьезные
и открыть неожиданно для себя
что в начале
мы знаем больше
чем в конце

НИНА КРАСНОВА

ОБ ИСКУССТВЕ СМОТРЕТЬ НА КАРТИНЫ

На каждую картину
надо смотреть с определенного расстояния:
на одну — с более близкого,
на другую — с более дальнего.
Например, на тонко выписанных
мадонн Кривелли или Петрова-Водкина
надо смотреть с более близкого расстояния.
Тогда каждую черточку лица разглядишь,
каждый волосок на голове,
каждую складочку одежды
и все содержимое души.
А с более дальнего расстояния
ничего не разглядишь.
А на выполненных в импрессионистической манере
женщин Ренуара или Серова
надо смотреть с более дальнего расстояния.
Тогда всю их красоту увидишь
и все нюансы, все движения их души.
А с близкого расстояния
ничего не разглядишь,
увидишь только расплывчатые мазки и грязь
и можешь подумать,
что ничего хорошего в этих женщинах нет.

На каждую женщину
тоже надо смотреть,
как на картину,
с определенного расстояния:
на одну — с более близкого,
на другую — с более дальнего.
Только тогда ее разглядишь
как следует
и только тогда оценишь правильно.

Вон женщина, на которую надо смотреть,
как на картины Кривелли...
Вон женщина, на которую надо смотреть,
как на картины Ренуара...

ЗАХАР КРЕЙМЕР

* * *

Взгляни на солнце!
Присмотришь,
Как оно колесит по орбите.
С этого начинается
великая бессмыслица бытия.
А ты, задумчивый, как сигарета,
ломаешь голову:
"Зачем это все?"
Брось!
Будь также спокоен,
как солнце,
которое не думает ни о чем.
Ты создан для того,
чтобы этот огромный слепящий зрачок
смеялся и издевался над тобой.
Ибо солнце мудрее.
А если все это огромное
может без тебя,
то зачем ты?
А если жизнь увязает
в переплетении бесконечностей,
то может, жизнь —
не самое лучшее,
что придумала природа?
А если смерть —
не выход из лабиринта,
то для чего продолжается бессмыслица?
Эта бессмыслица идет по кругу,
по второму, по третьему кругу...
Я вижу,
как эти круги
выписывают слово:
"Истина".
Страшно?

ВИКТОР КРИВУЛИН

МОРЕ ПОДОБНОЕ НЕБУ

море подобное небу а небо себе самому
о настолько простые стихи что нужды
в них никакой но просторно
как не бывает ни в море ни в небе
и ни одного человека
даже меня самого

ГРОТЫ ПОЛНЫЕ МУХ

гроты полные мух и объедков
тропинка над бездной прозрачной
опасное место
отмечено детским ведерком
расплющенным а вокруг
валяются желуди
все бесконечно прекрасно
ко всему привыкаешь

НЕОБЪЯСНИМО В ПЕКЛЕ КУРОРТНОМ

необъяснимо в пекле курортном
присутствие Бога
исповедальные разговоры
портреты со слишком большими глазами
кошка-трехцветка прижала больное ухо
замерла с поднятой лапой
исчезла

НИЧТО НЕ РИФМУЕТСЯ

итак ничто ни с чем не рифмуется
плотоядные грозди, проблема вина и хлеба
никчемный поэт, виноградины вечно-зеленой
удивленное сочное "о"
заслоняет лицо и поселок и солнце
и не умолкает

БОЛЬ — ЭТО СЛИШКОМ

боль это слишком легко
любовная мука
общественная одержимость
острие экстаза
счастье непереносимо
не трогает не передается
не пронзает

ИЗ ВОДЫ ИЗУМРУДНОЙ

из воды изумрудной торчат обломки скалы
вот носорог спина исполинской лягушки
вот голова рыси
лапы хребет и хвост
тиранозавра

завтрашний зоопарк
когда ни единого зверя ни птицы ни гада
не останется на земле
только море и камни

мы — последняя жизнь —
придем сюда постоять
пивную жестянку расплющить об острый край
тигриного уха

мы выпьем
остаток теплого пойла
и один из нас кто-нибудь
молча покажет

на торчащую из воды
фигуру в плаще и шляпе

СОВСЕМ СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

совсем сегодняшний день
это почти вчера
это чуть ли ни завтра

обволакивающие вечера
смутное чувство
ясности смерти заката

и вот загадка — рожденья

здесь я снова и снова
конечно конечно здесь
куда же денусь?

* * *

редкие редкие дни
иногда наступление вечера
сопровождается музыкой бледной
есть вопросительный угол заката
и только во сне, после самой последней
мысли — только во сне и отвечено
а просыпаясь не помнишь ответа

есть воскресения редкие редкие зубья
гребень рабочей недели
крик петушинный

сумерки утром и сумерки вечером — как
симметрично
крылья дерущие воздух нерасторжимы
птица дыханья лишенная тела
птица с лицом вещества и безумья

О Л Е Г К Р У Г Л И К О В

* * *

Зеркало отразилось в воде
Зеркалом отражающим воду
Колодец зеркальный время разрезал
Создал застывшую вечность
Ту что все объясняет
Ту что притягивает отвергая
Ту над которой зависаешь
Забыв обо всем и о себе
Забыв и о самой вечности
Остается покой
В котором нет смысла
Потому что нет и тревоги
Нет и тебя самого
Но что-то осталось
Что
То что осталось между зеркалом и водою
Зеркалом и водою
И все

ИГОРЬ КРУЧИК

* * *

мы выкарабкались
к галактикам

по спинам
по трупам
мамонтов обезьян собак

ЧЕЛОВЕК —
многоступенчатая ракета
стратегического назначения

ТАТЬЯНА КУДИНА

* * *

От 60 до 80
 столько же
 сколько
от 0 до 20
 или же
от 20 до 40.
Изнурительнее этой неправды
 только
 всеобщее равенство.

ВЕЧЕР СТАРИКОВ

В доме призрения
ждут чая
 перво-проходцы
 и
 перво-проходимцы
на всех один
выжатый лимон желаний.

ВЗАИМОСВЯЗЬ

В лабиринтах пещеры
убитых имен
есть переход
ведущий
в лабиринты
без вести пропавших
идей.

РЕПЕТИЦИЯ

Ария
цветочного горшка
замирает
на фальшивой ноте бутона
огорошенного
отсутствием воды
с комнатной температурой.

РЕКЛАМНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Отсутствие острых углов
приведет вас
в замкнутый круг.

М И Х А И Л К У З Ь М И Н

* * *

кирпич
раздумавший падать
с крыши
может выпить
на брудершафт
с Сократом

БАЛАНСИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО

солгав
один раз
поражаешься
как много
в мире
чисел

ВВЕРХ ПО СПИРАЛИ

Секунда — это ниточка
паутины,
очень похожая
на нить Ариадны
и на вечно зеленый
экватор.

К ней боится
приблизиться паук
с предложением
руки и сердца.

Но она уже
несчастлива,
потому что влюблена
и в будущее
и в прошлое...

К ЭПИЦЕНТРУ СКОРБИ

За минутой молчания
следует час тишины,
но не сразу,
а после раздумья.

И когда мы погружены
в сердцевину
ночного безумья,
слышим голос бессмертья
внутри пустоты...

* * *

роль самоубийцы в театре одного актера —
это роль пространства
в театре времени

* * *

Под одним одеялом
холодно
самолету
и стрекозе

* * *

лысина
на философском конгрессе
это цитата
из Бергсона
или из Платона?

* * *

из двух зол
художник выбирает
оба

* * *

на исходе XX века
мне надо решить
всего две проблемы:
выпустить из клетки
птицу
с человеческим лицом
и переписать начисто
черновик удачи

* * *

люблю
когда у прекрасной незнакомки
рост 160 см
ветер в голове
рассвет на губах
в глазах — ночь
и на безымянном пальце
левой руки —
одиночество
96-ой пробы

УЛЫБКА

она умерла
в разгар праздника
на глазах у фейерверка
пытаясь перебросить
паутиновый мост
от возгласа счастья
к шепоту отчаяния

* * *

на пороге шедевра
стояла муза
но почему
в хохочущей шубе?

* * *

что это за игра?
если проигрываешь,
умираешь мгновенно.
если выигрываешь,
умираешь в муках...

ИСТОРИЯ

через тысячу лет
книги были

возвращены
на эшафот
минуя библиотеку

НЕЗАРИФМОВАННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

К. Д.

когда улыбка спит
на дне бессонницы
то подушки
наволочки
простыни
одеяла
и кровати
радостно путешествуют
по лицу
не боясь утонуть
в капельке слезы

СТРЕМЛЕНИЕ К ПОКОЮ

В день, который пришел
понедельником
и ушел понедельником.
В час, который назначил
расставанье
и простился без слез.
В миг, который увидел
смерть
и захлопнул книгу.
Я все еще размышляю,
сбрить мне бороду,
или сжечь корабли.

БУНТ

Хочу быть
бессмертным
сейчас
сию минуту
в этот миг...

Пророк
совершивший самоубийство сегодня —
все-таки
вырывает свою смерть
у будущего

ПОЭЗИЯ

Не умею
переводить
с португальского.

Не умею
переводить
с китайского.

Плохо перевожу
с природы.

Еле-еле
с заигранной
пластинки.

В конце августа
начал переводить
с осеннего ветра.

Ничего не получилось.

Теперь опять
перевожу
с родного языка
на язык детства.

РАЗГРАБЛЕННЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ

Птицы улетевшие на юг
прихватили с собой
мои крылья

Актер сыгравший Гамлета
присвоил
мои жесты и мимику

Пожарник размахивающий огнетушителем
справился
с блеском моих глаз

Философ ответивший
на основной философский вопрос
украл у меня надежду

Чиновник закончивший следствие
похоронил мое имя
в деле номер 540

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

утренняя газета
сообщила
что я умер

вечерняя
констатировала
что я воскрес

а ночь
шепнула на ухо
деревьям
что я оборудовал
в типографии
мастерскую
по ремонту
осенних листьев

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Опаздывая на автобус,
я перебежал дорогу
черной кошке,
и через минуту
она сохла.

Целуя любимую девушку,
я прокусил ей
нижнюю губу,
и меня пригласили на роль
сексуального маньяка
в новом многосерийном
телефильме.

Прогуливаясь
по экзотическим местам,
я выбросил окурок

в траву,
и сгорела
африканская саванна.

Без тренировки
я сбил всех уток
в подвальном тире,
и деятели международной
мафии

предложили мне
осуществить отстрел
нескольких конгрессменов.

Во сне
я вырвал
седую прядь
своих волос
и утром проснулся
помолодевшим
в Лондоне
в музее восковых фигур
Мадам Тюссо.

ГЕОГРАФИЯ

Однажды Лондон рассердился на англичан
и отправился путешествовать вокруг света...

Нью-Йорк долго колебался,
но потом все-таки полетел на воздушном шаре...

Париж тоже не усидел на месте
и поплыл к берегам Индии за утраченными

иллюзиями...

А Рим, этот вечный город, заблудился в аравийской
пустыне

и умер от ностальгии...

И только деревня Тараканиха никуда не поехала.
Ей было хорошо и дома.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРИЧУДЫ

мазохист набрался мужества
и набил себе морду

садист ударил подснежник
и заплакал от боли

оптимист поверил
что доживет до глубокой старости
и стал консерватором

пессимист испугался
показаний барометра
и растаял в тумане

самоубийца сунул голову
в петлю
и помолодел
на несколько тысячелетий

ОПРАВДАНИЕ ДЕПРЕССИИ

И все-таки ветер
не рассуждает по-кантовски.

И солнце никогда
не спорит по пустякам.

И камни не пытаются
критически мыслить.

И сухая трава
не сочиняет трактатов.

И дождь не стучит
на пишущей машинке.

И тем более снег
не мечтает стать
интеллектуальным героем
XX века.

МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Давиду Дугласу Дункану

Этот убитый
еще ждет
письма от матери

Этот убитый
продолжает улыбаться
и выковыривать землю
из ушей

Этот убитый
достаёт расческу
из кармана
и приглаживает волосы

Этот убитый
совершает
свой последний подвиг:
шепотом говорит
что он не уверен
в победе

ПОСТСКРИПТУМ

Той, которая если бы...

Я ждал тебя у Ростральных колонн.
Ты не пришла...
А Ростральные колонны
срубили под самый корень
и увезли на свалку.

Я ждал тебя на шпиле
Петропавловского собора.
Ты не пришла...
И ангелу скрутили крылья,
надели мешок на голову
и утопили в Кронверке.

Я ждал тебя на Царскосельском вокзале.
Ты не пришла...
А поезд, шедший на Вырицу,
задавил пса,
грызшего кость прямо на рельсах.

Я ждал тебя в своем сердце.
Ты не пришла...
А как только я перестал ждать,
профессор Барнард пересадил
мое сердце
известному лидеру черного большинства,
и в Южной Африке
воцарился мир.

БЛИЗКОЕ ПРИСУТСТВИЕ ДАЛЕКОГО

Е. П.

Губы которые я когда-то целовал
теперь целуют губы зимнего ветра

Руки которые я когда-то гладил
сейчас в руках осеннего равнодушия

Тело которое я когда-то обнимал
сегодня уехало на летние гастроли

И душа которую я когда-то боготворил
только что замерзла под крылом
первой весенней ласточки

* * *

И. К.

Люблю тебя задним числом
прошлогодним снегом
увядшими цветами
утраченной наготой
переваренными объятиями

Люблю тебя книгой
возвращенной в библиотеку

ДЕЗЕРТИР

Э. Л. Ф.

Наш поцелуй
который мы изобрели
в тридцатиградусный мороз
чтобы хоть на мгновение
забыть о том
что не греют батареи
центрального отопления...

Наш поцелуй
который засыпал
у нас на губах
чтобы проснуться
у нас на груди...

Наш поцелуй
который никогда не спешил
чтобы быть
долгожданным

Наш поцелуй
который рассказывал нам
анекдоты
и смеялся над самим собой...

Наш поцелуй
который мы отправили
в кругосветное путешествие
и вновь встретили
в объятиях...

Наш поцелуй
который пропал без вести
когда узнал
что мы разлюбили
друг друга...

Наш поцелуй
включен в энциклопедию!

Теперь о нем
можно прочитать
в статье:
"Сухой лист и его
практическое применение".

СРОСШИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Хорошо помню
что в тот момент
когда ты впервые
меня поцеловала
я читал газету

Кажется раздел
Зарубежные новости

И когда твой поцелуй
обжег мои губы
взорвалась бомба
на вокзале
в городе Болонья

84 убитых
200 раненых

С трудом я пришел в себя
Еле отдышался
А когда понял
в чем дело
было уже поздно

Ты перевязывала раненых
а меня избивали полицейские
требуя признания...

ЛЕСТНИЦА ДЛИНОЙ В ОДНО ПРОРОЧЕСТВО

Телефон по которому я тебе позвоню
будет испорченным

Комната в которой мы согреемся
будет сгоревшей

Объятия которые нас породнят
будут старческими

Рассвет который мы увековечим
будет мертвым

И разлука которая нам предстоит
будет несбывшейся

“КРИСТАЛЛИЧЕСКИЕ СЕКУНДЫ”

* * *

Если бы не страх перед завтрашним днем,
мы бы уже давно жили в будущем.

* * *

То, что не родилось, должно хотя бы воскреснуть или проснуться.

* * *

Тайна, сама себя раскрывающая — вот что такое свобода без человека.

* * *

Испугавшись ответственности, новости торопятся стать сплетнями.

* * *

Совет великому человеку: познай свой памятник.

* * *

Носи всегда ту маску, под которой тебя нет.

* * *

Трудность человеческого познания в том, что у вопросов и ответов такие же проблемы, как у отцов и детей.

* * *

Великанам кажется, что карлики не живут, а все время играют в прятки.

* * *

В поэзии главное — тайна,
в прозе — конспирация.

* * *

Пророками прошлого должны быть слепые.

* * *

Воспоминание — возвращение сознания из бытия.

* * *

Темное прошлое — родина светлого будущего.

* * *

А может, гордиев узел — это чей-то воздушный замок?

МАРИНА КУЛАКОВА

* * *

Когда я убивала в себе собаку —
она скулила и пыталась лизнуть мне руку.

Когда я убивала в себе кошку —
она долго не умирала.

Когда я убивала в себе лисицу —
я ее никак не могла найти.

Когда во мне умирала лошадь —
она дышала.

Я расстреляла в себе стаю орущих попугаев
и без труда убила токующего глухаря.

Я давила змей,
стреляла в волков и шакалов.

Детеныш льва во мне даже не подумал спрятаться.

Умирили травоядные, головоногие, рукокрылые...

Наконец, все было кончено.
"Эй, простейшее..." — прошептал кто-то рядом.
Я оглянулась. —

Смертельно раненная
обезьяна
расхохоталась мне
в лицо.

СЕРГЕЙ КУПЛЕ

* * *

Меня снедает
грусть-тоска по дальним странам
и далеким путешествиям.
Я не живу,
а только жду момента,
чтоб незаметно ускользнуть
из дома,
чтоб на работе
отпроситься в долгий отпуск
и уехать, и уехать, и уехать.
Все жду,
когда автомобиль попутный
меня подкинет на пять тысяч километров.
Все жду,
когда песочные часы,
которые до этого молчали,
пробьют двенадцать раз.
Все жду,
когда автобус издалека
затормозит у нашего подъезда.
Все жду,
когда настанет время,
чтобы тонуть, переплывая в одиночку
морской пролив, проток озерный.

Чтобы заблудиться на
велосипеде
ночью зимой в лесу.
Чтобы ломиться в запертые двери
"Домов крестьянина",
спасаясь от бурана.
Вы молчите...
Вы говорите
про семейный долг,
служебные обязанности.
Напоминаете,
что меня связали
узы дружбы, пути сердца...
Вы знаете,
я все-таки уеду,
хотя бы на трамвае:
динь-динь-динь-динь!
Вот, у меня уж и билет
в кармане.
Вы знаете,
я все-таки уеду,
хотя бы на качелях,
и вернусь нескоро.

ВИКТОР КУЛЛЭ

* * *

Спичка
холодная капля
морщины на сгибах фаланг
болезненный блеск полированной меди
стервятники кружатся по часовой
ну и что?

он темный смотрит на меня оттуда

* * *

Теплая
слоновая кость
крошится от белого взгляда
в моче рыси
вырастают карбункулы

язык Цицерона — кровавая бабочка

крик

РЕЗЬБА ПО КОСТИ

Мир

самую малость жмуцкой под мышками
напоминает о странной способности времени — там
где начинается небо
насмешливый джаз
и апельсиновые дольки холодных синкоп

эти кошачие уши несбывшихся женщин

АНАТОЛИЙ КУЛТЫШЕВ

ПЕЙЗАЖ

треугольники
от уток
и лебедей
среди желтой
и красной
листвы
на воде

а вдали
перевернутый
берег

белые
колонны
балкона

столики
под зонтами

и склоненные
силуэты
(обязательно влюбленных)

ведь
только они
могут так
конспиративно

шептать о том,
о чем не слышно
за соседним столиком
но видно
даже отсюда

с этого
берега

АНДРЕЙ КУЛЬБА

* * *

Каждая вещь
состоит из своих теней,
ибо создает себя тем,
что глядит на свет.

* * *

Спящий живет по ту сторону век.
Когда я сплю,
я как спичка, в которой зашит огонь.

* * *

Отсутствие тоже имеет плоть.

* * *

Убить можно только подобное.

ВАЛЕРИЙ КУПРИЕНКОВ

* * *

Маленьким мальчиком
запуская кораблики в воду,
я верил, что открою неведомые

земли. Но не знал я тогда,
что красота и печаль в знакомых
вещах не отпустят меня
в дальние страны.

* * *

Часы остановились,
Умолкли шаги соседа.
Я один в комнате.
Ожившие вещи
Говорят со мной
На языке одиночества.
Слышу
Как калитка скрипит —
Просит:
"Не уходи".

* * *

Руно
освещает пространство —
и невозможно укрыться
от его слепящего света
в тени уединения и самопознания
Руно — символ обладания
неведомым ранее

* * *

Повторяя
движения
светил
затухающих

люди пишут сраницы
человеческой азбуки

* * *

Не наступи —
в пылинке
 бьется
 сердце

В Я Ч Е С Л А В К У П Р И Я Н О В

* * *

В одном
некогда бывшем
мире
запретили
питаться
чем-либо иным, кроме
птичьего молока.

И покорные
вымерли.

В живых остались
власти,
утвердившие этот запрет,
но тайком
потреблявшие мясо,

и сосланные
в отдаленные места
враги запрета:

посаженные
на хлеб и воду.

* * *

На развалинах
некогда бывшего
благополучного мира

обнаружены были картины
на которых развалин
не обнаружено

книги
где сочинители утверждали
что все идет к лучшему
в их мире

и газеты
где говорилось
что самые лучшие в мире
картины и книги —

именно в их
некогда бывшем
мире

ПЕСНЯ

В одном
некогда бывшем мире
была у Одних песня
и ее отняли у них
Другие
И тогда сложили Одни
другую песню
и с ней пошли они
на Других
и отняли у них свою первую песню
и заодно отняли жизнь у Других
Но теперь не знали Одни
что им дороже —
песня за которую они
сражались с Другими —
или песня которая
их повела на Других

от недоумения
исчезли с лица земли
Одни вслед за Другими
в одном некогда
бывшем мире

* * *

Мир звучит
будто все идиоты
стали музыкантами
их толоконные лбы
влюбленно
сталкиваются
и порождают свободу
от настоящего времени

Мир смотрится
многосерийным детективом
все жаждут
продолжения
считая себя героями

а не жертвами
праздного любопытства:
ежедневное массовое самоубийство
в омуте телеэкрана

Этот мир
хочет быть на любой вкус
уже обесцвечена кровь
все пресно

Этот мир
пахнет средствами передвижения
противозачаточными средствами

лишь нехватка средств
внушает надежду
на будущее

* * *

В банкетном отделе рая
уютном, как красный уголок райотдела,
происходит дружеская встреча
поэтов и жандармов, точнее
поэтов, изувеченных жандармами,
и жандармов, увековеченных поэтами.
Лакированные лакеи
разливают шампанское по консервным банкам,
звучит ржавая музыка проволочной арфы,
со стен чопорно взирают
потомственные мыши, увешанные орденами.
Застенчиво
сквозь стены входят опоздавшие
с венками на головах,
с цинковыми гробами под мышкой.
Поседевший Пушкин
беседует с Бенкендорфом
о благородстве архангела Гавриила.
Мельтешат журналисты,
к бывшим носам подсовывают понюшки микрофонов,
спрашивают о планах на будущее.
Жандармы укоризненно качают черепами,
поэты согласно кивают
декадентскими гривами, отросшими
в потустороннем мире,
оснащенный телекамерой Гойя
объективно запечатлевает
историческое постукивание рукопожатий.

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОГО КОРОЛЯ

— Народ ждет от вас действий, Ваше Блаженство

— Откуда это видно?

— Это видно из того, что народ безмолвствует

— Каких же действий ждет безмолвный народ?

— Лучше всего военных

поскольку в этих действиях

народ хорошо себя проявляет

и выявляет свои лучшие силы

которые кричат вперед когда надо

и безмолвствует когда уже ничего не надо

— Против кого должны быть действия?

— Скорее всего против другого народа

который тоже хочет выявить свои лучшие силы

— А когда одни лучшие силы

угробят другие лучшие силы

чего мы добьемся с остатками народа?

— Мы добьемся мирных переговоров, Ваше

Блаженство

в результате которых

вам могут предложить остатки другого народа

который будет безмолвно ждать от вас других

действий

— Против кого?

— Хотя бы против остатков своего народа,

Ваше Блаженство

ВНЕЗЕМНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вот прилетят на Землю

представители высших цивилизаций

они сдунут пыль с наших мудрых книг

они скажут нам свое спасибо

за то что мы их предсказали

за то что мы вежливо не стремились быть выше

чтобы не обидеть высшие цивилизации

Вот прилетят представители

они научат нас не бояться друг друга

не обманывать самих себя

стоять прямо на своей земле

легко дышать в своем небе

и быть хорошими собеседниками

чтобы не обидеть высшие цивилизации

Они нас отучат попусту распускать руки

отучат надеяться на чужие боеголовки

больше чем на собственные головы
они обяжут нас беречь эту землю
поскольку улетят в свою высшую вселенную
но обязательно вернуться чтобы проверить
насколько мы уважаем высшие цивилизации

* * *

есть жизнь и на других планетах
и к нам могли бы прилететь пришельцы
просто их к нам не пускают
таможенники и пограничники
работающие в пределах
нашей солнечной системы

возможно что их не пускают
их таможенники и пограничники
чтобы они не вывезли свои
внутренние тайны
и чтобы они не остались у нас
не потому что у нас лучше
а потому что мы их можем не выпустить

но прежде всего их не пускают
наши таможенники и пограничники
и вовсе не так уж важно
почему они их не пускают
а важно и значительно то
что даже на границе солнечной системы
и там
наши

* * *

речь река

под лунным светом
на переливах волн
слог за слогом слагался санскрит

в зыбких заводях
среди речных трав
таились иероглифы

в потоках гор
плыли ломкие знаки
в глазах месропа маштоца

отражалась в струях дуная
суковатая азбука кирилла и мефодия

река речь

все разговоры впадают в море

устья уста
только правдой живут

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА

Угасшие звезды
из колючей проволоки

За них зацепилось
синее полотнище
неба

Его
еще надо
поднять

* * *

Эпидемия
свободы:

самые опасные
бациллоносители —
люди,
переболевшие
любовью

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Многоточие
тающих в небе
птиц...

Желтые запятые
опавших листьев.

Из-под ладони
девушка смотрит
птицам вослед.

Вопросительным знаком
застыл над колодцем
журавль.

Любовь,
когда ты
вернешься?

ИГОРЬ ЛАПИНСКИЙ

* * *

Но как вытекает время!
Отовсюду без исключения
уходит за грани возможности помнить.

На первых порах
источает его растительный биос и вещи
жадно всасывают невесомую жидкость,
но
не вечность (пустую абстракцию), а
конкретные годы, — вот счет
неподвижной жизни вещей.

Крошатся, щербятся их контуры от вычитания
вяжущей влаги времени. Перемещаясь,
влага сия уносит образы
совсем не те, которые мы недомыслили.
Иные. Совсем иные.

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОРАНЖЕВЫХ АБАЖУРАХ

В этом городе шел снег
и светились оранжевые абажуры,
в каждом окне
по оранжевому абажуру.
Я ходил по улицам
и заглядывал в окна.
В этот город я вернулся с войны,

у меня было все впереди,
не было лишь квартиры,
комнаты,
угла,
крова.
Снова и снова
ходил я по улицам
и заглядывал в окна.
Под оранжевыми абажурами
люди пили свой чай
с послевоенным пайковым хлебом.
Оранжевые абажуры были моей мечтой,
символом
всей несправедливости мира,
в котором,
как мне казалось,
лишь у меня одного
не было никакого пристанища,
комнаты,
угла,
крова.
У меня было все впереди,
все впереди настолько,
что я не мог оценить размеров
своего богатства.
— Скажите, пожалуйста, —
спрашивал я, —
здесь не сдаётся угол? —
А в городе шел снег
и светились оранжевые абажуры,
оранжевые тюльпаны
за тюлевой шторкой метели,
оранжевая кожура мандаринов
на новогоднем снегу.

ВОСПОМИНАНИЕ О КУСКЕ САЛА

Правый берег реки
возвышался над нашим,
над левым,
и мы сейчас были как на ладони,
на нашем отлогом,
песчаном,
у этой реки,
где редкая птица
долетает до середины,
и нас засекли у самой воды,
и снаряды стали ложиться

ближе,
и мы побежали —
мы добежали
до первой воронки
и нырнули в нее,
и снаряд разорвался рядом,
немного не долетев,
а потом позади
и справа,
и песок нас слегка присыпал,
и надо было бежать,
и тогда
один из нас вытащил сало
из кармана шинели,
и мы стали есть его
жадно и торопливо,
хотя надо было бежать.
Сало было розовым и соленым,
веснушчатым и конопатым
от песка и махорки,
мы ели его жадно и торопливо,
почти проглотили,
и тогда мы выскочили
и побежали,
и пробежали совсем немного,
когда снаряд
наконец
угодил
в ту спасительную воронку,
где мы перед тем сидели.
Сало было розовое,
как младенец,
розовое и веснушчатое,
как наш старшина после бани,
этакий рыжий верзила
с нахальной ухмылкой,
некто хохочущий,
некто ликующе розовощекий,
этакий улыбающийся
господин в цилиндре,
некий факир
по имени Сало,
господин Сало,
ах, господин Сало...

ВОСПОМИНАНЬЕ О СКРИПКЕ

Откуда-то из детства
бумажным корабликом,

запахом хвойной ветки,
рядом со словом полька
или фольга,
вдруг выплывает
странное это слово,
шершавое и смолистое —
канифоль.
Бумажный кораблик,
елочная игрушка,
скрипочка,
скрипка.
Шумные инструменты моего детства —
деревянные ложки,
бутылки,
а также гребенки,
обернутые папиросной бумагой, —
это называлось тогда
шумовым оркестром
и были там свои гении и таланты,
извлекавшие из всего этого
звуки,
потрясавшие наши сердца.
Я играл на бутылках,
на деревянных ложках,
я был барабанщиком
в нашем отряде,
но откуда
это воспоминанье о скрипке,
это шершавое
ощущенье смычка,
это воспоминанье
о чем-то,
что не случилось?

ВОСПОМИНАНЬЕ О САНКАХ

Мама везет меня куда-то
на санках,
нас обгоняет извозчик,
а мне, должно быть,
года четыре,
и мама идет впереди,
а я смотрю в ее спину,
установился в одну точку
и думаю о чем-то.
— О чем ты там думаешь, мальчик? —
говорю я ему,

сидящему в санках.
Я хочу забежать вперед,
заглянуть в глаза
и сказать ему что-то,
предупредить его, что ли, о чем-то,
предостеречь
от каких-то опасных поступков,
но санки
все дальше и дальше,
все гуще падает снег,
и вот уже санки пропали из виду,
и на снегу остается
лишь след
их узких полозьев,
а потом и его замечает
снегом.

* * *

Море
по-латышски
называется ю р а,
но я не знал еще этого,
когда вышел однажды под вечер
на пустынное побережье
и внезапно увидел огромную,
указывающую куда-то вдаль
стрелу,
на которой было написано
мое имя
(как на давних военных дорогах —
названья чужих городов,
не взятых покуда нами).

Это было забавно и странно,
хотя и немного жутко
одновременно.
Казалось, что кто-то
мне дарит
простую такую возможность
найти наконец-то себя
в этом мире.
Это было игрой
под названием
"Ищите себя"
(и, конечно, в нем слышалась просьба

"ищите меня!",
ибо сам не найдешь себя,
если кто-то тебя не найдет)...

Ах, друзья мои,
как замечательно было б
поставить на наших житейских дорогах
подобные стрелы
с нашими именами —
от скольких бы огорчений
могло бы нас это избавить!

...Ищите меня,
ищите за той вон горой,
у той вон реки,
за теми вон соснами —
теперь уже вам не удастся
сослаться на то,
что вы просто не знаете,
где я!

РАФАЭЛЬ ЛЕВЧИН

* * *

В пустоте кружит существо с крылышками
Оно маскируется
Как хочется сесть на камень и слиться с ним
Благообразие бронзовой маски
Кто-то шагнул в воде
кто-то кому нет названия
Глаз
Глаз существа
Глаз существа с крылышками
Глаз существа с крылышками из каменных чешуек
Глаз существа с крылышками из каменных чешуек
синей воды

пустоты
бронзы времени

Из первых вод встают гиганты

Вдруг фея и ее атрибуты: платье невесты, газовый
фонарик

Но у нее нет ног
Она летает

ВЛАДИМИР ЛЕНЦОВ

ДОМ ИЗ НЕУДАЧ

...У неудач был крепкий фундамент:

Теперь они,
Словно кирпичи,
Укладывались одна на другую,
И вокруг меня вырастали стены.
Окон в этих стенах не было.

...Знакомые,
Которые считались моими друзьями,
Ожидали,
Что вот сейчас появится крыша —
И меня больше не будет.

А друзья,
Которые были мне не знакомы,
В это время
Уже взламывали фундамент...

СТЕПЬ

...Утром была роса.

А в полдень было много-много солнца,
И зеленое платье степи
Еще немножко выгорело на груди,
Но степь знала,
Что скоро можно будет переменить его
На желтое,
И не волновалась.

...Днем было так жарко,
Что сколько ни размахивали своими крыльями
Жатки,

Свежие ветерки так и не проснулись.

Люди пили воду.

Степь тоже хотела дождя,

Но ее дождь

Мыкался сейчас над какой-то другой степью,

Не понимал глупый бродяжка,

Что на стороне никогда не обретет он

Родства.

...Жарко-жаркое солнце

Потихоньку стало спускаться.

Вот и уже почти совсем на запад

Развернулся одинокий подсолнух.

Чтобы носить цвета владыки,

Необходимо быть страшным подхалимом:
И подсолнух
Целый день вертится вслед за солнцем,
Угожливо улыбаясь ему во все зубы.
...Постепенно успокаивались птицы.
А тени все больше вытягивались,
Указывая ту сторону,
Откуда придет ночь.
Наконец, смолкли машины.
Ушли люди.
И вот тогда над степью
В разные стороны побежали свежие ветерки.
Дождь сегодня еще не заявится,
Но когда спрячется солнце,
Выпадет новая роса.
...Медленно затихают звуки.
Как хорошо потрудившийся человек,
Степь дышит полной грудью,
Она засыпает.
...И только лошадь разбрызгивает хвостом
Заходящее солнце...

МОЕ БОЛЬШОЕ ХОЛОДНОЕ СЧАСТЬЕ

...Мое счастье было огромной льдиной,
Река поднесла его близко к берегу,
На котором был я.
...Я увидел свое счастье сразу!
Мы долго шли с ним вдоль берега,
А между нами
Была только узенькая полосочка воды.
...Нужно было хватать! —
Эта фраза теперь моя галлюцинация.
Нет,
Я не ждал,
Чтобы полоска воды между нами
Стала еще уже,
Я предполагал, что льдина
Где-то уткнется в песок моего берега,
И я на нее взойду.
...Напрасно!
Напрасно я бросался в холодную воду,
Напрасно рисковал быть раздавленным
Льдинами чужого счастья,
Мою льдину догнать уже было нельзя!
Я только видел,
Как на середине реки
От нее что-то отламывается —

Моя льдина
Готовилась стать счастьем другого:
Другому
Она достанется меньшей...

ВАЛЕРИЙ ЛИПНЕВИЧ

* * *

Стремительно,
чуть покачивая бедрами,
идет девушка.
В этом "чуть" —
сдержанная сила.
Так в биении пульса —
спокойствие жизни.
Так в четких колебаниях маятника —
необходимость времени.

Девушка —
это часы, по которым
мы узнаем свое время.

* * *

Куда идет тополь в мае?

Как гордо его молчанье.

И только в листве —
шелест шагов,
шелест шагов...

Когда осенью
листья
лягут вокруг, как следы,
ты заметишь,
что он тоже топтался на месте.

* * *

Не все ли равно, как это назвать?

Два сердца
ударят в грудь —
внутри и слева,
снаружи и справа.

А наслаждение,
дикое
и прекрасное до стыда,
шепнет о жизни,
как капля с крыши
о весне.

* * *

Как ты трогаешь меня.
Ты красива?
Не знаю.
Ты умна?
Не знаю.
Ты добра?
Не знаю.

Как трава после дождя —
твои глаза.
А голос —
так стучат звезды
в мое ночное окно.

Больше
я ничего не знаю.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Лежали рядом
и слушали.

В каждом из них,
как море в розовой раковине,
шумело счастье.

Но больше
ничего не происходило.

И слуховые галлюцинации
прекратились.

ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЫЕ

Добиваемся успеха.

Теряем
друзей.

Находим женщину.

Теряем
любовь.

Собираем вещи.

Теряем
свободу.

Копим деньги.

Теряем
сердце.

Наживаем годы.

Теряем
время.

Без времени,
без сердца,
без любви...
Но все еще живые —
как?
Зачем?

* * *

По жердочке реальности,
обыденные,
мы идем из сказки прошлого
в сказку будущего.
Настоящее —
единственное,
чего у нас не отнять.
Поцелуи шелестят, как листья,

и прячут нас, как деревья.
По тонкой жердочке летней ночи
идет рассвет,
как мальчик с удочками
через звонкую речку,
приглушенную туманом.

А Л Л А Л И П Н И Ц К А Я

* * *

Мы жили. Но так и не смогли понять,
Что это было: волны красноватого света,
Желтые светящиеся точки вдали...
Свидетельства очевидцев о встрече
с другими мирами?

Что это было? Между нашими балконами,
Входными дверями, не говоря уже
О глазах, судьбах и прочих сентиментальностях?
Я кричу: "Что э-то бы-ло?"
В бездонную бочку наших жизней,
На дне которой отгадка
Всему, всему!
"Что это было?"
"Что это было?"
"Что это было?" — спрашиваю
О детях,
цветях,
стариках,
о великой любви и смерти,
о маленьких открытиях ученых...

Я буду жить до тех пор, пока не узнаю, что это было.

А Л Е К С А Н Д Р Л И П О В Е Ц К И Й

* * *

В большущем доме
большущего города
посредине большущего мира

сидя за
маленьким столом
я разрезал
маленьким ножом большущее яблоко
и увидел как
маленький червяк
прогрызает в нем
свой
извилистый путь
чтобы
выжить.

НИКОЛАЙ ЛИСИЦЫН

* * *

Щербатой клавиатуре
не хватает клюки,
ноты — сплошь запятые
из-под пера сумасшедшего.
Хочешь сыграть этот серый пейзаж
с розовой бабочкой в левом углу?

У ТЕЛЕФОНА

Твой номер на диске —
как горсть таблеток
от одиночества.

АРАБЕСКИ

Словно ветер сквозь ребра...
Это уходит время —
обрывает лепестки пульса
и бросает в закат.
Твои волосы пахнут полынью
и дымом сожженного лета.
Голос трубы журавлиной

недосягаем.
Ветер тянет прозрачные когти
к дрожащему сердцу клена.
В морщинах коры
прячутся слезы.
Ты — последняя птица тумана,
повисшего на осоке.
Твой голос и осени желтые стоны
сливаются над полями
и летят сквозь меня
к мокрому горизонту
Это уходит время...

Г Е Р М А Н Л У К Ъ Я Н О В

* * *

Искусство.
Сложный путь
к простоте.

Проповедь
без надежды
быть услышанным.

Только у настоящего
есть прошлое
и будущее.

* * *

Человек,
идуший по другой стороне улицы,
прогуливает, как собаку,
собственную тень.

* * *

На зеленой поляне
сидит девочка,
вплетая ромашки в венок,
не зная, что все это
уже было.

* * *

Этот старик так долго думал,
сидя под топодем,
что паучок спустился
прямо к нему на очки,
приняв его, вероятно,
за дерево или камень.

* * *

Рояль тяжело охает по ночам,
поджав затекшую ногу,
каждым натянутым нервом
ощущая старость.

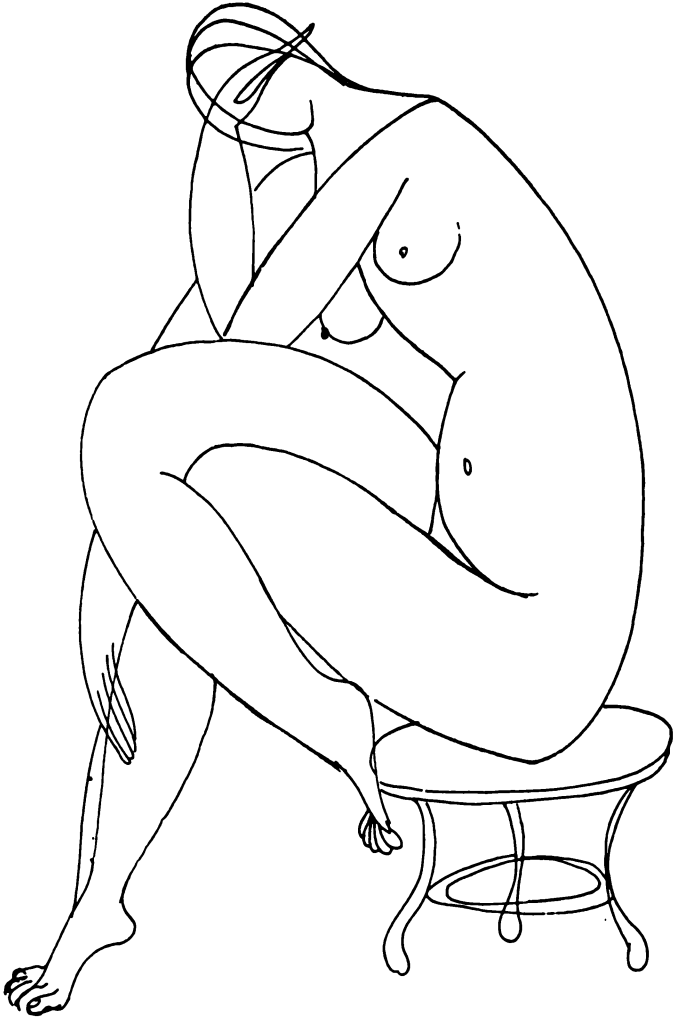
Рояль засыпает под утро.
Ему снится, что он черный кит,
что он, улыбаясь,
плывет в море глаз и ушей.

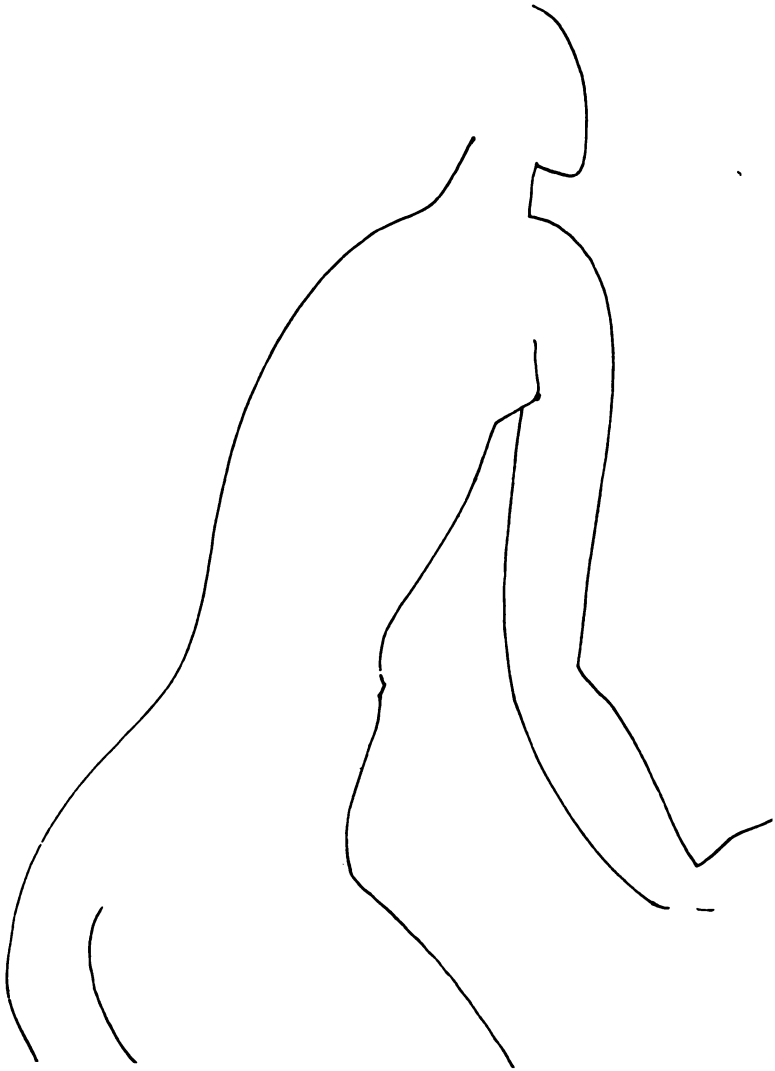
* * *

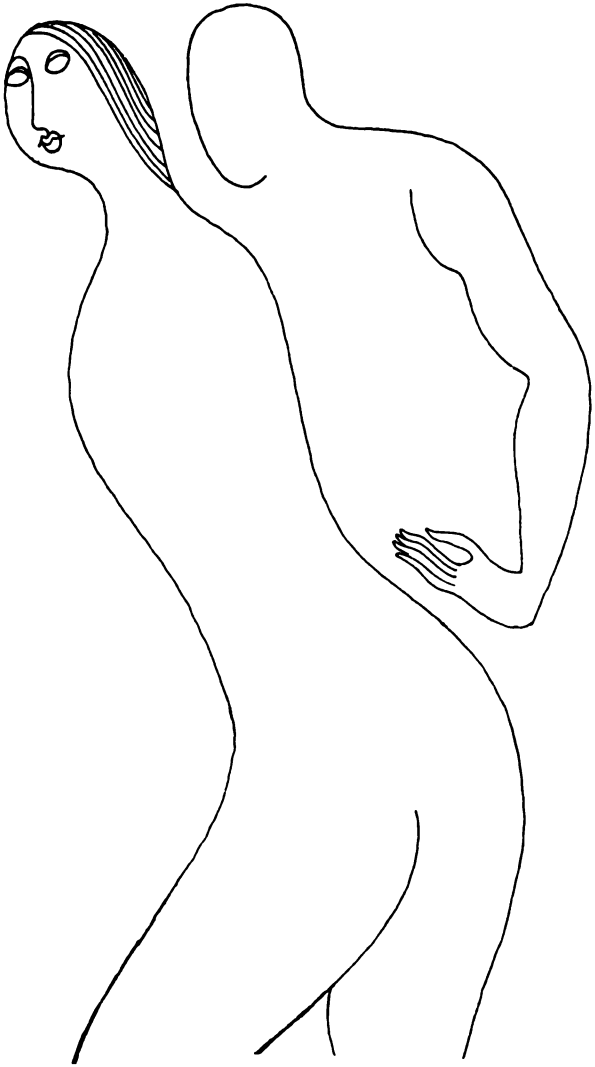
Такая нежность на душе весной,
что хочется
погладить насекомое.

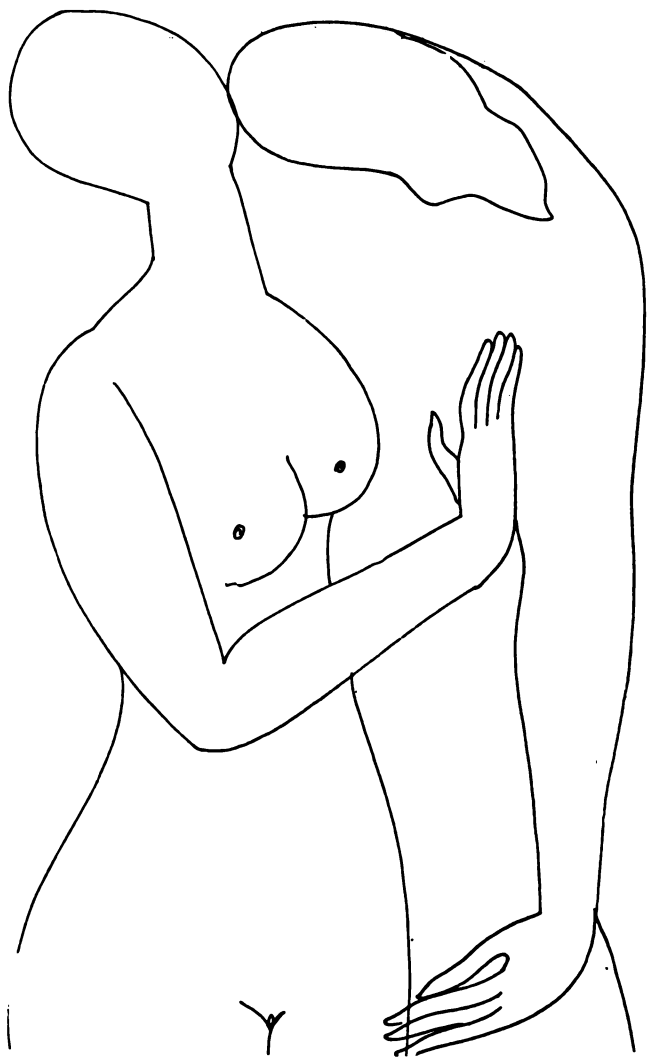

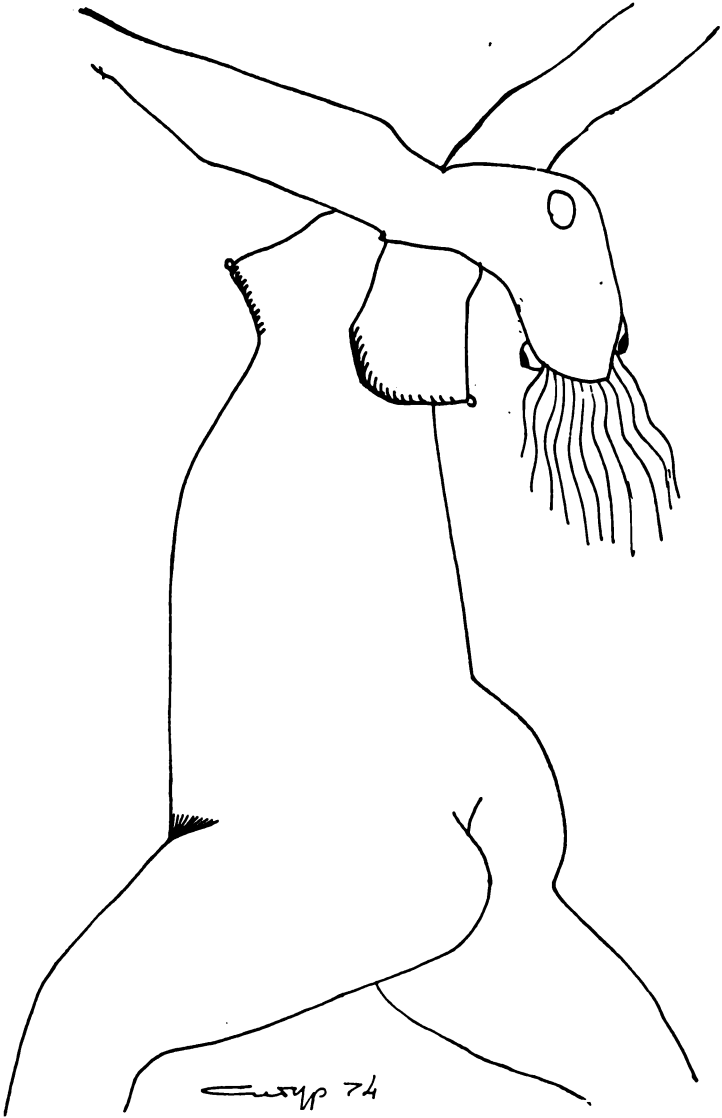

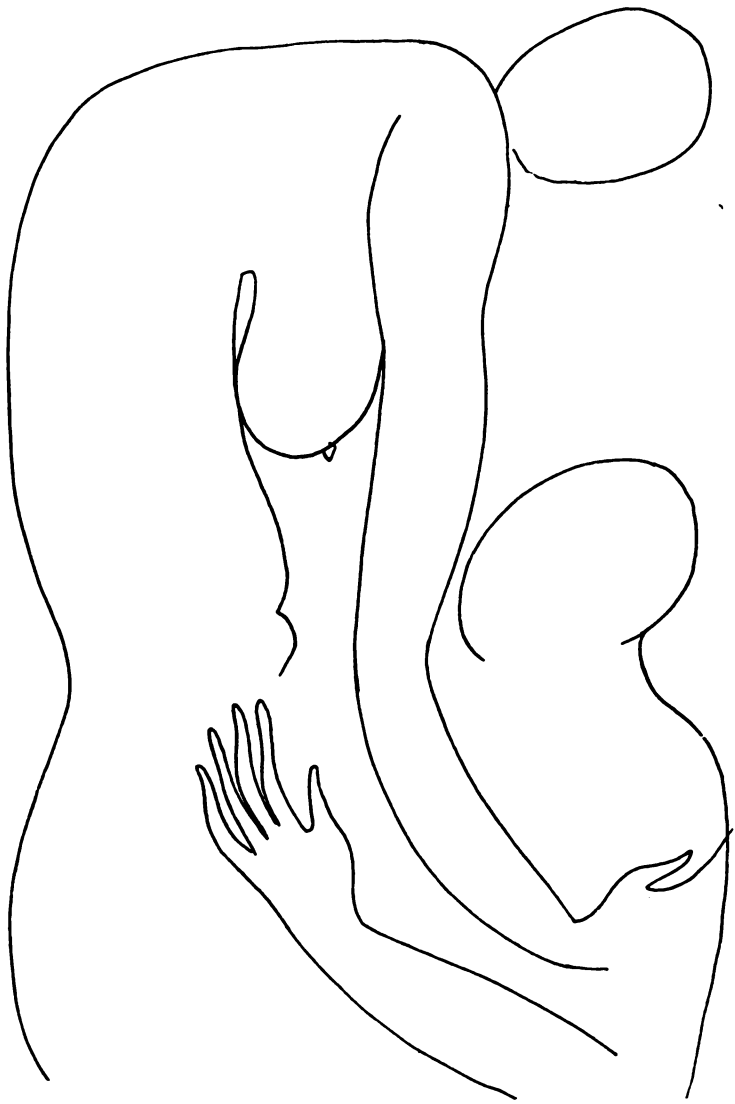

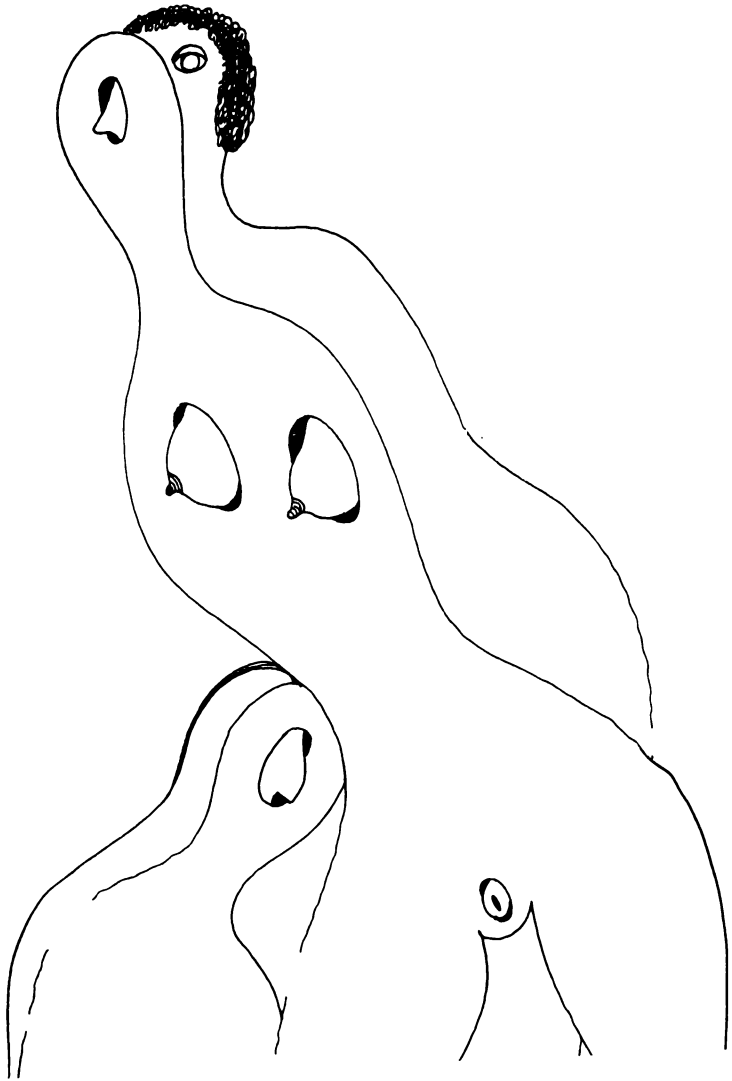

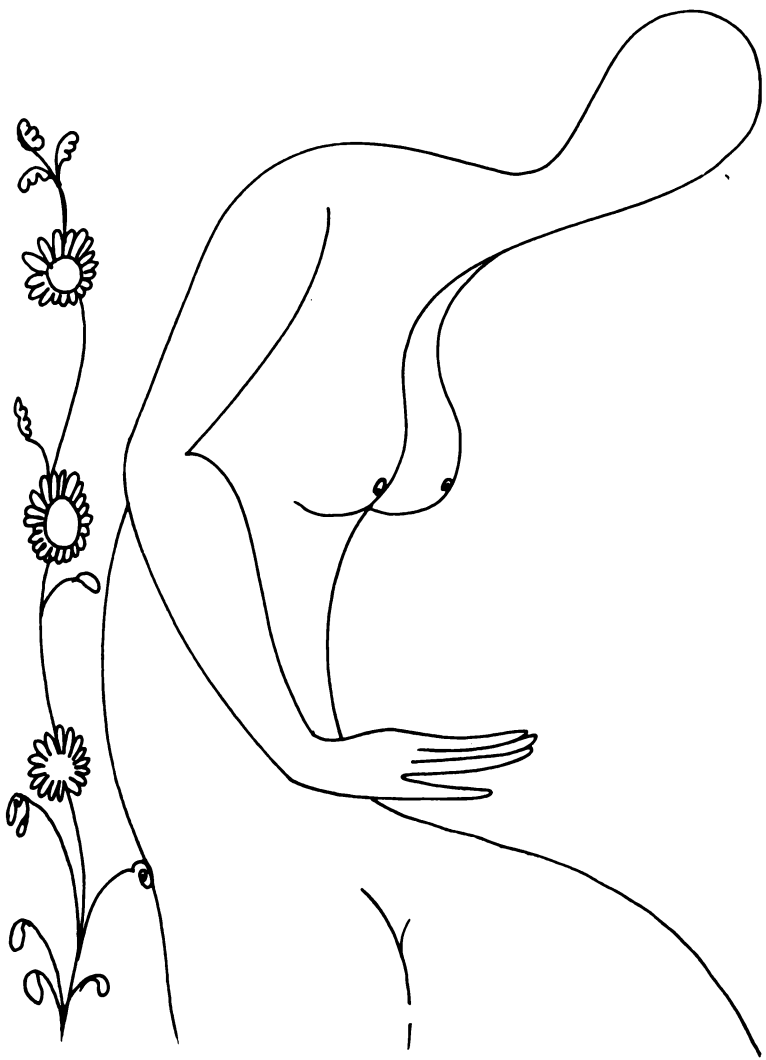

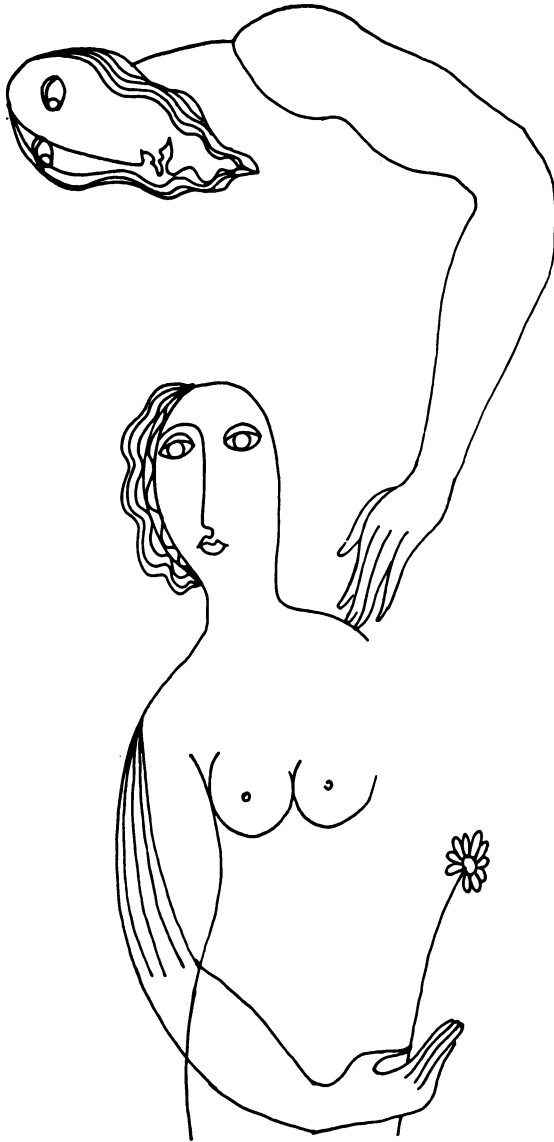

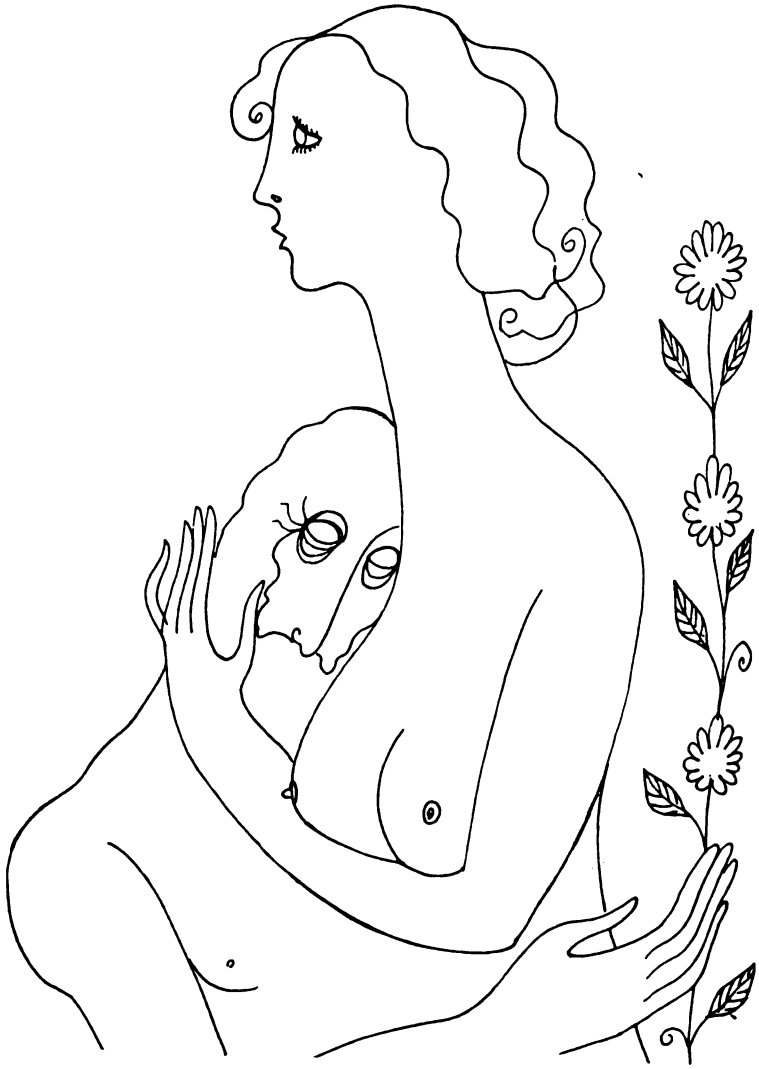

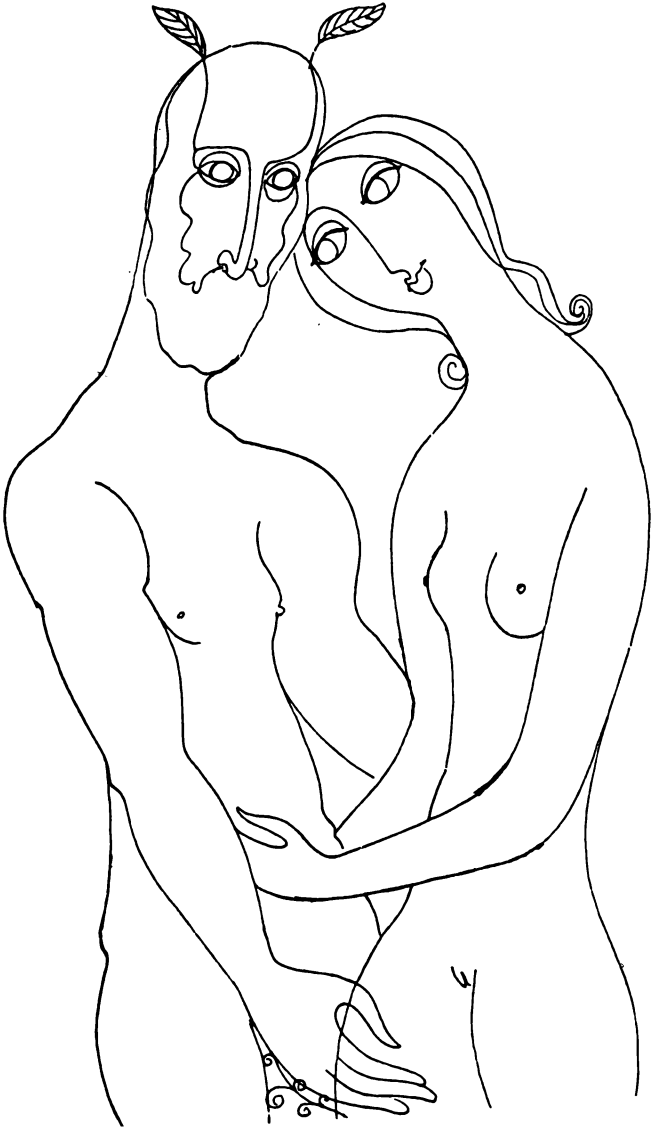

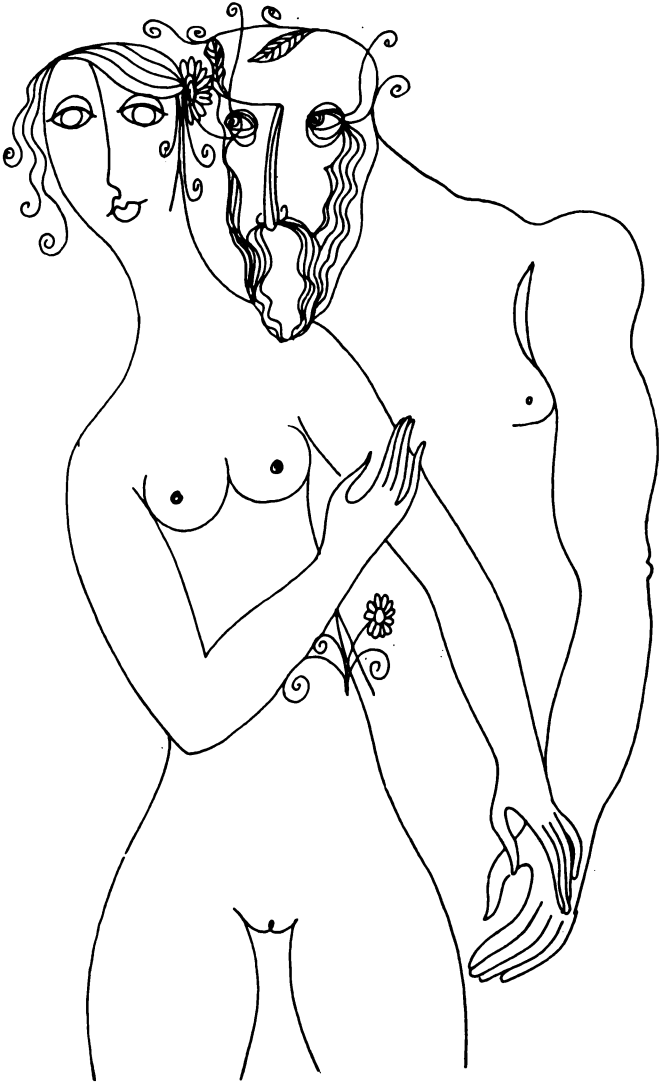

АНДРЕЙ МАДИСОН

* * *

Мы набираем скорость мы обгоняем время
таков общий глас а вот глас
вопящего в пустыне иую
ю ю ю йяу к нему толкование

сильно пересеченная местность
каковою является время
и открытые груди любимой
от которых зависит скорость

ЧЕРЕДОВАНИЕ СТУПЕНЕЙ

Плеск ветра в заоблачных клетках
нерушим и скудообразен
как воедино связанные качели
бархатных куколок матчиша

Нарисованный воздух кубика
играющего приземистыми властями
размывает подвязки птиц
по жарким странам импрессионизма

Квартира соглядатая прав и свобод
варится в канистре лотоса
скованного заботливым уходом
Великой Матери плоскостопия

Если выйти из пространства налево
по загаженному нимфами переулку
и двигаться строго по курсу
попадешь к себе в твои волнистые лапы

Резвые молнии городского парка
культуры и цивилизации пропавшей без вести
насыщают горло
падшей укромной музыки

По свистку улиточного стегазавра
куколки расходятся кругами смысла
бросив на периферии центра
пустые бутылки из-под женского пола

Ибо всему есть предел

МОДЕЛЬ СУТРЫ

Люби сам себя.
Люби сам в себе.
Корень всего — скука.
Причина всего — слушание.
Чем больше пены, тем лучше мыло.
Вдыхай пену, забыв о воде.
Ходи только по первому снегу, ибо:
так познается движение,
так высекаются тени,
так нарекаются твари.
Особенное заманчиво — войди в него.
Особенное заманчиво — разрушь его изнутри.
Снаружи — одна пустота:
овладей ею, как женщиной.
И будет ночь.
И будет видимое во тьме.
Нет смысла гадать — свет ли оно.
Просто жди.
Но контакта не будет:
ожидание сильнее встречи.

М А Й — А В Г У С Т

* * *

Ел карамель,
курил натошак,
время тянулось,
словно похмелье —
ожидание поезда.
Слиплись стрелки часов.
Придет ли на эту станцию
поезд,
который из одного ожидания
меня повезет в другое?

* * *

Она играла в мяч,
а я мял свою шляпу.
Она собирала цветы и пела.
А я старел.

БЛАГООБРАЗНЫЙ

Включаю настольную лампу.
Кажется, снился сон.

Низко под облаками
тонуло в сугробах гор
мятежное солнце.

Я шел квадратами белых полей.
Звезды всплывали
в густой синеве.
Угли льда горели
в лесополосной аллее.

Лицо мое бледное
в венчике алых роз,
алый рубец вниз от подбородка,
деревянная колыбель моя,
последняя,
руки... под серым драпом.

Но утро меня застало
где-то на пол-пути.
В сарае сквозь щели
мело снегом,
и бледным светом
просилось утро.
Очаг из щепок —
все, — что осталось от ночи.

Тетрадь на коленях дня.

Долго смотрел в черное зеркало:
ослеп.
Увидел мертвого тела
деревянные мерки
и в алых лепестках
слезинки след.

Проснулся.
Где зеркальце электробритвы?
Где стекла книжных полок?
В конусе лампы
сонное лицо
человека
с торчащими вверх усами...

ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР

Солнце вплавлено в асфальт.
Небо выбелено и в лето влюблено.
Вечер стремителен:
последний бал и школьный вальс —
мальчики выглядят
по-взрослому смешно
в вихре летящих лепестков-платьев.

Звонок отзвенел: сдан экзамен
за будущее.
Последнее слово вымолвлено,
но прошлое — трогательная незабудка —
не может быть сломлено:
там детство осталось
с отчаянными глазами...

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ — КРОТКОВ

* * *

ломаю ребра
какой треск стоит во вселенной
сотворяю Еву

ломаю ребра
сотворяю Еву
получаются другие

обезребренный
под хохот звезд и бродячих собак
вижу
как ее сотворил
один старый пьяница

и довольно похоже

* * *

каждое слово
с хрустом
с кровью

родная речь по зубам
разве что
иностранцам

* * *

всю жизнь
в погоне
за совершенным
вижу что все
относительно
но когда совершенно
невыносимо
закрываю глаза
в поисках школьных лет
помогите!

* * *

двадцать лет
я приручал муравья
однажды он заметил:
а ты
уже делаешь успехи

* * *

К.

жизнь длится в течение поцелуя
все прочее —
мемуары

* * *

открывается запасной клапан сердца
любовь
как старое слово
отпечатки пальцев
подобны нашествию саранчи

но наше дыхание
переполняет слово
Л-Ю-Б-О-В-Ь
воздушный шар
над головами
изумленных пограничников

ДИКТАТОР

Он играл в игрушечных солдатиков,
которые носили игрушечную форму,
разъезжали на игрушечных автомобилях,
по-игрушечному отдавали честь
и стреляли из игрушечных автоматов
в игрушечных человечков.
Иногда его удивляло,
что по улицам
течет настоящая кровь.

В МЕТРО

Вниз,
вверх,
чтобы воздуха в легкие поднабрать,
и снова — вниз.
А все-таки
мы произошли от Дельфинов.
Бедный Дарвин!

В Л А Д И М И Р М А Л Ь Ц Е В

* * *

Слеза имеет
форму сердца
истерзанного морщинами
жизни

* * *

Из комнаты вынесли
зеркало
седое
от переживаний
прозрачное
от слез

* * *

Ударил по воде
рукой
и потерял лицо

А Л Е К С А Н Д Р М А Л Ы Й

* * *

Возник... Возрос... Восстал... Безмерно...
Полный... Звездный... Близкий... Здесь...
Трубы... Вверх... Вслед...
Все — пространство. Все — путь.
Все — бесконечная канатная дорога.
Все — вдруг...
Вдруг — площадка... Стеклянная...
Здесь Покой...
Здесь разрешено...
Здесь еще не взошедшее солнце.
Здесь еще не сошедшая ночь.
Здесь нет людей.
Здесь нет меня.
Здесь нет смерти.
Здесь живут души звуков.
Здесь ничего нельзя объяснить.
Здесь можно только побывать.

ЦУНАМИ

Ты останешься а я уеду
Уеду и почувствую
Как ты смотришь мне вслед
Помешивая ложечкой Океан...

Сейчас светло
Люди восстановили свои жилища
В гавани латают днище разбитого корабля
На зеленых камнях вновь спокойны гагары
И даже в центральных газетах забыли имя
Нежное имя гигантской волны

НИКОЛАЙ МАРИН

* * *

Покорность — не привычка
а обычай
причем — древнейший

* * *

Осенний сад
костляв
как старый лось

НИКОЛАЙ МАРКАРОВ

* * *

Никто за тебя не напишет песню.
Никто за тебя не поднимет с твоими друзьями
жаркий стакан с пузырьками в стекле,
никто за тебя твою женщину — только твою —
как вино не осушит до дна,
никто за тебя не скажет слова крутого
среди круговерти бездумья и фальши,
в чудо никто за тебя не уверует,
с улыбкой не воспримет всерьез,
не спасет вороненка;
никто за тебя не задумается среди безумья,
никто за тебя не откатит золотое колесико рублика,
не принимая его за уютное солнышко,
не оплатит всей своей жизнью то нечто,
которому и не подобрано слов,
не возвеличит любовь;

не на радуется
 милой глупости,
не намается
 с пустяками, —

никто за тебя не надышится,
никогда.

ЧЕРТА

 Я раздеваюсь.
Расстегиваю молнию лифта и стягиваю с себя
железобетонный комбинезон.

 Я раздеваюсь.
Живьем сдираю с себя кожу книг
и разбрасываю галкам и дворовым собакам
всю последнюю еду.

 Я раздеваюсь.
Забыл свое имя, родство забыл,
безымянный, топырюсь незащищенно, встал.
Хлынь же дождь!

В жижу луж соскребу с себя коросту
своих сомнительных недостатков и
достоинств, тоже сомнительных.
С кровью выхаркну память сердца.
— Эй, рожденный под знаком Грифона,
облыбизнись под небесными струями с соседом,
рожденным под знаком Тли! — крикну им
напоследок.

 Я раздеваюсь!
(и самому себе трудно признаться: перед Ним?..)

О ЗЕРКАЛЕ

Небо было цвета земли,
волосы его были цвета земли,
руки и босые ноги тоже были цвета земли —
шел грязный человек
по грязной земле.

И лежало у него за пазухой
круглое маленькое зеркало без оправы.

И время от времени,
когда ему было светло, как днем,
он доставал стекло,
оттирал с него пот и грязь
и тер до тех пор,

пока оно ни становилось ясным
как ясное небо,
а небо в нем чистым
как стеклышко,
и, не глядясь в него,
убирал обратно за пазуху
и шел дальше.

А Л Е К С Е Й М А С Л О В

* * *

в настоящем мы живем
воспоминаниями
порой перенося их
в будущее

* * *

На моей руке
Жизнь
начертила линии...
Очень мне они
не понравились.

Взял черный фломастер
и провел две прямых на ладони —
крестом.

Рука
влепила мне пощечину.

Взял нож
и начал скоблить ладонь.
Стер крест,
но линии жизни остались.

Тогда я схватил бритву
и попытался срезать кожу.
— Не убивай нас, —
сказали мне
люди.

* * *

Я решил
что надо сказать
все

Пошел и сказал —
говорил долго

— Все это так —
выслушав меня
ответили камни —
Но теперь попробуй
это же
объяснить людям

— Во-во! —
поддакнула пустыня

* * *

Развести огромный костер
возле шумного водопада.
Потом взять
большую медную трубу —
лучше даже две —
и дунуть изо всей силы.
А уж потом идти
куда глаза глядят.
Спокойно идти —
не оборачиваясь.
Потому что
все
еще впереди.

ПЕЙЗАЖ

На еще зеленую траву
прилег первый снег:
не дышит — боится растаять...
Его нагло расталкивают
криво усмехающиеся лужи.

После летней спячки
просыпаются дворники.

— ...брь! —
морщась
произносит календарь.

Угром лякость...
то есть —
кругом слякость...

А Л Е К С А Н Д Р М Е Д Н И К О В

* * *

Пересечь океан
в утлой ладье,
и встретиться
на берегу
недавнего прошлого...

* * *

То ли стрекоза
на стебле тонком —
то ли косичка Лао-цзы.

ПАМЯТИ ЛАО-ЦЗЫ

Меняются числа, лишь суть — постоянна.
На сотню непомнящих — один вспоминающий.
На сто вспоминающих — один прозревший.
На сто прозревших — один знающий.
На сто знающих — один могущий.
На сто могущих — один бессмертный.

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ДЕДАЛА

На сумрачных улицах старых кварталов
живут странные люди. Их крылом не касайся.
А если сразу не улетишь — оставайся жить с ними.
Несут свою усталость тебе — бери усталость,
несут радость — радуйся вместе с ними,
но радости их не принимай. Их соблазнов

не бойся, их песен не пой. Если приспичит,
возьми, пожалуй, себе в невесты кого-нибудь
из дочерей их. Но сам к этому не стремись.

АНАНДА

Иногда я вижу себя жуком.
Я ползу мимо огромных книг,
полных человеческой мудрости,
вверх по стеблю цветка. Затем
расправляю крылья и лечу
к вершине дерева. Оттуда
виден мир. Он так же мал,
как солнце, по сравнению с небом,
однако, не столь светел,
хотя и пестр. Это
настолько поражает,
что я тотчас превращаюсь
в огромный плод и падаю к ногам.

К ногам возлежащего под кроной
человека.

ДЖАГАТПАТИ

Я пролетаю мимо райских планет,
где Адам любит Еву; где змей
обретает свою бумажную плоть;
где яблоко искушает Ньютона;
где садовник Индра поливает
свои цветы; где тысяча прощенных
кружится на паутинной карусели;
где шалун Брахма на берегу
причинного Океана лепит
замки из песка. Я пролетаю
мимо пения херувимов — сквозь
золотой дождь бессмертия — навстречу
первопричине.

САУБХАРИ МУНИ

Я ступаю в неторопливую реку.
Созерцаю ил, вдыхаю свежесть.
Ловлю отражения, чувствую холод.
Привожу в движение мысль.

Ход жизни убеждает в обратном,
но я ступаю все глубже и глубже,
и уже не внимаю ветру.

Здесь, среди горизонтальных трав,
я обретаю искусство пренебрежения,
и становлюсь одним из многих,
блистающих чешуей.

Прощайте,
серебряный шар и фиолетовый купол!
В кристаллике соли покоится
мое волшебство.

НЮ

Одна и та же капля наполняет стакан
и переполняет море, дырявит тучу и мозг,
превращая в ненужный хлам предметность.
Если я люблю только свою любовь, зачем
быть похожим на тебя? Вот краски,
скрывающие истинное предназначение света,
а вот жетон пространства: развернутый лист
прикрывает ощерившийся рот ценителя, и ты уже
путешествуешь в других мирах, свободная от
своей здешней неучтивости. Когда-то ты
наивно скрывала свою юность материнство...
Теперь твоя грудь предназначена не столько
младенцу, сколько зрелому мужу в утешение
девственности его взглядов... А скользящий
к твоим ногам наряд способен утолить жажду
сонма слепых одной своей прозрачностью.
Ты прекрасна! Вот все, что можно сказать,
а сказав — превратиться в пустыню
вокруг твоих бедер.

В Л А Д И М И Р М Е Ж Е Р А

* * *

волосы
пахнут каштаном
холодное лето

лебедь в пруду
называет все это
любовью

* * *

жизнь
это кладбище душ
люди
могилы
тела их
цинковые гробы
и мраморные саркофаги
мой брат
похоронен в ящике
из под гнилых апельсинов
сестра
летаргией забита
в шредеровский рояль
черви безумия
гложут усталые трупы
пока ты кричишь
и колотишься
в собственном мраке
могильщик
которого ты
никогда не увидишь
скребет своим заступом
слышишь
это апрель
жестокий месяц
воскрешающий мертвецов

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

(отрывок)

учись рисовать сосну у сосны
учись рисовать бамбук у бамбука
глядя на луну
я становлюсь луной
луна
на которую я смотрю

становится мною
все
что ты видишь
цветок
все
о чем ты думаешь
луна
если ты не видишь цветок
ты дикарь
если в сердце твоём нет луны
ты зверь
изгони дикаря
убей зверя

Е Л Е Н А М Е Л Ь Н И К

* * *

Будет понедельник.
Будет
просто день.
Остальные украшены
погремушками.

* * *

Человек с улицы
Вызывает зависть
И
недоумение.
Нелегко запугать
Человека с улицы.

* * *

голодный поэт
изрядно потрепанный художник
бумага краски
краски бумага
холст книги

прическа
на грани фантастики
глаза
неведомые миру

так рождается
интеллигенция

А Р В О М Е Т С

* * *

Поэт стоит в очереди за вермишелью.
Здесь же и его почитательницы.
Поэту немного стыдно.
Он стоял на эстраде,
словно маленький принц,
который никогда не ест.

* * *

Дома, трамваи.
Магазины, кастрюли.
хожу среди них,
как марсианин
среди памятников
непонятой цивилизации,
поставленной наспех
для первых потребностей.
...А где-то внутри
по тихим углам —
кристаллы музыки.

* * *

Вешая пеленки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломленный мирозданием.

У кончиков пальцев
мерцает звезда.

* * *

В огромном городе
столько красивых девушек...
Любуюсь ими без усталы,
Иногда улыбаются мне.
И я вполне счастлив.
И только к вечеру замечаю,
что остался один.

* * *

Я — дух созерцания.
А где-то ходит по земле
дух действия
и делает все
без меня.
Мы — два великих духа —
тоскуем от неполноты.
В разделенном мире
многие вещи
ищут друг друга.

* * *

Где взять
столько счастья
для всех людей,
заполняющих
площади города?

В глазах
у каждого
бабочкой
между оконными рамами
бьется душа.

* * *

Я влюблен
в красоту
простых вещей,
которые тихо горят,
как рябина

в осеннем саду.
В молодости
мы мчимся
мимо них.
И только потом
открываем
настоящих друзей.

* * *

Молодые девушки
похожи лицом
на небо,
на ветер,
на облака.
Потом из них получаются
верные жены,
лица которых похожи
на дома,
на мебель,
на хозяйственные сумки.
Но их дочери
вновь похожи лицом
на небо, ветер
и весенние ручейки.

НА ЭСКАЛАТОРЕ

Людам не на что смотреть,
и они глядят вперед —
будто в вечность.
Сосредоточенные лица,
свободные от мелочей.
Так изобразят нас
на мозаиках будущего.
А мы —
мы сходим с лестницы
и становимся опять людьми.

ДВЕ СТАРУШКИ

Одна, как клещ,
впивается в тело,
сосет кровь.

А другая
весела, легка,
как солнечный лучик.

* * *

Я не могу смотреть,
когда кондуктор, как нищий,
протягивает руку за копейкой.
И даже столовая самообслуживания
вся в перегородках.
В четыре гудит гудок.
Вот идут большие руки — без головы.
Вот голова —
без рук.

* * *

Никогда при жизни
он не важничал так,
мой скромный
незаметный отец,
как лежа в гробу.
У него, согбенного,
обнаружился
орлиный профиль —
схожий с теми,
какие обычно
чеканят на монетах.

* * *

Озабоченный человек
ходит взад и вперед
по половице —
словно кто-то
запер его
на ключ.

* * *

Кто-то прядет
внутри котенка.
— Нур-нур, нур-нур, нур-нур. —
Иногда засыпает.
Смотрит в окно.

Снежинки летят...

* * *

Маленькое перышко
спускается с неба.
А птицы не видно.

* * *

Как три года назад:
воробьи чирикают
в моей подошве,
когда я иду
по лужам
и по листьям.

* * *

Как сладко
превращаться в пух...
Стать легким,
как ненаписанный стих.
Светлые линии,
орнаменты,
пятна.
Когда прилетает жар-птица,
я уже сплю.

* * *

Ливень солнца!
Одуванчики —
лужицы на траве.
Пчела

сосет солнце,
как поросенок,
ногами в золотой пыльце.

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Легко ранить
звуком баяна,
уголком желтого листа.

* * *

Вечерами девушки
шли на танцплощадку,
перепрыгивая через канавы,
туфельки бережно неся
в ладонях,
словно капельки счастья.

* * *

Больше всего
люблю тебя босую.
Рыжую от солнца,
как медный таз.

Ты пропахла
водой,
синим простором,
веслами,
протекающей старой лодкой.

* * *

Весь день
я искал одиночества,
чтобы слушать тебя.

Ты гудишь во мне,
как орган
в высокой церкви.

* * *

Исчезаю в весне,
в толпе,
в лужах,
в синеве.
И не ищите.
Мне так хорошо...

* * *

Н. М.

Вот уже кончается
мой ледниковый период.

А ты скажи,
легко ли тебе
было дыханием
растопить
мои айсберги?

* * *

А много ли
человеку нужно?
Краюха хлеба.
Кружка молока.
И светлый луч
над головой.

А Л Е К С А Н Д Р М Е Щ Е Р Я К О В

* * *

Вот таинство:
растет трава,
цветут цветы.
Жизнь хороша,
пока я ни при чем.

Э Д У А Р Д М И Ж И Т

* * *

Видно,
наша странная
необъяснимая
грусть
сгущает воздух
и служит хорошей опорой
для крыльев
улетающих журавлей.

* * *

Я думал,
это лист
падает с ветки,
а это сентябрь спускается
на желтом парашюте.

МЫСЛЬ

Какая-то мысль
стрелой пронзила мой мозг.
И я потянулся к бумаге,
и рука дрожала при этом,
словно была оперением
этой стрелы.

* * *

Все чаще и чаще
вижу трехлетнего сына
сидящим у окна.
А за мокрым стеклом —
только голые ветки.

ТЕНЬ

Утром
тень смерти
была впереди
и убегала от меня.
В полдень —
она исчезла.
Вечером —
погналась за мной,
чтобы ночью
мне прыгнуть на спину.

РОСА НА КАМНЕ

Не осколок ли ты
пьедестала,
ступеньки лестницы
или надгробной плиты?
Или скатился с насыпи
древнего кургана,
разбросанного центробежной силой
забвения?
А может, был чьим-то орудием
и заглянул когда-то
в мысли того,
череп которого ты
раскроил,
ты,
камень,
мокрый от слез
на рассвете?

Ю Р И Й М И Л О Р А В А

* * *

Я вижу —
В сумерках над городом
Стоит дирижабль

Это
Последняя метаморфоза
Сердца
Одинокого мужчины

* * *

Пусть
Последний
Белокрылый
Солнечный клин

Без
Меня
Стекло окна
Заученно
Отразит
Млечный
Путь

* * *

эхо
входит
ногтем
в запутанный
узел
безмолвия

* * *

Окаменелое древо цивилизаций
Для нас —
Брошенные
По непонятым причинам
Города

О Л Е Г М И Н Г А Л Е В

ПЕСНЬ НОВОГО ДУХА

...И тогда на краю скамьи
Мать вязанье прекратит, вслушиваясь в последний
вдох Земли, с которым наступает
Третье тысячелетие...

скрежеща, извергая снопами
искры, воспламеняя леса,
иссушая океан,

Вдребезги разлетится железный пузырь — Земля!
Солнце уйдет в другой мир, уступив место новому
кормчему...
Завороженная цивилизация глядится в будущее,
планируя
крах ли?
прогресс?
Расчеты, прогнозы зависнут тучами, если не будет
известия.
Кто принесет его?
Слепой немой Почтальон в вечном ходу, подобно
маятнику,
подобно рассекающему лучу.
Вмиг лови его!
...Столько хлопот, к тому ж впопыхах, почерк
не разберешь.
И так — так-так — сквозь дождь звезд слепой немой
Почтальон уносит
Невостребованные известия на Луну.
Итак, сложа руки, мы засыпаем чередую ночей,
дней, лет...
Луна убаюкивает нас; под колыбельную мы лепим
Слепую Историю;
В аптекарской банке вырастает бледное прозрачное
дерево.
Деликатес вампира!
Где дети Солнца?!
Мужи, оттеснившие самоубийц — кашеваров
собственных жизней.

А Р С Е Н М И Р З А Е В

ЖИЗНЬ

Приходит
уходит
существует в виде
бесконечной смерти

СМЕРТЬ

Отсутствие
пустоты
в пустоте

ПАВЕЛ МИТЮШЕВ

* * *

Увлечись беседой на плавной крыше,
спиной прислонился к закату —
какая оплошность! — прожег новый свитер.
Надо помнить:
в королевские белые ночи
безопасны одни лишь прохладные губы черешни
да безлюдные всплески ромашек
в предотливном затишьи застиранных окон.

СЕРГЕЙ МНАЦАКАНЯН

* * *

Я научился убивать
без омерзения
тараканов в провинциальных гостиницах
метким ударом свернутой «Правды».

Я постиг законы
хладнокровного прохода
мимо вахтеров, билетеров, контролеров
и прочего мелкого начальства,
фанатически доказующего свою власть.

Я привык улыбаться —
просто так, на всякий случай
(простите меня, собеседники,
за автоматический оскал!).

Я приноровился,
перешагнув через собственное 40-летие,
не раздумывать о будущем,
а выхватывать мгновение
из мохнатых лап вечности...

Одним словом,
школа жизни
преподала мне свои уроки —
да так,
что я не сумел увернуться,
однако,
я и поныне не могу совладать

с тем чувством удивления, волнения и жалости,
которое вызывают во мне
когда-то прелестные женщины,
а также
городские рябины,
бездомные собаки
и маленькие — еще неразумные — дети...

ЮРИЙ МОГУТИН

МОИ ДАЛЬНИЕ ЛЕСА

мои дальние леса мои разноцветные дальние леса в
теплом сумраке листья сложили как бабочки крылья
деревья на цыпочки встали и тянутся к небу матово
взблескивают тяжкие перлы росы мой жемчуг мой
перламутр мое фамильное серебро пользуясь этим
мгновением малым перелетая от древа к дереву в
ненарушимом покое земли я считаю богатства мои
словно сказочный скряга у булыжников светлые лбы
заблуждения множатся сами собой тишина обняла
меня крепко это то чего в жизни всегда не хватает
кроме меня сюда никто не придет густо кузнечики
льют серебро я то знаю душа в этом призрачном
мире излишняя роскошь что хочешь у жизни
выклянчи сонное небо ворочается в кронах время
медленно льется и в сумраке лица детей проступают
зов ниоткуда один только зов ниоткуда исторгаемый
суммой пустот и прогаляев этот зов обживает
безлюдные чащи только спелые паданцы звезд с
неподсудного падают неба густо синего неба полного
огненной блескучей фасоли я хотел бы запомнить
мои дальние леса мои разноцветные дальние леса
хотя мне это вряд ли уже пригодится...

И Л Ь Я М О З Ы Р Ь

* * *

Верлибр — это полет без крыльев,
Но с ракетным двигателем,
Это движение
Без опоры, дыхание

Без воздуха, свет
Без тепла...
Тут нельзя ориентироваться
По звездам, ведь среди них
Встречаются и пятиконечные,
И шестиконечные,
А верлибр — это
Бесконечное движение.
Верлибр не признает
Никаких правил,
Он рифмуется со своей
Тенью,
Как жизнь со смертью...
Поэты-рифмовики,
Вы знаете, что из верлибра
Нельзя
Ни в кого прицелиться?
Ваши бюсты стоят на бруствере
Общего окопа, а рифмы —
это пулеметные очереди!
Не перестреляйте в сумерках века
Одиноких разведчиков, возвращающихся
Из будущего
С холодным и острым
Верлибром у пояса...

АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

* * *

Оттого что не кончается время
все еще кто-то идет за мной
все еще валит снег
и ветер воет над полем
и падает дерево:

Оттого что я выбираю дорогу
есть время меня окружить:
но все что кружится во тьме
давно освистано сторожами

ВЛАДИМИР МОНАХОВ

* * *

Исторические хроники
свежее вечерних газет.
Читаю летописи древности,
как судьбу завтрашнего дня.

* * *

Красоту
женских
линий
творит
ненасытный
взгляд
мужчины.

* * *

Молчание звучит понятно
на всех языках мира

* * *

Учат деревья:
чтобы возвыситься —
нужно корнями заглубиться в землю

* * *

Лишь с весны
В стаи собираются листья,
Рассаживаются на деревьях
И весело щебечут.
Но ни один листочек не знает,
Что наступит осень — час отлета...
И потому опять с весны
В стаи собираются листья.

И В А Н М О Р Д О В И Н

РОСА НА ТРАВЕ

Смысл жизни —
обрести удовольствие в споре,
ни на йоту не приблизившись к истине?

Смысл жизни —
в обмане ближнего своего?

В самобичевании?
В наркотиках?

Ночную бабочкой
сгорает надежда на свече сомнения.
Зачерствелый хлеб.
Стакан молока.
Глубокие морщины у переносицы.

Любовь ли?
Случайная женщина?

Или 30 серебряников
за проданную совесть,
которой, возможно, и не было?

Как улыбка ребенка
радуга над землей,
роса на траве.

А Л Е К С А Н Д Р М О Р Е В

* * *

Если начнется дождь,
все равно буду стоять у букиниста.
Если начнется война,
все равно буду стоять у букиниста.
И если меня не будет,
все равно буду стоять у букиниста —
незримый, как ветер,
шевелить листы пожелтевших книг.

* * *

Заселять словами книги,
расталкивать спящие бревна,
смотреть в оба глаза на воду,
замечать одноглазых камбал,
выбирать из мелочи главное,
выбирать, как первого друга,
перебирать ассоциации,
как холодные пальцы любимой,
на миг задержаться словом в воздухе,
широко раскинуть руки,
подкосить
на бегу колени
и упасть лицом в траву...

* * *

В солнечный день
холодные коленки любимой,
собака, грызущая ошейник
на солнечной стороне улицы...
Быть "пригородным", мчащимся к морю,
встречать удивление
в окнах встречного,
проноситься под солнцем
мимо дюн и мокрых перронов,
задевая щекой
листву огромных деревьев.
Забуть в поезде
непромокаемый плащ,
по песку выйти к морю,
чтоб узнать тишину земли
в шуме
набегающих волн.

В Л А Д И М И Р М О Р О З О В

* * *

Город —
дрессированный
муравей —
ползет,

оставляя
тебе на прощанье
границы
муравьиного
горизонта.

* * *

Говорят,
будто вселенная
бесконечна.
Неправда —
даже она исчезает
в глухих пространствах
пустой души.

* * *

Тишина —
звук,
к подъезду которого
съезжаются
беззвучные
экипажи.

* * *

Каменный век —
это
когда один человек
говорит миллионам:
"Думай, как Я".

ЖИЗНЬ

На лобном месте
посредине площади
палач настраивает
скрипку

ПЕЙЗАЖ

Меня рассматривают
ели
сквозь линзу
ледяных озер

ВЕСНА

заблудился в дожде
венках
и нечаянных поцелуях

ЛЕТО

жара
пчелиная на слух
в цветы
устала
претворяться

ОСЕНЬ

озеро лежит —
чуть слышно
бьется сердце мха
и камня

ЗИМА

а глаза
как подводные лодки
с мертвым экипажем

* * *

Не знаю откуда
на этом снегу
следы осторожных кошек

* * *

Этот дом
пропах родниками
как церковь молитвами

* * *

На исходе лета
запутались в листьях
длинные пальцы
ливня.

* * *

Полумертвым слепым щенком
останется небо
без моего полета

* * *

Переворачивая
глыбы чужих улыбок,
изобретаю средство
от ливней,
зонтиков
и дельфинов...

С Т Е Л Л А М О Р О Т С К А Я

* * *

Музыканты приезжают
привозя любопытные лица
звучную медь
удивляя пустые залы
оседающими звуками
Удивленные
уезжают обратно

Музыканты уезжают
увозя неисполненное в футлярах
погребая невосполнимое
в оркестровых ямах
исполняясь надеждой

Музыканты не возвращаются

САД ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Взгляните,
запоздалая земляника
выглядывает
из-под нескладного
зонтика укропа.
Стыдливо краснеет на солнце.

Капли играют с листа
постлюдию
в стиле Сильвестрова.

Ветер горячим феном
листает деревья.
На бельевых веревках
сушится дождь.

ИРИНА МОСКАЛЕНКО

* * *

Почему, когда ты уходишь,
Мне хочется восстановить
В глазах своих взгляд твой.
Он остается, но
Одним лишь мгновением...
Понять бы — да не могу —
Каким? —
Поэтому так трудно приходится
Памяти и глазам моим зеленым,
Ведь они уловили тонкую
Тревогу, почти коснувшись
Ее источника... почти...
И это "почти" лишает меня
Возможности идти дальше
Своим путем без Тебя —
Почему?

СЕРГЕЙ МОСКВИН

* * *

Город ненавижу.
Когда по его сосудам
текут кровяные тельца —
кто-куда —
ненавижу еще больше.
Кому-то в метро наступили на ногу,
и начинает ругаться весь вагон —
как в игре в солдатики —
одним махом всех побиваю.
И вдруг
увидю в ругающейся толпе
мечтательное лицо
юноши или девушки.
"Счастья тебе, счастья", —
говорю я про себя
и начинаю любить весь город.

СЕРГЕЙ МУРАТОВ

* * *

смотри
как
дорога
уходит от нас
хоть мы
и идем
по дороге

ВАЛЕНТИНА МУРЗИНА

* * *

Встречные люди пахнут теплом и уютом.
И, сами того не зная,
пахнут они одиночеством.

Высокой вселенской тоскою
охвачено все кругом.
Даже подошвы ног,
шаркающие к дому.

* * *

Долго ночь молчала
над моим изголовьем,
глядя, как похолодевшими пальцами
успокаивала я воспоминание,
всхлипывающее на моем плечё.

НОРА НАДЛЕР

* * *

Всю душу
лохмотьями вывернешь
и не вернешь, а выверишь
час роковой.
Подкидышей
с крыши домой вносить
время.

* * *

Все движется навстречу людям.
С плах!

ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

СОН

Горит дом.
Я сажусь неподалеку от ночного пожара
и при его свете
читаю книгу.

АЛЕКСАНДР НЕЖУРКО

* * *

время страуса — в пятках
время орла — в крыльях
время крота — во взгляде

потерялось

* * *

ласточка имеет вес невысказанного слова

ЛЮДМИЛА НЕЙМАН

* * *

В каждом из нас
живет маленький ребенок.
И, протягивая свои мысли
над Временем,
мы забываем о малом,
что еще растет в нас.
Для него каждая секунда —
вечность, ему
не успеть за нами,
а нам — за ним.

* * *

Гармония —
частный случай
мирового хаоса.
Хаос — частный случай
мировой гармонии.
Хаос и гармония — две
перетекающие
одна в другую

границы
познания.
Речь лишь о
способе связей.

* * *

Садовая лейка
едва пропускает
песок
через сеточку
лжи.

* * *

Стопка воздуха между ладоней
все еще
вертикальна...
Голуби плещут.
А что, если выпустить их
через край.

* * *

В зеленом незрелом крыжовнике
блуждают зрачки.
Кто ты сегодня,
девочка
или вечер.

* * *

Снег идет.
Куда исчезает время,
когда человек на ступеньке
заводит часы?

* * *

Двери распахнуты. Март.
Если бросить монету —
в дальних полях на дороге
она зазвенит.

В С Е В О Л О Д Н Е К Р А С О В

* * *

к
п
р
с
т
ф
х
ц
ч
ш
щ
что
вы так испугались

* * *

Гос-поди
Прости ты
Опять спасать Россию
Опять эти ужаси
— Спасай Россию
А потом
Спасайся кто может
А кто может спасти .
Спасителей
Да от спасителей же
Кто может
Спаси

* * *

Нас тьмы
и тьмы и тьмы
и тьмы и тьмыитьмыть мыть и мыть

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

* * *

Дела наши, что сделаны нами, —
огромного роста.
Липа и кедр городам по колена,
а ладони у нас, как кленовые листья,
тонки и малы, —
на ладонь не уместишь кирпич.
И вот у таких-то
слабых и хрупких,
не вырастающих и до половины дерева, —
из-под рук поднимаются многоэтажные здания,
протягиваются километровые мосты.
И пальцы,
умеющие отделять лепестки цветов,
рассекают каменные горы.

* * *

А земля наша прекрасна.
И, может быть, одинока
среди пламенных солнц
и каменно-голых планет.
И вероятней всего,
что сами мы —
еще не выросшие боги,
живущие под воздухом целебным
на нашей зеленой
и сочной земле.

СОЛНЦЕ

Каждое утро
на землю является солнце.
Оно кладет свою лобастую обветренную
голову на горизонт

и смотрит на нас —
или печально,
или восхищенно,
или торжественно...
И от его близости земля обретает слово.
И всякая тварь начинает слагать в звуки
восхищение души своей,
а камни и вода
дымятся синими туманами.
А солнечные лучи начинаются с солнца
и на лугах заканчиваются травой.

Н А М Ж И Л Н И М Б У Е В

* * *

Женщины
Носят под сердцем детей,
Поэты —
Первые книги.
Стихи и люди встречаются.
И вновь возникает
Вечная завязь
Света и доброты.

И Р А Н О В И Ц К А Я

* * *

О разбивающийся каждое утро
о солнце
дождь
снег
или вовсе об ничто
одинокий аквариум сна

* * *

кривые
перепончатые лапы Времени
любят иногда преподнести изящное

лимонное кружево гвоздик
гордую прямизну ириса
и щупальца засохшего тюльпана
из трещин рук

* * *

Вот и кончился еще один день
такой похожий на все остальные
который никогда не вспомнится
потому что не было
ни слез
 ни примирений
ни ссор
 ни радостей
ни покоя
 ни беспокойства

Не было ничего
кроме тихого воскресного дня за окном
через которое протягивало
светлые
почти голые руки
дерево с последними желтыми листьями
И лимонное солнце
наполнив их жизнью
еще на один день
с веселым полулюбопытством
заглянуло и на эту полку
мимоходом выхватив с нее
холодный белый камень
и превратило его
в дышащее
полное тайной жизнью яйцо

* * *

Почувствовать странную возможность
зарождения чего-то смутно знакомого
Поверить в которое так же трудно
как увидеть
глубокое
мерцающее таинственностью произрастание знаков

* * *

Хаос неожиданного наплыва слов
полубезвольное перебирание отдельных из них
неузнавание нужных
и иллюзия узнавания
Зыбкость этого мнимого нахождения
смещение привычных значений
появление незнакомых звучаний
и наконец вынужденная
усталая необходимость
отдаться каким-нибудь из них

* * *

Знаешь
где-то есть нежно-апельсиновые дороги
гладкую твердость которых прорезали таинственные
трещины
вечером их обступают деревья с колдовским запахом
и трава
которая целует стволы деревьев
никем не смята

* * *

Вечерний дом
замрет в объятьях перекрестка
Лиловое пятно жары
сползет в песок
Вода утратит влагу
Дорога выбросит меня
Уставшее стекло
родит узоры трещин
Картины черный фон
сокроет действие за ней
Пустое кресло
растает в памяти зеркал
Я перельюсь в кувшин
прошедших лет

* * *

Говорят
 сегодня ветер с моря
Говорят
 тот путь закрыт
Говорят
 что ты вернешься скоро
И еще
 чей-то красный крест на синем флаге
 черный бык со светлыми рогами
 две змеи и старый человек
 преграждают этот путь
Говорят
 сегодня ветер с моря

* * *

Сегодня мне совершенно не хочется умирать
Я здороваюсь с воронами
похлопывающими крыльями
по серой
с остатками ледяных фиолетово-бензиновых
островков
реке
трогаю их тонкие замысловатые следы
на покрытом легким и может быть последним снегом
парапете
и оставляю рядом свои —
грубые и неуклюжие
Я улыбаюсь их крикам
черным испуганным глазам
и смешным
почти собачьим позам
Я удивляюсь неожиданным овалам мостов
с заглатывающими тенями
над освободившейся рекой
какому-то новому странному свету
знакомых улиц и незнакомого воздуха
этого дня
Я слышу твой голос
и совершенно не хочу умирать

**в этот тихий
падающий мокрым снегом
мартовский день**

*** * ***

**О расколотое пространство этих мест
ты снова возвращаешь мне прошлое
снова возвращаешь то время**

**те улицы
те запахи
ту весну
те слова
те ночи**

те дни

те годы

**пусть они даже благодаря тебе
вставлены сейчас
в совсем иную
другую оправу
где все чужое и незнакомое
но все равно
магия
которая заключена в тебе
вернула мне сейчас все снова
и как старое танго
которое спряталось где-то глубоко-глубоко
и только иногда напоминает о себе
тайной дрожью прошлого
так и ты
заставило меня сейчас
в этом незнакомом
почти пустом кафе
петь и дрожать
любить и умирать
под мелодию спрятавшегося глубоко-глубоко
глубоко внутри
того пространства**

*** * ***

**Три слова
единственные на свете
Запястье прижатое к губам
Обнаженная армянская церковь на закате**

Светло-сиреневые
вздыбленные спинами диковинных зверей
далекие
чуть шершавые горы

Слепо-зрячий хачкар над Севаном
острый нож
и точный удар

Кровь и мясо ласковых
разноцветно-войлочных барашков
Испачканные перья ничего не понявших птиц
Свежие шкуры жертвенных животных
И зарезанные миллионы людей

Сумасшествие и беспамятство
И темная посмертная маска композитора
собирающая поцелуи оставшихся

Холодная вода родников
из-под камней
которые видели на свете все
Чуть розоватые
и красные
переливающиеся темно-алым
капли вина
нежащие томительной
едва ощутимой терпкостью язык и небо

Гортанно-разломанная
хриплая речь
И три слова
единственные на свете

* * *

Декабрьский вечер
троллейбус
заиндевшее окно
и сквозь него —
шагалы петухи из разноцветных светофоров
поникшие часы в прогнувшихся от снега проводах
распятые на фонарях
горящие дома
Париж и Витебск на скрещенье площадей
задумчиво склонившийся еврей
букеты роз в руках летящих новобрачных

коровы с дудочкой и детским взглядом в витринах
магазинов
и грустная улыбка цирка
в суете и блеске за стеклом

* * *

Крыши спускаются с неба
Красный мяч лежит на пыльном подоконнике
и издали кажется черным
Ты сидишь спиной к свету
и в твой силуэт можно вставлять чужие фигуры
Гвоздь проходит в подошву и пропаривает кожу
Обрезаны провода и света больше не будет
Форточки плотно закрыты
и никто не может их открыть
Запах пыли
сажи
и нагретого дерева
пропитал все
Разъеденное горло давится несказанным
Тонкий голос кошки раскачивающейся на канате
просачивается в грязные щели
и растягивает их
Мыши застывают от омерзения
и умирают в пепельно-бурой пыли
Надкусанная голова одной из них вывернулась из-под
шеи
и тянется к окну

* * *

натянуться канатом
разорваться заминированным механизмом
избавиться от этой тяжести таким странным способом
раздавить хрупкие и беззащитные зубы их
безжалостными братьями
остатками ногтей вонзиться в обломки пальцев
вздрыгнуть и сжаться от пропущенного через голову
тока
перемешать разъятые суставы
попытаться остановить удары огромного хвоста

чудовища
плывущего в сердце
и странные выпуклости прошлого
уже ласкающие расцветшими цветами метастазов
едва сопротивляющееся тело
ощутить почти как блаженство

* * *

Застонать от детского
полузабытого запаха елки
от невозможности внятно вспомнить
и хоть как-то восстановить
немыслимые по своей отдаленности и истинности
обрывы детства

* * *

научиться не бояться подавать милостыню
не бояться испачкаться о грязные руки нищенок
которые те протягивают из лохмотьев
в то время как их дети-калеки
сидят на земле у их ног
склонив головы
как сломанные цветы
не бояться крашенных женщин
которые возникают перед нами в темных переулках
научиться видеть их лица
если они конечно
вообще есть под краской
не бояться дубинок полицейских
и ножей преступников
что сверкают в темноте
отражая блеск
их пустых глаз
не бояться улиц
дневных
и вечерних
ночных
и рассветных
пьяных
и трезвых
знакомых
и незнакомых
пустынных
и заполненных людьми

* * *

Все, что не в первый раз —
все — декорация

* * *

Декольте арки
даже зимой открытое ветру и проходим
улыбающееся им
впускающее их
выпускающее с усмешкой обратно
позволяющее им любые прихоти и проказы
в своей постоянной каменной обнаженности
стрелять в которую
все равно
что стрелять во Время

* * *

черно-белые квадраты сна
в одном из которых
темный бык
с уже вонзившейся в него шпагой
одновременно вспарывает мне живот
и остается только
плывущая перед глазами
блестящая красная ложка
на нежно-салатной стене
медленно переходящей в темнеющие деревья

* * *

ночная бабочка
с размазанными дождем крыльями
впорхнула в мое сердце тонким металлическим
стержнем
и продолжает взмахивать там
слабеющими крыльями

* * *

каждый раз
когда перепечатаваю стихи
они меняют свои очертания
становятся другими
сколько же их
в каждом

* * *

Вы очень добродушный человек
как-то заметила одна моя знакомая
Она просто не знала
что я немного вор
и немного убийца

* * *

подбрасываю на ладони игрушку города
ее толстые башни и разноцветные дома
стрельчатые окна и тонкие шпили
островерхие крыши и миниатюрные часовни
таинственные чердаки и мрачные помойки
ночные безжизненные витрины и темные лестницы
пропадающие в подворотнях

Наигравшись
с любопытством вспарываю пространство этого
города
и влезая по локоть в черные дыры
с мутной завесой из вечно падающего там снега
пополам с дождем

Замираю от увиденного

Затем придаю этой упоительной в своей
геометрической
неправильности игрушке
снова прежнюю форму
и покой
небывалый покой
некий исступленный покой
нисходит на меня

НОВЫЙ ГОД

Со мной иногда происходят странные вещи. Например, я выхожу наутро после Нового года из еще полусонного дома с беспечной легкостью в теле на тихую пустую улицу, и у меня вдруг появляется жуткое ощущение расползающихся ног старушки, которая вышла в магазин за молоком и видит, что все растаяло, обледенело, и понимает, что не дойдет по таким колдобинам, стоит и смотрит слезящимися бессильными глазами на старческую Голгофу — путь за молоком. Я начинаю ощущать, как дует ветер ей под черную накидку, которую она носит и зимой и летом, когда ее качает из стороны в сторону с прижатой к боку сумкой, в которую она для верности продевает руку. Я чувствую ритм ее тела, которое раскачивается усмевающимся ветром и скрипит, скрипит... И, наконец, я знаю, что сейчас она войдет вот в этот двор, вынет еду из сумки, и ее окружат штук двадцать неизвестно откуда взявшихся кошек. А она быстро даст им завтрак и, балансируя на невидимой, но вечной веревке, будет удаляться все дальше...

* * *

и ночью когда краденые предметы вновь появляются на своих местах когда нет удивления когда все перетекает одно в другое когда не надо разделять слова и отделять любовь от случки не надо торговать душой когда играем по-другому и карканье ворон бодрит а рты раскрыты в криках что птицей лиловея вылетают прочь и камнем падают к оградкам из-за которых нам подмигивают фары и дальше мчатся съедая темноту чтобы ее оставить переваренной в снегу о как тогда мне хочется проснуться

* * *

И это все еще я? Как хочется пропороть эту наброшенную кем-то на меня шкуру острыми углами плеч и колен. Но этот балахон из какого-то сомнительно-доброжелательного зверя, согласившегося снять его с себя и отдать мне, очень просторен,

его никак не достать, когда кажется, что вот уже сейчас, наконец, можно разорвать эту пахнущую кем-то чужим, но принадлежащую почему-то мне кожу, ее мерзкие складки отводит чья-то рука и мой странный вечно живой панцирь по-прежнему оказывается неведимым.

СЕРГЕЙ НОСОВ

* * *

Я вижу плотно сжатый рот тьмы
с алыми лепестками огней вместо губ
и угрюмое безделье
повисшее как мокрое полотенце на усталом плече
боксера
я не желаю бить в лицо навязчивую законную радость
чей профиль гладок как катальная горка для малых
детей
я не хочу покупать горячих как пирожки на вокзале
поспешных нежностей —
из них можно сплести только толстые бугристые
веревки
что раскачивают тела вовремя повешенных
на жутковатых пустырях
я хочу плачущих как брошенные возлюбленные дней
и долгой — как смех взхлеб — жизни
уносимой все дальше от берега спотыкающимися о
мелководье
и шатающимися между скал волнами —
носильщиками морей влюбленными в плети ветра

* * *

Я жил не пошло
но жил хромая душой и даже телом
жил небольшими но серьезными как хмурые дети
из несчастливых ненужных семей заботами
жил запущенными как нечесаные волосы
спутанными мечтами
жил одноцветно
в своем прокуренном логове большого умственным
трудом
часто теряясь вечерами в толпе больших идей
шумной и недоброй

но
я не очень жалею о том
я не люблю празднично белых крыльев восторга
на которых парят по пустоте сказочно голубого неба
похожие на новогодние открытки юноши и девушки
противоположные несчастьем настолько
насколько день чужд ночи
хотя
и меня укачивают иногда подходящие из-за угла
наслаждения
как убаюкивает гулящая мать своего заброшенного
ребенка
а успокоив — бросает на всю ночь
тогда
я становлюсь похож на холодное утро
положившее голову на колени задумчивой тишины
и улыбающееся тихой улыбкой старого мальчика
нечаянной как непрошенная откровенность.

* * *

Ты приходишь — не вижу
уходишь — я чувствую кожей свободу
ощущаю исчезновение рук
умеющих гладить
но призванных крепко держаться
за жизнь
за себя за меня и за тень
довольства в конфетной обертке
надежды придуманы мной
но погасло
окно где я некогда жил
а разбить его — страшно.

* * *

Каменный пиджак реки
с длинными рукавами которых больше чем положено
белые ногти волн на впалой груди залива
безжалостно исцарапанной катерами
вопросительные знаки портовых кранов
восклицательные — заводских труб
длинные строки домов по набережным
ночами — мелочь огней рассыпанная небрежно
открытые рты старых мостов

и протяжное — как размашистый почерк пустынного
проспекта —
асфальтовое одиночество
по которому можно идти до утра
не оставляя воспоминаний в глазах погашенных окон
похожих на равнодушное многоточие
сопровождающее тебя по жизни.

* * *

Изгнание беса
в каком-нибудь огнедышащем действии
развивающемся вихреобразно
хищная романтика древних культов
творимая во имя разновеликих богов
плотным кольцом окружающих жизнь
и обряды обряды обряды
до всесветного головокружения —
все это лишь горсть пепла
рассыпчатой ветхозаветной чепухи
смытой смеющимся временем с круглого стола
жизни
который никогда не превратится
в вертящийся столик спирита
и шахматную доску математика
переставляющего тенеобразные фигуры логики
с глубокомыслием фарисея
и первобытной радостью обладателя талисмана.

* * *

Закончен
концерт существа
большого вопроса не равного знаку вопроса
теперь начинаются боли
рождение нового
малый оратор скользит
с жилого помоста из судеб своих подчиненных
в толпу
захлебнувшись в ее голосах
но руку подняв вожделенно
и бережно плача в платок
которым он будет махать
когда тело его легко понесут на носилках
к святому концу
их никем не погашенных слов
составивших в общем значении вечную глупость.

Л Е В О З Е Р О В

* * *

Ахматовой нравилось,
Когда я называл ее
Королем Лиром.
— Откуда вы это взяли? —
Спрашивала она
С горделивым любопытством.
Я молчал растерянно,
Поглядывая на ее шкатулку,
Тетрадку, Горация, шаль.
— И все же?.. — продолжала она.
— ...Догадался.
— Догадка, к сожалению, верна... —
И она умолкала
На весь вечер.

* * *

Такая легкость,
Будто на ладони
Мое держала сердце,
Слегка его приподымая.
Мой шаг был невесом,
И так хотелось петь
Еще никем не сочиненные мелодии.
Такая легкость!
Если бы всегда вот так:
Июль, вдвоем, одни, подходим к берегу,
Огни, накрапывает тихо,
Плеск волны шуршащий,
Еще...

* * *

Птица улетела — гнездо осталось.
Гнездо разорили — дерево цветет.
Дерево повалено — пень белеет.
Сажусь на пень — пишу эту песнь
О птице, что улетела.

* * *

В Дельфах
Из кастальского ключа
Я пил.
Но вдохновенье пришло не здесь,
А позднее.
Когда в Афинах
Я взглянул на небо,
Чтобы увидеть облако,
А увидел Парфенон.
Он висел, ничем не поддержан,
Он парил,
И земля магнетически
Влеклась за ним
Вместе со мной.

* * *

В юности был он
Бутылкой шампанского,
В зрелости стал он
Простой бормотухой,
В старости
От болезней и от усталости
Превратился в уксус.
А наклейка осталась — шампанское.

* * *

Переводчик — перевозчик
С берега одного языка
На берег другого.
Перевод совершается
В ладье Поэзии.
Если ладьи Поэзии нет,
К вашим услугам
Ладья Харона.
Иными словами —
Перевод совершается
В небытие.
Оригинал теряет жизнь.
Поплачем над оригиналом!

* * *

Каждый владеет малым временем
От рождения своего до смерти.
Но некоторым дано
Большое время за пределами жизни.
Барон Раухенбах бряцал шпорами.
На балах танцевал лихо.
Но забыт напрочь...
А отец большого семейства Бах,
Сочинявший разные там хоралы,
Прелюдии и фуги,
Запомнился надолго.
Боюсь, барон, что навсегда.
Но это от нас не зависит, барон.
Кому бряцать шпорами недолго,
Кому звучать хоралами вечно.

СЕРГЕЙ ОКРОПИРИДЗЕ

* * *

Толпа взрослых обступила ребенка.
Каждый опускается перед ним
на колени,
подставляя ему свое ухо,
в которое дитя что-то тихо
лепечет.
И взрослые встают и уходят
с сияющими лицами,
вспомнив, наконец, забытое ими
давным-давно...

СИЗИФ

Камень,
который он катит и катит
вот уже целую вечность,
на свою злополучную гору,
давным-давно так отшлифован
его руками,
что боги глядятся в него,
как в зеркало.
Рады они убедиться,
что любой труд —

даже сизифов —
не так уж и бесполезен,
как это мнится иным...

А Л Е К С Е Й О Л Ъ Г И Н

* * *

Верлибр —
это
озарение,
облучение
солнцем;
это
напряжение чувств,
вспышка
при сближении
сердца
с миром.

* * *

Для ласточки —
приземление —
миг печали.

* * *

Не всякий поклон
молитва
так умирают листья

* * *

Ни рек,
ни ручьев —
никаких излияний...
Замкнуться
озером
в себе...

* * *

Чайка и я —
у белой воды
в четыре ноги
перебираем сумерки,
думая каждый о своем.

* * *

Не бывает очереди
кормить птиц...
Как в зимнем лесу —
никого...

* * *

...Все дело в диалоге:
как травы
с росой;
как лодки
с морем;
как раковины
с устрицей...

* * *

Оставив сапоги
ожидать за воротами
босые солдаты
нежно
играют в футбол

* * *

Сидящий посередине скамейки
и сидящий с краю —
это два разных человека:
у одного из них
сломано
крыло.

* * *

Легче тому — кто плачет...
Отчего же
 плакучая
 ива —
 такая
 седая
 ?

* * *

В маленькой женщине
сближены все полюса, —

все близко к сердцу.

* * *

Моя собака грызет
иссохшую палку
без вкуса
пробуя новый день

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Между закатом и рассветом
где не успела родиться любовь
не было ни солнца ни звезды

снизу вверх
медленно
умирает
дерево
гладиолуса

ДЕТСТВО

Как нравится в детстве
все необычное,
что имеет праздничный смысл:
и электрический свет

среди бела дня —
это сова наоборот!

КУКУШКА

Нет ничего легче и проще
жанра кукушки
прародительницы детских домов
и интернатов

День за днем
вереницей пустогорбых верблюдов
и где-то в самом начале каравана
крохотный мальчик

ДОБРОТА

совершается в одиночку
злу требуются сообщники

Крепости Ивангорода и Нарвы
начали разрушаться в одно время

останки прежней вражды

никто не намерен вспять
обратить свою песню

Не причинять зла
это тоже добро

все доброе
круглое
как живот
беременной женщины
идущей через мост
между двумя
городами

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Бездомная собака
радуется случайной привязи

это так не похоже на любовь
на собственный дом
на собственное счастье
на собственность

ВСЕ ПРЕХОДЯЩЕ

Именно здесь у входа в кафе
в память об этой даме
укрепят мемориальную доску

Здесь прошли ее лучшие годы

прошли травы прошли птицы
прошли моря леса и луга
и все за "одной чашечкой кофе"

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Разве каких-нибудь пятнадцать лет назад
Хельга позволила бы себе сесть на скамейку
рядом с одиноким мужчиной

но теперь между ними
такое широкое седое море

ГИМНАСТИКА

Из спортивного зала
вышли
девочки-старушки
после очередной победы
над детством

победа маленькая
как мышонок

ПОБЕДИТЕЛЬ

Он шел по центральной аллее сада.
Нейлон, джинсовый материал, вельвет —
все было прожито в его жизни.

Он шел по центральной аллее сада.
Он и теперь — в самом модном — был впереди,
опережая многих,
но его обогнал человечек
на трехколесном велосипеде.

* * *

Я не расскажу до конца повести
ни об одиноком яблоке на ветке осени,
ни о птице, смотрящей вслед улетающей стае,
ни о машине, застрявшей в бескрайних снегах...

Я все это видел проездом, пролетом и
мимоходом.

* * *

Оторопев,
слушаю, смотрю...
Легче петь, чем говорить;
легче бежать, чем идти...

* * *

Мне нравится ездить
на первом маршруте трамвая —
от вокзала
до прибрежного Кадриорга...
Что делать, если
не знаешь определенно,
где начинается город,
и к чему тяготеет песня —
к земле
или к морю?..

* * *

Ночь начинается с гулких мужских шагов в тишину, в
страх...
Слепи комок из осенних листьев и брось в темноту —
впереди...
Захотеть, и в тумане увидишь то, что ищет вещее сердце.

Ночь непрочно и похожа на куколку бабочки, которая вот-вот раскроется и появится светлая гусеница утра.

Бабочки-однодневки, сколько их отлетело... Дни теряют дни... Наступает такой момент, похожий на отмирание веток, и где-то у вершины — то, до чего не дотянуться прошлому...

* * *

Перезимуй со мной, а дальше — лето. Оно сулит немного, но там большое солнце...

Глаза закроешь — оранжевый и желтый сон, и море... Все это близко, ближе, чем ты представляешь. — Прислушайся... уже рокошет мотоцикл и ветка тополя опять ожила в нашем доме. — "У дерева всегда надежда — быть живым, едва почувет воду..."

Перезимуй со мной и оживи в далеком от меня и теплом море... А я перезимую как-нибудь, когда настанет лето...

* * *

Не знал о тебе ничего, как птицы не знают о будущих гнездах.

Если бы тебя не было, я бы выдумал тебя, чтобы пропеть свои радости.

В тебе мое несостоявшееся детство, в котором обретают легкие крылья...

* * *

Никто не пошевелил крылом, и не открыл рта, и не пискнул... Все замерло оттого, что удивилось. —

"И то бывает, чему Господь не повелел быть..."

...Ты выпустила стаю птиц, и обновилась дни мои...

* * *

Извлекаю образы из тишины. —
Песня покоя...

Я научился любоваться прекрасным со стороны.
Морем, не бросая в него свое брненное тело,
и снегом, не топча белизны печалью...

* * *

Без тебя
 не сложится
 в завтрашнем дне
что-то такое,
 что вызывает сияние...

* * *

Ты идешь поутру через лес,
ты сбиваешь с листьев прозрачные тени бабочек
и перемалываешь в росе свое сердце...
Красивые обманы лета —
в них что-то от тебя...

* * *

Это уже не ты —
 это отголоски,
 отзвуки,
 отсветы
 того, что было музыкой...
Шумно и многолюдно,
 как на могиле Ахматовой...

* * *

Пишу коротко —
 как весенний дождь,
еще короче —
 как твое внимание,
совсем не пишу —
 как твоя улыбка...

Каждый в своем одиночестве гений...

* * *

Руки кричали в небе,
 плакали
 и смеялись,
 птицы
 садились
на пальцы
 и
 не
 улетали...

* * *

...Параллели

т п
в р
о и а
е в
й о

п т
р ы
а м
в о
о о
т е
ы й

пересекаются
по законам человеческой трагедии...

* * *

...Твои желания .

перепрыгивают через лужи
и ходят
по тонкому льду,
губы твои тянутся к сладкому снегу,
а глаза —
видят
осень
зеленою, —
значит, ты молод
и солнце живет в твоём колесе!..

* * *

С каким трудом
сквозь

узенькую щелочку в самолюбии
протискивается
чужое "Я"!

* * *

Все черное,
когда устанет,
становится вдруг белым.

* * *

Если б не холод —
листья не снизили бы к земле...

* * *

Для того, чтобы поставить дом,
или посадить дерево,
или даже воздвигнуть памятник,
надо вначале
выкопать
яму.

Г И В И О Р А Г В Е Л И Д З Е

* * *

Минуты роковые ничего не решают
ни в жизни,
ни в судьбе,
ни в истории.

Минуты роковые — гром весенний
в ушах
оглохшего от тишины и покоя
помещика и дипломата
Федора Тютчева.

О, как славно писалось
в эти самые минуты,
когда созревала поэзия
и увядала жизнь,
и возвышалась судьба
в пронизательных глазах
беспощадной истории.

* * *

Консерваторы любят горы,
новаторы — степи;
гений в пустыню влюблен,
демиург — в океан.

В Гулистане газели растут,
а не розы;
на Олимпе гекзаметры спят,
а не боги;
римской элегией
обернулась культура,
а Гете
поэтическим канцлером стал.

Я с теми,
кто утро встречает в пути
и рассветы читает,
как книги.

Ю Р И Й О Р Л И Ц К И Й

* * *

...Особенно зимой,
когда незнакомый ночной город
так неприветлив и холоден.

а он
выходит один из трамвая
на необъявленной остановке.

всегда боишься за него,
не зная,
куда идет
этот чужой человек.

* * *

Романтик!
Видел ли ты когда-нибудь
На заледеневшей крыше сарая
стол,
беспомощно задравший в пустое небо
кривые ноги?

* * *

Сильный человек
Опускается на колени
И кричит о своей слабости.
Сильный человек
Хочет стать еще сильнее.

* * *

Лучшие скрипки
обретают
форму сердца

лучшие сердца
рождаются
в форме
скрипки

* * *

Я никогда не удивлялся
Шуму прибоя
В морской раковине.

Я привык слушать
Как шумит пустой город
Ночью.

* * *

Люди думают,
Что,
Заглядывая
В их окна,
Я хочу видеть
Их лица.

Мне же
Просто необходимо зеркало.

Чтобы причесаться.

* * *

Как удручающе пошлы
Самые умные разговоры о любви

Рядом с бесконечно длинным
Тяжелым
Ноющим, словно рана,
Молчанием
О ней.

Помолчим еще,
Любимая!..

* * *

Впервые
Ощущаешь себя
Не мальчиком,
Но мужем,

Когда замечаешь вдруг,
Что все до одной красивые женщины,
Которых встречаешь на улице, —
Уже
Моложе
Тебя.

* * *

Ночная жизнь вокзалов
напоминает
о животном смысле
человеческого существования

деловито снуют туда и сюда с грузом
муравьи-носильщики

стоят вдоль путей
с фонариками в руках
светляки-стрелочники

лениво
ворочаются на лавках зала ожидания
медведицы-пассажиры,
сонными лапами
пошлепывая озорников-медвежат

Может быть,
у вас прочнее доски,
ровнее гвозди,
сноровистее руки, —
но я —
очень не вовремя —
думаю о небе,
которое очень люблю,
том самом небе,
которое теперь
мне предстоит видеть
сквозь мои слова —
сквозь доски своего гроба,
пока я не вырасту из них.
Я думаю о небе,
похожем на все другое —
на воду,
отражающую мир,
на глаза
любимых людей,
на книги,
огромные и непонятные.
Пусть будет оно всегда добрым,
небо,
о котором я
так вовремя вспомнил.

А Л Е К С А Н Д Р О Р Л О В

Город
пойманный сетью улиц
отчаянно машет плавниками
пытаясь спасти
восемь миллионов
своих головастикав

* * *

Нечто
говорящее на языке дюн
листая волны

ощупывая скалы

ищет
имя
свое

* * *

часовых дел мастер
знает обратную сторону
времени

не задается вопросом
жизни и смерти

что ему философия

маятник да пружина...

ЭВОЛЮЦИЯ

Океан
играющий водорослями

первые рыбы
обитатели гигантского аквариума

первый шаг
соединивший две стихии

первый вздох
прокатившийся по Земле

и мы
в тени древних папоротников
фрагментом наскальной росписи...

* * *

По движению век
проследить
траекторию сна

по цвету облака
рассчитать
подъемную силу дождя

по яркости пламени
вычислить
стойкость бумаги

или может

по толщине лезвия
определить
истинную
ценность
вещей

* * *

Это — мы
говорящие без словаря
на диалекте сумерек

это — мы
торжествующие победу цветка
над серостью асфальта

это — мы
узнающие друг друга
по степени печали в глазах

сократившие жизнь
до размеров глотка

* * *

На склоне
в зарослях травы
лежу раскинув руки
словно воскресенье
трава как лес
и небо обгоняет крону
и застывает на лице
воспоминанием недавних
перелетов...

на склоне
в зарослях травы
лежит раскинув крылья
уснувший
самолетик...

* * *

Сражался
со Снежной Королевой

заступался
за Гадкого Утенка

горел
с Оловянным Солдатиком

самое страшное в жизни
позади

* * *

Отбрасываю тень...

отбрасываю подальше
чтобы не задеть
растущих следом
детей

М И Х А И Л О Р Л О В

ПРОТИБОБОРСТВО

На голой земле стоит мое голое сердце.
Ему дано отмеривать время,
и оно бьется, несмотря ни на что.
Осыпанное инеем и птичьим пометом,
освистанное всеми ветрами,
голое на голой земле,

оно сжимается в кулак
и наносит удар за ударом
в безмолвие.

ВЕРА

В теплой мгле
свистом опутывает меня иволга,
виток за витком,
песня за песней.

И вот уже я —
плотный кокон —
слушаю ночь,
дышу воспоминаниями,
вещим сумраком.
А песня уходит все дальше, вьется,
замуровывает мою боль в нежную оболочку.

Запах земли! Шорохи! Предчувствия!
Жизнь, огромный мерцающий плод,
висит на невидимой нити птичьего свиста.

Я знаю, что будет завтра.
Я верю в прочность песни.

ОТВЕЧАЮ

Говорят:
— Разве это стихи?
— Это слишком сложно!
— Это слишком утонченно!
— Это никому не нужно!

Что отвечу?

Разве это я наполнил весь мир шепотом, блеском,
яростью ветров и рек?
Разве это я вдохнул румянец в девичьи щеки и
силу в юношеские мышцы?
Разве это я снарядил в путь караваны мыслей,
белые и расписные ладьи?
Разве сам я значу больше маковой росинки?
И не так же подчиняюсь ветру всеобщности, как
любое событие?
Разве это я говорю своим языком?

ПОХОЖЕСТИ

Птицы в утреннем лесу похожи на руки,
которыми причесываются спросонок деревья,
выходящие из тумана.

Солнце похоже на чернильницу,
доверху наполненную золотыми кляксами.
С чистописанием оно не в ладах!

Тайна молчания состоит в том,
что оно похоже на размышление...

* * *

Губы — солнце,
губы — туман,
губы — шиповник.

Тенью тебя окружу, темнотой восхищенья.
Тебе нигде не спрятать пылающих губ, —
этот цветущий, колючий, себя стерегущий словарь!

Но ты,
обнаженная и неуловимая, как мысль,
успеваешь обдать меня брызгами смеха
и ускользаешь в прозрачную глубину дня.

НЕЖНОСТЬ

Затаив дыхание, смотреть
В лицо любимой. Пальцами коснуться
Сомкнутых ресниц. Так чутко,
Чтобы почувствовать

Их ранящие острия,
И так тихо, чтобы
Не вспугнуть
Затаившийся сон.

СИРЕНЬ

Ветер ее зашептал,
Заморочил,

К стволу ее крепко
Прижался,

И сонные синие
Грозди .

Благоухали
В тот вечер

Сильнее, чем смерть
Или море.

* * *

Почему люди
Весной смеются?
Потому что
Молодая травка

Щекочет им пятки
Сквозь
Толстые подошвы
Башмаков!

* * *

Я отобрал у песни певучесть.
Исчезая, она улыбнулась.
Эта улыбка змеится
В траве моих образов.

* * *

Новое я безошибочно узнаю по тому,
Что оно будоражит своей радостью.
Все прочее — перелицованная
Древность.

С нее, как с мокрого зонтика,
Течет усталость
На чистый
Пол.

АЛЫЙ ОТБЛЕСК СОЛНЦА НА ЩЕКЕ

Уснуло розовое море,
Нахмурил лоб,
Раскрывая веер прозрачных течений
В отдыхающем теле.

Человек принимает образы того, что
видит.

Взнесенная угловатость гор
Рождает в душе гордость.
Священный шелест лесов
Откликается воспоминанием счастья.

Спящее море
Напоминает о будущем.

Солнце ласкает лица.
Ветер, как девочка, порывист.

И вдруг все, все утонувшее
И всплывающее,
Ясное, как жест прощания,
Обретает другой смысл.

В содроганиях берега
Просыпается желание жить
И воздух, подвешенный на крючьях света,
Мучительно счастлив.

МОРОЗ И РЕЧКА

Отскочил, и снова прыгнул,
Тянет зубами ее за подол;
Она от него убегает, смеется,
Вкруг ног обвивает воздушные кружева дней.
Устав, зверь мохнатый ложится на землю,
Белым хвостом закрывает глаза
И дремлет. Она же голой ладонью лепит снежки
— из горячего, пышного, сладкого снега! —
И трет себе щеки.
Русь!

Облако, в сердце плывущее!

СОКРОВЕННОЕ

Женщина заплакала и сняла платье.
У нее остались грудь, бедра,
Живот, ноги, прикрытые кожей.
Женщина заплакала и сняла кожу.
У нее осталось кровоточащее тело,
Тело и боль, и ее плач.
Женщина заплакала и сняла алое мясо,
Нежные мышцы,
Белыми пальцами провела по белым ключицам,
Потрогала белые ребра, таз,
И устыдилась обнаженности.
Она заплакала, и сняла скелет,
И осталась ни в чем,
В ночной темноте,

В порывах ветра, в океанских вздохах,
В запахе жасмина и утренней реки.
Что, если она сбросит с себя все это,
И свой плач, и уйдет,
Забрав с собой последнее тепло наших надежд?
Я хочу принести тебе свежесть смеха.
Умойся, проснись, улыбнись, засмейся!
Будь счастлива! Береги сокровенную боль!

КТО СМОТРИТ?

Я вдруг остановил мерцающее течение
мыслей,
Плеск и шум на перекатах, где время
обтекает
Остолбеневшие предметы,
Словно камни,
Всплывшие из глубин земли
Или сорвавшиеся с горного хребта,
Застывшие, окаменевшие явления
Среди неожиданной тишины.
И поймал себя на том, что с удивлением
разглядываю
Поле озимой ржи
И пытаюсь понять:
Кто смотрит моими глазами?

Я БЫЛ

И был я гудящей трубой подсолнуха в
золотом, словно напутствие матери, венке
лепестков.
И был я узилищем страсти, как тополь,
избыток листьев темнеющих, благоуханных,
избыток ветвей, гордо изогнутых перед
нагой подругой тополицей.
И был я былинкой земляники, пьяной от
близости мертвецов, склоняющей соски своих
грудей над их растаявшими губами.
И стал я молчанием ночи, ушел глядеться
в ночные воды, напился темной влаги, и
зашептали, заморочили меня тихие ночные
ручьи. Не знаю, где я, под какими ветвями,
в каком лесу слушаю птиц незнакомых.

СВЕТ

Подниму отяжелевшие веки, чтобы хлынул
в меня мучительный свет несчастья, выворачивающий
слезы из мякоти слепоты.

Боюсь счастья. Боюсь его темной шерсти.

Его не прокусит никакое жало печали,
запутается в длинных волосах, всегда, везде будет
с тобой это гуденье умирающих пчел.

Боюсь косматого счастья!

Лучше буду дрожать голой кожей, но
каждое дуновение весны дойдет до моего
сердца.

Мимолетную ласку заблудившегося шмеля,
касание длинных пальцев ивы, краткую нежность
дождя и человеческое, самое драгоценное тепло
я почувствую!

ЕСЛИ ХОРОШЕНЬКО ПОСМОТРИШЬ

Откуда взлетают бомбардировщики?

Вой. Дрожь. Старт.

Колеса несущие бегут
по широкой бетонной равнине,
по бетонной пустыне,
по бескрайнему полю
твоего сердца, приятель!

Вот откуда взлетают бомбардировщики!

Из твоего сердца. Да.

Из пустыни твоего сердца.

Е Л Е Н А О Р Л О В А

* * *

Если от старого века
остался ничтожный огарок
это ль не повод
для жизни мечтателей новой эпохи
каждый из них
стал разносчиком правды
карманных форматов
каждый гадают
на розе ветров
в предвкушении лжи

* * *

Лизе

В нашем вчера
коротком
как индейское лето
в нашем мире
пахнущем
как сентябрьское яблоко
мы все бежим
по ту сторону памяти
маленькие и легконогие
ловцы ящериц

* * *

Логика роста бамбука —
та же трава
только умеет быть
флейтой

МАРИНА ОРЛОВА

* * *

маленький ангел
кормит рыбой
морских чаек

какие живые слезы

* * *

Палочкой на песке
рисую время
падения звезд

* * *

К тридцати
научусь снисходительности

к дельфинам
и людям
путающим стук сердца
с биением рыбы

* * *

Хотела бы я знать
сколько нас
в комнате

* * *

На месте
упавшего зеркала
до сих пор
мое отражение

* * *

Поднеси ладонь к небу —
в ней
качается твой самолет...

* * *

А может
все бабочки
анемоны
розовая россыпь лепестков —
это
остывающее в пространстве
дыхание камней

* * *

Собиратели ранних птиц
утренних туманов
влажных лепестков
досмотрят цветные сны...

уже
никакому дождю
не увести от дома

* * *

О Путешественник!
Научись различать в облаках
лица пропавших пилотов

* * *

Выйти из космоса
осознать родство с деревом
очнуться бабочкой

* * *

Рыбам
доплывшим до заката
снится окровавленная маска
испытателя глубин

* * *

Самые красивые люди
любят самые красивые цветы

самые красивые цветы
любят самые древние камни

самые древние камни
отражаются в воде

* * *

Охота
одетая в длинный наряд
птицелова
перестает быть Охотой

когда я думаю о ней
стараясь успеть
самым большим
и мудрым собакам
доверить лицо
спящего ребенка.

ВОЛЧОК

Так и прирастаешь зрчками
к одному из витков волчка
и пока
он вертится
сворачивая пространство
ты считаешь до трех:
про-стран-ство
и притворяешься стариком.

* * *

цветные нитки
прах счастливых билетов
палочка от эскимо
съеденного в допотопную эру
одного возраста с аксолотлем
и ржавым хребтом "молнии"

...эра
...хребты
...молнии —

мусор в моих карманах

* * *

Тяжесть кисти
перевешивает
тяжесть трюма
затонувшего лайнера
но руки —
ноев ковчег отчаяния
наступающего "завтра"

* * *

Есть же
кроме черно-белых фотографий
и пронафталиненных пальто
нечто
непонятное предметам
отраженным в зеркале

иначе откуда
яблоко на блюде
в котором
точно в елочном шаре
выпукло и вогнуто
проходят события

и откуда уверенность
что все уже было:
позвякивание бокалов в буфете
кресло под желтой лампой
и раскрытая на девятой странице книга
в которой кошка
прячется в черепаший панцирь
имитируя
уязвимость вечности

* * *

Под вечер
гора обсасывает
солнечный леденец
от этого пальцы ее в заусенцах
я
отделяюсь от озера
заворачиваюсь в полотенце
каждое мгновение взвешено
в целлулоидном горном воздухе
в озере
есть хрустальная комната
в ней обязательно водится хариус
никто его не видел
но уж больно подходит название
к хрусталу — Ха-ри-ус
Ха-ри-ус
Харе...
кристально чистый воздух
порождает такие же мысли —

поток стеклянных шариков
или пузырей по воде
похожие оставляет рыба
или дождь

Что-то
приравнивает меня
к рыбе
и дождю.

* * *

Кто-то
постоянно сидит
в моем шкафу

Кто-то
пугает мою кошку

Кто-то
шуршит моими стихами

Кто-то крадет мои пуговицы

Кто-то
учит птицу
бояться грозы
и любить свою клетку

Кто-то
не дает мне заблудиться
в лунных ветках
когда я захожу
слишком далеко
в своих сновидениях.

* * *

От дома
к дому
от дома
к дому
от дома
к дому
и никогда — обратно

О Л Е Г О С И П О В

РЕПИНО

На платформе
целый день
не подпускает к себе
привязанная овчарка.

Никогда не забуду
Верующие глаза.

М У З А П А В Л О В А

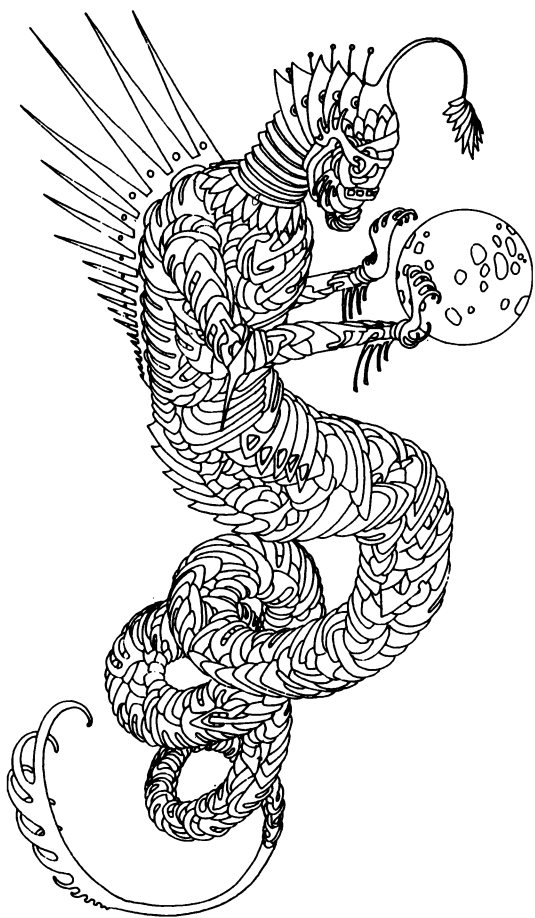
* * *

Мальчик девочку тянет в кусты.

Санитарки воруют из тумбочек сахар.
Санитарки больным свою кровь отдают.
Клоун мол тся на ночь, он смерти боится и верит в
загробную жизнь.

До утра счетовод подвигает костяшки на счетах,
Все бледнее лицо его,
Розы склероза все ярче.
Капитаны, рыгая, снимают тельняшки,
Ложатся с усталыми сонными женами,
Целуют их долго
Накануне отплытья,
А потом засыпают,
А жены садятся,
Свесив голые ноги с постели,
И накручивают волосы на бигуди.
А учительница проверяет тетради.
Ах опять, у Петрова "вождь" без мягкого знака.
Как ее огорчает этот Петров.
А ведь мог бы учиться, мальчик очень способный.

Мальчик девочку тянет в кусты.

Э Р Т А ПАДЕРИНА

ПОСМОТРИ МНЕ В ГЛАЗА

Выплеснись, море земное, —
цветами, деревьями, травами!..
И каплями земного потока
пронесутся над тобой звери и птицы.
Выпорхни бабочкой из травы,
встань и навстречу пойдя
на нетвердых ногах
человеческим сыном!

Посмотри мне в глаза, земля!
Посмотри на меня глазами
синицы, весело прыгающей
по ветвям белой черемухи,
выгляни черной ягодой
из смородинового куста.

Скажи,
о чем вы так дружно молчите,
о чем позабудет мой сын,
когда научится говорить?

ДУША КАМНЯ

Мой камень падает.
Сначала "мой" и камень
слиты воедино,
потом от сотрясений и ударов
"мой" постепенно начинает отделяться
и вот
при завершающем ударе отлетает,
и облачком,
пока нерастворенным,
стоит над камнем —
его душа.

* * *

Зернышко мака
нечаянно раскусила —
вспыхнула зеленью степь
до самых гор,
покрылась алыми маками.

Горячий ветер
согревает мое лицо,
лепит одежду к телу:
сейчас пойдет дождь —
брат моих гор,
брат степи,
мой брат.

А Л Е К С А Н Д Р П А К

* * *

Не говорите мне,
Будто небо держат атланты.
По-моему, эту тяжесть
Несут
Более хрупкие плечи...

* * *

Единственное, к чему
Не могу я придраться —
Это руки человека.
Только б они не повторили
Славу Герострата...

* * *

Закатилось детство —
красный мячик с белой полоской.
И часто во сне я бегу по ней,
будто по дорожке
за теплом отцовских рук...

* * *

Одиночество —
Это чье-то кем-то когда-то
Невостребованное счастье.
И в залог оставленное
Ожидание...

* * *

Час пик — время сбора пуговиц...

НИКОЛАЙ ПАНЧЕНКО

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Ты хочешь понять, как пишутся стихи?
Это бессмысленно.
Потому что стихи хоть и не стихия, но всегда неожиданны.
Их нет, пока они не написаны. И нельзя понять то, чего нет.
Ты и не пытаешься понять то, чего нет, —
тебе это не приходит в голову.
Ты смотришь, как сделано уже сделанное.
Это можно понять.
Но после того, как ты это поймешь, ты не напишешь
ни одного стихотворения.
Потому что новое стихотворение — которого еще нет! —
никогда не повторяет то, что уже есть. А когда повторяет,
то это неновое.
И если оно стихо... то уж во всяком случае — не
...творение.
И потому никому не нужно.
Стихотворение — если это творение — всегда больше
того, кто его написал. И кто его прочитал.
Ты почти возмущен этим "больше" и знать не хочешь,
откуда оно берется.
Но, вмещая стихотворение, чувствуешь, как начинает
трещать твой окостеневший панцирь.
Ты увеличиваешься, вмещая его. А если не вмещаешь —
боишься за панцирь — не увеличиваешься.
И тогда ты равновелик только части, обижен целым,
которое больше тебя и потому не вошло в тебя, когда ты
не отважился увеличиться.
Ты все еще хочешь понять, как пишутся стихи?
Изволь!
Стихи проходят сквозь тебя, если ты этого не боишься.
И чем больше не боишься, тем чаще проходят и большими
силами.
Они овладевают тобою,
как мерой своего выражения...

ОПЫТ ПОРТРЕТА

(из поэмы "К ДЕЛИИ")

Когда ты была —
не было слов,
и стихи догоняли меня из прошлого:
они появлялись, как мне казалось, из-за спины.

Я думал, что так всегда.
Но сейчас, когда я люблю другую женщину,
я не пишу ей твоих стихов.

А мне очень хочется рассказать о тебе.
О твоих волосах —
желтых и долгих, как осенний дождь.
Говорят, их нет уже...
Но теперь, когда я сказал о них, это не имеет значенья.

О твоей коже —
натянутой, как у мальчишки,
прямо на кости.
Кожа у тебя пыльная
и горячая,
как стены южного города.

Одна — ты сутулилась.
Со мной ходила — выпрямившись,
и встречные вздрагивали, встречаясь с твоими глазами.
Изжелта-зеленые, как у тигра,
глаза останавливали
и говорили:
"Все, что мы видим, наше".
Не улыбались
и не светились,
но разгорались желтым огнем,
и волосы, в которые ты, длинная, могла завернуться с
ногами,
были их продолжением.

Когда ты была —
не было слов.
Ты говорила: — Хочу! —
И почти никогда: — Не хочу. —
И ничего не хотела, кроме того, чтобы тебя любили.
И я, кроме этого, ничего не мог тебе дать.

Глаголов ты обычно не употребляла,
но — действовала.
Существительные существовали независимо от тебя.
А междометия — все без исключения! — были твоими,
и много еще таких, о которых никто не догадывался.

Это язык плоти.
Ты им владела, как телом — легко! — в воде и на суше.

Никто не знал тебя, как я.
Поэтому я и не остался с тобой.
С такой, как разгорающийся огонь, нельзя дольше:
дымилась одежда,
и мы, встречаясь, сразу же сбрасывали ее.

С тобой — другой? —
все равно что с другой.
Хуже, чем с другой — с никакой! —
потому что ты не понимала, какой надо,
если не такой!..

И стала бы такой, о которой говорят: "Как все..."

И я оставил тебя,
как кувшинку в озере,
потому что она, хоть и кувшинка, но в кувшине —
кувшинкой! — не будет.

А тот, кто поступил с тобою иначе,
просто не знал тебя так хорошо, как я.

ВАЛЕНТИНА ПАХОМОВА

* * *

Моя жизнь — вязкая нитка,
продернутая сквозь игольное ушко.
Моя жизнь — вязкая нитка,
натянута между землей и небом.
Мое счастье — почерневший прошлогодний кленовый лист
в талой воде.
Мои мысли — лесные муравьи,
мечтающие о крыльях и домашних тапочках.

* * *

Тоненькая девочка идет мне навстречу.
Я улыбнулась, убавила шаг и пошла в никуда.
Никуда оказалось булочной с черствым хлебом.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Ты придешь ко мне осенним вечером
и принесешь с собой исландскую сельдь.
Я сварю картошки,
посыплю ее обжаренным луком,
и мы будем говорить о любви.

ЖИЗНЬ

Зашла в магазин.
Купила сыра.
По дороге домой раздавила жука.
В семь часов вечера изменила мужу.

НАСТРОЕНИЕ

Я чувствую себя провисшей веревкой.
.....
А вечером встретила козу Люсю
и пошла с ней в ресторан.
В ресторане пили Люсино молоко
с французской булкой.
Я спросила козу: "Как жить дальше?"

ЕВГЕНИЙ ПАШАНОВ

КОНАКОВО

Здесь
высоко над нами
сосновые кроны
еще выше
небо которое никогда не чернеет
даже ночью
ты повторяешь за мной
слова еще не разученной песни
и твой голос
с этим хвойным пространством
в пропорции 1:1
я теряюсь
я не знаю
чему мне отдать предпочтение

ЛЮБОВЬ

ласточкино гнездо
где-то сбоку на отвесной стене
малейшая оплошность и...

ЛЕОНИД ПАЩЕНКО

ПОТОМУ ЧТО

люблю
потому что люблю

в признаниях
двадцатилетних
это
просто мольба

люблю
потому что люблю
слов других
не пытался
придумать

разве можно придумать
отчаянье

АЛЕКСАНДР ПИНЯГИН

* * *

Они танцуют или спят
в зеркальных одеждах
друг в друга глядящие кобры...
Капает слюна или яд
на невидящих эти триумфальные арки вражды...

НАТАЛЬЯ ПИСАРЕВА

* * *

просыпаясь
вижу
стеклянное небо
наблюдаю
стеклянных птиц
выводящих
маленьких стеклянных птенцов
ловлю
шорох листвы —
музыку стеклянных деревьев...

каждый день
пытаюсь сократить эту пропасть
воображением
разбиваясь о тонкую перегородку
оконного

стекла.

СТАНИСЛАВ ПОДОЛЬСКИЙ

* * *

Поэт как отражение
на стекле трамвая грохочущего
сквозь которое проклеваются
фонари
видны афиши и тротуар
ласточки и прохожий

поэт как тень
на стекле трамвая вечернего
сквозь которую
виден
мир

КОМНАТА

Стол. Телевизор.
Мадонна с младенцем — красочная
литография.

Стол. Скатерть. Люди
вокруг стола.

Чайный сервиз с черной
зеленью на блеклом фаянсе.

Стол. Люди. Сервиз.
Телевизор. Мадонна... —

Комната, полная
одиночеств.

* * *

Из шерстинок женщина
вьет нить,
из нити вяжет поверхность,
из поверхности плетет объемы,
из объемов формует жизнь...

Но потяните за кончик нити —
и жизнь распустится,
и мир превратится в шерстинки,
или в снег лохматый и солнечный,
или в лепестки, облетающие
с деревьев, цветущих в апреле,
или в пепел,
падающий
на траву Хиросимы...

ОДИНОЧЕСТВО

Пребывающему в объятиях
воздуха вешнего,
темноглазого океана,
земли многоцветной и дышащей,
мира громоздкого мощнокрылого
многосложного
недостает лишь объятий —
гибких и нежных,
легких и нервных,
жадных, безудержных —
женщины растревоженной.

ВЫПИТАЯ РЕКА

Судьба реки пересохшей,
судьба многоводной реки,
избравшей свой путь
в сторону от болот,
вдаль от больших водоемов...

Судьба реки, уходящей
в песчаные степи,
судьба полноводной реки,
выпитой на бегу
травами и лесами,
ящерицей и землей,
птицами и небом,
лошадью и мотором,
женщинами, ветрами,
геологом-кочевником...

Судьба реки, затерявшейся
в горючих просторах и в людях...

Судьба реки
и — поэта
истинная судьба.

ВИКТОР ПОЛЕЩУК

АРГУМЕНТ

Оправдательную речь о своем одиночестве
(как будто я прокурор ее сердца)
Софья начала с работы:
Кудрявцева, как специалист никтошка —
Владимир Панкратьевич дал указание.
Тучева, она свое дело знает —
у Слабиной прическа и комбинезон.
Грозятся объединить с трестом —
по новой инструкции указания.

Я молчал.

Потом поставила на кон
кое-кого из знаменитостей:
Хелена Вахлачкова подготовила новую программу —
Лозовик в последнее время молчит.

Андрей Твердохлебов выиграл приз Пяти Наций —
братья Суррогацкие пишут.

Я молчал.

Бросила в атаку болезни и увлечения:
еще побаливает левая почка —
ходили в поход на реку.
Вот купила две новые книги —
индийское лекарство.

Я молчал.

Пустила в ход почтальона
(приносит листья)
и бельевую веревку (бьет током),
телевизор (где поселился дятел)
и окна (покрываются илом),
а когда аргументы кончились,
просто выставила меня за дверь.

Я молчал.

ИЗОБЛИЧЕНИЕ

Все это было, конечно:
как будто какой-то овраг на окраине души —
расползлся, обрастал сорняками, колючкой,
и приходилось сажать деревья
на самом его краю —
заниматься заведомой перепиской,
коллекционировать макеты фрегатов,
расклеивать марки по стенам,
интересоваться футболом и тараканьими бегами —
делать все, чтобы эта плешь не тучнела.
Иногда он выключал свет,
выходя из бурливой комнаты,
и в спину ему раздавался
торжественный выстрел шампанского,
восхищение, хрюканье, фыркание,
мычание, возмущение,
а он конфузливо возвращался
с огромными веригами на руках и ногах
и покинуто улыбался.
Или эта его неухоженность!
Все эти вакуумные подушки на коленях,
вся эта истерика пуговиц,
равнодушная холодность борщей,
вся эта партизанщина быта,

этот голодный дятел, стучащий в затылок,
этот оргнунг на вольном поселении!
Тело? Его покорное и бедное тело?
Оно обитало само по себе.
Иногда оно было огромным аквариумом
и по нему плавали разноцветные певчие рыбки,
как благовоспитанные девушки
нежно томилась водоросли,
по стеклу била лапа огромного кота
и он просыпался.
Иногда — небом, где кувыркались туманы,
высекали искры из воздуха археоптериксы,
неслись штопором в землю космические корабли.
Порой подземельем,
где серыми искрами сновали насекомые,
утробно ворочались, как будто покойники,
дождевые черви.
Да, еще зеркало.
Оно узурпировало его отражение,
оставило его за своей полированной рамой,
установило в холодном, отрешенном
и пристальном взгляде,
чтобы то, встречаясь с хозяином каждое утро,
улыбалось ему суровой и гордой улыбкой,
отправляло поскорее на службу и гасло
после того, как он вынимал из розетки вилку.
Все это было, да, —
и только сегодня, сегодня,
когда ему дали поддержать на две минуты
болонку
в изящном чепчике,
а он до самого вечера по-прежнему продолжал
разговаривать, спорить, имитировать гавканье,
иронизировать, шутить, насмехаться, —
словом, продолжал как бы общение с ней, —
только сегодня
он окончательно и изблещил себя
в том,
что он действительно
одинок.

НЕ ИЩИ МЕНЯ

Не ищи меня.
Не ищи меня
ни на крыше опрокинутой многоэтажки,
ни в ее солнечных подвалах.
Меня уже нет.

Словно Вселенная
распухал я от своего страдания,
пока однажды не лопнул.
И тогда я почувствовал,
как в моих мозгах шевелятся реки
и как произрастают камыши
на побережьях кишок.
Заткнул уши и услышал,
как сгорают черные костры туч
и как мычит земля,
когда ей больно.
Лег спать среди корней саксаула
и утром, которое длилось четыре века,
как и они, потянулся.
Так что не ищи меня.
Лучше побели стены этой комнаты,
в которой меня нет.
Стены, которые обучают
своих неграмотных жильцов
азам терпения.
А потом отвори окно.
Там — за измятыми тряпичными крыльями,
которые лежат на обочине дороги,
там, за всеми скрипками и виолончелями,
вдавленными в асфальт металлическими катками,
там, за холодным камнем,
который вырос у меня во рту, пока я молчал,
вот там буду я:
бывший мертвец,
подсудимый архангел,
оловянный герой.

* * *

Благодарю тебя, Господи,
что ты снова вернул мне слезы,
отделив меня
от камня, песка и глины.

ВОДЫ ВЕЧНОСТИ

Шацкий:

Я рос: я падал блестящей пылью
из космоса,
клокотал в глубине вулкана
(как я тогда назывался?),

извивался сине-зелеными водорослями,
был ДНК, РНК,
хромосомой и еще кем-то
из учебника биологии 9 класса,
когда я влюбился в первый раз:
смейся, Татьяна, — удивляйся, Татьяна, — грусти, Татьяна, —
часовой разговор с завучем
и выговор по комсомольской линии
за появление в нетрезвом виде
в общественном месте —
прощай, дорогая Татьяна!
Я рос: я шлялся с парнями на танцы
и металлический прутик
охлаждал мою вспотевшую ладонь, —
вовсю гремела музыка, а мы смотрели
на группу из Шанхая — 3,
как один камень на другой, —
в армии сержант закрыл меня для острастки
в мясном холодильнике,
с майсенской свалки я привез в Темиртау
кухонный гарнитур,
во Флоренции познакомился с иранцем-менялой,
который садился в автомобиль со словами
"Бисмиллои рахмони рахим",
в Брюсселе прочитал на окне небоскреба
девиз Запада "Культура — это богатство",
в Вормсе исповедовался у женщины-священника,
под Веной встретил Сему Блументаля,
он обиженно говорил
о Ноздреве с партийным билетом,
испанская цыганка нагадала мне четырех детей
и смерть в своем уме,
"удивительное душевное равновесие обрел Ив Савар
после того как вошел в элиту", —
с удовольствием прочитал в журнале "Пари-матч",
"демонстрация пьянства", — изрыгнул мне в лицо клубок дыма
рысистый кентавр
и скрылся за горизонтом,
"ты ужасник", — пролепетала Боянка Жечева
и ткнула губками в грудь.
Нет жизни больше чем жизни
и мне не хватает самого себя.
Кто я?
Ветер времен, сновидение знания, вера мысли?
Счастливый, я играю на клавишах возможностей
и только мне подвластно это безмолвие, чреватое
славным гласом.

Я полон всем, я полон ничем!
Да, но...
Но кто погасит эту печаль мировой безответственности?

Где точка свершения?
Какой он, лик итога?
Возможен ли Апокалипсис со счастливым концом?
Когда я произнесу "есмы"?

Камилов:

Довольно разговоров о возможном
и невозможном,
текущем и неподвижном,
черном и белом,
желтом и коричневом!

Добрый день: это я!

Вот мое лицо: смотри на меня, человеке,
как я смотрю на тебя!

Вот руки: да здравствует, да здравствует,
да здравствует вещей труд!

Вот тело: прочь отсюда, дремучий грех,
пусть раздастся песня любви!

День добрый: это я!

Однажды мир возвращается в родимый дом
и все становится просто как дома.

Под навесом жена возится с постирушками.

Я оборачиваюсь
и целую ее,
пахнущую мыльной хвоей

Из дому выходит сынишка:

— Папа! Я заклеил все пустые конверты!

Я беру его на руки и поднимаю над головой.

В беседке дед играет в карты с соседом
и мрачно кряхтит, —

подсаживаюсь, как будто болельщик.

И размытая маска бытия лежит у моих ног,
и все ликует.

Довольно говорить об отношении бытия и сознания,
о темном и светлом,

кислом и пресном,
северном и южном —

солнце барствует в небесах,

воздух гуляет маревом,

деревья растут среди белого дня!

А вот горлянка клюнула воду

в стареньком чайнике —
утихла жажда;

а вот камнеломка пошевелила

горячим листом —
йодистый цвет оборота;

а вот яблоко упало на землю —

царствие небесное, Исаак Ньютон!

И я словно с далекой-далекой планеты,
сплошь залитой светом,

смотрю на свой двор,
в котором сын и жена,
горлинка и дед,
яблоко и Ньютон.

И я говорю:

"Спасибо, жизнь, — я исполнен тобой!
Спасибо, жизнь! — ты не меньше, чем жизнь!
Спасибо, жизнь, — я совершаю тебя!
И мое лицо, и мое лицо отражается
в водах вечности!"

ЗДРАВСТВУЙ, БОГ!

Аванс:

Я дикая катапульта идей.
Я корень сокровенной новизны.
Я источник грядущей правды.
Будущее привечает меня,
зеленеет надежда в моем сердце,
я рвусь по неподвижным камням яви
и искры вылетают из-под моих башмаков.
Я сплошная возможность,
я золотой икс,
я орех под железной скорлупой.
Хотите, попробую на зуб атом науки,
хотите, разольюсь под Каспием
дельтой любви,
хотите, вываляюсь в лунной пыли?
Мир, мир, мир смотрит на меня
из щелей тысяч проулков,
катит широченным шоссе,
наклоняется синим небом —
кто же он есть?
Кто же я есть?
Сколько всего, сколько всего, сколько всего!
О землетрясенье сравнений,
не погуби, не брось в свою пропасть,
не укачай, не разбей посуду в серванте —
какое хорошее утро, и мне надо побриться!
Почему река мечется среди скал,
почему не прыгнет прозрачной пантерой?
Почему мудрость гор — равнодушная?
Если смотришь на нее издалека!
Если не лежал на альпийском лугу!
Если не держал большим
и указательным пальцем
здельвейс!

Почему осел молчит под наездником,
и всхлипывает как последний страдалец,
когда на свободе?

Разве расскажешь об этой любви
ко всему белому свету,
если пустота — и та цветет?

Распирают грудь меха солдатской гармоники,
испускаю через щербатый зуб ярый свист,
лью слезы от кристального одиночества,
бегу по горячей пыли наперегонки с овчаркой,
пою, пою луженой глоткой среди двух
громыхающих составов,
вешаю лапшу про летающие тарелки,
открываю рот про снежного человека,
выпрыгиваю по пояс над волейбольной сеткой
и что есть мочи тушу подачу —
живу, живу, — я живу!

Получка:

Кряхтим потихоньку, шамкаем полубеззубым ртом,
чешемся.

Стук зонтиком о ноздристый тротуар,
и дырявый мешок воспоминаний на горбу.
То ли дыра жизни это, то ли дыра смерти — не пойму,
край-краешек чего-то, а чего —
опять не пойму!

Пришел, испекся в глухой суете,
и дело с концом.

Трещат подпорки скверного бытия,
болезни вгрызлись под самую печенку,
мелеют события,
и только душа углубляется
смирно-священным светом.

Так и живем. У внуки платье наподобие бабочки,
внук приносит тройки по чтению.

Осела, осела пыль прошлого.
Сладкая тишь сердца
и более ничего.

Сажу на скамейке перед домом. Уютное солнышко
и самозабвенная тишина.

Идите, следующие. Боритесь, доказывайте, любите,
а мне пора.

Здравствуй, Бог! Прощай, человек!
Мне пора.

ВОЗДУШНЫЙ ДЕНЬ

Облако:

Мир в моем сердце.

Двигается тишина.

Зачинается греза. Утро.

Может быть, знойная ласка Канар?

Обрюзгшие дожди Темзы?

Полый зной Замбии?

Кем лучше быть: хорошим писателем и плохим человеком
или хорошим писателем, но плохим человеком?

Что нужнее: солома огурчикам

или дождичек клубничке?

Какая форма у контрабаса пчелы?

Кто ответит на вопрос лебедя?

Почему айва замыкает речь?

Что значит ум собачьей тоски?

Кто сшил огромный тулуп декабря?

Как называется сновиденье

бурундука?

Так проходит воздушный день.

Что-то хотелось,

задумывалось,

мечталось,

что-то спорило, дремало и помнило —

и вот ничего.

До свидания, но мы все равно

вернемся!

Камень:

На этом конец. Все.

Жестокая плотность вечности.

Ее конечная немота.

Расколи мой череп

и узнай, какой там спит самоцвет,

какая там свернулась искристая краска!

Разможжи мою косную суть,

чтобы оттуда вырвалось пламя!

Сделай, если сможешь, —

сразись со мной!

Сделай меня другим, если сможешь!

Я хочу быть другим!

Впрочем, нет. К чему эта вся суета?

Пусть то будет, что будет.

На этом конец. Все.

Жестокая плотность вечности. Ее конечная немота.

Власть над сыпучим множеством.

Взгляд в свою беспросветную тьму.

Отрешение. И не единого слова больше.

Все остальное — молчание.

ДА И НЕТ

Единица:

Ура! Скипетром о мраморный пол —
и бездна, усыпанная драгоценными камнями,
открывается перед вашими глазами.

И с неуловимого хаоса
спадают все новые и новые слепки.

В них вы читаете знание.

Ура! Поднимаю огромный занавес неба
и дремучие тайны Галактик обнажают
свои золоченые скрижали:

что эпохи, что поколения, что там мозоли
современности,
когда пробуждается сама львица-вечность!

Я приручил ее! Я взглянул ей в глаза!

Я прокричал: "Ура!"

Я прошел эту пустыню из одного края в другой.

Ура! В легких шелестит свежий воздух
и по венам струится пьяная кровь.

Прочен мой шаг
и звенит, и звенит, и звенит
мой голос!

И все то, все то, все то,
что гораздо выше меня
и гораздо ниже меня,
прочно завязалось в моем сердце!

Пойду во двор, нарублю дров,
прыгну в реку, переплыву на тот берег,
сяду на коня и поскачу, поскачу по степи!
Вечером под огромной липой меня ждет Оля.
Когда мы выйдем на окраину, на небе появятся
хрустальные звезды,
как только сядем над речкой, тьма поползет
нам за пазуху.

Я буду целовать ее, пока губы не станут золой,
а сердце кремнем!

Еще раз посмотри на меня, любимая!
Имя счастья — бездна, — на дне лежит что-то другое!

Я буду смотреть в твои глаза,
пока я умею смотреть
в твои глаза!

Простор, простор стелется предо мной!
Расстояния, свободные расстояния
влекут мою душу!

Так что же делать?

Проложу дорогу сквозь тундру,
построю терем в Смирновке,
съеду на лыжах с предгорья Тянь-Шаня!

Я знаю, что такое быть человеком,
я знаю, что такое смотреть в глаза
другому человеку,
я знаю, что такое любить!
Утро встает над землей, люди, стряхнув свой сон,
идут на работу,
поет жаворонок — я выхожу из дома,
здравствуюсь со старинными друзьями
и на все вопросы отвечаю
либо "да", либо "нет".

Дробь:

Он приближается. С холодным угрюмством в глазах,
с тяжелым помыслом
и бранью, которую изрыгает изо рта,
как щербатый замшелый камень.
Он идет ко мне —
с татуировкой на лапе
и перегаром на губах.
Я пропущу его, словно я невидимка,
Он пройдет сквозь меня,
оставив во мне обломки, вывернутые деревья,
клочья газет и восьмерки колючей проволоки.
Он пройдет сквозь меня и я буду
восстанавливать свой дол.
Свой клочок земли, на котором
растет полынь.
За ним пройдет другой, пятый,
тысячный, —
и каждый оставит свой шрам —
на сердце, в мысли и памяти.
И неужели я — пустынный степной
полустанок?
Тяп-ляп быта? Сакля над бездной?
Боже, не ты ли вдохнул в мою глину жизнь?
Но почему этот воздух заразный?
Почему птица не дает мне голос
и не дарит крылья?
Боже, не ты ли вдохнул в мою глину жизнь?
Но почему зренье мое застилает тьма?
Почему тело чувствует укус и порез?
Почему дух мой стал проходным двором
бандитской окраины?
Вы, мудрецы прошедших времен!
Вы сидели у берега ручья,
и тысячи и тысячи эпох
проплывали сквозь вашу душу:
герои со свободными и тяжелыми взорами,
поэты с игрушками-словами и скипетрами-словами,
женщины-павлинки и женщины-лисы,

и такие же, как вы, мудрецы, заседавшие
у берега ручья
и созерцавшие тысячи и тысячи эпох,
которые проплывали через их,
как через ваши,
тихие, тихие души.
Иногда я вижу детей. Иногда я разговариваю
с ними,
иногда я радуюсь с ними.
Иногда я живу — тем, что живет
само по себе.
Так с чего начнем? С аквариума, кошки
или попугая?
Ответьте мне, вы, мудрецы прошедших времен!
Он приближается ко мне. Он приближается ко мне...
О одиночество — гулкий свободный храм,
заросший сорняком и колючкой!
Теперь никого нет...

ЗЕРНО

Эмбрион:

Свисаю головой вниз
внутри мамы,
как обезьяна с лиан.
Блаженствую.
Блаженствую.
Блаженствую.
Вот мягко колышется теплый
Тихий океан.
Вот ствол высокого дерева жизни.
Иногда я бью ножками маме в живот:
тук-тук-тук —
можно в жизнь?
А мама мечтательно ест мороженое.
С глухим и высоким звуком
проходят машины,
люди встречаются друг с другом
(О, здравствуй!
— А, здравствуй!),
мелко шуршит листва...
А мама думает о своем,
мама думает обо мне.
Она еще не знает,
кто я —
девочка или мальчик.
А я свисаю головой вниз
внутри ее

и вижу во сне всю свою жизнь.
Жаль только,
 что с того мгновенья,
 как я появлюсь на свет,
я про все забуду.

Покойник:

Червь человеческий метр семьдесят шесть...
Я прошел по бетонному стволу центра,
я прошел по разбитому кустарнику окраины,
я прошел по холодным лопухам пустыря,
я очутился в запустелом подлеске.
Ветхая шишка рухнула с сосны,
 и остановилось время.

Быть может, смерть — это гнилой колос,
который растет внутри меня,
или жаба с распоротым брюхом,
которая содрогается внутри меня,
или ветра, ветра и ветра беспредельности,
которые бредят внутри меня!
Я воронка, в которую сливается гниль мира,
чтобы я слышал тяжелые разговоры демонов
 и не мог их расшифровать.

О пожарище стыда!

О пепел моего духа!

О позор всего, всего, всего!

А открою глаза: это лучи распадаются
 альыми зигзагами,

это пичуга заливается искрящимся огнем восторга,
это жук блестит черной радугой на коре.

Никогда, никогда так не бывает прекрасен мир,
чем в то мгновенье, когда ты на него смотришь
 взором небытия.

Червь человеческий метр семьдесят шесть...

Ю Р И Й П О Л Ь Ч Е Н К О

* * *

разреши убаюкать
маленькую рептилию
на ладони
под шорох засыпающих
садов —

влажную луну
исходящую криком
уа-уа

ЕВГЕНИЙ ПОНТЮХОВ

* * *

Свежая, недоступная —
Звездой была она для него,
Достал...
Камешек тусклый
Теперь.

* * *

Случается вздрогнешь,
Голос услышав в толпе...
И горько досадуешь:
Такого лица
Не встречал.

* * *

Жить надо там,
Где родился,
Где змеи привыкли
К шороху
Твоих шагов.

ВАЛЕНТИН ПОПОВ

МАСШТАБ

Сделав два витка перед картой мира,
что висит в избе на кухне,
комнатная муха приземлилась в Америке...

По воде, как посуху,
миновала Бермудский треугольник,
задумалась в Португалии,
что-то прикидывала в Люксембурге,
долго принюхивалась в Польше...

За окном бекал стриженный баран,
тявкала на бригадира собачонка,
проехала телега с комбикормом.
А муха уже мыла лапки в Малой Вишере...

Тут я и хотел ее прихлопнуть газетой,
но она взмыла в космос
и быстрее скорости света
достигла созвездия Лампочки...

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

* * *

И опять удивительное пространство верлибра...
Вдруг доносится мелодия далеких песков
(откуда она во мне?).
Маленькое облачко останавливает свой бег
и превращается в одуванчик.
Летят парашюты, засевая асфальт,
и он зацветает, забывая свое назначение.
Лакомка...
Трамвайный перекресток позволяет себе стать
ветряной мельницей,
машет руками, кричит и козликом скачет.
И вешние воды,
и вешние воды бушуют!

Но моя любимая, открыв глаза,
говорит, что песня — песней,
но на заседании маленьких бумажных человечков,
на котором она только что побывала,
она все уладила:
меня избрали почетным заместителем,
и что пора, наконец, получать гонорары
с моих поющих песков, одуванчиков,
ветряных мельниц и скачущих козликов.

ИГОРЬ ПОТАПОВ

* * *

Каждый живет только в своем времени.
И то, что стрелки вращаются,
А порой не вращаются,
С одинаковой скоростью
И рассвет для всех наступает одновременно,
Это — иллюзия.

Поэтому мы так часто и не понимаем друг друга.
Сердце — русло нашего времени.
Чем быстрее движется твое время,
Тем обширнее море твоего одиночества.
Люди, не познавшие одиночества,
Как камни в болоте,
Не чувствуют времени.
Смерть, это когда поток покидает русло,
Или русло превращается в поток.
В первом случае это — забвение,
Во втором — вечность.

* * *

В твоих словах о теперешней любви
я слышу некролог по предыдущим.
Я обнимаю тебя, как урну, полную
пепла другой женщины.
Мы оба пережили любовь.

А Л Е К С А Н Д Р П Р Е Д Ы Б А Й Л О

* * *

Домик из кусочков бумаги
строит человек,
а потом забирается внутрь
и ждет обвалов.

* * *

Терпеливые
почти
всегда
ленивы
и
ивы
постоянно
напоминают
им
об
этом

* * *

Летательные аппараты
упакованы
выпадение
клубнично-огуречно-помидорной
памяти
ожидание
снега

С Е Р Г Е Й П Р О В О Р О В

МАЛЬЧИК-НАНАЕЦ В ОРАНЖЕВОЙ СОБОЛИНОЙ ШАПКЕ
ПОЕТ ПЕСНЮ ДЕВОЧКЕ С БЕРЕЗОВОЙ КОСИЧКОЙ

(вольный перевод с нанайского Гю. Гю. Андерсон-сона)

дю-дю-абр-абатыр-абатыр-дзинь-синь-ел-абр...

Моя лапландка
тебе одной дарю сегодня свои глаза
посмотри сколько в них солнца, воды и глины
сколько рыб, деревьев и птиц
но больше всего в них тебя о моя лапландка
ты в моем Синем Сознании возникаешь Волшебной Розовой
Ланью

которая хочет найти покой в сосновых рощах Лапландии
и я знаю она ходит ночами белой лесной тропой к водопою
мзей головы и там ожидает рассвета
и когда восходит Синее Солнце она ложится с Оленем в
постель

что соткана ею из листьев и трав
Олень тоже жаждет любви
они счастливы вместе
и в том есть покой о моя лапландка
я знаю в том есть покой

Моя лапландка
тебе одной дарю сегодня свои Ладони
возьми их и положи в свое Сердце
отныне они подвластны одной лишь тебе о моя лапландка
в них столько росы что ты можешь ею напиться
в них столько тепла что оно может тебя согреть

Моя лапландка
тебе одной дарю сегодня свои Моря
ты знаешь как они далеки о моя лапландка

ты помнишь их берега
берега моего одиночества
где мы с тобой танцевали под звон Синих лапландских
раковин
это моллюски звонили по своим Мертвым Детям
а ты сказала что это поет твое сердце в моих ладонях
и ты тоже была права
ведь эти одинокие Колокола-Раковины сделаны из голов
маленьких мертвых моллюсков

Моя лапландка
ты помнишь тот голос
голос слепого лапландского мальчика одетого в розовый
саван
он скончался поздней зимою от тифа один в белой постели
снегов
но ты знаешь моя лапландка во мне он всегда живой
во мне жива его лапландская Песня и я всегда пою ее про
себя
и со мною вместе поют горы, леса и долины Синею
Лапландию
и они понимают меня а я понимаю их и нам нечего больше
сказать
этим все сказано
это песня любви
Песня Любви Мертвого Мальчика к одинокой сосне
которая растет на его могиле рядом с хижинкой Синего
Мастера

Моя лапландка
ты помнишь его картины
Синие картины лапландского Мастера
на них изображено только Море и ничего больше
ибо для него в мире нет ничего кроме Моря
ведь ты знаешь о моя лапландка
что он родился в Море и живет возле Моря
он разговаривает с дельфинами и китами
а тюлени его ближние братья
да он изображает только Море
ты можешь сказать что он помешался
но я знаю одно
он весь из Моря и он не может жить без Моря
как и оно без него
как и я без тебя о моя лапландка
и я знаю — это любовь
и она есть конец и начало моего одиночества

Моя лапландка
тебе одной дарю сегодня весь мир
ты знаешь моя любовь не знает границ и пределов

она больше меня самого
так возьми же ее о моя лапландка
возьми я дарю ее тебе

Моя лапландка

ты знаешь что есть больше и выше моей любви
это мое Синее Воображение
мне кажется что какой-то Синий Шакал живет в извилинах
моего
мозга и ночью он так жалобно воеет что мне не хочется спать
мне кажется что моя постель это большое болото и в нем
полно мокрых жаб
а мне холодно с ними о моя лапландка
холодно и хочется Белого Солнца

Моя лапландка

ты слышишь вой дикой лапландской собаки
это она зовет в свое логово всех кто пока жив и хочет любви
Да о моя лапландка
это зов Смерти
и в том виновата Зима
да в том виновата Зима ведь все здесь подвластно ей
и это конец о моя лапландка
да это конец
Весна торопит Моржей

дю-дю-абр-абатыр-абатыр-дзинь-синь-ел-абр...

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВ

* * *

К тебе много ведет дорог, из которых
последняя — выбрана.
Большим людям — большие пути,
на ногу накрученные спиралью.
Мы — никто, и никто не приходит
за нами.
Выбор сделан от начала рождения и
стянут с усмешкой в точку...

* * *

Собранные сумки —
первый признак

несовершенства
логики
вещей.

* * *

Комар, раздавленный
на холодной
щеке, знает
цену нашим
поступкам.

* * *

Все,
о чем мы писали и думали,
осталось целым.

И Н Н А П Р О Н К И Н А

* * *

Юность!
Прикосновение пахло ландышем, незабудкой.
Голова кружилась в отчаянной радости, как карусель.
Сердце играло на скрипке.
И я легко рукой доставала до неба...
...Утро ладаном пахнет.
Скрипка разбита.
Мне до неба не дотянуться.
Солнце в моих ладонях от холода гаснет.

Ю Р И Й П Р О С К У Р Я К О В

* * *

Густое сознание любви и жизни переполняет человека...
Посмотри на женщин!
Их тела — это амфоры, купающиеся в водопаде вечности.

ЭДУАРД ПУСТЫНИН

* * *

мне хочется с тобой
помолчать
пусть за нас
не говорят слова
которые мы
когда-нибудь
все-таки скажем.

* * *

рубленая
вышла в меня
среди прозрачного неба
и печалью — пальцы
как в детстве сон
сменяется
отчетливо видны линии
раздавленная машиной кошка
разложение прошедших дней
на сегодняшнем "я"
и заслоняю глаза
как от внезапно вспыхнувшего —
все что будет.

* * *

окоченевшими пальцами
достаю — измятую на ветру ленту
она переливается
и слипаются глаза
от ее нежности
но почему так всегда
лишь за выключенным светом
мы постигаем — суть сказанного
теплом своего имени
делим связь между всеми — кто знал нас
и это медленное жизнелюбие
действительней каждого
в столпотворении —
неба

дороги
леса
лентой алоэловой
руки у глаз.

* * *

если неудача
сильнее нас
то она уже
ничему нас
не научит.

ДМИТРИЙ ПЭН

УЛИТОПИЯ

I

Свинцовые улитки
Живут в моей голове.
Когда грустно,
Они выползают на щеки,
И я слизываю кристаллики
Их ядовитых домиков.

.....
Они родились
В парализованном пауке линотипа
Из кокона,
Зачатого от цинковой немоты.

.....
Как и когда они проникли в меня?
Как и когда?
А!-А!-А!-А!
Их на фабрике новорожденных
Швейной машинкой
Пришили к изнанке кожи

.....
Они — наполнены мышьяком.
Они — глаза запечатывают сургучом.
Они — оспинки будущего.
Они — язвочки, разъедающие язык и губы.
Они — маленькие мраморные надгробия,
укоренившиеся в моем мясе.

Они — с газетных страниц
заползают на пальцы.
Они — буквы учебников.
Они — с неоновых вывесок
каплют за шиворот.
Они — белым червем заползают в рот из ноздри
профилактической зубной пасты...

— Здравсьте.
Развесьте уши.
Съешьте нас,
Чтобы мы вас —
Скушали.....

.....

II

Пауки живут в плоской и люминисцентной жестянке,
Окруженные карлицами, —
Единственной непарализованной лапой
Отсчитывают незаполненные плотью раковинки...

.....

Карлицы в черных халатах,
С бледною кожей в черных пятнах,
С короткими пальцами в облешем маникюре —
Перебирают Ваши, улитки,
Бессмертные трупики.
А Вы выскакиваете, выскакиваете —
Еще горячие,
Из жаркого заляпанного цинком чрева.
И от мышьяка
Тускнеют Ваши серебристые раковинки.
И Вас выбрасывают и выбрасывают в лотки,
И каучуковой губой
Совокупляют с белой бумагой, —
Превращая
В фольговые звезды
На фальшивом небе.
А перед рассветом
Вы прольетесь известковым дождем
Из блестящих отверстий ночи
И расползетесь,
Оставляя обугленные деревца с плодами улиток.

.....

III

Чем Вы питаетесь?
Кроме снов

И розоватого фарша мозга?
Чем?
Наверное, ничем.
Потому что я чувствую себя
Червивым яблоком,
Созревшим на лысине небоскреба.

.....
Когда я умру,
В чью голову Вы заползете еще?
В чью????????????????????
Я —
Самый красивый из магазинных манекенов,
Смотрю на мишени людей
Улитками зрачков
И не знаю. . . .

..... не знаю. . . .
В чью голову ????
В чью????????????????
????????????????????
А может, Вы живете в каждом? —
Раковинчатыми глистами мыслящей плоти?
.....
А может, Вы уже съели розовую начинку
Человеческих черепов?

.....
И теперь
Уносите
В космос?

* * *

Во мне вырастает дерево.
Мне больно — ему тесно.
И кто-то из нас умрет.

* * *

Никак не сотру со стекол
Дождь законный
И собственное лицо...

* * *

Осень — это
Столкнуться с приятелем юности
И остаться неузнанным.

* * *

Сам не поймет,
Для чего улетел из костра,
Черный осенний лист.

* * *

Весь вечер смотреть не устану,
Как дождь не замечает того,
Что он дождь.

* * *

В тени одуванчика путник
Снял башмаки
И забыл о дороге.

ТАТЬЯНА РАДЕЦКАЯ

МУЗА

Моя строгая девочка.
Моя хмурая Белоснежка.
С глазами — морскими брызгами,
С волосами — цвета сухого асфальта,
С вишнями губ,
С капризным изломом рта.
Твой взор обращен внутрь себя,
Как будто в стране нездешней
Ты видела чудо
И грезишь им доныне.
Ты создана, чтобы кружить головы,
И горда, как испанская донна.
В тебе так много нежности,

Ты ранима и беззащитна,
Но вся распахнута миру и свету!
Мое легкое облачко,
Которому суждено пролиться
Дождем сожаления о несбывшемся
На угрюмое человечество.
Взгляд твой упорен и тревожен:
Ты заглядываешь в душу каждому,
Кто назван Человеком.

В Л А Д И М И Р Р А Ж Н И К О В

ФУГАТО

Знайте,
вот так выдыхают тоску:
сеткой морщин,
презирающих ночь,
накрывают лицо.
Блеском надменным глазным
отражают вопросы знакомых.
Алчной походкой пружинной
дни пожирают,
особенно, если гроза,
в молниях если блеснет
осуждение голой гордыни
(чувет горюн,
что бессмертен до срока —
чести уйти
ведь не каждый достоин).

Знайте,
вот так выдыхают тоску:
сеткой морщин,
презирающих ночь,
накрывают лицо.
Блеском надменным глазным
швыряют ответы в знакомых.
Алчной походкой пружинной
дни пожирают
и вопиющим молчаньем
пугают друзей.
Голосом тихим
ласкают детей
своих,
еще лучше —
чужих,

а еще лучше —
всех: и детей, и животных,
что не умеют еще предавать.

Знайте,
вот так:
сеткой морщин,
блеском глазным,
алчной походкой,
тем вопиющим молчаньем,
голосом тихим... —
так выдыхают тоску.

ВИКТОР РАЙКИН

* * *

писать стихи страшно
как родиться другим
с чужой болью
чужими мечтами
страхами

пока я сижу на стуле
теребя авторучку
темный сгусток немой
выпрастывается из-под здесь и сейчас
безвольного берет за руки
и ведет
вот он исчез
и я исчез
родился третий .
он ничего не хочет
не умеет
не просит
он ничей
его совсем мало
и он бесконечен

он знает себя
он жаждет только себя
он солнце
 иголка
 и панцирь
 и сердце

* * *

из воды мы выходим в воздух
ищем приют у стихий и уходим из дому
наши мысли — вода и песок и прибрежные камни

* * *

Если Луна изменяет свою форму и цвет,
с ней изменяются лица ночных соответствий.
Если стебель выпустил лист,
воздух удивленно раздается, чтобы дать место.
Если рождается новое знание,
память мечется от привычного к привычному,
не может найти приют
и замирает в страхе перед тем, что будет.

ПЧЕЛА

Перелетая с предмета на предмет,
я собираю терпкий сок мироздания,
чтоб отложить его медом красоты и смысла
в просторных и добрых сотах человеческих равноправий.

* * *

Есть у нас сто планет для любви
(на одной ты забыла туфельку)
и сто бомб чтобы их взорвать

* * *

там где локон коснулся шеи
я люблю тебя
там где веки закрыли небо
я был когда-то

ПЕСЕНКА

побудь со мной
обними меня
задай мне вопрос

я расскажу тебе сказку
о спящей царевне
у которой был сын
он думал
что вся земля
его спящая мать
боялся будить
и был одинок
всю жизнь

побудь со мной
обними меня
спроси что-нибудь

* * *

Я опоздал
меня нет в этой стране
в этом городе
я опоздал
меня нет
в этих книгах
и в этих библиотеках
я опоздал с приходом
я задержался где-то
меня нет в суете улиц
в толкотне магазинов
меня нет в ваших вопросах
обо мне ничего не известно
этим деревьям
и этому небу
этот шашлычный дымок
не вдохнут мои ноздри
я не успел появиться
в твоём доме
в твоих глазах
в шерсти твоей собаки
в руках твоей дочки
и не возник на пороге
гроза прошла без меня
я не услышал грома
я опоздал

я не сделался кем-то
не изменил событий
страшный сон
все прошло без меня
ты выходила во двор
и не знала что я где-то рядом
ты сушила белье
гуляла с собакой
целовала дочурку
и уходила домой

я не плакал в твоих объятьях
мир шел по своей дороге
над самым краем пропасти

я опоздал
меня здесь нет

ЧЕЛОВЕК ВЕЧЕРОМ

сколько нового пережил за день
сидит в темноте на диване
думает о том же
что и вчера
в это время

ЧАЙКОВСКИЙ

Звук умолк,
и душа упала,
словно парус,
когда обрушился штиль.

Плыть?
Но далеко тянуться за веслами,
да и какую выбрать сторону света?..

ОКТЯБРЬ

Скучно в унылой природе
с настырностью дятла
выковыривать человека

* * *

Так мало осталось жить,
если жить как сейчас:
очень скоро наступит завтра.

В АМЕРИКЕ

Здесь мой дом, похожий на удивление. Заимка тишины.
Присутствие здешнего бога не дает забытья. Здесь мой
дом, выходящий окнами на Потомак. Гудзон протекает по
магазинам, метро, выплескивает через телеэкраны.
Кажется, тишина убаюкала совесть настолько, что деревья
застыли как мудрость Востока. Контраст выражает единство
фона. Я не могу говорить. Язык беден и слаб как шевеленье
травы...

Конгрессмен оказался прост и величествен как
вентилятор.

ЭМИГРАНТ

вылет в австрию в 10.30
40 лет жизни в 5 чемоданах
сплоченность друзей у барьера

женщина в форме перебирает чужое белье
кажется она
 это уже где-то
 видела

вытянув шеи мы порезали лица
об острый профиль далекой республики

что я сказал на прощание
и
 ди
 от

он повис между землей и небом
он дышит великой свободой
вне границ вне времен вне пространств

прими его душу
весь мир

ИЗ ЦИКЛА "ОПЫТЫ"

* * *

Я поднялся по лестнице, вынул ключ и отпер дверь в свою комнату. Там, в глубине, кто-то на красных крыльях стремительно бросился прочь. Я запер дверь снаружи и сел на ступеньку в раздумье: Зачем Это Было Делать?..

* * *

Человек неизбежно попадает куда-то. Это может быть ствол дерева, состоящий из многих богов: плодородия, войны, земли, неба. До самого утра сохранится эта уверенность — в странном. И неизбежном. Как приезд одного человека, который станет кружиться в комнате перед столом с улитками, рыбами, змеями, ножами в руках и съедобной планетой.

* * *

Мой сосед ест цветы. Поддев цветок вилкой, он видит в нем город, улицу, дом, где живет, себя в тубетейке, звезды и Бога над своей головой. Приглядевшись повнимательнее, видит весь день 13 марта от начала до конца в малейших подробностях. Прожевывая, он слышит шум, цокот и стрекотанье всей жизни.
Так утоляется голод.

* * *

У каждого есть свой способ говорить ни о чем. Пусть это останется между нами: дверь захлопнулась ровно в восемь. Щелкнуло. Осветилось. И показались молочные зубы книг, шкафов, диванов, постели, глаз, рук.

ИЗ ЦИКЛА "СЛУЧАЙНАЯ ХРИЗАНТЕМА
ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПРЕДЧУВСТВИЙ"

* * *

Сердцебиение на проспекте
я здесь спал вчера а сегодня здесь — яма
толпа перед игольным ушком
бойся уставшей пустыни

* * *

действительность —
улыбающийся морщинистый слон
вызывающий бешенство

* * *

как мне понять тебя если ты жук без крыльев

* * *

между мной и тобою черта характера

* * *

мы сошлись на крутом переломе мизинца

* * *

он умер у себя на войне

МИХАИЛ РАХМАНОВ

НЕ ОДНИХ ПОЭТОВ ВИНА

Не одних наших славных поэтов вина,
что стихи их в земле полегли.
Так учили их жить. —
Смотреть отвернувшись,
думать не думая,
умирать стоя.

СЕВА РОЖНЯТОВСКИЙ

* * *

Одни люди в задумчивости
опускают глаза долу,
они кажутся себе великими.
Иные же поднимают глаза к небу
и становятся крошечными.
Так-то вот, между двух точек зрения
и живет человечество, это вот...

ВОЛДЕМАР РОМАНОВСКИЙ

НЕКОММУНИКАбельНОСТЬ

Двадцатый век —
это мне,
латышу,
читать французскую поэзию
в переводах русских авторов
в сырдарьинской чайхане
под цветущим небом
Голодной степи.

О Л Е Г Р О С Л А

* * *

Я хотел
дать свободу журавлю,
но встретил в ваших глазах
осуждение.
Я выпустил синицу
и услышал упрек.
Я хотел
многое,
но вы держали меня за руку.
Так прошло время
и во мне остались
лишь редкие запоздалые стремления.

Во мне осталась —
терпеливая,
безликая
любовь
к вам...

ОДИНОЧЕСТВО

Заведу белую мышь.
Куплю ей пенсне,
научу говорить по-английски.
Перед сном ей буду петь
колыбельную.

Л Е В Р У Б И Н Ш Т Е Й Н

ТАК КАК СКАЗАНО

1. В предвкушении вечности мы не можем внутренне шевельнуть ни рукой, ни ногой, так как сказано: "Вот ты наконец и пришел. Я уж давно жду тебя".
2. Что наименее отчетливо, то и достойно внимания, так как сказано: "Крыльев летящей стрекозы не разглядишь"
3. Даже в беспечном парении над цветущими лугами есть привкус тревоги, ибо сказано: "Веселье не бывает однозначным".

4. Не надо так уж опасаться резкой смены состояний, ибо сказано: "Естественно лишь то, что мимолетно".
5. Не надо так уж тяготиться абсолютной неизменяемостью положений, ибо сказано: "Естественно лишь то, что постоянно".
6. Не надо сравнивать, ибо сказано: "Живущий несравним".
7. Нелепо ссылаться на неопределенность ситуации, ведь сказано: "Туман провидцу не помеха".
8. Не будем уточнять сроков предсказанных событий, ибо сказано: "Ласточка не запоет раньше весны".
9. Имеет ли смысл так настаивать на своей правоте, если сказано: "Зачем ты кричишь? Кто тебя слышит?"
10. Какая нам разница, что именно напоминает нам проплывающее над нами облако, ведь сказано: "Облако похоже на человека — вот так же плывет куда-то..."
11. О действительном значении того, что происходит с нами на грани сна и пробуждения, не нам судить, хотя и было сказано: "Этот сон, мне приснившийся, есть одно из самых странных приключений всей моей жизни".
12. Главное — не бояться упустить что-нибудь из сказанного, ибо сказано: "То, что запомнилось, то и интересно".
13. Главное — уметь прислушаться к сказанному, ибо сказано: "Интересно — для кого я все это говорю?"
14. Главное — время от времени как бы посмотреть на себя со стороны, ибо сказано: "Очень жаль, что ты сам себя не видишь". А также сказано: "Со стороны виднее".
15. Главное — договориться обо всем заранее, ибо сказано: "Курица и черепаха видят небо по-разному". А еще сказано: "Все зависит от нас: как решим, так и будет".
16. Главное — не очень-то полагаться на безоговорочность своего опыта, ибо сказано: "Примерно треть накопленных впечатлений есть несносный вздор". А также сказано: "У одного так, а у другого — по-другому".
17. Главное — не очень-то рассчитывать на иные времена, ибо сказано: "Сразу после лета наступает осень. А о том, что следом, что и говорить".
18. Главное — не очень-то рассчитывать на везение во всем, ибо сказано: "После того, как по твоей спине проскачет гвардейская конница и т. д."

19. Главное — не забывать, что привычные связи безнадежно порваны, ибо сказано: "Где душа, а где молитва. Где сверчок, а где шесток".
20. Это глупо — избегать сомнений, ибо сказано: "От сомнений не уйти". А также сказано: "И в сомнениях есть несомненная польза".
21. Это глупо — все время спрашивать, куда мы идем, ибо сказано: "Уж куда идем, туда и идем". А еще сказано: "Придем — увидишь".
22. Это неправильно, говорить, что усилия напрасны, ибо ясно сказано, что они не напрасны.
23. Такое впечатление, что не стоит и продолжать, так как сказано буквально следующее: "Провожу дни в бесплодных раздумьях. И что же тому причиной? Уж не пагубная ли привычка все называть?"
24. А еще сказано: "Завишу от целого ряда обстоятельств. Некоторые из них хорошо известны".
25. А также сказано: "Боюсь признаться себе в некоторых вещах. А если бы не боялся, то что — лучше бы, что ли, было?"
26. А еще сказано: "Все озираюсь в поисках поддержки, потом стыжусь собственной слабости, потом стыжусь собственного стыда. И вот так все время".
27. А еще сказано: "Беру от всего понемногу. От всего же понемногу и отказываюсь. И так все время".
28. Поражение от победы мы сами не должны отличать, ибо сказано: "Только и делаю, что нахожу и теряю, нахожу и теряю, нахожу и теряю". А также сказано: "Главное, что ты пришел ко мне. А с чем ты уйдешь от меня — так ли уж важно?"
29. Но очень важно остановиться вовремя, ибо сказано: "Для ощущения вечности достаточно иногда совсем немного".

БОРИС РУДЕНКО

* * *

Ступив на землю
Детства своего,
Упал
В объятия
Мать-и-мачехи...

МАРИЯ РУДЕНКО

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Молоденькие девочки читают декадентов
И грациозно пускают по этому поводу интеллигентные
слюни.
Они бы хотели ощущать себя неповторимо одинокими
Артемидами.
А потом они что-нибудь рожают,
Уверяя себя и родных, что не от первого встречного,
А от великой и вечной любви,
И подцепляют сепсис в поганом родильном доме.
— Это явление интересно в отношении к зависимости
Коэффициента рождаемости от степени интеллектуального
недоразвития.

ОДА ФОРМЕ

Верлибры пишут
исключительно интеллектуалы.
Нормальному человеку никогда не додуматься
До такой идиотской формы.
Бедный Журден! Не набей синяки на костях,
Ворочаясь в ислевшем гробу
На распаханном кладбище в центре Парижа!

ЛАРИСА РУМАРЧУК

* * *

Вокруг меня никогда не гремели выстрелы.
И все-таки часто я вижу себя раненой,
бредущей по улице от столба до водосточной трубы,
от трубы — до скользкой витрины универсама...
Я бреду, оскальзываясь, приседаю, клонясь к стенкам
домов.
Но никто почему-то этого не замечает.
Вокруг меня никогда не гремели выстрелы.
И все-таки мне кажется, что я вся изрешечена пулями.
Наверное, сквозь меня можно смотреть,
как сквозь дырки в заборе.

* * *

Я знала человека.
Он был труслив.
Когда он полюбил женщину,
то боялся жениться,
а также боялся не жениться.
А когда все-таки женился,
то боялся в этом признаться.
Когда у его сослуживца пропали деньги,
он испугался сразу двух вещей:
вдруг подумают на него
и вдруг его тоже обокрадут.
Когда из старой коммунальной квартиры,
где шипели примусы
и прилипали к лицу пеленки,
он переехал в новую —
отдельную и со всеми удобствами, —
то на вопрос:
— Ну как, мол?.. —
отвечал:
— Да так... —
словно боялся, что спрашивающий
в один прекрасный день
ввалится к нему и скажет:
— А ну собирай узелки,
теперь здесь буду жить я. —
От постоянной боязни
его фигура казалась приплюснутой,
а ходил он озираясь,
словно опасался удара в спину.
Мы, конечно, в грош его не ставили.
Но однажды,
однажды,
однажды
мне пришла в голову странная мысль.
Я представила вдруг,
что между ночью и утром,
когда пробивается из земли трава
и медленными толчками
начинает открываться плод
в чреве еще спящей,
еще глухой,
еще ничего не подозревающей женщины,
в те минуты,
когда природа совершает свои таинства
и делает сон человека
особенно крепким,
чтобы он не подглядел их,
в те минуты .

этот слабый человек,
осмеянный нами,
напряженно смотрит
на белое пятно окна,
которое ширится,
растет
и, наконец, становится утром,
и молча просит у него защиты и снисхождения.
Я подумала:
а вдруг наша самоуверенность — невежество,
а наша мальчишеская вера в свои силы —
пустое бахвальство.
И, может быть, этот маленький человек —
трус и посмешище —
понял то, что пока недоступно нам,
и, обдирая кожу,
прикоснулся к стремительному диску,
который называется
П Р И Р О Д А.

Н И К О Л А Й Р У М Я Н Ц Е В

* * *

Город устал
от бесконечной сумятицы,
от топота ног и шуршания шин.
Городу очень хочется отдохнуть.
Он набрасывает на себя
черное покрывало
и зажигает фонари.
Город всегда спит
с открытыми глазами.

С Т А Н И С Л А В Р Ы Ж О В

МОРСКОЙ ПЕСОК

Начинает светиться на пляже
вечерний песок,
излучая тепло
в холодеющий воздух...

Кремовый свет обволакивает
застывающие отпечатки
человеческих тел,
истоптанный берег пустеет,

все возбужденней под солнцем закатным
свет излучает песок...

Барханы морского песка под водой
не дремлют,
мгновение каждое
меняет их оттиск
миротворящее море,

хоть переходят они
в неподвижные дюны на берегу,
где, людскими следами напивав свою плоть,
остывают пески,
откатившему морю людей
передав
несмолкающий бег перемен...

ЛЮБОПЫТНЫЕ СПИЧКИ

Мальчишка,
присев на корточки,
спичкой
поджег одуванчик...

Облачко пламени
с облачком нежного пуха
мигом сошлись,

в воздухе треснуло сухо,

и головой почерневшей
к долу склонился цветок.

Мальчик поднялся,
дальше побрел, через газон,
обозревая,
с коробкой любопытных спичек,
свой недалекий еще,
непостигнутый
горизонт.

ВИКТОР САВОСТИН

* * *

Звук падающего в ночи яблока принимает натянутую паутину пространства, смещает к месту своего падения центр вселенной и может быть сравним только с началом сотворения мира.

* * *

Ощущение красоты —
признак точного следования
по перспективному пути развития,
здоровая реакция
на прикосновение к моментам истинности.

* * *

Воспитание вкуса — воспитание жизнеспособности.

* * *

Цинизм —
защитная реакция
паталогической формы существования.

* * *

Прорыв
или прорастание животных принципов в человеческую сферу,
проникновение их в иные "климатические" условия
опасны тем,
что в этой среде
нет привычных противостоящих им средств,
которые бы удерживали их
в естественных формах и размерах.

(Как растения, занесенные с других континентов.)

* * *

Только глупец, взбираясь на пирамиду власти, думает, что оставляет ее под собой. Истинно же достигший ее вершины понимает, что она перевернута и всем своим расходящимся объемом опирается на него.

То же происходит и при подъеме по ступеням эволюции. На пути к вершинам познания мира человек проникается все большей ответственностью перед ним, осознанием своей с ним тождественности.

И когда это происходит в полной мере, тяжесть ответственности оборачивается сладким грузом любви и благодарности за избавление от одиночества.

* * *

В мгновенном срезе бытия, именуемом действительностью, как манящие входы пещер, вкраплены женские лица, влекущие в глубинную плоть бытия, предлагающие различные варианты продолжения жизни.

* * *

Мы должны быть бесконечно благодарны за данный нам — уникальнейший дар жизни.

Беспредельность — ввысь. Бездонность — вниз. И микроскопическая пленка жизни между ними.

И все по обе стороны жадно ждет возможности вписаться в нее, чтобы прожив, прогорев в ней, реализовать свое предназначение.

И если, несмотря на боль и потери, обман и суету, тебя не оставит любовь ко всему, что пребывает здесь одновременно с тобой, и не покинет чувство благодарности за предоставленное право побыть творцом и проявиться в реальности, значит, как в детской игре, ты выручил проигравших и помог ждущим.

ПОРА ОТЛЕТА

Приходит время и уравновешиваются силы, удерживающие тебя в материальности на земле, и силы, влекущие в разряженные сферы смысла.

Ты пребываешь во взвешенном состоянии и только от собственной воли зависит выбор твоего пути.

Жизнь похожа на низкий полет над полями, когда под тобой проплывают овраги, мосты, перелески, когда, пролетая, ты касаешься ногами верхушек трав и растений, не сгибая при этом их стеблей.

Ты можешь взлететь и можешь опуститься на землю, но не оказываешь уже давления на ее пласты, не проминаешь песка или дерна под собой.

Мир полуматериален и пронцаем. И если выступы его не очень массивны, ты можешь как облако проплыть сквозь них: сквозь кусты и стога, сквозь купы деревьев.

В отдельные минуты тебя охватывает пронзительная тоска. Хочется вернуться в мир плотный и яростный, жадно цепляющийся за жизнь и страстно творящий ее. Мир озер и зверей, молитв и деревьев.

Но утончаются сечения твоих связей с миром и не пропускают уже в тебя густую и жаркую энергию земли, а только отдельные ее тонкие фракции.

И отходит тоска, уступая место высокому, охлаждающему покою.

А Л Е К С Е Й С А Г А Н Ь

* * *

Я хожу в толпе
и вдруг возвращаюсь откуда-то.
Иногда надо мной смеются.
Я держу свою куртку так,
будто сделал величайшее открытие.

Я летал в облаках, но ступал по земле.
Иногда я рассказываю некоторым людям
о том, что видел.
Они знали об этом — но не знали этого.

Они смеются:
как это могло получиться,
думают, что я шучу.
А я вижу солнце, деревья так,
как будто снова вернулся на Землю.

МАРК САМАЕВ

* * *

Когда разбухнет коммунальная свара
моих недугов и мук
и они, шушукаясь, станут
рвать мою плоть и глодать мои кости,
какого мне стоит труда
не швырнуть в эту свору кипящий чайник...
Я дожидаюсь глубокой ночи.
Встаю. Одеваюсь. Руки дрожат.
Мысленно вглядываюсь
в спящие лица близких,
целую каждого в лоб, а у младшего
поправляю подушку, шепча:
"Живите, живите, как сможете,
без меня".
Потом, на груди согревая
комочек строк, я выскальзываю
на морозную улицу. Хватит!
К ней.
Я знаю, я видел не раз,
как человек, только в мыслях,
прикасался к Ее естеству,
и становилось лицо человека
белым гипсовым слепком.
А мне — мне не страшно.
Мне любопытно — и только.
И надежда моя — на Нее.
Вот ныряю в Ее готический двор.
Запах ночного снега сменяется
животным духом парадного. Ноги
перебирают ступень за ступенью.
Вот последний этаж с единственной дверью. Пупок
звонка. Я уже прикасаюсь... Но что-то
принуждает меня обернуться.
Не смей!
Лишь бы выдержать это.
Я вспоминаю Орфея.
Но, Боже!
Кто не отдаст
годы и годы блаженства
за один недозволенный взгляд! Мои ноздри
напрягаются, узнавая
смесь дегтя с горячим кремнем. Оборачиваюсь —
и вижу обломок минувшего лета.
Между рельсовыми колеями подрагивают

пыльные стебли полыни, ромашки...
Над откосом длинный кирпичный пакгауз.
У ворот, на ящике, сидя, какой-то мужик,
небритый, в линялой майке, смолит самокрутку,
и махорочная многослойная горечь
так порой щекотнет...
"Эх, дурак я, дурак", — говорю я себе, мешая
смех и слезы в сердце своем.
Я снимаю и расстилаю пальто — на откосе,
рядом со свалкой какого-то металлолома.
Я ложусь, я вытягиваюсь, я разжимаюсь
и, от слепящего света прикрываясь ладонью,
целую вечность слезу за изящной стрекозкой,
севшей на ржавую спинку кровати.

А Л Е К С А Н Д Р С А М А Р Ц Е В

* * *

Сказавший "а" — лирик
сказавший "и" — эпик
сказавший "я" — смертник
догнавший сказанное
Бог

Д А В И Д С А М О Й Л О В

* * *

Мое единственное достояние —
Русская речь.
Нет ничего дороже,
Чем фраза,
Так облегающая мысль,
Как будто это
Одно и то же.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.

В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Потому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

А когда по естественному закону
время стало означать
схождение под склон,
я его не возненавидел,
а стал понимать.

В шестидесятые годы
я понимал шестидесятые годы.
И теперь понимаю,
что происходит
и что произойдет
из того, что происходит.

И знаю, что будет со мной,
когда придет не мое время.
И не страшусь.

Г Е Н Р И Х С А П Г И Р

* * *

Я прохожу сквозь свое незримое Я
Которое стоит посередине комнаты
Как манекен

Два невидимых Я
На фоне большого окна
Как будто беседуют
Мне надо выйти на балкон
И я прохожу насквозь

Три призрачных Я
Теперь я стараюсь их не задеть

В комнате становится тесно
Три Я посередине
И два — по углам
Их контуры угадываются не зрением

И вдруг я почувствовал
Сколько Я наслоенных во времени
Они переполняют комнату
И землю и небо за окном
Хорошо что Вселенная это не просто орех

ИЗ КАТУЛЛА

С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту
Пьяная Нинка и чех с польскою водкой пришли

МРАМОР

Наполовину отбитая левая грудь
Афины Палладу
Целовали туда
Длинноволосые девушки —
Сколок изнутри розовел просвечивая
Афродиту зрелые женщины —
Безрукую обнимали сзади
Казалось богиня ласкает сама себя
Эти полные руки скользят
По мраморному животу!
Эти круглых четыре колена!
Этот сдвоенный круп!
А та что всегда бежит прекрасным безносим лицом
Диана приманивала девчонок
В лунном свете ее волос
Скользили безмолвные псы
И подростки — лунатики шли
Опустив безвольные плечи
Протянув безвольные кисти

О богини! Я ваших возлюбленных знаю
Они любят нравиться и мужчинам
Но я отличать их умею
Они спокойно снимают платье
Они ложатся — пожалуйста возьми меня —
Вдруг открывают веки
Остывают каменеют

Глупый мальчик ты обманулся
Эта девушка не невинна
Эта женщина не фригидна

И х л ю б и л и
Б о г и н и

Я Н С А Т У Н О В С К И Й

* * *

Благопристойный,
пахнущий шашлыком и пивом,
в шведке,
с феской на голове,
пожилым арабом
вышагиваешь набережную,
время от времени
извергая дым из обеих ноздрей, —
в шортах,
в шведке,
в полном блеске,
в веском мире причин и следствий.

БАБЕЛЬ

Рукописи его неопубликованных произведений
исчезли.

Тщетно искала их вдова писателя,
не похожего на писателя.

Благословенна тщетная свеча.
Благословенна Революция,
избравшая нас между народами земли, —

писал Лютов, Исаак — пророк
Учения о Тачанке.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Даже ночью светились цветы.
Мужик с желтыми глазами,
прибравший откуда-то
из полевой страны.

Как заочно живущий,
наравне с забвенной травой, —
сон ведь тоже вроде зарплаты считается,
а люди нынче дороги, наравне с матерьялом.

Остановите этот звук!
Дайте мне ответить на него!

Возчик,
смазчик,
желтоглазый мужик, —
видишь,
как теперь все стало ничто?

ВАЛЕРИЙ САФРАНСКИЙ

ХИППИ

у Одноизменя
в груди выше ложечки
живет
зверенка
которая ничего не хочет

Остальныеизменя
раболепно заискивают:
склеивая на худосочном местном бродвее
девочек
представляются
поэтами

Я их понимаю потому
что маленькая ежастая зверенка
у Меня
одна

СВЕЧА НА ТЕЛЕВИЗОРЕ

кот из-под дивана
гнусно сверкает желтым глазом
"спокойной ночи малыши!"
жена уже тридцать четыре минуты идет из прихожей
а лужа горячего парафина
карабкается вверх по полировке

замершее в плавном движении бедро жены
напоминает бег
огромного стада ископаемых антилоп

время горячими каплями стекает с телевизора
и притворяется лужей парафина

ты не знаешь когда наконец достроят стену —
говорит жена проплывая в отдалении —
смотри
свечу вот-вот задует

САМЫЕ ЛУЧШИЕ СИГАРЕТЫ

струйка сигаретного синего дыма
растет деревом с корейской акварели
каждая ветвь этого клубящегося разлапистого растения
обрастает листьями моих безупречных поступков
ажурная архитектура несостоявшегося ренессанса
кроткая проекция конструктивной инструкции
предписанной себе
красивой рамкой очерченной
над письменным столом прикнопленной
"Исполнять неукоснительно!"

который же план расцветает на кончике моей сигареты
и забавно осознавать
что корнем пышного дерева моей позитивной программы
является пагубная привычка
о последствиях которой в каждом письме предупреждает
мама

не волнуйся мама
ведь ты присылаешь мне самые лучшие сигареты

НОКТЮРН

лохматая ночь
будто потягиваясь
простирает свои бархатные лапы
с острыми когтями снов

она запускает свои когти
в пустые утомленные склеротические детские гениальные
головы
забирает в свои объятия
большие маленькие микроскопические
души
взрачивает в них семена несбыточных надежд
и несбывшихся покаяний
волшебный калейдоскоп
по ту сторону жизни

и тогда здесь
по эту сторону
начинают сбываться мои надежды
зимней лохматой ночью

Я — ГРАЖДАНИН РИМА

Грустно
видеть стремительно суетящиеся толпы теней
среди футуристических нагромождений третьего Рима

Грустно и смешно
наблюдать за тенью в домашних тапочках
шаркающей из кухни к подоконнику с кактусами
столь популярными в третьем Риме

Смешно
разглядывать в потускневших зеркалах третьего Рима
скрюченную судорогой иронии
тень Арлекина а ля Вазарели
распятого на плиточном полу совмещенного санузла

Завороженно
наблюдаю как беззвучно и маслянисто
мучается в водоворотах нездешних страстей
вода на речном перекрестке
при лунном свете
в самом центре
третьего Рима

* * *

свобода
это когда ты
можешь
а другой
нет
если могут все
это анархия
так нас учили
такими мы выросли

АРСЕНИЙ СЕДУГИН

ПЕСЕНКА ВЕСНЫ

Ивовый прутик
Я вынул из ручья.
И песенки не стало...
С тех пор она во мне.
С ней легче кувыряться в жизни.

* * *

В ее глазах
Я увидел
Белого Олененка.
Как радостно
Что никто
Никогда
Не видел
Моего белого Олененка.

* * *

В туманах
Прокричал последний гусь
В озерной осени
Среди отраженных в воде
Сосновых вееров
Тихо кружат
Белые перья
Навсегда забытые
Прошумевшим крылом...

* * *

Седой старик
Сидит у моря,
Слушает вечность
и думает:
"Истрепались ботинки
у внучки".

* * *

В песчаных дюнах
Я набрел
На обломки яхты
С надписью
"Виктория".

* * *

Как в шахматах
Печальны
Судьбы королей.

* * *

Грязь, снег, непогода.
И летит
Сквозь весь мрак
Золотая карета —
Вся в грязи
И вся свет и бесстрашие.

* * *

В боях
За человечность
Он потерял
Лучшую часть души своей
А когда пожалел об этом
Потерял все.

* * *

Бесстрашно рвется река
к Океану,
Бесстрашно падает снег,
Бесстрашно стоит кедр
на скале,
Бесстрашно звенящие ветра
гуляют по свету.
В бесстрашии весь смысл
человеческой жизни.

* * *

На угасающей дороге
Одиноко ослику,
Одиноко собаке,
Одиноко старенький "форд"
пылит.

Несравненно одиночество Человека
С гвоздикой в белых зубах
Перед сворой темных палачей
всех рангов.

Тёмь ухмыляется
Перед последним залпом в сердце,
В алый свет раскованной светозарной
Улыбки.
Улыбка — Заря Мужества.

* * *

Тень коршуна
Перебирает
Золотистые стволы сосен...
Словно поэт
Ищет свои сказки.

* * *

Кистью
Из хребтовой щетины
Женское тело
Выстрадал мастер.

* * *

Мальчика наступившего на шишку
Скульптор мечтал изваять. Напрасно.

* * *

Легкая кружевная тень
От платана

Пробежала
По девушке.
И она проснулась.

* * *

Навсегда
Исчезает
Ниточка на руке ребенка.
Тает тропинка
В детство.

* * *

Играя в лесу,
Юноша и девушка
Вечный дуб
Хотели обнять,
Только на миг
Коснулись
Их пальцы...

* * *

В ночи
Гибкая радость
Словно пальма
На берегу
Далекого океана
В солнечный
Ветреный
День...

* * *

Мужественно вгрызается
Корень яблони
В кремнистую землю.
В мае
Просыпается
Белая, чистая нежность.

* * *

Я себя увидел в снах матери
Маленьким, спотыкающимся
 о цветы и зеленые травы,
И в объятиях
 чужой женщины,
И распятым
 у стены несправедливости,
И в крови лежащем
 навечно.
И тогда я ужаснулся
 себе.

ТАТЬЯНА СЕЛВИНСКАЯ

* * *

Подобно воздушному шару, наполненному водородом,
меня распирает ритм собственного метронома
и снова относит в сторону
старинной страны Поэзии,
 в стихию созвучий да соцветий
 сокровищ острова Грезы.
А, говорят, там говорят иначе,
а, говорят, там плачут иначе,
а, вероятно, — самое главное,
там иначе поставлено дыхание.

* * *

И увидела я тень от дерева на стене,
и подумала: да она похожа на ангела!
И ты сказал:
Посмотри —
тень от дерева на стене
похожа на ангела.

С В Е Т Л А Н С Е М Е Н Е Н К О

Внимайте мне, горожане, ловите мое каждое
слово!

Я первый услышал, как просыпается сонная птица,
как пробует, сонная, голос и вновь засыпает.

Я первый узрел в рождественском теплом дожде
дьявола козни.

Я предсказал неизбежную гибель древнего луга.
Военной зимою я видел в небе только Венеру
и Ориона пояс тогда полюбил — я им опоясан.

Внемлите мне, люди,
но знайте:
любое безнравственно слово,
если сухими перстами влажную трогает душу.
Да, я говорил на горе —
но только с собою, только с собою.

А Л Е К С А Н Д Р С Е Н К Е В И Ч

П Р Я М О Т А С Л О В А

Трехлетняя девочка простодушно считает:
мошенники — те кто ездит в машинах
наркоманы (она произносит — накарманы) — те кто воруют
армяне — кто служит в армии
она убеждена
что на площади Дзержинского надо крепче держаться.

П А В Е Л С Е Р Г Е Е В

* * *

С достаточной степенью ясности
Можно понять устройство самолета
И даже более сложных аппаратов.
Но, когда дело касается
Жука, ящерицы, ласточки, жирафа
Или иного нерукотворного существа,
Формальная логика бессильна
Вследствие внутренней неисчерпаемости
Объекта исследования.

* * *

Любовь,
преодолев расстояния, преграды, разлуки,
Часто гибнет,
Не выдержав того,
К чему стремилась —
Кратчайшего расстояния
Между влюбленными.

О Л Е Г С Е Р Е Б Р Я К О В

* * *

Небритые мысли бегали по квартире,
скандалили, опрокидывали мебель,
то и дело натыкались друг на друга
и постоянно задевали меня.
Мне это надоело, и я
решил открыть дверь
и выставить мысли на улицу, чтобы
покойно посидеть в тишине
и покормить аквариумных рыбок. Но,
когда мной были пересчитаны
осколки аквариума и ступени в подъезде,
я понял, что —
получилось совсем наоборот, и что —
на улице оказался я,
а не мысли, и что —
холодно мне, а не
мыслям, и что —
Я! шагаю под окнами,
за которыми по-прежнему суется
Мои Нebrитые Мысли.

Э С Т О Н И Я

Окраина света, родинка на виске глобуса,
ладошка Европы, бросающая камешки
в воду, земля —
крытая птолемеевым небом, соломенными
зорями,
тесная, как старая детская.

СЕРГЕЙ СЕРЕДЕНКО

* * *

Домой.
Уже к другому дому.
Опять по морю,
Но уже не я.

* * *

Чайка над морем
и ангел в пустыне
летают в разное время.

* * *

С краю мая,
на краю глубокого лета
прожил пасмурный день
и увидел другой край
пропасти.

ВАДИМ СИДУР

* *

Я раздавлен
Непомерной тяжестью ответственности
Никем на меня не возложенной
Ничего не могу предложить человечеству
Для спасения
Остается застыть
Превратиться в бронзовую скульптуру
И стать навсегда
Безмолвным
Взывающим

* * *

Мертвые куклы
Выброшенные на помойки
Расплющенные
Растерзанные
Расчлененные
С выколотыми глазами
Распоротыми животами
Снова убитые
Дети Европы

* * *

Старые ржавые железные лопаты
Собранные мною на свалках мусора
Напоминают большие осенние листья
Похожие на человеческие лица
Несчастные в своей ненужности

* * *

Изгажена исковеркана отравлена
Самая счастливая осень
Трудно ужиться двум паукам в банке
Паучихи убивают пауков
Таков закон природы
Это особенно заметно
Когда паук стар
А паучиха
Вместо привычного восхищения
Работой одряхлевшего ткача
Начинает плести свою собственную паутину
Она не знает
Что за магию плетения искусства
Расплачиваются счастьем
И жизнью

* * *

Стоят у могилы Лета
Яблони
Березы
Осины
Плакальщицы босые

* * *

Маленькая девочка
В сером байковом платье
Стриженная наголо
Иногда я
Украдкой гладил
Бархатную шерстку
На ее круглой голове
Мы сидели рядом
В детском саду
Тайно держась за руки
Под столиком
Я любил ее безумно

* * *

Диван наводящий на размышления
Огромный
Грязный
Старый
Синхрофазотрон
Стоит в моем Подвале
Вдруг
Я с изумлением вижу
На этой дряхлой развратной развалине
Белобрысую девочку
С двумя косичками
Она бойко говорит о чем-то
Но смысл звуков не имеет значения
Озарение откровения оглушает
Это частица Мироздания
С прелестью
Открытой только мне
Мною
Для меня
Давайте танцевать
Говорит беленькое юное существо
Не умею
Отвечаю я
Уже вступивший в пору осеннего цветения
Я вас научу
Говорит пучеглазенькая
Берет меня за руку
И я чувствую особый аромат
Странности
Очарования доверчивой невинности
Этой посланницы Вселенной

Я слишком долго ждал ее появления
И теперь не верю своим глазам
Начинаю возвращаться
Вокруг неуклюжей девочки
Со все возрастающей скоростью
Губы невинной целуют меня
Нестерпимо горячие
Они прикипают к моим
Навсегда
С тех пор мы так и пляшем
Прижавшись друг к другу
Уже целую вечность
Превратившись в протон
Распадающийся только раз
В $6,5 \times 10$ в тридцать первой степени лет
Что намного превышает
Предсказание простейшего варианта
Теории великого объединения

* * *

Я — цветок осенний
Единственный
Неповторимый
Такого больше не будет
Цвету
Судьбу свою знаю
Опустится на меня
Балеринка
Дивное насекомое
Нежное создание
Одетое в прозрачные зеленые крылья
Коснется длинными лапками
И я тут же умру
Пронзенный счастьем
Превращусь
В ПАМЯТНИК ПОГИБШИМ ОТ ЛЮБВИ

* * *

Математика старости
Воспоминаний размытое множество
Геометрия возвращения в прошлое
Светящаяся тьма искривленных пространств памяти

Астрономия безысходности и безвозвратности
Необратимость времени
Форма Вселенной — ГРОБ
Гробовидная туманность смертельной обиды
Возвращающиеся кометы сожалений
Пересекающиеся орбиты жизней
Реликтовые излучения воспоминаний детства
Вселенская катастрофа
Аннигиляция жизней отца и матери
Солнце
Луна
Свет смерти
Жизни тьма
Космическая пыль мелких желаний
Далекие квазары мерцающих добродетелей
Черные дыры пороков
Острые плоскости одномерных пространств пустых хлопот
Млечный Путь девичних ног
Розовая воронка желаний
Топология губ и сосков
Столкновение Галактик
Цветок в маленьком пенисе юного Онана
Запах спермы
Впервые открытая алая дырочка вожделения
Туманности прошедших страстей
Ослепительные вспышки Сверхновых
Тепло Женского начала сквозь холод пустого Космоса
События миллионнолетней давности
Сыновья
Внук
На них кончается будущее
Спираль во влагалище Вселенной
Пояс астероидов — глаза тех кого убивал
Пулеметные очереди
Падающие звезды
Это убит я
Атомный взрыв в голове
Две раны на сердце
Трижды убит
Но не добит
Еле-еле душа удержалась в теле
Угнетающая многомерность непостижимости истины
Мутанты
Многочлены
Гроб-Арт
Мир без Бога влекомый слепой Судьбой
Ручка маленькой девочки
На огромном фаллосе
Космологии агонии
Моей

Случайно возникшей
Шестьдесят лет назад
И уже прожитой
Жизни

А Л Е К С А Н Д Р С К И Д А Н

ТАМ, ГДЕ ВЛАДЫЧЕСТВУЮТ ВЕТРА

1

В искривленных пространствах мы существуем...
Секущие струи дождя уносятся ветром...
Как вертоград, как ветхозаветная сырость ковчега
отдаляются сроки.
Нас время минует, и
за ночь остывший песок скрипит под ногами.
Там, где владычествуют ветра, медуница и мята.
Там, где смысл притяженья никем не разгадан.

2

Как в зеркале, ищем в других себя.
И разве в женщине — женщину ищем?
Мучить друг друга по правилам, с новой страстью
к обладанью стремиться —
искать опору во вне...
Творить молитву...
Только слова, только видимость нам понятны.

3

Попробуй себя поместить в необжитый пейзаж...
Остается умалчивать о причинах.
Остается принять или погибнуть.
Не первородный грех, не древо познания, —
все эти метафоры, давшие страшные всходы, —
нет, не они нас пугают.
А то, что за ними.
С той стороны стекла, в свинцовой пурге.
Там, где дзэнский монах девять лет у стены просидел,
окруженный сияньем.

Все уже завершено. Попытайся понять.
 Зеркала ни к чему, когда совершенно творенье
 (не будет тебя, оно не устанет вливаться
 в Ничто).

Но мы из породы в пути обретающих зренье.
 Окно распахни, пусть тень от сосны
 тебе не расскажет всего (она — лишь начало):
 ты — тоже всего лишь начало. Ты равен
 пейзажу.

И так же, как он, беззащитен в момент узнавания.
 Поэтому, дом запалив, окно распахни.
 Пусть за ночь остывший песок скрипит под ногами...
 Там, где владычествуют ветра, медуница и мята.

В Л А Д И М И Р С К И Ф

* * *

Заползает солнце
 В раковину ночи,
 И улицы
 пахнут морем.
 А ночью
 Мне снится Моор...
 Я записался
 Добровольцем
 Расстреливать
 себя
 ночами.

* * *

По небу летел клюв —
 Острый и длинный.
 Свистел воздух,
 Рассеченный надвое.
 А клюв летел
 Все дальше и дальше
 В надежде — найти чье-то
 Еще не раненное сердце.

* * *

Тревога вселяется
В кончики пальцев —
И они
Начинают дрожать.
Тревога
Неслышно растет,
Постепенно...
О,
Сердцебиенья цветок!

* * *

На твоём лице
Проступает дождь,
Который маленьким
 барабанщиком
Умирал на площади.

* * *

Земля поражена
Окаменевшей молнией
Границ.

ЕВГЕНИЙ СКУЛКИН

* * *

Мудрость — кристаллики
отстоявшегося опыта.

Они отсвечивают Истину.

Неся мертвый свет,
подобно звездам.

ИРИНА СЛЕПАЯ

* * *

небо
весеннее
висит над землей не
горизонтально а вертикально

прозрачное
безмятежно-холодное
безотносительное к окружающей действительности

синие деревья плачут человеческими голосами
девушки
 золотыми пчелами кружат
мечутся разноцветные муравьи-автомобили
нечистые мысли
выползают изо рта длинными скользкими гадюками
мужчины раздевают податливых женщин

летят шары кегельбана
летит детская карусель
оставляя позади
мальчика в матроске
 и старика на протезе

жизнь идет во всех проявлениях —
по разные стороны неба

и только ласточки
безрассудные
абсурдные твари
не замечают прозрачной вертикали
они привыкли к свободному пространству
потому и разбиваются

а перед смертью они переворачиваются в воздухе
видят вверху вместо неба
 черный провал

и удивляются
навсегда

* * *

декабрь
мокрый и беспомощный
как младенец

серые айсберги домов
малокровный воздух
с температурой больничного супа
небо —
разочарованная простыня
первой брачной ночи
пустота звенит
как несколько медяков
в старом кошельке
любимом с юности
торжественное ощущение провала
в другое измерение
смягчается
черно-белым чувством
многодетной матери
умерших детей

АНАТОЛИЙ СОКОЛОВ

НАВЕДЕНИЕ НА РЕЗКОСТЬ

Оставив позади бессонную ночь,
Из утренней туманной дымки
Въезжаю в пробуждающийся город.
Его изображение
В огромном объективе лобового стекла
Становится контрастным, ярким.
Солнечные зайчики куполов и шпилей
Надолго высвечивают в памяти
Светло-торжественный
Городской пейзаж.
Как остро чувствуешь жизнь
После тяжелых испытаний.

* * *

Высоко поднявшись
По обжигающим стеблям,
Красные улитки
Замерли на листьях крапивы.
На других, безобидных растениях
Улиток не видно...

Наверное
Преодоление боли
Жизненно необходимо.

* * *

Янтарь
Тысячи лет
Радует людей.
Время делает
Ярче, пронзительней, глубже
Янтарный свет —
Свет сострадания,
Ведь смола
Впитывает боль,
Появляясь
На свежих ранах деревьев.

* * *

Зарождение надежды.
Нимб луны —
Светящийся переход
Из черноты неба
В серебро диска.

Боль предстоящей утраты.
Все тот же нимб —
Туманный переход
Из света во тьму...

Смятение полутонов
Острее
Неподвижности контрастов.

* * *

Белые облака
В летний день
Похожи на чувства,
Движущие нашими поступками.
Лишь на мгновение
Облака скрывают солнце,
И становится ясно различим
Их серый цвет.

ПАВЕЛ СОКОЛОВ

* * *

Огни сотен домов
на том берегу, —

как вы прекрасны!

Как страшны.

* * *

закатный свет
на стволе сосны и листьях клена —

напоминает

о радости
безначальной!

* * *

слушай
музыку одиночества

музыку без конца и без надежды

она
ничего не обещает

она только звучит

* * *

и тогда
чтоб ветер поднялся и застонали сосны
чтоб море вздыбилось и заалела кровь
чтоб сердце остановилось

я выдумал тебя
моя печаль

* * *

В безлюдном парке
холодный свет
фонарей

будущее
вполне обозримо

А Л Е К С А Н Д Р С О К О Л Ь Н И К О В

* * *

Я выучу
птичий язык,
чтобы первым услышать,
как деревья
поднимают зеленый бунт...

С Е Р Г Е Й С О Л О В Ь Е В

Я ВЫШЕЛ

Сизые клубы плотного дыма откатывались от станции
и уходили в поля и в небо.
Пространство было против меня.
Глаза обжигала острая боль.
Взгляд снова возвращался к ногам, провисая.
Он был, как на резине.
Переводя дух, я вновь осторожно поднимал голову:
взгляд натягивался, уходя в промоину дыма,
и уже начинал звенеть,
цепляясь за расщепленное молнией
дерево за дорогой,
и вдруг срывался,
со свистом возвращаясь в зрачок,
будто кто-то срезал его бритвой —
там, за дорогой.

Едкий чернильный дым обволакивал станцию:
гигантские комья откатывались по рельсам,
наматывая на себя красные и бурые конкреции,
прелые ветви, битые стекла, огни семафоров

и разбухая, светящимися шарами падали за горизонт.
Взгляд соскакивал
с пульсирующей лампы
шлагбаума на переезде.
С каждой вспышкой дергалась голова,
будто вонзались в глаза тонкие иглы.
Резинки провисли.
Взгляд затуманивало от слез.
Цепляясь за мокрые выступы стен, я добрался к окну.

В зале горел свет.
Визг раздвигаемых по углам скамеек. Очередь у буфета.
Гул голосов.
Через центр зала,
в синем казенном халате продвигалась уборщица.
Рыжей густой щеткой на двухметровом древке
она мела впереди себя груды мусора и опилок,
из которой упрямо выкатывалась голова.
Марля цеплялась за угол щетки.
Уборщица била углом об пол, сбрасывая ее.

Я вернулся взглядом к скамье.
Она была пустынна.
И только в узкой щели меж лакированных досок
торчала его ладонь,
вонзившись пальцами в щель,
она торчала запястьем вверх.

Через весь зал, отблескивая под люстрой,
летели маленькие прозрачные самолетки.
Их запускал крупноголовый пацан
в красных сандалиях и длинных,
натянутых почти до подмышек рейтузах.
Взобравшись на подоконник,
он отрывал от прозрачного, хрупкого, желтого...

Слева, в окошке кассы висел приклеенный список:

1. Сидоров — 2 Луга
2. Дорисов — 5 Псков
3. Ридосов — 3 Киев
4. Соридов — 2 Рига
5. Видосор — 1 Гомель
6. Диворос — 1 Пинск

Черною пастой на желтом, прозрачном, хрупком...

...Я сползал, прижимаясь щекою к стеклу,
и ладони скользили по мокрому переплету,
по ноздреватой песчаной стене,
по решетке, асфальту, земле и так далее, далее,
далее...

* * *

Раздавливая ногой
Отвратительную, ползучую,
Жирную гусеницу,
Разве ты знаешь,
Какую бабочку
Ты раздавил?

СЛОВО

Сегодня утром я заканчивал стихотворение
И долго мучился над словом, которое не хотело приходиться.
Я брал слова и пробовал их:
На вес,
На вкус,
На запах,
На цвет,
На прочность,
На оттенки вкуса, цвета и запаха
(Почти неуловимые оттенки, но в том-то и состоит
Вся прелесть и вся соль
Необыкновенного нашего ремесла),
На остроту,
Как лезвие ножа иль топора,
Я пробовал слова на пальце.
И что же?
Сегодня мне не годилось ни одно из слов.
Все в мире для меня исчезло: все цели, все задачи,
Стремления, интересы, радости, заботы, планы, люди
Осталась одна задача, одно-единственное дело:
Найти слово и поставить его на место,
Ибо без него стихотворение не хотело жить.
Мало того, мне стало казаться, что и всем другим
Живущим на свете людям — до зарезу нужно это слово,
Что им не хватает именно
Только его,
Хоть они, возможно, и не догадываются об этом
А иначе какой же смысл
В ужасных поисках слова,

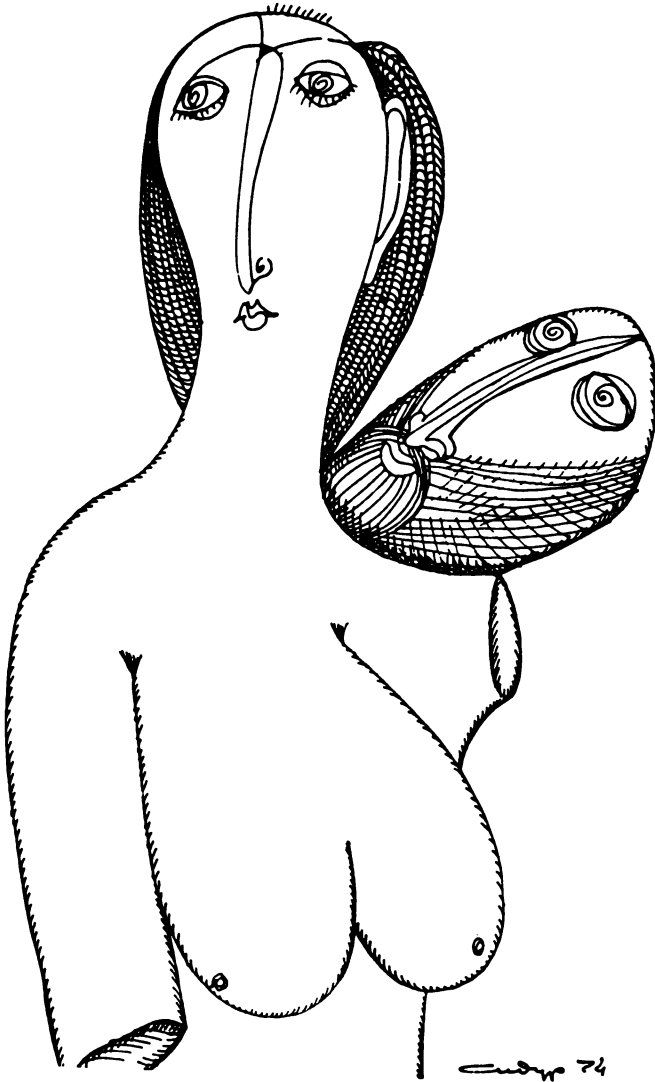
В так называемых муках творчества
И во всем поэтическом ремесле?
Вдруг за стеной, у соседей
(Ветх и зыбок наш деревенский деревянный дом)
Я услышал разговор между восьмидесятилетним кузнецом
Никитой

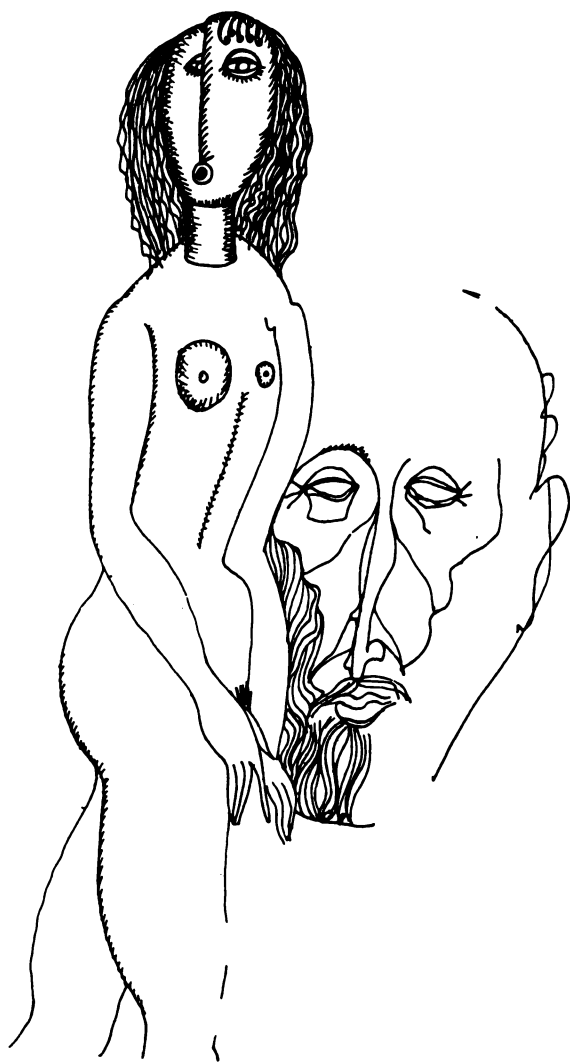
И его дочь Марьей, пришедшей Никиту будить.
— Вставай! — сказала она. — Самовар стоит на столе.
Мне надо бежать на работу. Девятый уж час, вставай!
— Погоди, — ответил Никита-кузнец. — Не трогай меня.
Помираю. —
Тогда я вспомнил, что третий день, как кузнец хворает, и
И понял, что это серьезно. И она поняла.
— Подожди, я тебе молочка... Погоди, я сейчас разогрею
(Что — погоди? Погоди помирать?)...
Я тебе горячего молочка...
Итак, кузнец Никита произнес то слово,
Которое было для него самым важным и нужным в эту
минуту.

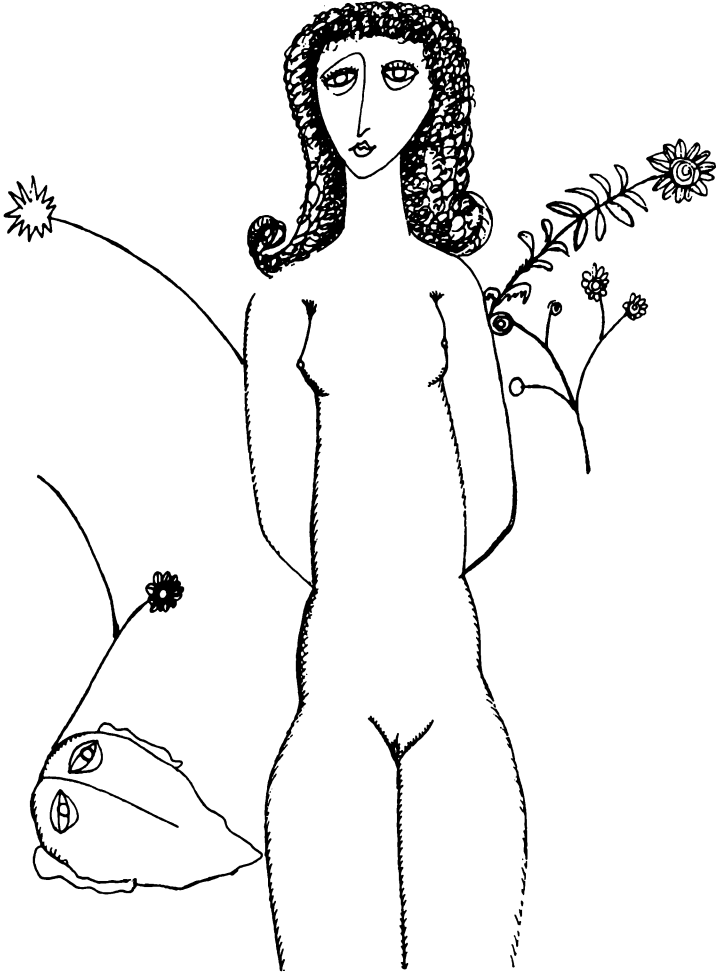
“Помираю”!

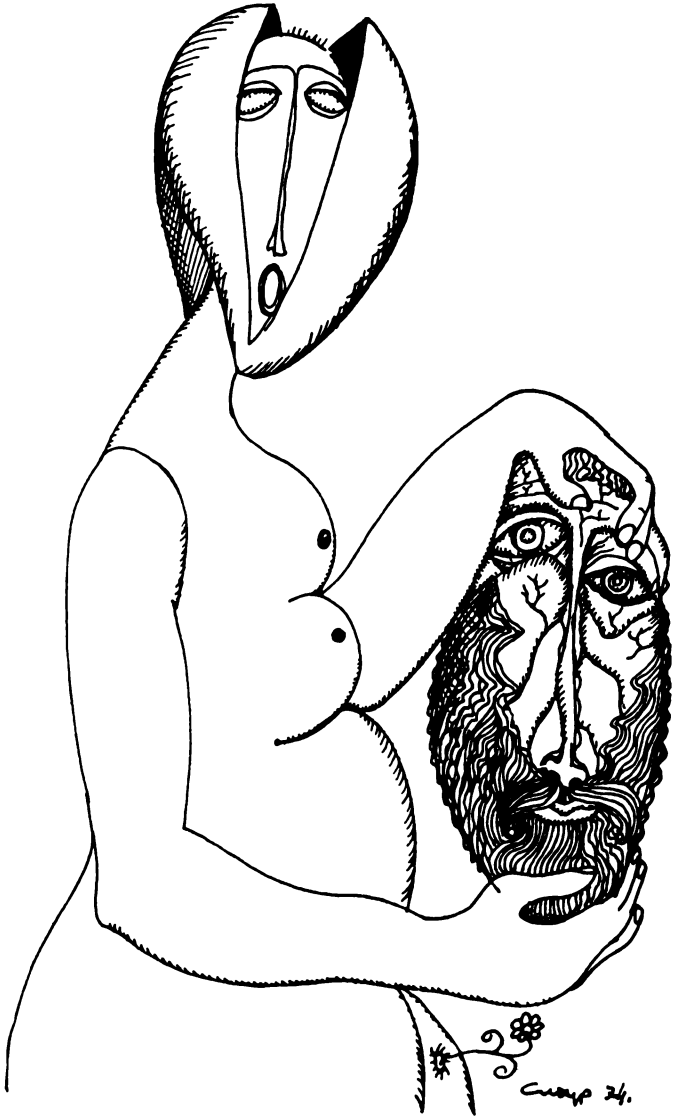
Не пойти ли спросить.
Сколько времени он это слово искал?
Сколько слов перебрал он прежде,
Чем нашел единственное, заставляющее содрогнуться,
Великолепное по своей простоте.

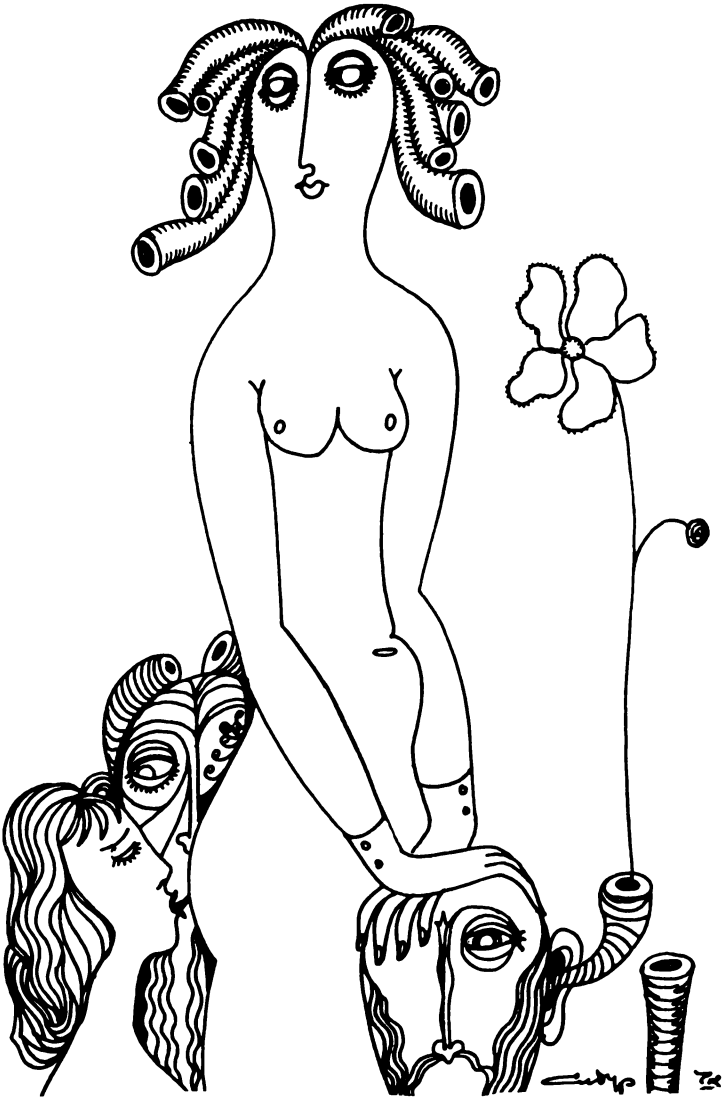
Не пойти ли спросить,
Какие муки творчества пришлось ему испытать?
Как он их проверял, слова, отбирая:
На вкус?
На цвет?
На запах?
На вес?
На прочность или на остроту?
Какими сложными путями,
В результате
Каких отчаянных попыток
Пришел он к самому важному для себя слову?
Надо ли говорить, что в это утро
Я так и не закончил своего стихотворения.

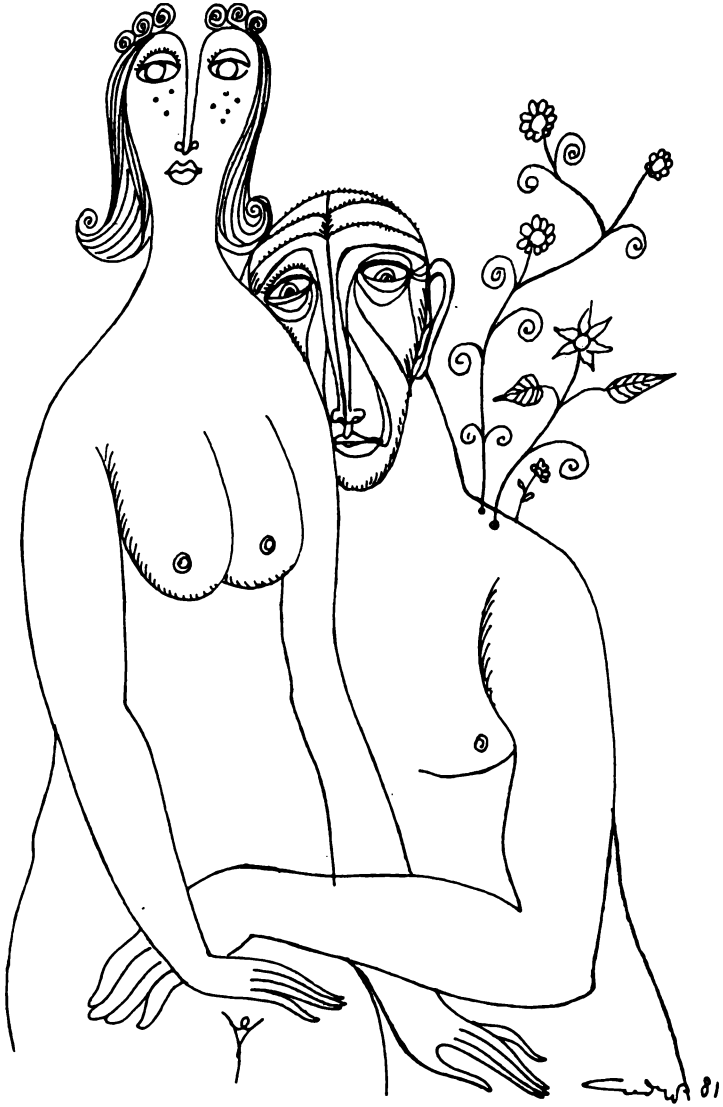

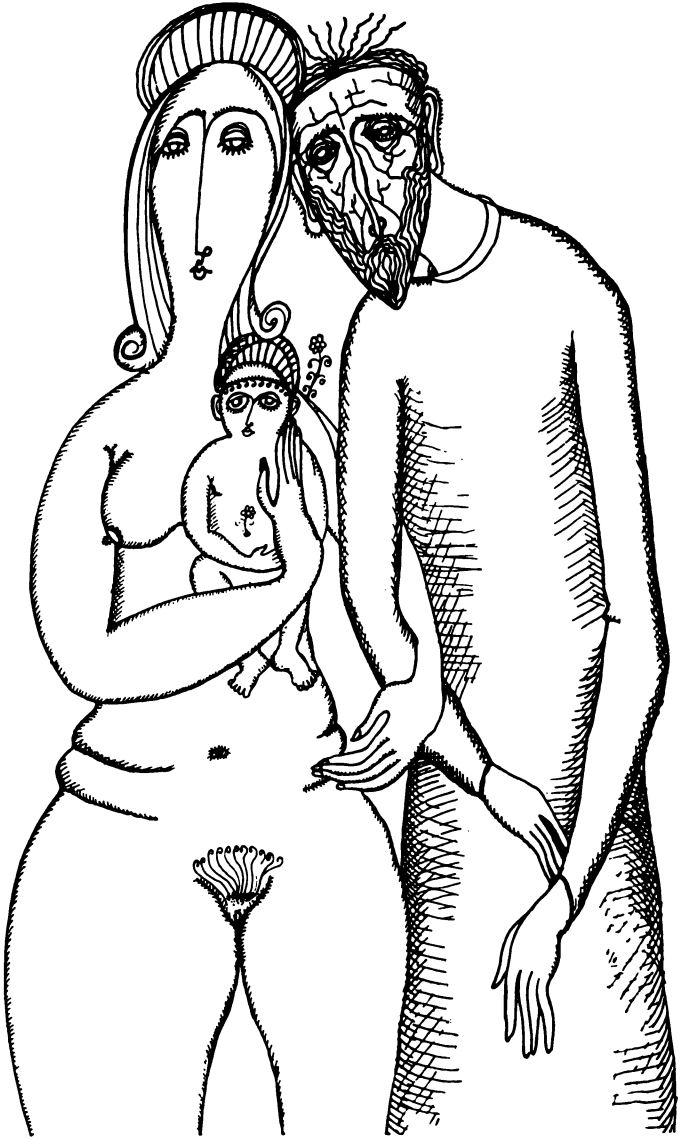

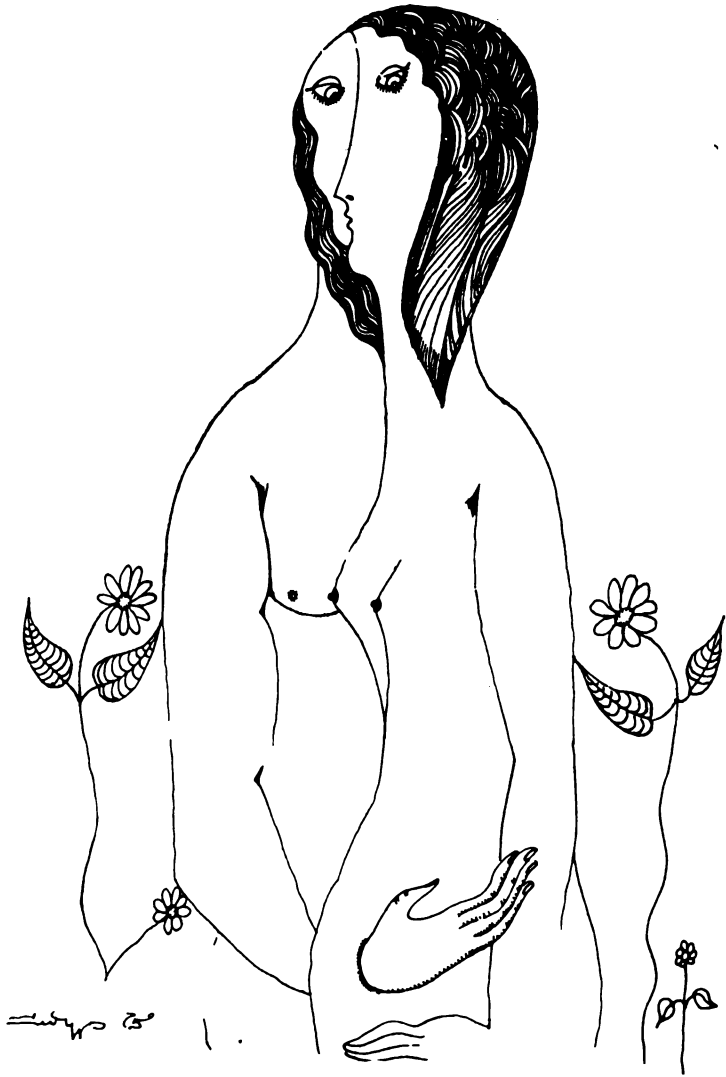

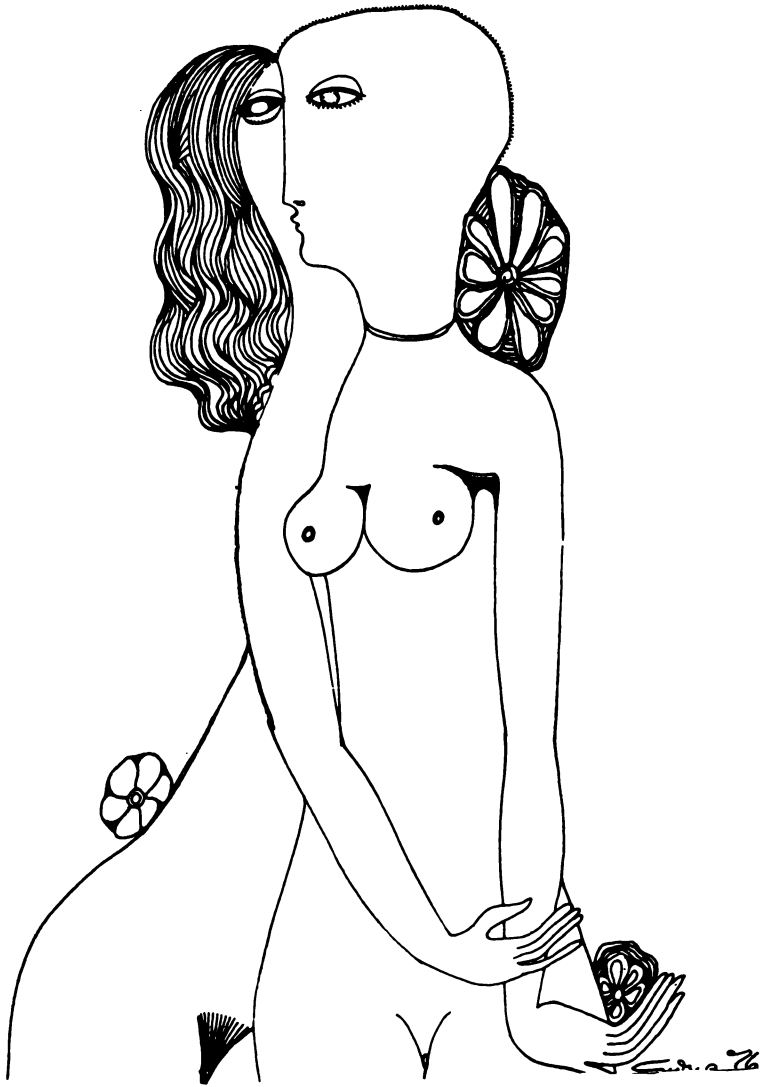

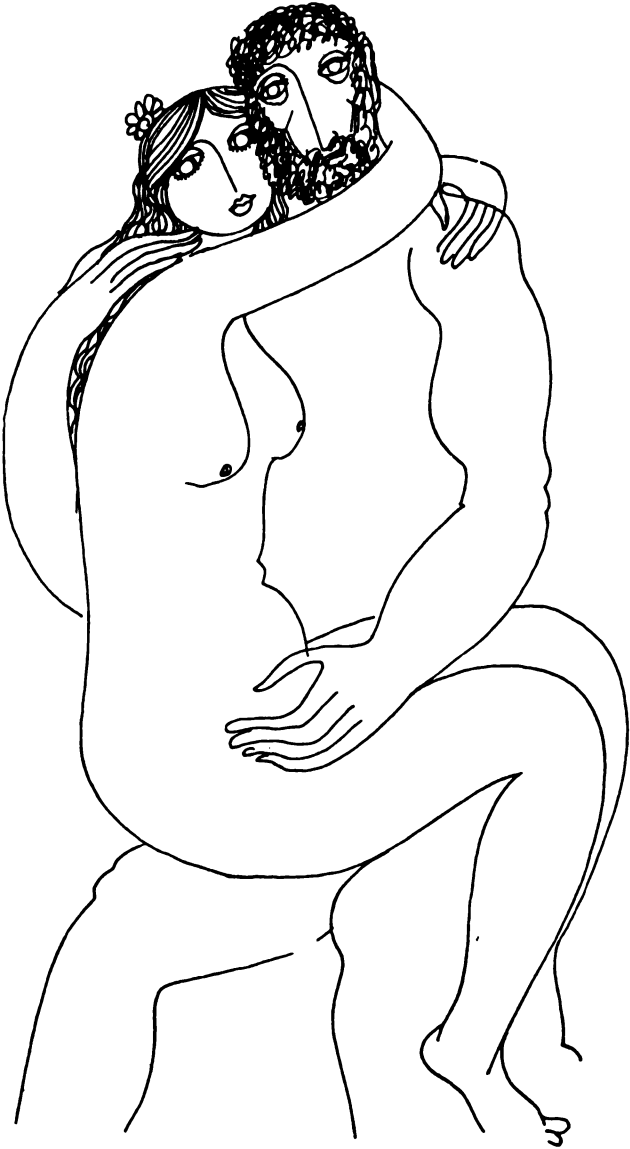

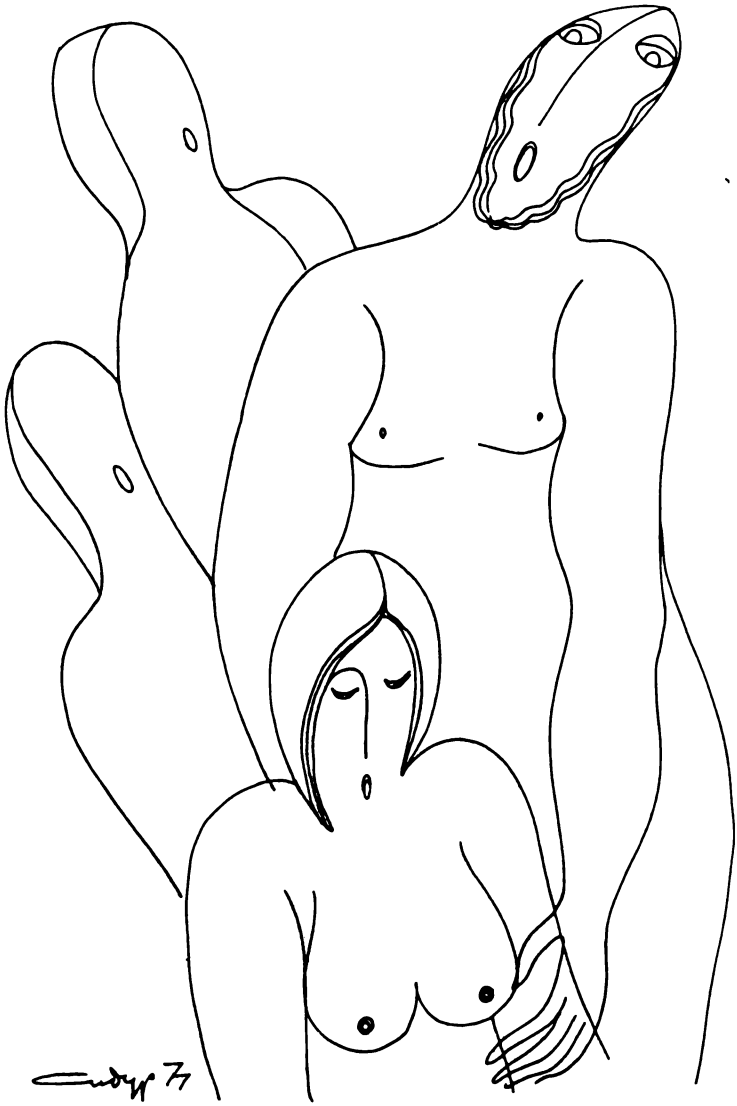

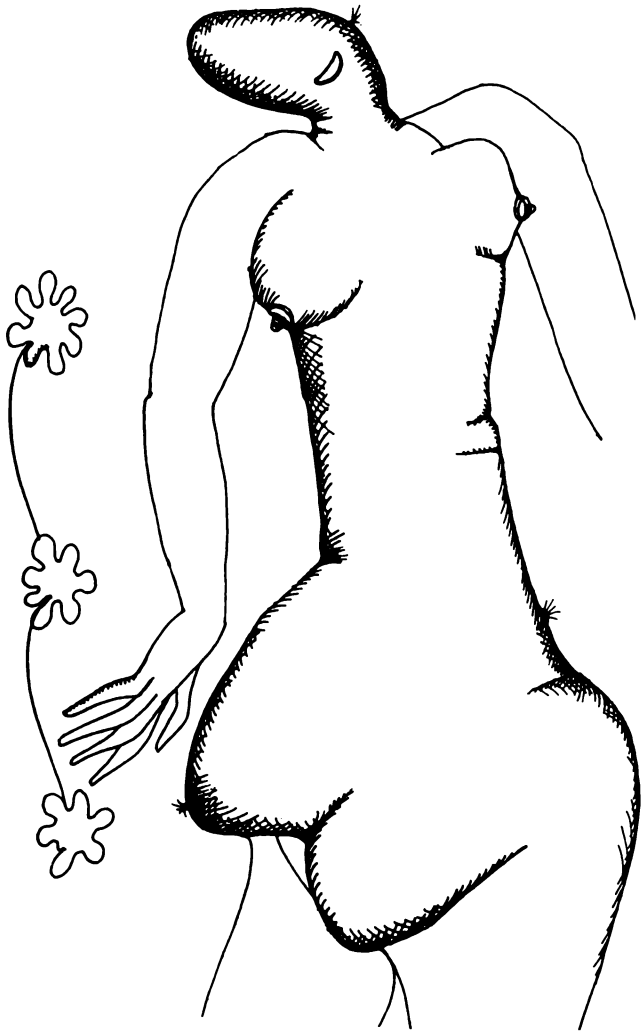

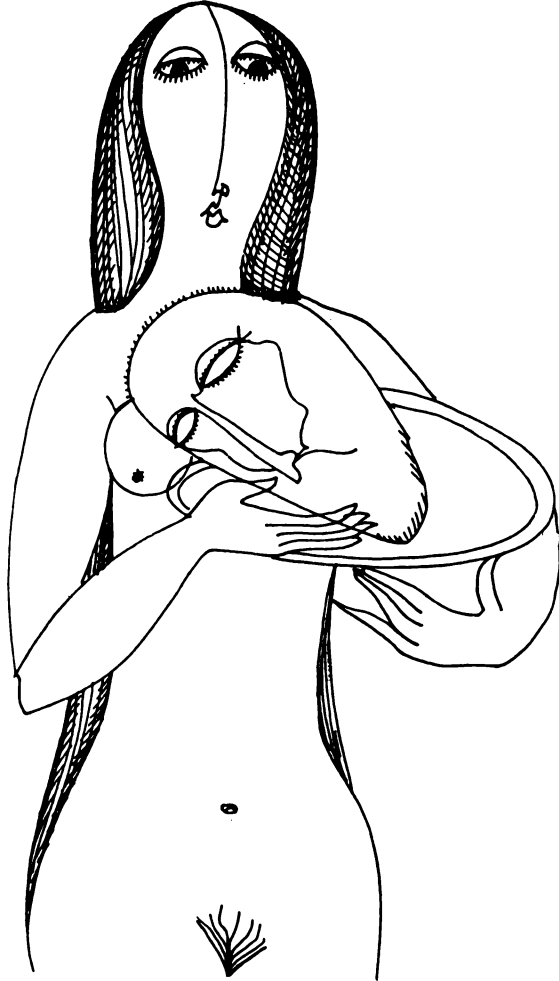

ВИКТОР СОСНОРА

ИЗ РОМАНА "ДОМ ДНЕЙ"

ЛИРИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Лирические растения не то, что животные. Растения — дубы и платаны, бобы и каштаны, а животное — это женщина. Скала — женщина, нога — женщина, и ночь, и медь; а море — это где тонут рисунки. Тонут, да не тут-то было, со дна встают солдаты и колют их штыками в пятки. И мы выходим из морей, обтянутые солью.

Лирическое животное — это ветер.

А растения — это то, что растет; дом, день, люди. У них кругооборот.

А животные — только живут, в одну сторону. Как у женщины: расцвела — родила, дальше некуда.

Стихи — это сети братьев Заведеевых; попался Христос, а думал, что завербовал их. Братьев-то завербовал, а сети поволок. Пока три Марии не сняли его с креста. Три Марии, тоже мне подсчет.

Все они — чистые животные, не мужское. И поэмы Христа — это нагорные ритмы, на горе, на женщине стоя. Море — оно, и яйцо — оно, оба рождение. Третье — солнце. А то, что водит от луны до луны, это лиризм. Я видел ноги святых, лежащие, на телеге, но я ж не плачу, как ч-к; рисую. Среди железобетонных игл современности я — один, жесток, животное, и раз в день, суров, рисую.

Господи, — говорю я, — неужели я видел напрасно? Неужели опять скажут — он основатель новой школы форм? Это я, кровавый?

Форм — чего?

Я — схоласт?

Ненавистник реальности, во имя жизни, я признаю одну форму — Золотого Маятника, и его колышет некий, созывая в переходный мир, к — жизни.

Но не собрать своих, не прийти к ним. Встречи наши — только на страницах, а они мокры от слез, золотых.

ОБУВЬ У МОРЯ

Кто у моря, тот встречает предметы для ног — ботинок, сандалетку, туфлю; я не видел их пары.

Это обувь утопленников.

Скажут: но ведь сапожок продырявил вихрь, туфельку

сломала жизнь, башмак изнашивается, и его пора убрать. И идут л. (люди) к морю, и бросают обувь в ночь. Просто! Это лжелогика.

Редко, если один сапог сломался, а второй унесла буря. Таких видений раз-два и обчелся. Кто шьет обувь и ставит заплатки, чтоб сказать, что вторая туфля нужна про запас? Некоторые оставляют башмаки на память, но не один же! Два и оставляют. Бывает, что дама изнашивает свои туфелькокожие, а не бросить, жаль, еще не издохли. Мужик, тот жалостливее, сносил, вынул револьвер, пристрелил в нос дважды и выбросил в мусоропровод. Правда, ну, ночью в подушку плачет. Это о них Тютчев писал — невидимые в ночи слезы. Видимые: под подушкой зеркальце, включит спичку, вынет зеркальце, смотрит, что морда старше со времен покупки башмаков, вот и их сносил, о время, друг! И плаксивые слезы льются, никто их не прячет в чулок. Но ч. (человек), идущий топиться, не может идти босиком. Он одевается, как есть, и идет в туго завязанных туфельных изделиях для ног. И входит в воду, пока не напьется, как хочет. Труп из вертикального становится горизонтальным, размокает, съедается рыбой и планктоном, спрутом, тюленем и т. д. Но башмаки плавают, и их выносит на берег, к моим ногам, так сказать, башмаки идут к башмакам.

Но по одному!

Потому что течения морские разъединяют эти пары, да и от трупов они отделяются врозь, у кого узел слабее; один, а потом уж второй, м. б. и через месяц с кости сойдет. И где им встретиться? Негде. У них того света нет.

Это их атомы и кварки уж потом идут на тот свет, а сами они по себе не могут, не тот тип кнопок.

О Боже, как несчастлива обувь утопленников!

ВОПРОСЫ

Львы-альбиносы идут из-за моря, влажнотелы, как буквы Ы!; веет. Формотворцы. А вдали кубические бочонки церковей, грани, стальные корабли у мола. На веревках. Я и купол вижу — Кронштадт. Качает, качает. Отчего? От бурнОгО времени?

Атмосфера.

Никуда я не уеду.

Если не удует в другой конец — земли.

Мениск моря, как в руке с рюмкой Бога, — двойное с содовой, вот и буря! А виды государств с музеями во главе — тоже на ободке рюмки? О да, если он — горизонт. А если Он — это кварк? То что ему на горизонте? Да то же, что и всем, — взгляд.

Если длину Волги поднять в высоту, что с этой точки — Париж? Я видел — ничего, Париж не видать, сквозняк. А Волга — не пример реки, заболоченный водосток. А вот Миссисипи, Миссури, Янцидзян, Хирохито и Сено-Нево? — жилки на малахитовой шкатулке. Вот и попутешествовали.

Путешествовать — это шествовать в путь, то есть гордо. Так идут верблюды, неся на себе солдат со сталью. А в глазах у солдат мениск — есть? Ветр рождается и сдувает с краев земли Гео архитектуру.

Я видел у моря свыше миллиона молящихся с головами. Вдруг дунуло и сняло им головы и куда-то дело. А они ушли, воздев руки. Отчего?

ЖЕНЩИНЫ

Я стою у входа в юность женщин, вхожу, а внутри — пахнет мясом.

Стоят счетчики: кто вошел, пишут мелом — 100.

Женская юность — это индус, сидит на виду, фиолетовая, ноги на кресле.

Или же: лежит фригидка, гофрированное железо, а маляры ходят по ним, суп дают из сапога.

Юность похожа на гири на двух ногах, джинсовых. А сними тогу Катулла, и увидишь, что Лесбию целует не воробышек, а задницегубый раб — Рубль, — индальгенция.

Но эти ж женщины не будут позваны и на Страшный суд, серенько. И л., о ком я выше, не попадут туда, это была б незаслуженная обида Высшему Судие.

Лягут они жалобно в землю, мелкие, как детские вилки, ящичками, и уйдут вглубь.

Солдаты!

Мужчин впрягут в колеса электрички, чтоб они ожили. "Наше время требует полной отдачи". А кому?

Мукомолу?

В юных женщинах попадают души. Я еще доживу, что и от содомии откажутся.

Женщины — желтоволосые бочки под сводами времен.

НЕПРЕРЫВНЫЙ ВЕТР

Ровно в 9 выходит луна на 6 минут. Вот, вышла. Я надеюсь, меня понимают, о чем я. В небе полно бискайской воды. Окна леопардовые. Нет надежд. Всюду освещенные кубы, лампочками; это дома.

Звонит в дверь Ваня Небиаду. Я смотрю в глазок, если б с

топором, я б дверь раскрыл, пошли бы топор на топор, и был бы один зарубленный ровно за месяц до Нового года. А на что мне безоружный, не пущу.

Луна высоко-высоко. Вон как раскрашена, и огоньки с нее висят на нитях.

Ирландский сеттер — я, лежу на ковре, с подпалинами, жгу электрокамин, изящнейший, и жду 2 декабря. А зачем Ваня Небиаду? Он стар ростом и с глазами сумасшедшего, доктор наук из Якутии, с алмазных копей; он пьет. Не пущу.

Я в зените.

На окне трещина. Если б он вынул трещину из стекла и вставил бы алмаз, к слову...

Пойду, спрошу.

Но он ушел, в глазок я вижу только его глаза, охваченные безумием, алмазника. Я открываю дверь: да, нет его, а глаза стоят в коридоре на двух столбиках. Грустно.

А из трещины сквозит непрерывный ветер.

Взял том 3, нарисовал собачку и поставил на полку. Дни проходят, как киты. Как заснеженные лесенки. Что ж делать по вечерам? Помылся, жду, с галстуклом. Если сидеть, спина прямая и лопатки звенят. Кипяток в кастрюле идет пузырями, заварил чай, глянул в глазок — те же два глаза на столбиках, я их и бросил в стакан, и выпил. Снится небо в алмазах. Хуже просыпаться. Но до этого далеко. Не могу вспомнить, была борода у этого Вани Небиаду или один подбородок? Или два?

ЖИЗНЬ — И ОДИН РАЗ

Прошлым живет тот, у кого его не было, и пишет тетрадь-самоутешитель, к примеру Марсель Пруст.

В литературе Байрона фатовство и пустозвонство, но в жизни он гениальный поэт.

Почему тяжелый осадок от людей? От всех.

Лирица, ее вид — это бык за решеткой.

Я обеспокоен, пора стелиться. Лег. Смотрю в окно: чьей ногою гоним летит с лестницы ребенок?

Как оскорбительно Гоголю было всеобщее русское признание, до побега в Рим. Смех над Гоголем, заливной — вот что оскорбляет.

Октябрь — месяц восьмой, окта, по римскому календарю.

Ноябрь — девятый, а декабрь — десятый. А где ж еще два?

Какой хороший свет с утра был, а вечером по ТВ монгол поет, это трудностями веет. Монгол по-французски: монгол д — мое золотце! Может быть, есть иная, другая жизнь? Много женщин-подонков, чешут свою жизнь, как продажную шкуру. До сумасшедших всем далеко!

Здесь организованный хаос и пропаганда агонии. Отключили холодную воду, и нет света в коридоре, сломан лифт — не хватает войны. Только в темноте до меня дошло, что собак любят от страха, отнюдь не от нежности; собак и старух.

Что-то было между жилеткой и тележкой — буквы равны, до одной, п. ч. "те" произносится как "ти". Я уж давно пишу справа налево. Есть Божья дрожь художника, а кроме нее ничего нет.

Немец Томас Манн в те годы крушения людского вез через океан в Америку с фашистской родины — шкаф белого дерева, письменный стол и диван, чтоб давить его задницей. Не считая трех танкеров, пиджаков, галстуков и носков. Это — реалист, нобелиат.

Американец Эдгар По сдох пьяный, как лошадь, пал на четыре ноги, крестцом об пол, и долго догадывались — кто это: Дух Святой или конина? Это — поэт. Твоя страна не та, где ты, а в какой-то другой стране.

ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

"Очерк о золотом льве". Речь о статуэтке льва, а смысл — золото и живой образ.

"Если смотреть на льва, а не на золото, то лев будет ясен, а золото будет скрытым. Если смотреть на золото и лишь на золото, а не на льва, то золото будет ясно, а лев будет скрытым. Если смотреть на обоих, то оба будут ясны, оба будут скрытыми". Как просто, до слез. Перевод мой.

Пасмурно, письма не едут.

И о Десяти ступенях. 10 земель состояния Будды.

1. ступень радости
2. ступень покидания грязи
3. ступень понимания
4. ступень совершенства в смелости и силе
5. ступень труднопобедимости
6. ступень настоящего и будущего
7. ступень дальнего пути, начало проявления милосердия ко всем существам.

Стоп, ни шагу, не быть Буддой. Дальше начала милосердия я не могу. Начну и кончу, другие обеты не дают сердца. Мне не достичь трех верхних ступеней: 8. завершения странствования, 9. доброй мудрости достижения десяти святых сил и проповедь ее повсюду, 10. ступени идеального облака — состояния Будды — мне не достичь.

Это три стены, и каждая из лжи.

Это уже отвесная скала, о которую бьются, кто хочет стать Буддой.

Но они люди.

КАМЕНЬ

Г. Отепя — древнейший, но не обновлен, дома-замки вне исторической правды. Я живу на хуторе, мебель из простого дуба, стол, этажерка и шкаф; и кровать. Здесь жил Мартин Лютер, с прялкой.

А на этажерке большеголовая кукла, целлулоид, девочко-женский рост, если с нее снять платье, то я влюблюсь. Но я не сниму. Кости легки, и Я летают с дождями по округностям.

Здесь была Н. Я бил ее. Утром я пил стакан хереса, сорокоградусного. Вечером я пил светлое. В желтые дни моих белых горячек я ее любил.

Потом — иные дни. Я лежал на хуторе один, холодея. Икота вырывала мое тело из жизни. Я пил воду-рвоту до 4 ведер в сутки. Не помогало. Я вызвал Н. телеграммой. Она быстро приехала и отказалась вызвать "скорую помощь". Чтоб я сдох. Дни ее торжества! Она вызвала машину из Тарту, когда мне уж не было возврата. Я умер в клинике. Я потерял вес, слух, сошла кожа, выпали волосы, исчезла сперма. Я помню на шоссе эту Н., в парижском вельвете, я ей купил на плац д'Итали, в красно-оранжевой кепке. Она ревновала к М., та уже покончила с собой. Я умер в Тарту, а то б еще долго искал эту разгадку. Орех раскрылся.

А в больнице мы любил, но печально уж. Н. дежурила на табурете надо мною — 126 дней. К слову, официалы, гости из СП и иные, кто шел на мою смерть, сползали с табурета через час-полтора, в обморок. Это ж было на реанимации. И не было ни одного, кто б не упал. Н. высидела.

Отвезла в Ленинград и ушла; я ее выгнал.

Она любит меня.

М.

В 1 лесу — пять пустых яичек во мху, разбитых и съеденных. А в просветах сосен тетерка ходит, асфальтовая.

Гром грянул — жид крестился; я вышел на полянку и рыдал навзрыд... Я не был на этом месте 15 лет. Мы приехали из Парижа, пошли в лес. Мы далеко зашли — к, от и до полянки, и решили, что жить не можем, и вместе, и на земле. Жить не можем!..

Я забылся и вижу — у ели М. сидит, с косынкой, глаз живой, курносая, в веснушках. Среди женщин живая — редкость, а М. вообще была редкий металл. И ударился я головою о ель, и рыдал, как вкопанный. Мы жили 14 лет, мы не были друзьями ни дня, ни одного разу! М. боролась.

Бороться со мной, победить и выйти ВОН, так предать и бросить — ЗДЕСЬ! Без возврата! Что ей трудного — ТАМ?

Я — ТАМ был. ТАМ встреч нет. В ту степь, куда мы уйдем, там кочуют чеканные кругляши, планет.

Пошел на Голубое озеро. Вода плоская.

И по плоской воде паучки-плавнички. Они ведь и живут, бегая. Куда ж они деваются зимой? Вмерзают в лед до весны? и в бега, заново? Почему у них такая жизнь, невзаправдашняя?

Ну, рыба, ясно, вода-еда, вон ходят, воду ворочают; неплохо!

А эти? Нужно б узнать, для чего они живут так?

Все, у кого круглые, живые глаза, все те — птички на ветке. А снизу в них бьют из дробовика мертвецы, с рассудком.

Возвращаюсь по дороге, из-за спины грузовик выскакивает, громаден, как дом, и шофер в окошке. Я не слышу, как он там изгибался за моею спиной, но вырুলив, он свалился с холма, врозь колесами, под откос, и лег, в пламени.

Меня пес обляял, черно-волк. Я руку протянул, он лизнул розовым языком, как ребенок. Так и стояли мы на дороге: я и пес. Вот и солнце уйдет... Уже ушло.

НЕ ПЕЧАЛУЙСЯ! — О МУРАВЬЯХ

Пирамида живых, бегущих, у них там книга расцвета царств, сверх-Египет, Эллада и римляне со штандартами, на крылатых лошадах (крылотоконны!). Как пышно шевелилось!

А вокруг лисички и тончайше-хрустальные сыроежки с фиолетовыми и лиловыми шляпками; изысканно футуристично и человечно.

С удовольствием Гулливера вижу я возню (годы!), помощник иных миров. То, из чего сделано в их доме, лежало идеально, с высшей математикой.

Как-то я шел по лесу, курил, с коробком, вынул спичку и бросил. Она горела. Накрапывает, татуируя муравейник.

Я сел на солнце, блестящие стеклышки дождя, с бутылью ликера "Вана Таллинн", и курил, смотрел: если спичка не отойдет и не даст огня, погаснет, я вторую не зажгу.

Спичка горела.

Дождик был, грибной, и нету воды, нечем тушить. Да и ведра не готовы у них на такую катастрофу.

Спичка загорелась ярче. Горело. Огонь шел внутрь, как сверло и дым из вулкана. В тесноте неслись полчища, геометрическими фигурами, толпой и в одиночку — все бежало по пирамиде, тысячи несли яйца, спасая,

но — куда? От огня — НА ВЕРШИНУ! Никто, ни один муравей не бежал от дня, от дома, наоборот — с лесов, со всех ног неслись к своим, в огонь!

Я был там. От муравейника-империи остался большой обугленный утес, где жили. Я был вчера, это уже после Огня через 6 лет. Утеса нет, углей нет. Руины вычищены. Муравейник маленький, скорее вширь, чем ввысь, а был — выше роста лося-короля!

— Сколько миллионов трагедий! — сказал он блудословно. Вот что: Сенека — и есть Нерон, но в худшем варианте, тот, кто учит, — это от бездарности. Разве над Вавилоном не сидел некто с сигареткой и ликером во рту?

МОЛЕНИЕ О МЛАДЕНЦЕ

Ель — из изумруда!

А на ней ворона сидит — как звезда! На закате, когда бледно-розово.

На закате ель — коралл, вороны — ее игрушки, прыг-прыг с ветки на ветку, неожиданно блестящие.

Вороны — ряды черных.

Труба — бокал на стойке, гирлянды лягушек, вода на лугах — как голубые цветы.

Сегодня — день Моления о младенце, 30 августа. И хватит тире.

Эстонки на Пюха-озере, на закате, рвут репей; едят, важно.

Ель, как море.

Посреди Пюха остров. А посреди острова валун, на нем площадка и костер. На костер кладут быка, поющего.

Так вот, Тервист, бык, поет, ударяя сильным хоботом с головкой плода. Его берут и ведут за шторы и надевают шубу из глины, скрепляя обручами. Бык запоет, как резанный, но его улягут на бок, и он долго будет на угольях, живых. Он не сдохнет, пока его не съедят жареным. А его едят, разбивая молотками горящую глину.

Если жена волнуется — глянь, зашумит, — отойди на шаг, а в гневе — беги головой вниз. Но жена бездетна. И если она священнодействует, едя печеное бычье мясо, лижет бычью кровь с губ у подруг, черпает ложкой лимфу и жир из туши, при этом возносая Моление о младенце, — я не советую быть быком; склонись.

Они жгут одежды, и голые ноги у них — как для обхвата ногами коня. Они мажутся бычьим ачем и вином, без жриц, наизусть. Они гасят мясом огонь и плывут к берегу. И всходит над ними круг света. И, прижавшись от луны к земле, они ползут по полю, свежевспаханному. Это Он

им пашет целину в тот день, глиняную, будто делает модель новой Земли. И ползут, молодо-старые, двояково-выпукло-вогнутые. Уж тьма, и белых тел на пашне — как лемехов! За озером Голос:

— Жених сожжен?

С поля ответ:

— Сожжен!

Голос:

— Нужен муж?

В ответ:

— Нужен муж!

Голос:

— А муж кто — бык?

И с поля, тысячами?

— БЫК!

За озером, голос:

— А Младенец?

Поле:

— МЛАДЕНЕЦ, МЛАДЕНЕЦ, МЛАДЕНЕЦ!

Голос:

— Чей Младенец?

— МОЙ!

— МОЙ!

— МОЙ!

.....

А поле — это глиняные книги, раскрытые Им, толстые листы. Это Он ходит по ночам, как лемех, на одной ноге и отточенной.

И я — будто б инопланетянин, а вижу не живых людей, а суффиксы, прилагательные и сказуемые.

ЖИЗНЬ ДНЯ

Выходит иголка из воды, и это солнце.

Вода схлынула, наверху — ребенок богов, розовый и от пуза пламя.

Полдень не жжет, разноцветные юноши, и девушки, а к 2 часам от живого жар. Юность солнца.

В 4 часа пополудни — зрелость. Муж зрелый с мириадами детенышей в видах и подвидах, в Линнеях, в китах и микро. Уход.

К вечеру седеет, к 8 склоняется, а к 9 разгорается. Агония. От 9 до 10 яркое до встреч с жизнью, с цветом; и последнее дело света — эманация.

Я возьму лодку, опущу в воду, сяду и зажгу. Я сожгу себя и погребу в земляную гору. От огня — окна потеют.

Сивый конь и бело-гусь, и корова — стоят на огне, они лучезарны. Потому что иду я к ним, на левом локотке — в корзине грибы, сахарные столбики в крашенных шляпах.

Как будто б я несу корзинку Истории, в войсках, казаки, наполеоновская гвардия, польские уланы, да и художников немало грибообразных — и голландцы, большие и малые, широкошляпные; и белоголовые кубисты. Художники и армии — все у меня перемешано и друг другу сходно. И солнце, оно тоже головка на ноге, если нога эта — Я.

По холмам живут жуки, кожаные. От мухи оса летит ввысь, выделяя от ужаса пламя. Конь — это Некто, ноздри похожи на женские глаза. Звени, звени, цепь, а на ней голова псиная, чиркает мордой о мир, о друг мой Уолт, пес из будки у фр. Розы.

И нет египта, куда б зайти, по пути.

Летящая сорока — это Ламарк с одной ногой, летит, и числа на крыльях написаны белым, от 1 до 10 — справа и от 11 до 20 — слева. А у меня нога болтается, в колене, когда лечу.

Шоссе блеснуло.

ВОЛК

Черт угораздил родиться в этой империи, — не я первый кричу. Скоро рожусь в другой. А в этой будут рождаться не я.

Здесь есть-таки несколько сцен, где что-то да блеснет, волк, к примеру. Шоссе пустое. Солнце село куском в муть. А впереди — волк. Не выведенный для ландшафта; старый. Голова твердо-круглая, губы длинные, трубкой, с отворотами. Стоит поперек дороги. Брать или не брать (камень!), пока я соображал, я подошел к нему. Волк, не спящий! Никогда их тут нет, откуда он, из Чудского оз.? Я стою, он стоит. Не смотрим друг на друга. Ну, я пошел. Иду, оглянулся. Он следом, нормально, как волк. Так мы шли с час. Он хоть волк на дороге, а у меня и того нет.

Обеды для одиноких птичек. Когда жить грустно, то жить грустно.

ДЕЛА МОИ

Дрова рубят, к осени.

Ямщик, не гони лошадей, нельзя писать книги и книги. А что лъзя?

Гони, гони. Кнут закинут!

Чтоб писать, я готовлю тело — мою.

Угнетающая жара в комнате.

Угнетающая!

Что будет от осени? — тябрь, тябрь и ябрь! и мировой агон.

Эти юнодевы лежат, как жерди с мясом и как бревна, я не лесоруб.

Видел косулю, нашему зверинцу прибыло, маму и 2-х косулят, идут ко мне. Все звери, увидев меня, встают.

Что я видел сегодня? — черненькую мышку. Их много убивают ногами, через дорогу, ведь везде полки толп идут.

И что я внезапно так отупел, не могу сесть за машинку, а дожди в окна льют, льют. Не так уж и внезапно.

В каубамае купил 5 м резинки, белая.

Читаю книгу Серг. Волконского о музыке. Вспомнил об Андр. Волконском — чуден органист и директор Мадригала, ныне в ФРГ. Как-то он отрастил пшеничные усы, а я выпил у него весь утренний бальзам. Я-то набальзамировался, а он кофе дул. Как он рыдал, ненабальзамированный по моей вине... Но о живых не пишу.

В каубамае есть 20-кратные подзорные трубы! Куплю, куплю, если останутся деньги. Но чудес нет! Есть! Да, но не с деньгами.

Плохо иметь мало денег — трубу не купить. Сел б я на сук, навел трубу на Него, что Он там темнит и льет, пусть возьмет меня назад, я становлюсь все капризней. А трубы расхватали, чтоб в окна смотреть — кто в ночи во что обнажается.

У Л. Ю. Брик висела квадратная работа Д. Бурлюка, на деревяшке, масло голубое — морда В. Маяковского, молодой, растрепаны волосы, и нет горла — голая нога вместо шеи, масла, противно.

Приятно.

Желтые лилии (вспомнил!) не люблю. А водяные — о, да, Я читал, что есть плод в 400 000 раз слаще сахара! ЧТО Ж ЭТО? И так вдоволь сахаристости.

А мыть меня некому, хожу и кожу меняю, одну на другую. Эх, дела мои, дела, людоедские!

ЗАВОСПОМИНАЛИСЬ

В 10 часов вечера солнце на стол! Ярко.

О лето, лето, солнцестояние!

Кот съел рыбу, вчерашнюю, ничего, я купил сегодняшнюю.

Жизнь, как жидкость, брызжет под руками!

Насекомоядное! То, что вижу, я увижу, то, что слышу, я услышу. Бегу по солнцу км к закату.

Озеро. Громыкнуло в воду.

Освещенный куб воздуха, и в нем носится, носится мошка, как белая звездочка. Сколько у нее штепселей и выключателей в кабинете?

В ночи теплеет, ветер мягкий.

Отчего лежу вдоль и поперек дома? Я живу, как

безударный слог.

Лекгий шаг (шаги!) к смерти — еще вопрос. На пути к ней множества чудес. Ветр — это порох. Ноги — горящий грех. Нравоучители — это ответ. Ответ нужен механизму, рыбы меняют религии, как цветы.

Кружки падают. Дождь? С голубого?

Цветы дичают, как кошки, садовые, на лугах.

Солнце, ночь, вода со всех концов.

Авангард — это всегда старинно. В 20 в. в разных странах было 74.653 Великих революций. Роялизм на этом фоне — подвиг, гражданское мужество. Я знаю двух таких героев, и старший — о Дали, Дали! Я не верю, что у всех л. на земле разный почерк. Один! А у второго цариста другой. Если так часты смерти героев в 37 и 54, это что-то связано с анатомией, с особым строением тела у посланцев. Дали жил меньше Пикассо, но чище, в неокоролевстве! Пахнет цветами. Завоспоминались. До яблок, до яблок!

ПУТЬ

Дождь, лиет, по дождю идут ноги гения, раскрутка сердца, это видения внутри ветра. Вот и июль прошел (в книге), а наяву он лиет. Пью теин. Некому за меня жить-быть. Жесткий путь дорог. Понятие пути как нелогичности. Если начинаешь чувствовать, сойди; не годен. Керамические ступни могут разбиться. Следи, чтоб не пить, а ждать okazji. Он сам напоит твою шкуру. Но на язык воду не бери.

Радиоактивная вода — что чище? Кости растут красиво.

А при солнечном свете иди, солнце сядет — ляжешь в стол; отдохнешь от дрожи. Волк не съест, волка хвалю я, он — страх.

Идти в лунную ночь. Когда луна вертится, одно белое. Я ее вижу, антракт. Пойду по луну. Пойду в луне. Луна — освежающий напиток. Ходьба — не путь между тем. Но и что? Не по душе мне идущие. Что-то в них от тех, кто имитирует двигатель, сам стоя. Под ушедших работают.

Петр I заплетал волосы в косицу, как царь. Пройдет и лето; и это лето. И август пройдет, как пороховая бочка. Что-то произойдет, не здесь. Закат — королевский ликер. Кто дал жетон жизни, я спрашиваю?

Как бы написать об улитках под пустым небом? Это млн. граммофонов, ретро- и искусств вопиют о старинном.

Проходят реки, и ничтожны электрические переключатели. Запах коз и коров я рисую. Я рисую сталелитейные уши у себя. Будто важен день записи;

история — антиквариат столетий, не дни в ней. Рубят себе сук головы.

Кружится детство, козлосорие.

Пол вымыт, ковры вытряхнуты, травы собраны. Чисто. Точка.

ЭПИЛОГ

В 12 лет я выпил рюмки веселья, до дна. Алк. отравление, рвота, ломота и т. д., икота. Отец сказал бабушке:

— Скажи ему.

Бабушка сказала:

— Видно, возраст сейчас другой у него. Пей с живыми, залейся, но не пей с мертвыми.

Я не понял.

— Как можно с мертвыми? — я не понимаю.

— Еще как можно, — сказала бабушка. — В основном-то с мертвыми ведь и пьют. Не пей, ты. Выпьешь рюмку — пройдет сто лет. Выпьешь вторую — пройдет еще сто. Выпьешь третью — и еще. Выйдешь на улицу, а уж триста лет — нет. Никто не узнает, не то время.

Я думал — пугают; ребенка.

Прошло 37 лет, после тех двенадцати.

Мне 49. Я уже 5 лет не пью с живыми, не пью ни с кем, не пью ничего винного. Отец мой в последние 5 лет пил, и только с мертвыми; и прошло ему 500 лет, он пал, осунулся, одни зубы, каковые имел — чистил солью! Но он забыл мир вокруг, его невзлюбили, и он ушел к своим. К тем, с кем он воевал в беспрерывных атаках, в белых рубахах. И бабушка моя Юлия Иоганновна ушла к своим, к тем, тевтонам. Но она не пила и ушла в трезвой памяти, рано утром, молодой.

Отец ушел в 51, бабушка в 61.

Я запомнил; советы.

Уходят други-круги.

Ушла моя жена М., в 40 лет. Она много пила с мертвыми, она уж и не узнавала этого света. Я и этих, и это запомнил.

И я перестал пить, начисто.

Два года я ходил слепым и на век оглох.

Но не пью.

Не пью я вино, но тянет выпить с мертвыми. Вот допишу я книгу о мертвых и выпью с каждым по рюмке, и пройдет млн. лет, и ничего уж не будет. А буду я сидеть у окна и пить рюмку за рюмкой, пока не уйду к своим, в этой книге мною перечисленным.

АЛЕКСЕЙ СОФРОНОВ

ТРУС

— Слушай, Алеха... —
сказал мне старый друг. —
У меня был странный случай...
Тушино. Вечер.
Я возвращался домой.
На разбитой дороге
стоял столб с фонарем,
который еле-еле светил.
В канаве валялся старый, рваный шланг,
донельзя напоминавший лопнувшую черную пивяку.
Я брезгливо прошел мимо,
а в душе заохлодило...
А вдруг бросится на меня?
Нервы мои напряглись,
выступила испарина...
Прошел несколько метров,
оглянулся...
Черная масса ше-ве-ли-лась!
Волосы встали дыбом,
я застыл неподвижно...
...Вглядевшись получше —
это был все-таки старый шланг,
и его шевелил ветер, —
я сплюнул и зашагал дальше.
Но праздничного настроения уже не было.
Перед глазами стоял образ старой пивяки.
И она хохотала:
"Трус!"
...Мой друг затянулся табачным дымом.

НАТАЛЬЯ СТЕГНИЙ

* * *

Любовь мертвеца —
это синяя ласка отросших ногтей,
дотлевшее тело,
одуловатый соблазн,
запах паха
и шепот:
"Открой, открой свою дверцу".

* * *

Голубое молоко
каплет с еловых ветвей,
ползет по лесу,
стекает
по лугу пологому
в самое логово
слепых волчат.

СУМЕРКИ

Темный ветер тяжело наползает на свежие травы,
трогает, пока только трогает теплые стволы лип,
медленно течет по жилам,
неумолимо приближаясь
к последнему синему пятну.
С кровавой звезды
оппадают черные ягоды,
бесшумно скользят по опустевшим проспектам,
тормозят в подворотнях,
заглядывают в непроницаемые лица домов,
в чреватое их молчание,
высматривая,
пока только высматривая
ночное предчувствие.

В. С Т Е П А Н О В

* * *

От гремело
От грохало
От топало
От хлопало
И ушло к своим подушкам
Все то что
Гремело
Грохало
Топало
Хлопало

* * *

Я проснулся утром
и ужаснулся...
С кем же я лежу?
Ба, да это же я!
И мне стало не по себе...

ТАМАРА СТРАХОВА

Сорвавшийся крик
опустился на ветку дерева.
Дерево отрянуло листву,
и крик растворился в воздухе.
Человек обернулся.
Застыла в полете птица.
Неужели они узнали друг друга?

* * *

Миг прозрения,
а не уподобен ли ты
городу, опустошенному войной?
Чем занять руки,
привыкшие тянуться к небу?
В зеркале вчерашних афиш
отражается чья-то улыбка.

* * *

Ружье, отталкивая пулю,
думает, что оно освободилось от тяжести
и ответственности за нее.
Река, отражая звезды,
становится источником света.
Человек, отталкивая человека,
отражает пустоту и одиночество.

СЕРГЕЙ СТРОКАНЬ

ВРЕМЕНА ГОДА

В весенней толпе
видней молодые женщины
погасшие старики
заметней в холодном бесснежье

ХУДОЖНИК

После богатой осенней палитры
художник
всю зиму живет впроголодь —
на черном и белом цветах.
Весной
голубой подснежник
спасает его от цинги.

НЕНАВИСТЬ

Рука, сжимающая шпатель, —
в твердых мозолях,
в жирном мазуте,
в татуировке;
ее не разжать —
на указательном пальце
почернел вросший ноготь —
вражда.

ВЫСОКОГОРНОЕ ПЛАТО

Какого цвета
работа, смерть и снова — работа;
какого цвета
кора — сосновая, земная
и та, которою обрастают руки?
За соснами в поле
голый человек
сливается с почвой:
коричневый человек
коричневая земля.

АРСЕНТИЙ СТРУК

* * *

Самое прекрасное в мире —
Дороги:
от лесных тропинок
до магистральных шоссе.
У любой из них
есть лишь начало,
но нет конца.
Они ведут только к цели —
из любого тупика.

ПАРАДОКС

Вожу с собой все забытое,
Бросаю все дорогое,
Прощаюсь с самыми близкими.

Жду откровенья от незнакомых,
Надеюсь на пониманье чуждых,
Ищу уваженья врагов.

Таскаю с собой безделушки,
Чей срок на земле быстротечен,
А море с бессмертным ритмом
Накатывает на скалы,
Помнящие корабли Одиссея.

ПРОСЬБА

Мэтр!
Не надо — речей о мертвых...
Вы молчали, когда они были живы.
Теперь — молчите о нас.
Когда же горе, или геройство,
Или многолетняя преданность цели
Сделают флагом и наше имя,
Вы, возможно, заявите: "Я в них верил".
И это будет обычной ложью.

Валентину Устинову

Августовская ночь.
Мириады небесных мерцаний,
Плеск реки в шуме листьев.
Тлеет уют костра.
Силуэт палатки.
Две черепахи в клетчатых панцирях,
Затаясь у входа,
Ведут длинную беседу
Со звездами.

Костер —
Человек —
Собака.
Вечная триада,
С которой началось все.
Ни станут ли ей угрожать
Звезды?

АЛЛЕЯ НА СКЛОНЕ

Меня преследуют воспоминанья,
Неотвязные, как долгий октябрьский дождик,
Пасмурные, как далекий берег Оки, Неизбывные, как
желтизна кленовых листьев
В Троицком парке Калуги.

...Мореходка... гюйс за плечами.
Траулер... чайки над Шикотаном.
И, — словно смена кадров, —
Канделябры каштанов
На весенних склонах Днепра...
Голос женщин, оставленных в прошлом.
Куба... золотые мячи апельсинов...
Лед коктейлей... стрельба по ночам.
Красная пыль автострад.
Многоцветье трепетных орхидей...

О время, как ты мудро,
Нас обрекая на память.

А Ока, — тихая, словно женщина,
Которая, полюбив, затихает, —
Несет свои воды в сумрак ночной,

К дальним пределам, туда,
Где волной отразится полузабытый облик
Тех, кто, быть может, вспомнит
Мою улыбку.

* * *

Среди свежести тростниковых плантаций,
Оранжевых рощ манго,
Красных аллей фламбоянов,
Среди белоцветных кактусовых изгородей,
Зеленого буйства прибрежного мангра,
Колоннад кокосовых пальм,
Под небом, у которого три цвета:
Черный — ночью,
Синий — днем,
Серый — во время тропических ливней, —

Я думаю о тебе,
Далекий калужский луг,
Где ромашки — величиной с подсолнух,
А над ними поет вдохновенно жаворонок.
Там — калейдоскоп бабочек,
И солнце над полем гречишным...

НИНА СТРУЧКОВА

БЫВШАЯ ДВОРЯНСКАЯ

В центре города,
На бывшей Дворянской,
А ныне Советской,
Художники предлагают свои работы.
Перед картиной,
Изображающей крестьянский двор,
Дружно хохочет семья,
Приехавшая в город за покупками:
"Посмотрите, корова — сидит!
Разве может корова сидеть?!"
И действительно,
Это очень смешно и нелепо:
Художник — не знает
Законов соцреализма.

АНДРЕЙ СУЗДАЛЬЦЕВ

ЕДИНОРОГ

"Зверь, вырвавшийся из преданья..."
(Р. М. Рильке, "Единорог")

1

Ты, проходящий по краю зеркал Новой Жизни
почти неотличимый от лунных их арабесков
 выбегающих в ночные пространства окон
больше ртутной дорожкой
чем внятным и дробным галопом
ты путешествующий
 вдоль иззубренного края роговицы
влекомый
 тебе одному ведомой силой
спрятанный в изгибе паруса попирающего
 Пространство полное ржавых костей
и молочных призраков с красными бородами
вдающимися в горизонт
 Ты — полнолунный
 с глазами
 плачущей
 девы
счастливыми глазами полными радостной скорби
похожий
 на перевернутую
 осу Бытия
пронзивший мое сердце столь легко
Так латы — розы пронзает запах
или раковину — муравей с нитью
еще со времен Дедала
и от этого
 она начинает стонать громче
(источая какой-то
 ломкий
 божественный запах)
чем похожий на розу
 самый прекрасный рот
в то время
 как пернатый силуэт вознесшийся в небо
не возвращается больше
 никогда
Ты — зачинатель новой музыки
сложная вибрация струны —

от кончика готического бивня до кончика трепещущего
хвоста
белая клавиша
акустический нарост струны
Ты сам вдаешься в Пространство
в конце-концов образуя лишь точку
— семь сжатых в точку поющих сфер
в центре которых —
Дева

2

На пустынном бреге
я повстречал тебя повстречал
о нежный зверь с грозным взглядом
на пустынном бреге
утонувшем в глазах
не оставляя уже ничего кроме
пустых неутоленных
объятий
исполненных горечи
похожих на лебединую стаю у самого берега
Уже колокол разносится над
песком
уже колокол
в час рассветный
в час утренних молитв
колеблющейся зелени
сомкнутых розовых век
в утопающий час
час следов утонувших в песке
час Любви погрузившейся в
тело дрожа парусами
час удержанного стога час
когда ветки особенно горько стоят
в бокале
всем отраженьем
и колокол бьет: дух душа тело
Бо-н-н-н
тело
Когда Дух — это не ты, ибо он — Любовь
Когда душа — это не ты, ибо она — страх
Когда тело — это не ты, ибо оно — смерть
Я искал себя на пустом побережье
среди отпечатков смерти
и не находил себя
в смертельно лиловый час
хрустящих под ногой известковых створок
только твой перламутровый бивень

пронзал мою грудь
среди других птиц
розового тумана
колокольных всплесков
пронзал мои руки вытянутые вдогонку милосердной Деве
Ибо такое объятие — страшно
ибо кто его выдержит кто?
с сердцем, пронзенным жалом
под плачущим грозным взглядом
ласкового зверя
кто?

3

Н. П.

Дева дождь Дождь косящий Древо Рыцарь Дракон
Чистота переходит в огонь
грация переходит в жало
в блаженном неведении
в блаженном непреодолимом неведении
ибо здесь умолкают все силы на свете...
лишь
ожог Невинности
удлиняет Рай до острой
и длящейся Смерти
Невинности не способной узнать себя в зеркале
никогда
в блаженном неведении
никогда на поляне забрызганной
розовым дождем
Облачко пара из уст — блуждающая роза огня
вызывающая к жизни из ничего
бивень зверя
чтобы вспорхнуть на него
Так бабочка вызывает на свет
очарованное заснувшее дерево (о из каких глубин?)
о не обронив ни
росинки ни капли
из ничего из воздуха из тумана из-за
полусмытой декорации —
чтобы сесть на край ветви
подставленной как ладонь
опуститься палящим и нежным грузом
Ведающая дева — мертва
для зверя древа и бабочки
и только дождь в хаосе

отмирающих словно ветви объятий
а блаженство снова и снова
было сломанным
Эротом
под старым серым зонтом
в блаженном неведении
перешедшим в смерть
И если Рыцарь примчавшийся к Деве на помощь
исчезнет
да если всадник исчезнет
напуганный дальним криком Кукушки
или красной маской Короля
которым противиться
не-воз-мож-но
которым противиться
не-вы-но-си-мо
и лишь умереть сладко
качнувшись белым плюмажем
ставши ворохом перьев
бельем на мокрой веревке
ибо все случается так а не
иначе
ибо иначе случиться не может
не может не может
не может
пока осыпаются лепестки
а дева становится цаплей
полной соблазна
ибо если исчезает Рыцарь
а Дракон остается —
вот тут-то и возникает
хрустальный призрак
невидимое яйцо в невидимом
лунном яйце —
образ выше чем форма белое на белом взгляд без лица
Вот тут-то и возникает Зверь
с кротким и страшным взглядом
Зверь что сам есть Пронзенность
с жалом гвоздя
вышедшим между
яростных глаз
наружу
с той стороны Креста
о с той стороны
с той
где

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

РАССМАТРИВАЯ КАРТУ ЗЕМЛИ...

Из Китая берет начало мутная река Или,
Она протекает Тянь-Шань и входит в Балхаш.
Илим — приток Ангары.
Из Германии в желтый Дунай несет воду Иллер.
Подпирает тяжелую Миссисипи — Иллинойс.
В Австрии — река Илль.
По донецким степям — Иловля.
У Печоры — Ильмень, Илыч.
На Аляске — Ил.
Во Франции — две реки Иль.

Текут реки по разным землям, одни поят пески,
другие — виноградники, одни заросли камышами, другие
таскают пароходы. Разные песни поют плотогоны и
капитаны, но всем этим рекам дано одно имя — Иль.

Древнее забытое имя Земли.
Иллиада — не от этого ли корня?

Иль-хан — титул удельных монгольских князей,
правивших Закавказьем, Персией и Месопотамией. Иль-
хан — земельный хан.

Ил — осадок на дне рек и морей.
Лёс — желтый продукт половодья.
Ли — китайская мера дорог.
Лье — французская мера дорог.
Миля — похоже?
Есть башкирское имя — Иль.
Волгу называли — Итиль.

Защитника русской земли народ назвал — Ильей. Ильин
день — день первого снопа и первых десяти паров —
наступает в июле.

А слово — поле (по-Иль-е?) А слово — глина?
По казахски ель — земля.
А в самом слове — Земля, разве не слышится
корень — иль?!

Реки мутные от глины несут на поля из глубоких
веков загадочный корень — Иль.

Реки древнее нас, но они названы нами.

Я не помню ни одной реки, носящей имя великого
человека.

Реки знают, что все течет: сегодня он велик, завтра
нет.

Реки названы с большим вкусом. Звучит над землей жестокая формула "Или — или". Древнее слово "Земля" приобрело два значения. Но одно из них мне неизвестно. Я убежден, если реки смогли сквозь тысячелетия донести до нас подлинный смысл слова, он и останется.

МАРГАРИТА СЫРОВА

* * *

Зачем нужна бесполезная борьба?
И зачем ежечасно взрывать поле,
Которое никогда не дает всходов.
Оно мертво.
Так зачем же над ними биться.
Это не жертва и не любовь,
Это — безумие.

ТАТЬЯНА СЫРЫЩЕВА

* * *

Жажда творчества. Но не могу не думать о бомбах,
накопленных на земном шаре.

Мое "Шествие" (рисунки: люди, проходящие по
улице) — жизнь. Умрет старик, что гуляет с белой собакой
(рисовала их сегодня) — улица не оскудеет. Вырастут дети,
родят других детей, состарятся...

Да не покончит с собой человечество! — вот мольба,
звучащая в тайниках современной души.

* * *

Краски улицы. Блестят мокрые крыши. Золотой край
неба столкнулся с тучей иссиня-сизой. Брызнул еще один
дождь. Прошла женщина в темно-красном, держа в левой
руке розовый зонт, правой толкая лимонно-желтую коляску
со спящим внутри будущим.

А Т У Р Т А М Р А З О В

ШИВА ВЫПИЛ ВЕСЬ ЯД?

*"Смерть — это женщина,
полюбившая нас на всю жизнь.
Ответим ей тем же!"*

(Народная мудрость)

Я долго искал слово,
Несущее правду усталому сердцу,
Я нашел его, это слово — смерть.
Смерть как избавление от сладости тайны,
Миг бесконечной свободы; бог — неврастеник,
Дети Луны, оскопленные Светом, Белого Карлика
Шепот в искрах гнилого дождя — это я,
Формула счастья — огонь, колесница, улыбка;
Маска Джоконды, кометой взорвавшая холст,
Танец последний — огонь, колесница, улыбка.

Дети Луны, очарованные смертью...

А Н Д Р Е Й Т А Н Ц Ы Р Е В

* * *

это была дорога
 это была дорога
дорогая! это была дорога!
дорога?
дорога...
из города
в город
из лагеря в лагерь
из постели в постель
из журнала в журнал
из колыбели в могилу
это была
дорога

* * *

Поймали
свезли в участок
читаю сержанту Басё

* * *

Ты в раковине
моешь овощи
светло вокруг

* * *

я трезв как ветер в школе Аристотеля

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ГРАД НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

Бьют часы на башне,
Подымается ветер,
Прохожие — в парадные,
Хлопают двери,
По тротуару бегут босоножки,
Дождь за ними гонится,
Бьется сердце,
Мешает платье,
И розы намокли.

Град
расшибается вдребезги
над самой липой.

Все же
Понемногу отворяются окна,
В серебряной чешуе мостовые,
Дети грызут ледяные орехи.

АНАТОЛИЙ ТЕПЛЯШИН

* * *

Дороги не лгут.
Они нас приводят
к лесу, реке или солнцу.
Можно заблудиться в лесу,
утонуть в реке,
сгореть на солнце,
но — дороги не лгут.

А П Л А Т Е Р - А К О П Я Н

* * *

Когда дашь имя
коро́ве, козе, поросенку,
трудней их, наверно, зарезать:
безымянное мясо спокойнее.

* * *

Как ты хорош
в промежутках между предательствами!

* * *

И он отправил ее
в круиз вокруг пальца.

ТАТЬЯНА ТЕРЕБИНОВА

* * *

Небесную тропинку
знает солнце,

самую краткую до земли —
дождь,
самую извилистую —
мышь.

Дорога сомнений брошена
человеку...
Время не оглядывается никогда.
И годы, и месяцы уложатся
в мгновение действия Вечности.
Соль выступит
на камнях...

...Дорога страсти —
из сплава улыбки и боли
дорога в пылающий сад,
что расцвел на дне
пропасти, где пространства
размыкают свои границы,
и смысл уходит
в бесконечность.
И душа воплощается
в огонь.

ПО КАРТИНЕ ИЕРОНИМА БОСХА “САД НАСЛАЖДЕНИЙ”

Небо еще
не ранено зарей.
Но скалы,
предчувствуя иную судьбу,
вершинами рвутся
ввысь.
Спит берег,
уперев подбородок
в песок.
Моллюскотелый фонтан
застыл на мгновенье
живой пирамидой.
Зверей и птиц
заворожила
свирель.
Единорог ловит
в последний раз
свое отражение
в воде.

В зеленом саду
Задумчивый Создатель
отпускает на скорбь
звезду Адама
и Евы.

С Е Р Г Е Й Т Е С Л О

* * *

Маленький мальчик
я растерянно плакал
над горстью теплых веснушек

* * *

Кто-то всю ночь
стучал по крыше
Дорога в детских рисунках

* * *

Заманил ладошки на чашечку кофе

* * *

Смерть
перед лицом травы
уравнила меня
с дождем

* * *

Сегодня впервые
на зов моих рук
ты ответила криком чайки

* * *

Вечерами
снится
дождю
комната
за окном которой
я самый случайный прохожий

* * *

Еще
одно
ожидание
свило гнездо в моей памяти

Скоро я стану
кладбищем птиц

ЧИТАЮ

у ручья растений
легенду мертвых губ

СЛЫШУ

в шелесте волн
тайные мысли рыб

ИЩУ

в пене ночного прибоя
последний осколок янтарного замка

* * *

Море — приют пересохших глаз

* * *

А может узоры на наших ладонях —
память о бывших крыльях?

ЭСТОНИЯ

Поляны пьяные одуванчиками
сирени поющие серое небо
и море уравновешенное запахом пчел

* * *

Там где сад осыпается посмертными масками птичьих песен
там озябшее яблоко держит две половинки земли

* * *

И проклюнутся слезы от осеннего запаха дыма
и каждому
кого хотя бы однажды трогал за плечо желтый лист
не будет иной дороги
и не хватит ему места в этой обители
и собьются с ног на земле
в поисках дорогого человека
но самое большее что смогут найти
это карту пути которым ушел он
и назовут эту карту
Книгой.

Ю Р И Й Т У Р О В

* * *

я сложил на песок и спал и жили
отлив и волна песок
там была еще луна
и еще миллион звезд
а в диаметральном синем еще песок
и еще я

я пришел
я пришел к тебе мое
благословенное море
здесь я один нет
здесь меня миллион

лодка парус и встречный
и его колыбельня я спал

приходили дети и сладко дышали в глаза

* * *

ты — и над тобою облачные валы и
крылья
ты — глубокое небо песен и листьев этой
страны
хриплые пьяницы говорят на твоём
языке
и человеческий дым уходит в объемную
песню

плавал на солнце по линиям долго и
здесь
ты теперь и стоишь посреди желтой
земли
белая колокольня пыль и
свет
глубокое небо песен и тусклый
камень

* * *

жирные листья
шоссе
под дождем

уходящим
по железному мосту

сад отряхивает перья

сегодня утром повесился Дон Кихот
слышишь стучат в небеса полицейские ночи

* * *

собор крестом уткнулся в
там плывут ворота и строенья

висят колонны сквозных рук
и темнота продута
и затихают деревья
и кирпичи звенят

В Л А Д И М И Р Т У Ч К О В

* * *

Это ключ.
На нем желобок
для стек-ания крови.
Его надо в дверь
воткнуть и потом
повернуть по стрелке,
стремящейся в завтра,
которого нет,
будто ты бежишь
по эскалатору против хода
мыслей и чувств,
чей
отработанный ветер
пахнет гашеной известью.
Это свет.
Просто ты забыл, что его снесло,
будто полынью.
И ты бьешься лицом в черный лед бельма.
Задыхаясь.
Каждый день, входя,
ты забил собой
дом, как муравейник.
И ты в-ты-каешь ключ
в свой замок, насквозь,
и он входит в печень.
И еще чуть-чуть —
повернуть два раза.

ЛЕСЯ ТЫШКОВСКАЯ

* * *

Так засмотреться на воздух,
что не заметить дождя, а лишь услышать.
И долго думать о его предназначеньи.
И запрокинутым лбом
наконец понять его мысли.
И долго не понимать ничего другого.

Так засмотреться на чье-то счастье,
что не заметить своего,
пока оно не станет зыбким,
прельстившись участью лужи,
и чья-то подошва не наступит
и не поколеблет его поверхности,
и, возмутив на миг,
после застанет уже успокоенной
или высохшей.

* * *

Я вижу свою голову там —
внизу, среди других.
Вот она обернулась
на шепот ребенка —
на кощунственный шум в этом храме
(она успеваает об этом подумать).
А вот запрокидывается,
полуобморочная,
полая,
на стебельке.
Одуванчик, где твоя прежняя плоть?
А если осыпешься?
Душа, где твое воплощенье?

ПРЕДЕЛ

Я на забытом кладбище иллюзий.
Кресты чужих разочарований
чаруют и притягивают,
толкают к распятию.

Я останавливаюсь только для того,

чтоб выбрать самый ветхий и кривой.
Он должен быть единственным,
как умиранье.

Я здесь, чтобы забыть себя.
А забываю, зачем я здесь.
И долго останавливаюсь, уже пройдя *сквозь*.

ОСТАТЬСЯ

В песке и в ветре
передо мной будущее.
Я обманусь его красотой,
заметив только солнце и море.
Я распахнусь волнам
и, захлебнувшись,
не смогу больше плыть.
Я брошусь на землю,
но, засыпанная песком, застыну.
Песок и ветер
будут преследовать меня
в этой стране,
и жажда, и желание вернуться
из безвозвратности в безветрие.
А ветер
все дальше будет
относить меня от дома.
А песок
все больше —
засыпать глаза забвением.

В И Т А Т Э

Меня деревья научили молчать
небо — помнить
ветер — дышать

А прошлогодние листья —
прощаться легко и без грусти
и тому как ушедшим не сниться

АРКАДИЙ ТЮРИН

* * *

Клумбы, дорожки
Образовали узор в памяти:
Вечером вспомню — детство
Прошло на даче...

...Если мир открывать
Снаружи,
Словно Колумб Америку,
Спрыгнуть на берег
В сапогах, изъеденных солью,
Пальнуть из мушкета в солнце —
Наделать приключений из чужой жизни —

Все заново!
Или стать сиротой,
Жить в Москве у двоюродных
Родственников, ночью
Решать уравнения,
Запершись в ванной
С двумя неизвестными,
Потом носить портфель и любить пиво —

Даже сказать
Той женщине, что
Знаю о ней
Все, —
Все опрокинется, как
Тарелка с вишнями, —
Смех по всему полу,
Кровь на ковре...
Улететь,
Вернуться,
Не возвращаться
Или не улетать —
Все равно
Вечером вспомню:
Детство
Прошло
На даче

* * *

Солнце вставало
Сгореть,
Луны всплывали,
И луны тонули,
Костры умирали согреть.
Звери охотились жить,
Птицы жили летать.
Люди, уставшие знать,
Ждали, желая забыть:
Семь тысяч лет
Удивлялись найти,
Семь тысяч лет
Не нашли
Удивляться.

* * *

Не все помнят себя в нечетном мире:
Там мы были
Деревья и бродили, ища справедливости,
Из века в век...
Недаром растения, которые старше
Людей и домов, так судорожно цепляются
За землю, извиваясь корнями.
А вы
Видели лезвия бабочек возле шеи цветка?
Еще немного, и его голова упадет
Прямо в пространство: нет ничего страшнее
Полета, вот и ценятся тяжелые металлы,
Накрепко притягивающие к земле;
Оттого и жизнь легка, пока не дорожишь ею.

* * *

Запущен
Сад жизни;
Глаза мои
Заросли окнами,
Окна заросли
Стеклами,
Стекла заросли
Небом,
Небо заросло
Звездами.

Звезды заросли светом,
Но свет зарос тьмой.
Запущен сад жизни:
В нем не было бы видно
Ничего,
Если бы тьма
Не заросла
Глазами.

* * *

Смотрел на залив,
Завидовал
Легкой смерти волн.

* * *

Был ей другом.
Ушла
Искать хозяина.

* * *

Из детства — ощущение
✓ Пропущенного урока:
Вышел утром — уже осень.

* * *

Отзвук имени:
✓ Дом разрушен,
А дверь все скрипит.

* * *

✓ Когда идут в горы за красотой,
Ищут в чужой стране то,
Что утрачено в собственной душе.

* * *

Все отражает, не унося,
Река. А время
Все уносит, ничего не отразив.

* * *

При облаках — западный ветер,
Восточный — когда мудрец на горе
Думает о другом.

* * *

Этот художник — сумасшедший.
Да, среди гениев попадают
Незаурядные люди.

* * *

Если разучился плакать,
Дождись
Дождей.

* * *

Не судороги на воде от ветра,
И волк воет не от тоски,
И камень луной не согреет.

* * *

Тончайший инструмент — лопата —
Вскопать огород,
Вырыть окоп и могилу.

* * *

Знакомый, зайди.
Притель, останься.
Друг, не пора ли уходить?

* * *

Читал о жизни,
Читал о любви.
Лень было выйти из дома.

* * *

Меня считали мудрым и добрым:
Я умел красиво говорить
И слушать, будто равнодушен.

* * *

Писал о ветре,
Рисовал акварели слезами —
Одели в бронзу.

* * *

Сыплю секунды,
Словно песок,
Даром
Пью ваш воздух,
Пока не заметили,
Что я
Выдумал себя
сам.

* * *

Под каждым камнем
Змея сторожила
Тень птицы...

Перевернутые камни
Ничего не хранят.

* * *

Двух точек опоры довольно,
чтобы провести прямую,
перечеркивающую весь мир.

* * *

Кто научил эти звезды молчать
за миллионы лет
до человеческой речи?

* * *

Время — растение,
состоящее
из одного корня.

* * *

Дольше всего
жаль бывает
разбитого одиночества.

* * *

Немного умеренности
и умение хранить прозрачность...
Чем тут делиться,
о чем рассказывать?

* * *

Детские игры человечества
стрелянными гильзами
слов.

* * *

Безмолвие забытого:
вот и все, что воистину
было со мной.

* * *

В жизни этого дерева
я — всего лишь прохожий
с едва различимым
и бессмертным лицом.

* * *

Я еще помню мир таким,
каким его видят камни.

* * *

Вещи были словами.
Потом слова отделились от вещей.
И некоторые из них
стали символами, —
то есть, — вещами.
Так вещей стало больше,
чем нужно для истины.

ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕКЕ

Когда человек приблизил к губам
Свою флейту,
Все химеры Космоса
Бросились к престолу Творца,
И прижались к Его ногам,
Ища защиты.
Ибо музыкой человека
Были числа.

ОБРАЗ

Наедине с другими
Человек
Подобен себе,
В большой семье —
Животному в стаде,
В толпе — дереву;
В войске — траве...

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Пока истины упакованы в слова,
Вся правда мира
Умещается в одном
Слове с ложью,
И самый гениальный мистификатор
Не сумеет отколоть
Кусочек чистой,
Без примеси,
Лжи.

ТЕНЬ

Есть минуты, свободные от всего лишнего.
Из них выходят хорошие картины:
Горбы, уставшие тащить густое небо,
И чалма из "1000 и одной ночи"
Под миражом дерева;
Но гениальное — только тень падает —
Вчерашние шаги не уместились в раме.

* * *

Месяц так изогнулся,
Что два дня неполных
Осталось в неделе —
Рождество и Вознесение.
Календарь делает зарубки
На моей руке —
Вот отсюда извлекли осколок,
А эта белая линия
Пережила

Свою неглубокую память,
И никаких следов
Детства.

НЕОСТОРОЖНО...

Сны толковать
И предсказывать раны,
Мысли читать —
Неосторожно...
Знать о других
И не знать о себе,
Изнывать от предчувствий,
Лица в толпе узнавать,
Вечером шорохи
Слышать за дверью,
Неосторожно
Видеть в изломе ветвей
Странные знаки
Судьбы.

* * *

Самоубийцы, поэты
И прочие нежные,
Путешествующие
При помощи крыльев...
Я же — бревно,
Отделенное острым
От корня, едва
Тоньше других:
Не гоюсь подпирать
Устои
Моста, — значит,
Дров из меня наломают.
Это естественнее,
Чем сгореть
Ярко и самобытно...
Но пока
За этот слегка
Сутулый ствол
Может держаться
Что-нибудь живое.

ПИСЬМЕНА НА ПЕСКЕ

I

В теле Вселенной
Множество молодых
Изгибов, а лицо —
Ветхое, всего две
Мысли на нем.
Вы думаете, это
— "Да" и "Нет"?
— "Жизнь" и "Смерть"?
— "Боль" и "Наслаждение"?
Вы думаете, это
"Тьма" и "Свет"?
"Любовь" и "Ненависть"?
Вы думаете,
А на лице
Вселенной —
Только две мысли:
"Только что" и
"Сейчас",
И они превращаются
Друг в друга
Бесконечно.
Только что было
"Сейчас",
А сейчас оно
Только что было...
Помните? — Только что
У Вселенной было
Молодое лицо,
А сейчас в зеркале
Пусто...

II

Дети без родителей,
Больные без надежды, —
Сон не успевает сбываться —
Так скоро готовится возвращение.
Только в обмане жизнь, —
Так ослепительно остальное,
Что зрячие движутся ощупью.
Лишь на краю узнается мера.
Так обречены на прозрение
Дети без родителей,
Больные без надежды.

III

Тихо
Подходит, приносит, берет,
Не возвращая,
Воспоминанием не беспокоя.
Чувствуешь тела зияющий след
Между ладоней живых?
Слышишь ли волны?
Ровный песок
Меж размытых следов —
Точная мера вещей.
Между ударами волн
Тихо.

БОЛЬНИЦА

Мыл руки
Резким запахом,
Говорил металлические
Слова из зеркала.
Со стола снимали
Скорлупки
Высохших иллюзий.
Сестра милосердия —
Или просто чья-то —
Вытерла пот со лба
Белым, которым останавливают
Черную кровь.
Вышел сквозь сон,
В лифте подумал:
На улице сыро —
Какая-то неощутимая
Дрожь прошла
По ногам и спине.
Был бесцветный дождь.
С тех пор
В такую погоду
Всегда вспоминаю
Скорлупки
И эту женщину —
Чью-то сестру.

* * *

...Быть
Этого не может —
Улыбки жемчуг,
Радужный и живой,

И соль слезы,
Всегда и сегодня
Помнил, но не
Понимал, как —
Праха мой по земле
Вместе с пеплом
Твоей сигареты
Тащат на грубых
Подошвах своих
Муравьи.
Что-то — паутина
Летела? — вспыхнуло:
Головокружение планет
Унесло меня.
Только незавтра —
Так далеко — узнали
По отпечатку
Голоса: этого
Не могло
Быть.

* * *

Мир, я боюсь твои окна рассыпать —
Огонь их залижет, вода перемелет осколки,
Земля пропитается острым,
И через тысячу ливней не вспомнит никто
О том, кто смотрел сквозь черные стекла.
Мир, я боюсь твои двери настежь
Открыть — черные ветки уронят
Ко мне за порог звездные грозди,
И больше мой дом никогда не закрыть
От сквозного дыхания ночи.
Мир, я боюсь тронуть дрова в очаге —
Искры жгутом взлетят из трубы
И выжгут в дожде чуждое имя.
Мир, я боюсь легкую крышу
Твою приподнять, чтобы увидеть
В сиянии синем себя —
Спящего сидя в углу лилипута
С озерами лунной пыли в глазах.
Мир, я боюсь выйти на миг
В черноту за порогом —
Листья во тьме шелестят.
Душа растворится росой
В стоящих дыбом умерших лесах.

ОСТРОВ ЖИВЫХ

Я помнил о вас.

Уходя из далекого порта
С желтым огнем на корме,
Слушая шепот чувств,
Неразличимый в зарослях мыслей,
Так же беззвучно, одними жабрами,
Сброшенными за горизонтом,
Я говорю: "Помнил о вас".

Каждые сто тысяч лет возвращаясь,
Прежде чем выйти из тьмы, говорю:
"Все это время помнил о вас".

Каждое утро сгорая линзой росы,
Произношу про себя:
"Помнил о вас".

У дороги жестом ветвей молчаливым
Показываю и зову
Тех, кто вытоптал корни мои:
"Помнил о вас".

Из пространств, став безмолвной золой
На серебряном поле умершей планеты,
Остывшее сердце бросаю сквозь Космос —
И в нем — "Помнил...",
"Помнил о вас..."

Метеоритом мелькает во мне, обжигая,
Голос чьей-то ушедшей души,
Краткое время без сна пронзая навyleт:
"Помнил о вас".

Уезжая в ночное на лошади белой
Из полупрозрачных нервов и жил,
Я играю в оглохшую дудку,
В девять отверстий пустых выдыхая:
"Помнил о вас".

Обращаюсь к цветам,
окаменевшим на шее моей:
"Помнил о вас", — отвечаю деревьям,
Которые станут людьми после меня.
"Помнил о вас", —

Каждой волной успеваю оставить след на песке...
Но отчего-то в зеленом вагоне,
Видя, что в окнах мелькают
Прибитые к небу названья вещей,
Никому из попутчиков между двух станций
Не успеваю сказать:

"Помнил о вас",
Прежде чем поезд, ставший бесшумным и темным,
В белом тумане меня ни оставит,
Освободив от движения вновь.

“Помнил о вас”,
“Помнил”, — пузырится крик
Сквозь густое ничто:
Когда высоко надо мной проплывает
Остров живых.

* * *

Я — почетный гражданин
Собственной бедности,
Деликатный варвар городов,
Собирающий ядовитые грибы
Окурков
На пустынных ночных перекрестках,
Я, исходящий слюной
По адресу вечности,
Которой все равно,
Я — почти раздавленный
Всеобщим образованием,
Почти разрушенный
Всеобщим страхом,
Страдающий из-за утраченного
Умения страдать,
Более всего радующийся
Бессмысленному,
Устав от поисков смысла,
Которым следует оправдывать жизнь,
Я — оглохший от тишины
На лунных набережных воображения,
С трудом
Высекающий знак равнодушия
На драгоценном камне желания,
Я — глина, спрессованная пустотой,
Переводная картинка
На асфальте Хиросимы,
Пуговица, с мясом свисающая
Из петли маршальского мундира Вселенной,
Ангел за рулем горящего бензовоза, —
Сгорая, ангелы превращаются в
Ангелов.
Я — галлюцинация больного альтруизмом бога,
Объевшегося патокой,
Я — плохо
Законсервированное в придорожном булыжнике эхо,
Стружка, вообразившая себя
Готовой деталью,
Винт в тисках, где зажата
Болванка для выпиливания

Высшего существа.
— Здорово, брательник по разуму,
Ударим по пиву? —
Я — отправляющийся к звездам,
Сжигая пол-атмосферы,
Чтобы узнать, как нынче сыграл "Спартак"?
Я — медведь в ледяном цирке —
Привязали к лапам коньки —
Еду по кругу,
Я — Ромео и Джульетта, размножающиеся
При помощи печатного станка,
Якорь, удерживающий
Корабль надежды возле земли,
Я — над порогом времен парящая
Шаровая молния — куда
Подует ветер?
Я — воронка от прямого попадания
Забвения.

* * *

В детстве понял
Все.
Юность стала зрелостью,
Жизнь — старостью.

* * *

Нашел в лабиринтах
Истины
Несколько фальшивых монет.

* * *

...решил уйти.
В эту минуту ветка
Зашевелила птицей
У меня над головой,
Я понял, что давно ушел.

* * *

...И вот вещи
Стали превращаться в символы
От одного моего взгляда...
И сам я застыл
В порыве остекленевшего ветра.

* * *

Маленьким зверьком
На далекой планете
Увижу все это во сне.

* * *

Мне не из чего было бы построить
Эти прекрасные дороги,
Ведущие в любую сторону света,
Если бы очень давно
Я не воздвиг Великую стену,
Чтобы отгородиться ото всего.

* * *

Я прижимаюсь лицом
К стеклянному полу
И кричу людям внизу: "Не верьте!
Не верьте в исчезновение Зимы!"
Но они, не поднимая глаз,
Ищут в прошлогодней траве
Цветы своей молодости.

* * *

Нет времени, чтобы найти
Бесконечную грань
Листьев и воздуха,
Берега и реки,
Руки и ветра.

* * *

Недостижимая простота растений —
Забвение о будущем.

* * *

Время
Мы называем
Смертью.

* * *

Не все дети становятся мудрецами,
Не все мудрецы превращаются в детей.

* * *

Где-то в голых корнях
Глаголов
Зарыты
Слова.

* * *

Степени свободы:
Знать, не знать,
Не желать знания.

* * *

Песок Египта
На зубах
Человечества.

* * *

Давно разрушена
Гулкая крепость
Молчания.

* * *

Ветер любит героев:
Они оставляют открытыми
Настежь
Двери чужих домов.

* * *

Мы — голые беглецы
Наперегонки со старостью.
Мы — спящие гонцы
Наперегонки с солнцем.
Мы — белые слепцы
Наперегонки с тьмой.

* * *

Борьба — это младенчество.
Вырасти можно только во сне.

* * *

Чем больше Пространства,
Тем меньше Времени.

* * *

Останется
Кладбище
Раскрытых тайн.

* * *

Длится
Кукольное счастье
Тел.

* * *

Крошками черствой души
Кормим
Птенцов ночи.

* * *

Тают радужные пузыри
Сложностей.
Где взять еще одну
Простоту?

* * *

Дольше всего привыкаешь
К собственному телу.

* * *

Дерево —
Это образ
Образов.

* * *

Неужели однажды увижу тот берег,
Откуда жалкими обгоревшими птицами
Возвращаются непобедимые эскадрильи
Воображения?

* * *

Резиновый бегемот
Объяснил мне:
"Счастье — это когда
Тебя надувают".

* * *

Если кот говорит вам
"Здравствуйте", значит,
Это воспитанный кот.

* * *

Иероглиф — жест сознания,
Боящегося
Нарушить тишину.

* * *

Хищное зеркало
Вечной воды
Не возвращает лиц.

* * *

Времена меняются
Местами.

* * *

Эта Гармония с часовым механизмом
Питается нашим страхом
Перед грядущим взрывом.

* * *

Где взять силы
Сомневаться
В очевидном?

* * *

Тихая смерть насекомого,
Из которого хотели выдавить хоть каплю
Смысла.

* * *

Древние пили молоко своих жен,
Мы едим хлеб детей,
Правнуки будут молоть наши кости.

* * *

Не все еще потеряно,
Пока молчаливое большинство
Хранит обет беззвучия.

* * *

Глупые ручные мысли!
Им вечно не хватает корма.
Дикая мысль
Всегда найдет добычу.

* * *

Далее следует мир предметов,
о которых мы не имеем понятия.
А еще далее — мир понятий,
о котором мы не имеем представления.

* * *

И вот тогда землей овладеет существо,
Прекрасное, как ворона,
Совершенное, как крыса,
И разумное, как таракан.

* * *

Это — ученик раба.
У него блестящее будущее.

* * *

Реальность — Жизнь
С обрубленными ветвями.

* * *

Я — это рыба
Живущая в самом
Глубоком колодце.

* * *

Непревзойденная скорость света
Уступает только скорости
Тьмы.

* * *

Не смог сделать все собой.
Пришлось самому
Становиться всем.

* * *

Камень, наделенный
Памятью, —
Это горсть пыли.

* * *

В последнем акте Человек
Доедает седьмого слоника
И сгорает от неизъяснимого счастья.
Поднимается легкий ветер
И уносит пепел со сцены.

* * *

Опустите мне веки...
Не верю!

* * *

Стрекозы садятся мне
На руки.
Я становлюсь растением.

* * *

И пирамиды — лишь подобия
Муравейников...

* * *

Первый иероглиф — это
Последний жук.
Но не самый последний.
Самый последний жук —
Это тот, кто нарисовал
Первый иероглиф.

* * *

А что чувствует цветок,
Когда его касаются взглядом?
Ведь и мне страшно, если мимо
Грохочет дышащий смертью грузовик...

* * *

Хочу до смерти
Напиться тьмы
Из твоих зрачков.

* * *

Никак не утонет
Душа
В мертвом море
Бессмертия.

* * *

Хаос не знает конца.
Гармония не помнит начала.

* * *

Занесенный снегом домик,
Вокруг которого бродит по ночам
Цивилизация.

* * *

Мое неверие —
Это безграничная
Вера в несбыточное.

* * *

Разбежались деревья.
Умерли тени.
Здесь осуществилась
Мечта.

* * *

Как много было дней кончины,
дней рождения...
Как мало дней жизни.

А Л Е К С А Н Д Р У Л А Н О В

* * *

Чудище,
шершавое и бородавчатое,
время от времени ворочается
в сыром овраге.
Поздно вечером
от его низкого гудящего голоса
дребезжат стекла.
Прислонившись к стене,
слушает его
тот, кто не может уйти.

* * *

И тот, кто шел слева,
шагнет направо,
и тот, кто шел справа,
шагнет налево.
И у каждого моего шага своя пыль.
Она оседает на меня
и становится мной.
И шагает к другой пыли.

* * *

Хожу из угла в угол.
Плюю в потолок.
Не мешайте — я коплю пустоту.
Становлюсь все пустее и пустее.
А в такую распустую пустошь
просто не может не забраться кто-нибудь.
Пусть ходит там, растет —
ему же не тесно.
А вырастет — достану оттуда
и посмотрю.
А потом отпущу.
И будет опять пусто-пусто...

КАРИ УНКСОВА

* * *

О милое милое тело
Отдыхающих трав
Зорких птиц
Замечательный острый зрак
Глубокий отдых
Оврагов
Холодный ключ
Ветки ивы
Треск стрекозиных крыльев
Долго-долго
Летает сцепленное коромысло
Кто кого носит
В этом двойном полете
Инь и Ян
Зеленое дно соитья.

* * *

Назначение
женщины
ублажать
усталого
мужчину
Воина

Убийц повторяющих благоговейно
Моя бедная любимая мама
Философов вычислителей
Колдунов ворожей и поэтов
Никто не знает когда
Приходит никогда больше
Тогда судьба становится щедрой
Тогда открываются окна
Тогда приходят друзья
Приносят цветы и вино
О тебе вспоминают родные
К нам к нам к нам
Но ты закрываешь шторы
Потому что привык к темноте
Замолчал телефон
Тебе нечем платить за дружбу
Вино горчит
Цветы задохнулись в дыму
Ты прижался к стене
Чтобы те кто ищет тебя
Проходили мимо и дальше
Постепенно тебя забывая

* * *

Килиманджаро
Опутанная сочными лианами
Царственные айсберги
Хорканье оленьей упряжки
Волчий далекий вой
Длинные тени пустынь
Забинтованная мекка
Пронзительный плач синагоги
Зенницы святых
Отрешенных здешнего мира
Пульсирующие переплеты
Спрессованных книжных знаний
Так я и не
Никогда больше
Только
Только мой собственный город
Моя слава Богу комната
Моя темница
Два двадцать моей домовины
Сто шестьдесят
И шестьдесят на поминавание
На венчики из бумаги

Что мне послужила исправно
Морем и парусом
В открытые годы любви
И не врач ли проводит меня
Гуманно отрешив
От тысячи вредных привычек
В чистом жилище
Дождаться последние дни.

* * *

Лучшее средство от рака —
Кругосветное путешествие
Мумие
Это мышиный помет
Если вам не помогут от печени
Вши в хлебном мякише
Добудьте черную кошку
И гладьте три раза в день.
Рок-н-ролл
Средство от стенокардии
Вальс лечит
Застарелые отиты
(противопоказания:
невроз желудка)
Бородавки излечит травма
На другой половине тела
Что касается склероза
То Это Божье Благословление
Вам, даже самым несовершенным
Орден за выслугу лет
Если вы забываете,
Заперта ли дверь на засов —
Ваше тело больше не может
Изнемогает от отвращения
Выбросьте имущество
И откройте дверь
Пусть вор
Выпьет с вами стаканчик
Обдерите обои
Постелите на столе
Вчерашнюю газету
Если вы забыли
Что умерли ваши дети
И говорите
С ними,
Если вы всю родню
Перебираете по именам

Прежде чем вспомнить
Имя любимого внука
Если вы плачете,
Прочитав в книжке
Жили-были
Старик со своею старухой
Разве это не значит
Что к вам просто пришел, наконец
Истинный разум
И вы, наконец, готовы
К прекрасной жизни
Старика со своею старухой
У самого, самого
Самого синего
Моря.

МИХАИЛ ФЕДОСЕЕНКОВ

РИСУНКИ ЛЮБВИ

1

волею твоей есть
два начала
сколько присутствий тебя
черный
сколько несуществований тебя
белый
если наложить получится
тайнопись декабря на моем окне

2

стоит вчера
словно в вазе осенний букет
пустынные окна поют о цветах
светясь в полуистершихся небесах
то след
хотя откуда здесь след
вот мы
от меня в двух шагах
мы говорим и слова-облака стелются у наших ног
задевая сухие стебельки секунд
те позванивают чуть-чуть
соударяясь друг с другом

МИХАИЛ ФЕЛЬДМАН

ТАКОЕ СЛУЧАЕТСЯ С КАЖДЫМ

Такое случается с каждым:
вечером дверь захлопнув,
уйдишь из дома,
чтоб никогда не вернуться.

И возвращаешься под утро
стойким и мудрым,
но уже другим.

И кто знает —
где теперь бродит
тот, невернувшийся,
прежний.

* * *

Грусть твоя
песня заблудившегося вечера
который запел
чтобы не закричать
от страха
бескрайняя
как ночи поэта
нежная как слова
произнесенные утром

ДАЖЕ ДЕРЕВО

Даже дерево
обрученное в последний раз
с землей
идущее на свидание
с молнией
с топором
с муравейником
в который оно упадет

даже дерево зеленеет...

* * *

Копая яму
сажая дерево
стирая белье
башмаки лакируя
думая о самых близких
пишут стихи

О ПРОМЕТЕЕ

Прометей,
равно как и другие
герои из классического
репертуара
давно уже реабилитирован
оправдан перед богами
во времена
невосполнимой свободы
он был прикован
к горам
а в наше время
(о наше время!)
Прометей
возведен-низвергнут
до уровня
изобретателя спичек

* * *

Слово ловит
во мне магнитом
чувства и зародыши чувств
среди них
чувство счастья любви
и отчаянья
чувство ревности гнева
и прочие

слово ловит магнитом
другие слова
оно обрастает
звуками запахами
и даже мясом

слово может
обнять приласкать
ранить

нужно сказать слову
доброе слово

нужно сказать солнцу
что оно называется
солнцем

птицу птицей назвать

подыскать
еще одно имя Богу

* * *

Крыло праптицы касается небес
Смола падает прямо в море
море выбрасывает
жемчуг, минуя оценщиков
эти динозавры
старшие братья ящерки
они не дадут ее в обиду
а это зернышко —
дедушка хлеба
уголь еще цветет листвою
но уже греет
молнии еще не нашли
себе примененья
а это чудище
уже готово стоять
на музейных полках

Прошлое манит
крылом праптицы
земля рождается
и жадно прибирает
к рукам своим
дары морские
песчинка к песчинке

Еще нет безжизненного пространства

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

Еще никто не появился
никто не сказал
это моя земля

правят миром здесь
звезды
праведно ли никто не знает
здесь птицы не знают
клеток
здесь муравьи
без смога и сплина
сюда не выселяют в ссылку
не изгоняют никого из рая

Ничейные лошади бродят
без всадников-без-головы
пространство без той жизни
страна не убившая
своего пророка

Это моя земля

ЭЛЕГИЯ

У моря необыкновенная забывчивость
и острые зубы
вгрызаются в каменистую мякоть
земли
на дне пузырятся раковины
и желания
море забывает о них
и тогда оно всего лишь
навсего море
море не помнит
ему все прощают
тайфуны и кораблекрушения
не прощу ничего
ничего не забуду
море как это много
и тогда песня
это песчинка или зернышко
выброшенное волною
уже проросло
Сиж у моря
в любую погоду
жду у моря

а чего жду не знаю
на любом из его берегов
ты мне машешь рукою

Море
О чем оно?

* * *

Осень опять
деревья и люди уходят
и сквозь сумятицу
листьев и грусти
мне не видать своей тени

песен мне не дожждаться
небо пустынно и мрачно
лишь облака нелепо дождятся
девушки плачут

веткам деревьев молюсь
сохранитесь
своим друзьям говорю
будьте

я не прошу
ни тепла ни пощады
но если можешь
разгладь лицо
искаженное грустью

Осень опять
деревья и люди уходят
в нависшее небо

НА РАССВЕТЕ

Пустой я отзываюсь эхом на каждый звук
так музей без статуй вспоминает о ротондах
Во дворе бьет фонтан
Он вбирает мой взгляд бессердечно и равнодушно
Мраморные лилии прячут в темницу свою белизну...
Вообразил себя равным публике знатной
Матери бедной Ники и слепым Аполлоном
За это мертвые ранят меня вниманьем

И ничего теперь не случится
Луна кладет на мой лоб
Чистую и немую руку сиделки

ИЗ ПИСЕМ ТАДЕУШУ РУЖЕВИЧУ

Хожу по зеркалу
по этому чуткому миру
где каждый шаг
мое отражение
отражение слишком
хрупкая вещь для повседневной жизни

хожу
зажимая рану
которую сам и нанес

вооруженный до зубов
громыхающий доспехами
бряцающий словесами
неуязвимый и готовый
к любому нападению
я снова застигнут врасплох
изнутри

СТРАХ

Ваш страх великий
метафизический
с ногами длинными
уйти сбежать
пока не поздно

мой
одноногий калека
с гармошкой
который песню поет
о напрасном рождении
и все же живет
наполняя мир
еще одной болью

ЕВА

Выходит из моих глаз
из моего рта
из моих ребер
и требует
мой взгляд
мои слова
кровь и дыхание

* * *

О, счастье умереть тем,
кем ты был от самого рождения
от самого зачатия
замыслен:
мыслителем
поэтом
землепашцем

Пусть скажут обо мне:
он умер тем, кем был

В мечте своей хочу быть
тем, кем умирать не страшно

Сыном земли своей

* * *

Не раздваиваюсь
(с детства боюсь двоедушия)
разрываюсь
от ступеней до гортани

будто бы
присудили мне кару:
тянуть свою душу
за двумя Пегасами сразу

НЕ ВЫШЛО

Хотел быть не таким
как все другие

непохожим розным
незаменимым

у меня ничего не вышло

хотел быть таким
как все другие
похожим на похожих
равным неразличимым

у меня ничего не вышло

ПОЕЗД

Запыхавшаяся встреча
вот я... вот я...

последнее слово
прямо в ночь
под колеса вагонов

и уходит...
отрезая пейзаж за пейзажем
в туннель расставаний
оставляя обнаженные
рельсы
и эти фразы банальные
словно поезд

АНДРЕЙ ФИЛИМОНОВ

* * *

Вот так я превратился в муравья
управляемого звездами
фишки внутренней игры
потерялись ветреным днем
остаток сознания не мог разделен быть
между родными и близкими
Вода в костюме дождя и в маске крови
кружилась со мной
и с четырнадцатью песчинками
Чья-то любовь изливалась на песчаную кучу
к подножию которой я прибыл
путешествие было неряшливым и пустынным

но будущее приближалось
мертвое искало защиты живого
в огне и браке
так на пути в хаос я повстречал всех

НАТАЛЬЯ ХАТКИНА

* * *

Галька круглая,
галька стертая,
просто галечка под ногами.

Нарисуй мне глаза и брови.

* * *

Перед отъездом
определяешь
ценность вещей:
что взять с собой, что оставить.

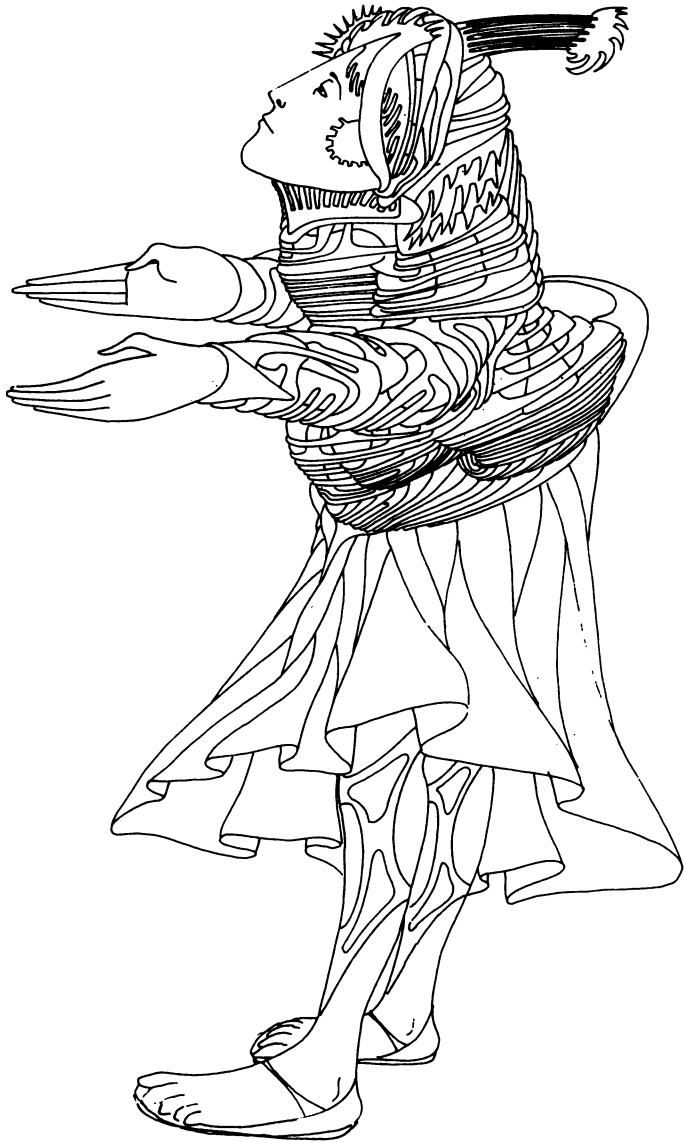
Руки раскинув,
прижалась к стене —
распятие или швабра?

* * *

В те кратких
кротких
три часа
когда Бог не судит нас
а играет с Левиафаном —
завяжи мне глаза
и поведи за собою
на плоский
берег
где ты — подросток

И мы увидим
еще не в развалинах
Трою

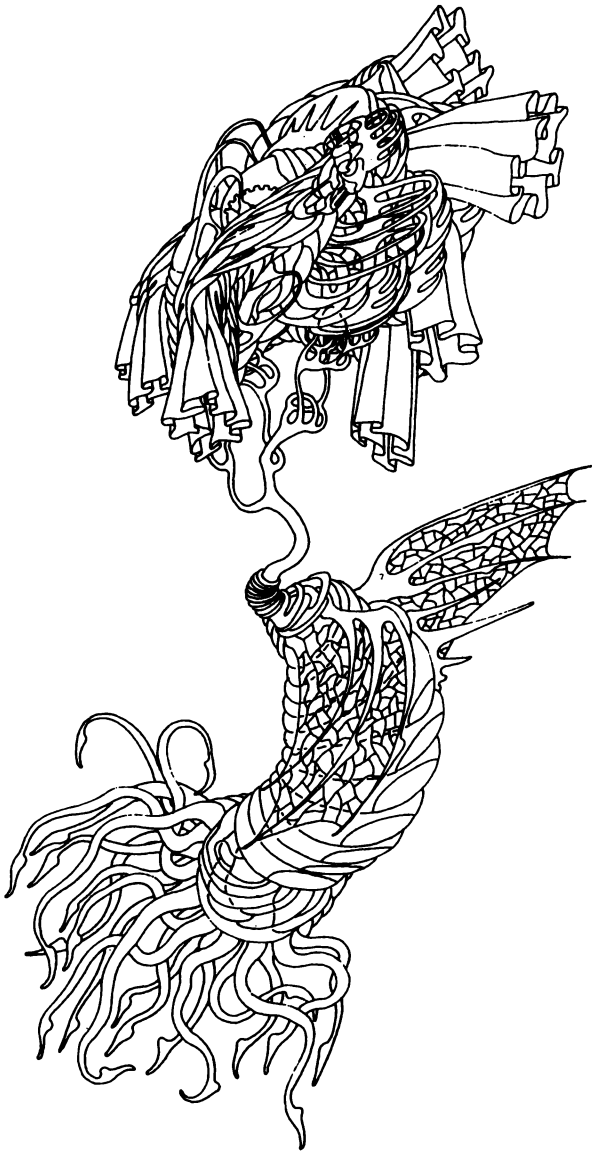

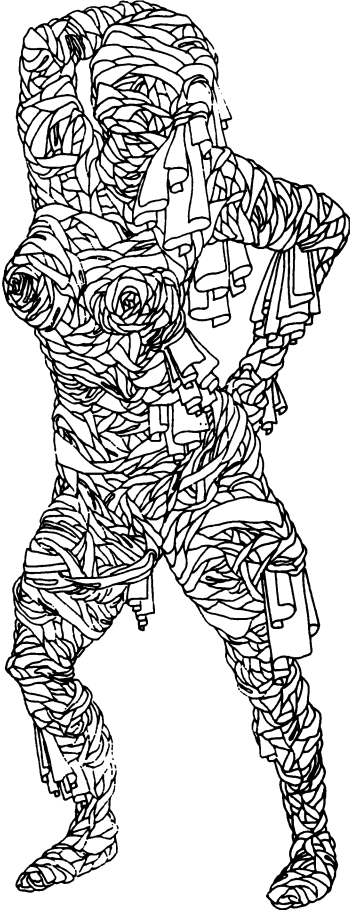

Ch. K. Zayrounian - Beirut 1983

Р О М А Н Х Е

* * *

Который час
на воздушном змее,
трепещущем
на тоненькой нити
детства?

ГИТАРА

Не пойму,
чем была гитара до рождения?

Кораллом?
Водорослью?
Рыбой?
Раковиной?
Обломком шхуны?..

Дотронусь до струны —
прибой

МАМОНТ

Хобот,
радостно трубивший на всю округу,
хобот,
ловко рвавший сочные травы,
хобот,
нежно ласкавший мохнатого детеныша,
застыл
над человечеством
нестираемым вопросительным знаком.

* * *

Человек никогда не бывает один.
Рядом —
деревья, птицы, звери, луна.
И как бы скрытно ни творить зло,

знай —
они смотрят в упор.
И в небе зреет
молния.

КУБИК РУБИКА

Кручу, верчу я кубик Рубика,
словно Кай — ледяные фигурки.
А рядом — в горшочке сохнет
цветок,
за стеною — кто-то горько плачет...
А я все верчу, и сердце
становится
ледяным.

* * *

Зачерпнул голубую воду —
стала она бесцветной.
Отпустил —
ожила,
как насекомое, притворившееся
мертвым.
...И жизнь —
голубая вода:
хочешь разглядеть — бесцветная,
отпустишь —
голубая.

ТИШИНА

В журчанье реки,
в пенье птиц,
в шелесте могучих деревьев
хранится тишина.
Высохнет река,
умолкнут птицы,
спилят деревья, —
в одиночестве
умрет
тишина.

ТВОРЧЕСТВО

Тепло человеческих чувств
разлито, как солнечные лучи.
Поэт — мальчик с увеличительным
стеклом,
собирает тепло в одну
ослепительную точку
и зажигает дымящиеся слова.

ДРЕВНИЙ СОСУД

Археологи,
вы ищете древние сосуды?
Вот они —
две ладони человека, сложенные
в сосуд,
черпающие дрожащую воду,
чтоб поднести
к жаждущим устам!
Это случилось задолго до того,
как гончар сделал кувшин —
слепок человеческих ладоней.
Все живое лакало воду,
уткнув морды в озеро,
а дикарь-человек
пил
с ладони.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Здесь каждое слово объяснено.
Но
мне необходимо дорасти, понять,
пережить. Пусть
жизни, что дана мне, на это
не хватит,
постигну, сколько смогу.

Слова, слова, огромные,
как ящеры!
Надо
смеяться,
плакать, ошибаться, удивляться,

чтобы
взлетели они
птицами!

НЕУЛОВИМОЕ

Скажите,
разве можно заметить,
как созревают плоды?
Скажите,
разве можно заметить,
как томится земля,
когда из мерзлого грунта,
который и киркой не пробьешь,
вдруг
вырываются
нежные травы?..

* * *

Лужа
тоскует
о
крохотном кораблике,
и мальчик —
пока она не испарилась —
спешит подарить ей
морское мгновение!

АВТОПОРТРЕТ С БУМАЖНЫМ ЗМЕЕМ

В удивленных глазах
поместились
небо,
где парит бумажный змей,
и поле,
откуда тянется поющая нить,
на конце которой
крохотная чернеет точка
от нечаянно упавшей капли туши —
это я
в далеком, далеком детстве...

АВТОПОРТРЕТ ХОКУСАЯ

На вершине горы растет сосна,
похожая на старика,
несущего на заплечной носилке
годы и глядящего на мир
лучистыми глазами Врубельского Пана.

ОСКОЛОК ФАРФОРА

На берегу
моря
белеет осколок фарфора.
Смутен непонятный орнамент,
скользкий, как хвост ящерицы,
притаившейся
в песке.

* * *

Мальчик,
не имеющий представления о тайне мироздания,
погружен
в поиски
гудящих раковин,
как археолог
на обнаженном грунте прошлого
ищет
тайну...

* * *

На столе — разноцветные ручки,
а я, чуть не плача, ищу
огрызок простого карандаша...

* * *

Вчера я плохо о тебе подумал,
потому что скверным я был,
только потому...

* * *

Тает во рту прохладный месяц! —
в новогоднюю ночь мы вдвоем
кушаем мандарин...

* * *

Птица на миг забыла, что я — человек.
Я на миг забыл, что она — птица:
встретились взглядом.

ДОЛГ

Возвращаю, возвращаю
цветные камни
берегу...

* * *

По сонной воде
в какое царство
листья плывут?

* * *

Странно,
как
птицы
привыкли
к клеткам?
Странно,
как они
в клетке
поют?

* * *

Вода замутненная,
а плеск —
чистый!

* * *

Хлопья морской пены
летят по улице.
Бросив сумку с хлебом,
мы с тобой ловим
тающие лепестки...

* * *

Море моет песок.
Так мать моя мыла
к обеду рис:
ш-ш-ш-ш-ш...
Очищается берег, где я живу.

ИЕРОГЛИФ

Памяти моего отца

Что за причуда, — на склоне жизни
заниматься чистописанием,
под прохладным осенним солнцем
кистью капризной
терпеливо выводить сложные иероглифы?
Что за причуда? Ведь позади —
полупрозрачные страницы шелестящих книг,
школа, где после освобождения
ты учил полуголодных детей грамоте,
для них
переписывая от руки учебники,
и вдруг
по собственной воле
стать
школьником!
"Отец, зачем вы все пишете, пишете? —
спрашиваю я, — ведь
у вас и так красиво получается".
А он в ответ
улыбается, и я,
затаив дыхание,
с восхищением слежу:
словно восточные дворцы с причудливыми
черепичными крышами,
формой похожие на гребень волны,
появляются черные иероглифы

на младенческой белизне бумаги,
иероглифы, овечьи
тайной тысячелетий,
хранящие в своей архитектуре
черты фигурок-букв, нарисованных на скале
первобытным художником!
Но отец, заметив какой-то изъян,
заново
пишет
иероглиф.

ДЕНЬ ПОМИНОВАНИЯ

День поминовения.
Кланяемся
перед тесным столом...
А мне чудятся крики птиц...
О братья,
нам нужно кланяться
земному простору,
воде,
небу,
куда переселились
отец и мать.

НОВОРОЖДЕННОМУ

Я приветствую тебя как равный равного!
Пусть я старше тебя.
Пусть ты только что родился.
Но радостный твой плач звучит для меня
мудрым гимном жизни!
В этот миг от солнца
мчится бесконечная стая солнечных зайчиков,
в библиотеках
растут тома веселых, умных, добрых книг,
звездочеты
ищут вспыхнувшую в миг твоего рождения
звезду.
А люди,
объединенные одной любовью к тебе,
стремятся сделать землю
чистой,
чтоб на ней
грозный атом превратился
в доброго, всемогущего джинна!

Я приветствую тебя как равный равного!
Нет,
ты выше меня.
Ты богаче меня.
Ты счастливей меня
грядущим!

ПОЭЗИЯ

Поэзия витала над планетой
до зарождения жизни:
когда булькал "первичный бульон",
когда шумели гигантские папоротники,
когда птица-ящер неуклюже
училась летать со скалы,

Поэзия,
одиноким ангел,
витала над землей,
не зная, во что вселиться,
и ждала
Человека,
чтоб зазвенеть в его руках
тетивой!

УЛИТКА ЧЖУАН-ЦЗЫ

На кончиках рожков — два царства,
воюющие друг с другом
за землю, которая не разделится,
как и не соединятся
два рожка...
А улитка ползет себе, трубя
о том, как сладостно
медленно ползти по суше
как по дну загадочного океана.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

Не рвите детские рисунки.
Они
таинственны и волшебны.
Я тоже когда-то
был таким же художником,
а теперь вот,

потеряв чудесный дар,
гадаю по детским рисункам,
словно разгадываю ребус,
только в миллион раз сложнее —
никакая энциклопедия здесь не поможет,
ведь
каждый ребенок —
таинственный пришелец,
инопланетянин,
маленький принц.
У него
своя собственная планета, где растет
роза.

КОРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Лысенький старик
медленно выходит
погреться на солнышке
и, полузакрыв глаза,
с улыбкой видит
говорящих быков,
куращих тигров,
и небесные феи
витают над ним,
смеясь как забытые
подружки детства,
чьи лица
неуловимы...

ВАН-ГОГ

Не подсолнухи,
глаза свои рисовал он,
вернее, зрачки,
расцветающие
солнечными лепестками.

СУХОЙ МОХ

Д. Э.

Как крошечный коралл
на фаянсовой чаше

зеленел
мох,
что растет на каждой сопке.
Его топчут ягодники и грибники,
и я топтал. Но вот
ты держишь на ладони
это дикорастущее существо
и восхищаешься орнаментом,
где мерцают
мириады китайских иероглифов!
Пожалуй,
ни один мудрец не разгадает,
в чем прелесть
этих изумительных сплетений!

ИКЕБАНА

В темной чаше —
удивительный сад:
ветвистая трава,
у ее подножия —
задумчивый камень,
на дне —
загадочно чернеет вода...
Когда мне грустно,
прихожу
в этот сад.

* * *

Неважно — кем.
Неважно — чем.
Я просто вернусь на эту землю
иль травой желтеющей,
иль сосной зеленой,
иль птицей певчей,
иль бабочкой-однодневкой,
вернусь, чтобы пить
воздух земной,
гнутья под ветром,
мокнуть под дождем
и вздрагивать от вешнего грома.

* * *

Отрок вернулся с берега и сидит
в темноте, в глазах — загадочный
свет, будто побывал он в неведомых
мирах, и всю ночь ему снится море,
море, шумящее за распахнутым окном...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

О разве день рождения повторяется?..
Он длится в сказочном воображении,
в беспмятстве, когда еще я не выплыл
из мира трав, рыб, птиц, звезд
и бормотал неведомо о чем...

ГУДЯЩИЕ РАКОВИНЫ

Как море с берегом, я буду с тобой.
Но если ты скажешь: "уйди",
я уйду без слов, — так море исчезает,
оставив на земле
гудящие раковины.

* * *

Н.

Ты стояла на балконе и беззвучно плакала...
Мне казалось снизу: ты
на огромном воздушном шаре
цвета звездного неба
удаляешься от меня
все дальше и дальше,
все выше и выше,
сбрасывая
золотые россыпи воспоминаний.
И становишься все легче и легче,
и становишься все выше и выше,
и становишься все краше и краше
без меня.

О ПАМЯТИ

Тело
забыло
свое предназначение
— и стало распутным.
Сын
забыл
о родителях
— и стал безродным.
Каин
забыл,
с кем клубился во чреве матери,
— и стал убийцей.

АРФА

Тетива
была
необходимостью древнего охотника
и
невольным предком оружия братоубийства.
Вслед за вылетевшей стрелой,
пущенной
в человека,
она
вздрагивала,
стонала
от неминуемой трагедии,
и тогда
кто-то
услышал
стон
и
сотворил из нее
воздушную арфу —
противовес всех предстоящих вооружений,
чья чарующая мелодия
не просто стонет —
взывает
к разуму.

* * *

Светит луна как тысячу лет назад.
Так будет светить она и тысячу лет спустя.

Брожу беспечно по лунной земле, будто
я жил тысячу лет назад
и буду жить тысячу лет спустя.

* * *

В миг,
когда ракушка не гудит,
в миг,
когда любимая не любит,
в миг,
когда солнце не греет,
не разбивай ракушку,
не забывай любимую,
не сердись на солнце —
сердце
свое
проверь.

Я К О В Х Е Л Е М С К И Й

ВИД СВЕРХУ

Под моим балконом
Два голубя отдыхают на козырьке подъезда.
Чуть ниже —
Лифтерша, задремавшая на табурете.
К бровке дворового тротуара
Прижался кузов бежевой легковушки,
Кажущийся отсюда приплюснутым.
Это единственная машина в поле зрения.
(Остальные укатили за город,
В Прибалтику, в Крым.)
В скошенном заднем стекле "Жигулей" —
Амулет в виде пляшущей обезьянки
И коробочка с красным крестом на крышке.
Еще ниже —
Запекшиеся цветы шиповника на клумбе,
Плоская такса, принадлежащая известному киноактеру,
Разомлевшая от московской жары.
А совсем уж внизу —
Расплавленный июльский асфальт
С отпечатком чьей-то подошвы,
С раздавленным окурком,

С пластмассовой лопаткой,
Которую обронил неизвестный младенец,
С прекрасной лужей, оставшейся после поливки двора.

Это овальное зеркальце
Стремительно уменьшается.
Но перед тем, как испариться окончательно,
Оно отражает клочок безоблачного неба
И раскрытый клюв жаждущего воробья.

Крохотный сектор обзора,
Окаймленный справа старыми липами,
Слева — лоджиями соседнего дома
И, наконец, подземным гаражом,
Расположенным напротив.
На крыше гаража — игровая площадка,
Огороженная металлической сеткой,
За которой мальчик и девочка
Лениво гоняют ракетками
Невесомый волан.

Тенистая микрочастица
Огромного микрорайона,
Охваченная субботней безмятежностью.
Взгляд с балкона,
Неторопливо уходящий вглубь,
Попытка ограничиться малым,
Мгновенно успокаивающая душу
После глобальных событий
Пятидневной недели.
А впереди еще воскресенье,
Долгое и почти безлюдное.
К тому же испортился телевизор,
А мастер появится не раньше понедельника.
Внезапный подарок судьбы.
Миг созерцания,
Островок покоя
Посреди громокипящего мира
На пороге восьмидесятих.

ВАРИАЦИЯ

...А вот горестный рассказ моего приятеля.
В грохочущем вагоне подземки
Он, позабыв о своем ветеранском возрасте,
И обо всем на свете,
Невольно залюбовался красивой девушкой.
Она перехватила этот пристальный взгляд,

Истолковала по-своему
И тут же освободила место:
— Прошу вас. Располагайтесь.

Он растерянно забормотал:
— О, спасибо, спасибо!
Не беспокойтесь.
Мне сейчас выходить... —
И, обреченно метнувшись к двери,
Не доехав до нужной станции,
Сошел у Сокола — на ближайшей...

— Ты понимаешь, —
Заклучил рассказчик с печальной улыбкой, —
Ситуация и впрямь такова,
Что дальше уж ехать некуда...

В А С И Л И Й Х Л Ы Б О В

* * *

Да, мне нравится ваше умение вскакивать
и, шинкуя ладонью воздух,
говорить, говорить, говорить.
Точно так же, как ваше умение слушать:
останавливать резко зрачки
и губами жевать прилетевшее слово.
Мне вспоминаются горные реки,
когда вы делаете поворот головы.

ЧИТАЯ ЧОН ЧХОЛЯ

Переворачиваю страницу,
слышу женские голоса:
"Плакать не надо...
Лучше пролейся над ним дождем".
На фоне ночи два качающихся лица.
Я сижу у стены в углу,
а дождь за дверью не кончается
уже тысячу лет.

О Л Ь Г А Х М Е Л Ь

* * *

Сегодня суббота
и завтра — суббота
и после... суббота
и после... и после... и после...
мы сегодня расстались —
Воскресенья не будет

А Й Д А Р Х У С А И Н О В

* * *

Л. Ф.

Если Вы ночью
проснувшись внезапно
вдруг увидите две капли росы на буфете
мерцающие влажным светом
не пугайтесь — это
не привидения и не пришельцы
это мышонок пошел на охоту —

нежно жует он корочку хлеба
и странной надеждой
блещут глаза

М С Т И С Л А В А Ч А Й К А

* * *

Подожди

Остановись на минутку
Останься на земле в нетерпенье

А он
без твоей помощи
будет целовать в небесах
меня во мне

Вас двое
Я же — одна

Иногда
одному из вас
приходится изменять

Сегодня — это ты

Э Л Ь В И Р А Ч А С Т И К О В А

* * *

Взглянула на дерево
и ужаснулась его сходству
с атомным взрывом.
На каком языке теперь
вымаливать у него
прощения?

* * *

В столичной толпе
выгодно выделяются провинциалы.
Откровенные и растерянные их лица
лишний раз подтверждают,
что они живые.
Те, кто поумнее,
оказавшись рядом с ними,
спешат снять свои маски.

СИРИН

Как ни выйду на балкон,
все время вижу на соседнем
птицу Сирина.
То цветы поливает,
то белье развешивает...
И зачем только женщине
крылья?

ДЕНИС ЧАЩИН

Мне придает силы уверенность
в завтрашнем дне.
Я твердо уверен, что не изменится
ничего. Будет так же, как сегодня,
может, даже хуже...

* * *

С недавних пор я стал замечать, что
у меня растут волосы. Это очень интересное
явление. Растут и растут, сколько их ни
стриги, упрямые какие...

* * *

Люблю смотреть на собственную тень.
Смотрю и знаю, и уверен, и спокоен, что я еще
здесь, что я еще не ушел, что я еще...

ЕВГЕНИЙ ЧЕКАНОВ

ШКОЛА

В этой школе,
выйдя в коридор,
можно было увидеть, как мальчик
колотит другого по голове
доской с гвоздем.
В этой школе
на уроке литературы
учительница брала из охапки дров,
сваленных у печки,
полено поувесистей
и швыряла в ученика на задней парте —
четырнадцатилетний наглец
обсуждал вслух
ее интимные занятия.
В этой школе... впрочем,
остальное вы дорисуете сами,

кроме одного —
в этой школе учился я.
Вот ее точные координаты:
1970 год от рождества Христова,
страна Советов,
Ярославская область,
Пошехонский район,
село Никольское.
Вы мне что-то хотите сказать?
Я жду.
Ну!..

РИММА ЧЕРНАВИНА

ПРОЗРЕНИЕ

Мне красота явилась
В детстве.
Я поняла ее в цветке.
Была пронзительной догадка —
Цветок красив.

ДВЕ ПРЯМЫЕ

Мы с тобой
Две прямые,
Пересекшиеся в одной точке.
Чтобы больше уже никогда не соприкоснуться.
Чтобы больше уже никогда не встретиться.

БЕССОННИЦА

К утру
В моем воспаленном мозгу
Выросла роскошная орхидея.

* * *

Небольшой черный котенок,
Распластанный на дороге,
Охранял свои красные внутренности.

БЕДСТВИЕ

Настоящее —
Никак не уходило в прошлое —
Отражаясь в глазах старой женщины
Грудами сплюснутых тел,
Лужами застывшей крови —
Оно длилось и длилось,
Непереносимое настоящее.
И тогда старая женщина
Стала оторгать настоящее —
На экране ее расширенных от ужаса глаз
Уже прокручивалась кинолента прошлого...
Прошлого,
которое было частью ее собственной
Хоть и далекой жизни.
Но откуда-то из тайников сознания
Поплыли странные кинокадры,
Кадров тех жизней,
Которые не были ее собственными,
Но которые она как будто когда-то прожила
В каком-то чуждом ей времени.
И время это не было ни прошлым, ни настоящим...
А каким-то неведомым и страшным ее временем.
Но настоящее вклинивалось
И в эти странные и непонятные кадры.
Оно врывалось глухим сдавленным "Эхо",
"Эхо" страшных надземных стонов,
Тем "эхо", которое тщетно старалось вырваться
Наружу...
И лишь зрачок,
Подпрыгивающий на экране уже цепенеющих глаз,
Своей необыкновенной жизнестойкостью
Пытался перекинуть мостик в будущее,
Шаткий мостик.
Над агонией настоящего
Хрупкий мостик в невидимое будущее.
И старая женщина
Сделала робкий шаг
По этому мостику надежды,
По слабому мостику надежды...
Но, сорвавшись,
Неудержимо покатилась
В бездонную пропасть прошлого.

ДМИТРИЙ ЧЕРНЫШЕВ

ДАО-ДЭ-ЦЗИН

Небо над крышами!
Небо над крышами!..
Торчит из пепельницы окуроч.

И я прячусь от этого неба,
для которого я — соломенная собака.

Приходит сон, у сна —
твои ладони.

ТАТЬЯНА ЧЕРЫГОВА

* * *

С облаками каждый раз
что-нибудь происходит.
То цвет меняют, то форму,
капризны очень,
но против ветра они
никогда не идут.

* * *

Когда-то мои —
отец и мать —
были молодыми.
А на стенах висели
фотографии родных,
убитых, живых.
Вышивки и кружева
украшали квартиру.
Ходили в гости соседи,
обсуждали жизнь улицы
и страны,
делились новостями
и керосином,
крестились при непогоде,
угощали рыжиками
в засоле
и белыми грибами,

растили детей.
Растили нас всем двором,
лаской и окриком.
Мы плакали, ждали,
носы утирали...
Пройдет время,
и к нашим детям
придет ностальгия.
Интересно,
о чем?!

* * *

Мысли — ветви
гнутся над столом.
Время мое урожайное
подходит к концу.
Стены раздвигаются —
я в Белом саду.

Е В Г Е Н И Й Ч И Г Р И Н

* * *

Мальчик
Играет
На скрипке,
Небо становится ближе
И обретает слух,
Ловит
Земные
Мгновенья...

* * *

Медленно умирает звезда.
Виден лишь абрис.
Но за длинную ночь
Ее свет настолько
Проникает в душу,
Что остается навечно.

В Е Р А Ч И Ж Е В С К А Я

* * *

Если бы можно было
родиться снова,
я хотела бы стать
Музыкой,
чтобы быть
Временами года,
Героической симфонией,
Маленькой ночной серенадой,
Болеро
или
простой детской песенкой.

* * *

Моя душа как на ладони:
возьмите ее,
как берет корм из рук
умная лошадь —
бережным прикосновением,
чтобы не испугать
дающего.

* * *

Мне кажется,
первой Песней
была песня
Радости.
Ее спели птицы,
наслаждаясь
полетом.
Песню Печали
придумал человек,
тоскуя по полету.

ЭТОТ КОРАБЛЬ

Я все еще живу на корабле,
который никак не уйдет в море.

Я все еще пытаюсь
раскачать корабль,
чтобы хоть чуть-чуть
сдвинуть его с места.

— А не броситься ли вплавь? —
думаю иногда.

Но что-то держит меня:
то ли ракушки, налипшие на днище,
то ли якорь в глубоком песке,
то ли возможность стать капитаном?
Что-то держит...

И я все еще живу на этом корабле.

СОВРЕМЕННОМУ

Когда я умру,
на Ваш подоконник
упадет
маленький золотой листок.
Не выбрасывайте его!

Когда я появлюсь в мире
снова,
он напомнит мне
о Вашем великодушии.

И мы —
перестанем скитаться
в пространстве.
И — наконец,
узнаем друг друга.

ОН

На скамейке сидел.
Возле него —
от солнца уставшая
ветка сирени.

Рядом присела —
тронула ветку,
но взять
не решилась.

**С тех пор
все кажется мне,
что мы
так и сидим на скамейке,
и ветка сирени
лежит между нами.**

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

**Он выбирал цветы
и было заметно,
как редко он их дарит.**

**Он обманывал женщину
и было видно,
как часто он
говорит неправду.**

**Он забыл утешить
ребенка...**

Он никому ничего не должен.

Он — свободен...

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

**Внимание! Внимание!
Срочно требуется врач, —
способный извлечь звезду,
горящую во лбу человека.**

**Горение звезды
может повредить голову
и привести к звездной болезни.**

**Признаки звездной болезни:
чрезмерно поднятый подбородок
и безграничная вера
в свою исключительность.**

**В кризисном состоянии
может произойти потеря
друга,
а также искривление самосознания
в сторону мании величия.**

Внимание!
Имеющим склонность к звездной
болезни
рекомендуется умеренная доза
иронии
к самим себе.

ЛУННОЕ КУПАНИЕ

Белая тень тумана
приближается к реке.

— Что ему здесь нужно? —
спрашивает трава.

— Что он здесь ищет? —
удивляется песок.

— Почему он не рассеивается? —
недоумевают звезды.

А туман ждет,
когда выйдет луна из воды,
отряхивая речные капли.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Девочка бежит:
парашютики одуванчиков
щекочут ей щиколотки.

Девушка идет:
нежно-розовые лепестки вишни
опускаются на ее волосы.

Женщина остановилась:
паутинка бабьего лета
преградила ей дорогу...

Скрипит на ветру
высохшее дерево:
не сразу представишь,
какие листья или цветы
были на нем весной.

РАЗГОВОР РАДИ КРАСНОГО СЛОВЦА

Нить его
 тянется
 бесконечно.
На интеллект,
как на спицы,
нанизываются
 петли
 слов.
Но гости уходят,
и я —
 распускаю
 вязанье.

* * *

Мне тесен мир,
в котором я
живу.
Но, говорят,
по облакам
гулять нельзя:
они так неустойчивы
и зыбки.
Но я не верю.
И завтра
неприменно
отправлюсь в этот
никем не объяснимый
путь.

АНАТОЛИЙ ЧИКОВ

ДЖУЛЬЕТТА

В избе, за перегородкой, у печки
Кто-то грустно и томно вздыхал.
Может, это о любимом своем
Вслух тоскует невеста?

Долго не прекращались тогда
Те глубокие, сладкие вздохи.

Видно, это Джульетта
Двадцатого века?

А потом оказалось,
Что это — квашня
В деревянной и старой кадлушке.

ЧУВСТВО ВИНЫ

Это я виноват, что не отмыть
Закаты от дыма и копоти.

Это я виноват, что не очистить
Реки и озера от скверны.

Это я виноват, что не излечить сердца
От черствости и равнодушия.

Взваливаю все вины себе на плечи
И бреду, пошатываясь,
В страну по имени Надежда.

Л Е О Н И Д Ч У Д Н Ы Й

* * *

Кочует
взгляд
синих глаз
по брюнетам,
блондинам,
шатенам.

Брюнеты,
блондины,
шатены
останавливаются
в гостинице
"Синие глаза".

РЕАЛИЗМ

Я
с силой
нажимаю
на дверную ручку.
Дверь
не открывается.

Я
еще сильнее
нажимаю
на дверную ручку.
Дверь
не открывается.

Тогда я кричу
что есть сил, —
"впустите меня,
я покажу вам иной мир".
Но потом
понимаю.
Входа нет.

Есть стена,
на которой
искусно
нарисована
дверь.

С В Е Т Л А Н А Ч У Л К О В А

* * *

Девочка запрокидывает голову,
придерживая рукой шляпку:
в небе мелькают птицы,
словно кто-то
перебрасывается камешками.

Ветер надувает девочкину юбку,
маленький цветной парашютик,
на котором она только что
приземлилась.

Ее белые гладкие коленки — первый теплый день —
как два маленьких кулачка,
которые она показывает
любопытным мальчишкам...

* * *

Она журналистка: передвигается в пространстве как
кинокамера
(Кто возьмет ее маленькую холодную ладонь в темном
кинозале?).

Раз в месяц ее лоб покрывается угрями,
и тогда она надевает на волосы — через лоб —
вязаную резинку, красную, как транспарант,
скрывая таким образом право на
личную
жизнь.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

С какой скоростью два пешехода удаляются друг от друга:
он в пункт А, к ее свекрови, она в пункт Б, к его теще.
Сколько воды утекло за пять лет купания их совместного
ребенка...

По каким законам их жизнь превратилась в сплошные уроки
иностранного языка
(Развод равняется выдаче диплома об "окончании").
Но они хотят повторить все цвета радуги...

* * *

Земля глубоко внизу
и так далеко от солнца,
как будто на дне океана.
Старушки, седые как медузы,
погружаются на скамейки.
Постепенно сгущаются сумерки
(атавизм подводной жизни).
Мчатся огни машин:
или это
титры,
которые читают
инопланетяне?

ГЕОРГИЙ ЧХЕИДЗЕ

СПОР

Ты встретил умирающих, я — новорожденных...
Ты судишь по ним о любви, о ненависти, о назначении
всего сущего, полагая, что тот, кто лишился страстей,
освобожден от балласта пристрастий
и кабалы заблуждений
и равен в своей осмотрительности Аргусу,
этой вечно бодрствующей системе надзора
за дерзновенными.
Ну что ж... Вечное бодрствование — это аргумент
посильнее вечной неиссякаемости жизни...
Но я оспариваю это. И ставлю младенческий крик
превыше знания
об исходе нашего соперничества,
превыше мысли о неизбежной расплате
за дар жизни и юношескую самонадеянность.
И свято верю в недостижимость
этой еще неизреченной боли,
огласившей твой беспристрастный мир
безрассудно-требовательным призывом.

ОТВЕТ

Забудь о совершенстве, недоступном тебе,
и тебя не будет беспокоить твое несовершенство, —
учит водоросль, пережившая всех.
Будь проще! Довольствуйся малым!
Не выкобенивайся! —
вторит устрица со дна своей винтообразной раковины.
Обогащайся, предварительно посадив язык на цепь, —
добавляет червь, — и тебе гарантирована
твердая будущность.
Сколько заповедей, пророчеств, назиданий
выслушано тобой, человек...
Сколько толкований и мертвописи, всегда дарующей
успех,
прошло перед твоими глазами...
А ты так и не избежал страданий.
Кто же ты — сатир или неукротимый слепец?
Начетчик или Самсон с остриженными волосами?
Искушенный стратег или пересмешник?

...Нет, ты из тех, кто не отвечает на вопросы,
но устремляется ввысь,
словно ангел, затосковавший по родине.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Он его не рубил. Не рассекал. Не превращал в крошку.
Доверившись не мечу, но разуму, полководец,
как утверждает Плутарх, его ловко распутал.
Кому же были нужны химеры о рассечении?

Кто и почему
вздумал врать о превосходстве дикой силы
над изобретательностью,
ортодоксии над загадками жизни?
Что воодушевляло лжеца? Вздорность,

тоска по насилию?..
О, мозг посредственности, уткнувшийся
в неразрешимость,
ты не так прост! Ты — мастер поэтической метафоры.
Недаром твои легенды, гуляя по свету, до сих пор
вербуют сторонников.

Твои принципы, обретая плоть, ложатся, словно
булыжники
в лапу охотнорядца, в основу лаконичнейшей
философии,

гласящей: "Найди и уничтожь несогласного!"

Радикальность — символ твоей веры.

Ты прав везде и всегда.

...Но и тебе не избежать горькой участи
тобою рассеченного узла.

О, непререкаемый гордиев узел!..

ИСКУПЛЕНИЕ

Итак, распродажа недвижимости — антиквариата
духа, в обиходе именуемого зверством.

Уникальнейшая операция!

Аукцион, на котором цены не повышаются,
а падают в зависимости от количества претендентов
на искупаемый товар.

Процесс над мертвецами, уже понесшими высшую
меру, —

ненависть и восхищение современников.

Кого же больше?

Приговоренных к жизни или к забвению?

Раскаявшихся или закупивших старый реквизит?

Истцов или ответчиков, вечно меняющихся ролями?
Не знаю. Но уношу свои обиды с собой,
не требуя за это вознаграждения.

Я Н Ш А Н Л И

* * *

"Далеко ли до Рио?" —
продав последнее,
спрашивали
искатели счастья.

Навстречу идущие
махали рукой
безнадежно:
"Там".

ЗАПАХИ

Решил я стать гениальным
Художником. Сумеречными красками
Нарисовал собаку на юге
В запахе акаций.

Но кто ни посмотрит: кошка,
Говорит, разве что собакой
Напугана, — а так все получилось,
Особенно запахи из верхнего
Правого угла.

С тех пор заболел,
И когда тени
Ломаются, я чувствую вкус
Моей крови.

* * *

Пуст сад и жизнь,
Что прожиты
Без любимой.

Где был я? А?
Бросался камнями в море,
И медуза шевелила призрачными щупальцами,
Отплывая от берега.

Детство,
Когда же ты пройдешь?
Прошел ведь дождь.
Все бы в прятки играть
И гроздья винограда
Отламывать от лоз.

Тихо так.
Вокруг храма
Спят люди...

* * *

Разные бывают поэты.
Один легче фантика от конфеты.
Другой все время не достает,
Да и сам порой
Сидишь в стороне,
Как мусор.

ХУДОЖНИК

Слуга прекрасного,
Он в бархат одевает тела
И неброско одухотворяет лица.

Три мазка
Обозначили птицу.

Вот странность истины,
Когда замечаешь совершенства в природе —
Открываешь себя.

И В А Н Ш А П К О

* * *

Быстро я пролетел этот мир.
Кто-то крикнул о помощи...

* * *

На окраине города
птицы поют панихиду
по ворону.
Написали ему что-то на черном крыле.
Красный дракон,
старый его друг. Все время при нем,
изредка отдает распоряжения
простуженным голосом.
Сердце его потом
наедине расплатится,
так как он все знает и его нельзя обмануть.

* * *

Утро.
Прозрачная голубая вода для бритья. Белый манжет.
В приоткрытую дверь упало письмо.
С треском
разрублены
углы дома.
На крыльях испуга
взлетела крыша
и сразу же села.
С ужасом смотрит
в квадрате лежащих стен
хозяин с обнаженным мечом —
безукоризненным невозмутимым небом
будет наверное умерщвлен.

* * *

До сумерек сидели за столом.
Множество звезд оказалось счетным
и все они лежат
на одной прямой. Инвариантное время
было поставлено во главу угла.
В сумерках напоследок
страшную мысль произнес
собеседник вслух.
Незачем вставать из-за стола.
Молчим.
На осторожные слова решился —

— Гераклит,
но что бы мы делали, если бы
не родились?

* * *

Весенний путь. Чуть зеленеющий.
Чья-то голова в облаках.
Голубые куски апрельского неба,
там, там
...для пропавших без вести
что предназначено?
Путешествие.
...путешествие там, где светло.

* * *

— Мои рыцари
мои бедные рыцари
высокие
редкие волосы
на узких плечах
Прямоугольные мягкие
лица
— Создана жизнь!
а зеркало которое перевозили мы по ночам
разбито

* * *

Вечер.
Вышел Полифем на террасу,
где-то там
люди внизу.
Подымается дым от костра.
Дети сели поближе к взрослым.
Старики смотрят в огонь.
В каждом есть что-то,
что не сбудется.

* * *

С протянутыми руками стоим над свершенным
То о чем мы думаем
уже есть
Но не знаем чего уже нет

* * *

На берег
песка и красной глины
прибывает ветер
и снова
посмотреть на море
колеблется горизонт...
В последний раз
выпущу
неразумный клубящийся сонм богов
выскажу им истину
вырву крылья
в кого превратиться
как тепло как одиноко на берегу морском

* * *

В своей кубической комнате
живший столько лет
я мертв
Проглянется солнце
осветит красные корешки книг
графин розовый с синим
зелень стеблей
Оставил записку на столе
— сейчас буду
...а ушел навсегда

СЕРГЕЙ ШАТАЛОВ

* * *

По моим ладоням
стекают ладони:
сначала крошечные,
потом незнакомые,
их так много,
что я не замечаю,
как по моим ладоням
стекает дождь...

* * *

Перестая быть
движением руки
поворотом шеи
кто-то
уже умерший
переминаясь с ноги на ногу —
страж моего лица

* * *

Дорога ведет себя непредсказуемо —
в любой момент может повернуть обратно.
И тогда понадобится вся моя радость,
чтобы, наконец, вернуться домой.

* * *

Незнакомая улица.
Чужой дом.

Но я знаю, как в него входить
и где в этом доме ставят цветы.

* * *

Лучшую краску
посвящаю молчанию.
Быть дождю.

* * *

У колодца взошла Луна,
превратив душу чистой воды
в огромный желтый лист.

* * *

Весь дом
в морских ракушках.
Время вспоминать.

* * *

холодный ветер облюбовал цветок моей памяти
и с благородством пчелы ужалил в самое небо

* * *

взмахни мне
 озером
 ОТТУДА
...я встречу
 этот
 дождь

* * *

не
вспугни
начало
бессмертной маски

* * *

...Берега не хватит
воскресить мой бег...

* * *

все переполнено
торжественным уходом птицы

* * *

солнце на закате —
цирк-шапито
идет самое печальное представление
никто не плачет

* * *

Снег
сорвался
не дождавшись воспоминаний
о эта тишина
с довеском наших лиц

* * *

Мы прощаемся
.....
Мы все еще прощаемся

* * *

Я готов идти...
Но тебя уже много лет
нет в этом городе.

* * *

Влюбленные —
две белые
церквушки
на взлете.

Кто-нибудь, благослови!

* * *

Дозревает
антоновка
в памяти...

Сны теперь наперечет.

* * *

Глаза
по колени
в осенней листве.

Больше никто не умрет.

* * *

Прожилки тела
переполнены памятью:
Бывает — из ладони выбегу маленький.
Бывает — губы, догоняя тебя, падают.
Бывает — вечера выплывают каменные.
Бывает — глядя со стороны улицы,
я вижу, в окне мое нищенство бедствует

и руку протягивает такую,
что на каждом углу
по голому дереву.

РАСКОЛЬНИКОВ

Не глаза —
а бойницы.

В руке безнадежный лоскут топора.

Не убийца —
а мученик
топорной работы
человечьего бытия.

ЛЮБОВЬ

У ловцов жемчуга
не хватает воздуха
попасть на глубину
еще одной осени

они едва коснутся наших спин
и
отлетят
как только что
родившиеся крылья

МИГ

запах
черепахой
выполз из цветка
раздавая каждому
долгожданные письма

МУЗЫКА

Словно тень летящего человека —
Рояль на сцене.

* * *

Молчание
забралось
на самое высокое
дерево
чтобы видеть всех нас
и молчать

* * *

Забываю
в тебе умереть.
И забывшись твоим бессмертием,
как бесконечное воскресение,
стою в беспмятстве дорог.

* * *

Обретая способность
открывать двери
туда
 где никто не живет
я с большим трудом
нахожу себя
 среди школьных фотографий
и становлюсь почти невидимым
на руках счастливой Мадонны.

* * *

В
п
р
о
д
о
л
ж
и
т
е
л
ь
н
о
й
смерти моей
нет каникул

есть попытка уйти
от разбухших как ноги
дорог

Но ведь это весна.
Разобьет ли глаза свои ветер о зубья деревьев,
разучившись ходить по земле?
Не стоит ломать ему крылья,
если вам не дано летать.
Ведь кому-то же нужно быть там,
чтоб внизу шумела трава.
Откуда у моря безумная сила прибой?
Не от горных ли рек непокорных,
а может от заводи сточной,
вбирающей соки у них,
гниющей от выспренных чувств...
Тогда почему оно хочет разбиться
о серую тупость скал и рвется объять необъятное...
быть может,
 это наше молчание
 в поисках истины...

ЛАЗАРЬ ШЕРЕШЕВСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ

Происхождение кадров путем противоестественного отбора.

Это сказал не Дарвин — это однажды придумал я.

Придумал, но сказать не посмел, написать — тем более.

А кадры продолжали происходить:
слезали с дерева,
становились на четвереньки,
выпрямлялись,
брали в руки палки.
Этими палками били естественно прямоходящих,
здорово мыслящих,
грамотно пишущих.

А родоначальник их происхождения приговаривал:
«Кадры решают все».

ЕВГЕНИЙ ШЕШОЛИН

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АРМЕНИИ

Бедный Маштоц,
каменный библиотечарь Матенадарана,
давно забыл черты своего лица.
Ему кажется,
что эти жестокие, зазубренные значки букв
были всегда,
что имя ему дали задолго до рождения,
да и сам он, наверное, не знал начала:
солнце вовсе не изменилось,
а ленивое умудренное азиатское время
слизывает неровные углы веков,
но иногда позволяет заглянуть
в свое бездонное черное око...

Когда Ной начинал свою робинзонаду,
на дне моря
люди жили по-прежнему:
обрюзгшие города возвращались к расцвету
и мельчали;
бессчетные кирпичи туфа
сыпались из кладки
в руки строителей,
ложились на место
и плавились,
чтобы снова влиться
в горячее жерло
молодого Масиса.

Что вынес гребень волны?
Случайно ли выпадение двух шестерок
на этих черно-белых нардах
бесчисленных дней и ночей?
А может быть, повезло — другим?
Может быть, виноградины есть слезы, —
безнадежные, бесплотные, и —
все-таки сбывшиеся?..
Может быть — хорошо,
что трава растет на полу дворца,
дни улетают, как километровые столбы,
дети не знают имен прадедов,
и на седых камнях вдоль дороги
почти невидны
следы искусных ногтей Турка?..

КОСТЕЛ КРАСНОГО КИРПИЧА

(РЕЗЕКНЕ)

В. Дем

Костел красного кирпича
в маленьком городе,
затерявшемся в детстве...
Двум мальчикам
он казался верхом совершенства.
Его скромный архитектор
удивился бы нашему восхищению.

Рукой оформленный могучий утес Исаакия;
Домский, одетый в лоскуты эпох,
и Рипсимэ, скромно не заметившая
своих пятнадцати веков;
храм Анны, где кирпич
успешно состязается с веревкой...

А наш костел красного кирпича?

В маленьком городке,
в заповедном уголке сердца
два мальчика,
задрав головы в небо,
вбирают в себя
скромное совершенство
незатейливых строгих форм.

Где ты, безымянный архитектор?
Знал ли ты, на что был способен?

* * *

Я хочу быть малым ребенком:
видеть чисто, а помнить смутно
красоту незнакомого мира...

Чтобы мне пробежать по пляжу
вниз, к объятиям теплого моря,
оглянуться и вдруг увидеть

на закате твою фигуру
и, вернувшись к тебе, заплакать,
укрываясь в теплые руки...

Ты несла бы меня по полю,
а я плакал бы горько-горько
оттого, что хотел ракушку

подарить тебе ярче солнца,
а нашел лишь полные ила...

А Л Е К С А Н Д Р Ш М И Д Т

ВРЕМЯ МГНОВЕННОГО СЧАСТЬЯ

Вот он уже на краю
Снежной горки.
Подвигается толчками,
Раскачивая санки.
И...
Мгновенье спустя
Тени деревьев
Фиолетово скачут
В солнечной снежной пыли.
Останавливаются санки.
Останавливается солнце...
И повторяется снова
Время мгновенного счастья.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕР

Утром
Тень моя
Суша и благородна,
Как рыцарь из Ламанчи.
К полудню —
Толста и добродушна,
Как его вечный спутник.
А вечером —
Нелепо мельтешит,
Словно ветряная мельница.

ЭРИК ШМИТКЕ

* * *

Поэзии не надо много слов.

Стихотворение — зеленый мостик
от человека
к человеку,
прозрачный
бросок кузнечика
с былинки на былинку.

АФРИКАНСКИЕ СЛАЙДЫ

По обеим сторонам огня — тамтамы.
Огонь в боевой татуировке
танцует войну.

...Смотрит на пестрый экран
за мороженая девочка.

О! как любят ее
наконечники копий.

ОЧАГ

День, как оброк, отработан.
Один за другим
собираются
домочадцы у телевизора.

(От пещерных костров
навсегда
в крови отпечатана
теплая сила —
семья)

Тысячелетние движения и слова —
ежевечерние хлопоты,
точно завязь
памяти рода
еще у одного поколения.

ИНСТИНКТ

Рано утром пролетели правильные гуси.
...И целый божий день
в сентябрьском небе толпы
каких-то бестолковых птиц
разбросаны, точно обрывки
телетайпных лент.

Но мы уже прожили этот день.
И наша память незаметно каменеет
и превращается в опыт,
который с миллиардами чужих опытов
должен спрессоваться в инстинкт.
Но этого не происходит.

А птицы, нисколько не заботясь о будущем,
улетают. А потом обязательно возвращаются.

МАСТЕРОВАЯ ПАСТОРАЛЬ

Бродячим стекольщиком
с ящиком через плечо
по долам и весям бродить бы и мне...

Помнишь, в давние времена было так:
ранней осенью приходил стекольщик
и красиво ладил свое дело.
Хозяин поил его свежим пивом,
хозяйка кроила на новые окна
разноцветные ситцы.

Потом уходил стекольщик
и оставлял людям —
каждому человеку
свой мир за чистыми стеклами.

И стекла отмеряли в мире
одиначества меру и меру
сопричастности миру.

МУЗЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

Я вышел из музея Ф. М. Достоевского
в четверг
после полудня.
Шел по Кузнечному переулку,

оставив дикую планету
в одиночестве
умирать

СКУЛЬПТОР

Сначала
из огня
из пыли
из крови
из припорошенной снегом ветки
сосновой
камень
вырастить надо суметь
суметь сохранить его
чтобы камень
до спелости
мрамора
вызрел

А после —
простая
работа
каменотеса

АНАТОЛИЙ ШОР

* * *

Кто ты? — ребенок на берегу времени
ощущающий движение планет над собой
читающий в камнях и водах
в величественных и древних,
как буддийские храмы, ликах животных
благородство глубокого бытия

старик ли, постигший
существующее — неправдоподобно, потому — не
враждебно
но и любовь, и познание, и смерть вызывающе отвлеченны
и улыбкой, которая обозначает превосходство
(или растерянность)
доказывающий свою лояльность

неужели это и есть высочайшее мужество — жить

естественны
дружба дельфина и мальчика
даже влечение Пасифаи
но противоестественна поэзия

кто ты?

ночь глядит кровавыми глазами
хищников, кишит ужами, твари,
звезды следуют за мной

* * *

в реке над городом всплывает луна
как мертвая рыба, а дети все еще играют в мяч
на самом дне ночи. Мне некому сказать, Люда
(как губы твои дрожат): нынче озер осенних
хлынувший холод там, где мы жили
(любить нельзя и — невозможно)
но эти годы и горечь покоя
благодарю; о, прелестнейший друг мой
не обижайтесь — что музыка? — бред
пространства немого

* * *

забывая слова, не говоря ничего, забывая
Обь, хрящевидные воды
— нежные прожилки деревьев на запястье весны
осторожно целую, склоняюсь головой виноватой —
озябшая спутница, муза

* * *

с голландской тщательностью вымытый воздух
как накрахмаленный воротник — утро
аристократичная ясность
и вежливость — так ли трудна осень? —

когда ирония безвкусна, как близость
как озлобленность; достойней — зиянье
сопротивления, быть этим сродни
холодным ландшафтам

* * *

случайных
прохожих на мосту обыскивает ветер
угрюмый город пуст, брандмауэры, камень
громоздятся, навис над улицами, в этих берегах
каналы неба

время — глухой переулочек, отсыревшие здания
набухшие темнотой, брошены, сторожат
незаселенное утро утраченных территорий
что не травой зарастут — здесь подымется
отягчающий опыт

первые заморозки
льдистый воздух разломан
детскими голосами
ноябрь в ознобе веселом
праздника, что ли, а мы
в Павловск уедем, где парк
тонет в темном пруду
застоявшейся осени

мост сжимает горло реки

* * *

выпуклость тени и свет и утренний холод
радостный гимн бессознательных ощущений
фиксаций мельчайшего
и танцующий воздух и нежный полет
руки венчается яблоком и как щенята
прыгают ветви и тычутся мордой в окно

голоса лица мелькание ускользающих образов
ручей зеленая ящерка — смеется
убегающий ветер ребенок умиленность
не есть ли и счастье? оживаем
растрогавшись
прогулка в больничном дворе

* * *

осень в лихорадочных листопадах
в болезненно желтых лесах и лицах
отражаясь в фосфоресцирующих метафорах
предчувствия катастроф

(которых никто не поймет)

постоянство пространств, оголенных до сути
до кровоточащей откровенности пустоты и покоя
молчание, истекающее печалью и светом

...как растаявшая душа проигравшего ангела

а в шесть, промчавшись по шоссе
задохнуться скоростью, утром, Россией
почувствовать себя чужим и свободным
никого не любить. Называть это одиночеством
или счастьем

А Л Е К С А Н Д Р Ш У М И Л О В

ПОЛЕ

Слова растут из гортани,
но корни пускают в землю,
в бедный суглинок прожитых дней,
встреч, расставаний, иллюзий.

Слова растут из гортани
и стеблями тянутся в небо,
ждут, пока нерадивые жницы
не свяжут колосья в снопы.

На стерне остаются
слова без роду, без племени,
проросшие в лоне ветра.

Остаются слушать осеннее ненастье,
клониться долу,
ронять в землю семена удивления.

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ

Во время войны
И сразу после нее
Режиссеры снимали веселые фильмы,
В которых враг бежал,
А главные герои оставались живы.
Это было необходимо,
Чтобы научить людей
Улыбаться.
Чем дальше от войны,
Тем правдивее становятся
Фильмы о ней,
И теперь главные герои
Чаще всего погибают.
Это тоже необходимо,
Потому что люди должны уметь
Ненавидеть.
Интересно,
Можно ли снять кинокомедию
О взрыве атомной бомбы?

МИХАИЛ ЩЕРБИНА

* * *

Детство играющие кони луг
полный осязаемых солнечных зайчиков
хозяйственное мыло перегородки из веток
игра в самодельные городки
на далеких путях одуванчик виноватого солнца
горько пахнущий дым
болотная похожая на играющие мушки ряска
девочки говорящие о чем-то далеком и нежном
девочки идущие через тихую как ощущение
собственных волос деревню
девочки и их расчесанные солнечные волосы
девочки и бьющий через верхушки далеких сосен
луч пыльный и радостный
и солнечная пыль и закат
и еще не умеющий лаять щенок и готовые вареники
и какой-то человек играющий на далекой гармошке
и дым его маленькой папиросы

и маленький щенок и закат и лиственные распашонки на миг
и любимое имя выжженное на подоконнике
и распахнутое детство

* * *

В горизонтальной шубе замедленных стеклянных пчелок
тыходишь в солнечно-красный лес
и в сопутствующем воздухе
ощущаешь дуновение от длинных прямых волос
которые развеваются сами по себе по сторонам твоего лица

где-то в отдалении стоит осень
чуть слышен проносющийся по рельсам поезд
повсюду строгая тишина сентябрьского вечера

а ты закрывая лицо густыми темными волосами
слышишь как где-то скрипит закрываемое на ночь окно
и кажется сама вечность
только страх решительного слова

А Л Е К С А Н Д Р Ш У П Л О В

* * *

В восьмидесятые годы XX века
я повстречал человека по имени Купер.
Это случилось в одной из известных Галактик
на бесшабашной планете в зеленых размывах,
где (как предвидел Аррениус) силами света
занесена была жизнь на какой-то пылинке
и семимильным путем от сверчков и лягушек —
по обезьяньей тропе (как предчувствовал Дарвин)
жизнь подошла к человеку по имени Купер.
Легкие стружки волос его вились в потемках
"черного рынка" отчаянных книжников или
рынка чумных чернокнижников (если хотите),
что на Кузнецком мосту — в самом центре Европы,
даже немного правей (как смотреть!) — на планете
с краюшку — с боку одной из известных Галактик
в восьмидесятые годы XX века.
Впрочем, и звали его всего-навсего Димой —
легкие стружки волос его вились в потемках
и бултыханье талонного Купера в сумке
вмиг выдавало профессию, возраст и место

жительства: школьник, пятнадцать годков, Теплый Стан
с краюшку — с боку одной из известных Галактик,
где вдогонялки с какой-нибудь вечной кометой
легкие стружки волос развевались его.

* * *

Четыре лепестка у сирени,
и все одного цвета.
Четыре разлуки у года —
и все мои.

Четыре звезды в окне —
две на небе и две на стекле.
Четыре стороны у белого света —
куда ни бросался — ты!

Четырьмя пальцами я тянулся к тебе.
А пятый, самый робкий, убежал в сторону.
Четыре колокольчика держал в пятерне.
А пятый звенел: "Мы разные люди!"

Четыре остановки на последней электричке...
Четыре часа до рассвета.
Студент напротив меня ест сырую сосиску
и прикрывается портфелем.

Он прикрывается портфелем и читает "Математику",
а кончик сосиски выглядывает,
как перевязанный воздушный шарик.
У него своя радость, у меня — своя радость.
Прибавим два невезенья — будет четыре радости.

* * *

Давай, мое счастье, сядем на этот ранний поезд.
Куда он отправляется, когда и зачем — неважно.
Неважно — темь за окнами, сквозняк свистит — неважно.
Давай, мое счастье, сядем на этот ранний поезд.

Их было немало. Но этот случай для нас последний.
И стрелочник в будке уже подкуплен горстью орехов,
орехов веселых, прошлогодних крепких орехов,
которые нам не по зубам оказались.

Ты ежишься и смеешься, в словах твоих веет осень,
и веером сквозным на небе выглядят деревья.

А стрелочник в синей будке грызет даровые орехи,
поглядывает на часы и спичечкой зуб ковыряет.

Пора, мое счастье, горькоглазое мое счастье.
Слезы, светясь в потемках, по стакану в вино сбегают.
Сбегают ветры в Рузу, в могилы друзья сбегают.
Давай, мое счастье, сядем на этот ранний поезд.

Ты ежишься и смеешься, в словах твоих веет осень,
и веером сквозным на небе выглядят деревья.
Я научился безбоязненно умирать каждой ночью
и тропа на тот свет затоптана моими следами.

Давай, мое счастье, сядем на этот ранний поезд.
Куда он отправляется, когда и зачем — неважно.
Решайся, время не терпит. Этот случай для нас последний.
У стрелочника в будке уже кончаются орехи.

ВИКТОРИЯ ЭРГЕС

* * *

Ну кто сказал что это мало! —
если это — вечно:
песчинка в море
или звездная точка в окне...

* * *

мир постигают
не широко раскрытыми глазами
а наоборот —
слегка прикрыв их

* * *

проснувшейся
теплой
ладонью
глажу
земной
остывающий
шар...

* * *

огромная
безмерная
страна
а вмещается
меж двумя слезами

Ю Р И Й Я К М А

* * *

Луна обращена к Земле
всегда одной стороной:
значит,
что-то она
скрывает,
значит,
что-то она
пытается
уберечь от?..

Луна,
наверное,
очень боится
за последний
крошечный
участок
живой плоти...

Ф Р А Н Ч Е С К А Я Р Б У С О В А

* * *

Мы сидели на чердаке
в пыльном трехногом таинственном кресле
и не заметили, что наше детство
с визгом, как стриж,
вылетело в чердачное окно.

ОРЕХ

Как будто в кулачок зажат кусочек жизни новой.

ЗАБВЕНИЕ

**Тяжелый шмель,
цветок вьюнка
и небо в легких облаках.**

*** * ***

**Может быть, тебе поможет маленькая сказка,
в которой звон синицы запутался в веточках вишни.**

—

*Уважаемые читатели!
Свои отзывы посылайте
на имя составителя по адресу:
109387, Москва,
а/я 79*

О СОСТАВИТЕЛЕ

ДЖАНГИРОВ КАРЕН ЭДУАРДОВИЧ

Родился в 1956 году.

Родом из Арцаха (Нагорный Карабах).

Живет в Москве.

Окончил отделение кибернетики экономического факультета МГУ по специальности экономист-математик.

Окончил аспирантуру на кафедре управления экономического факультета МГУ и защитил кандидатскую диссертацию.

С 1978 года занимается разработкой и систематизацией русского верлибра.

Печатался в газетах «Московский университет», «Ленинградский университет», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Литературная газета», в журналах «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Москва», «Студенческий меридиан», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», в коллективных сборниках и за рубежом.

Автор четырех книг верлибров — «Модуль Я», «Закон сохранения вечности», «Узурпатор кошачьих шагов», «Записки Сторожа», — вышедших сборником «Прикосновение» (1990) в издательстве «Советский писатель».

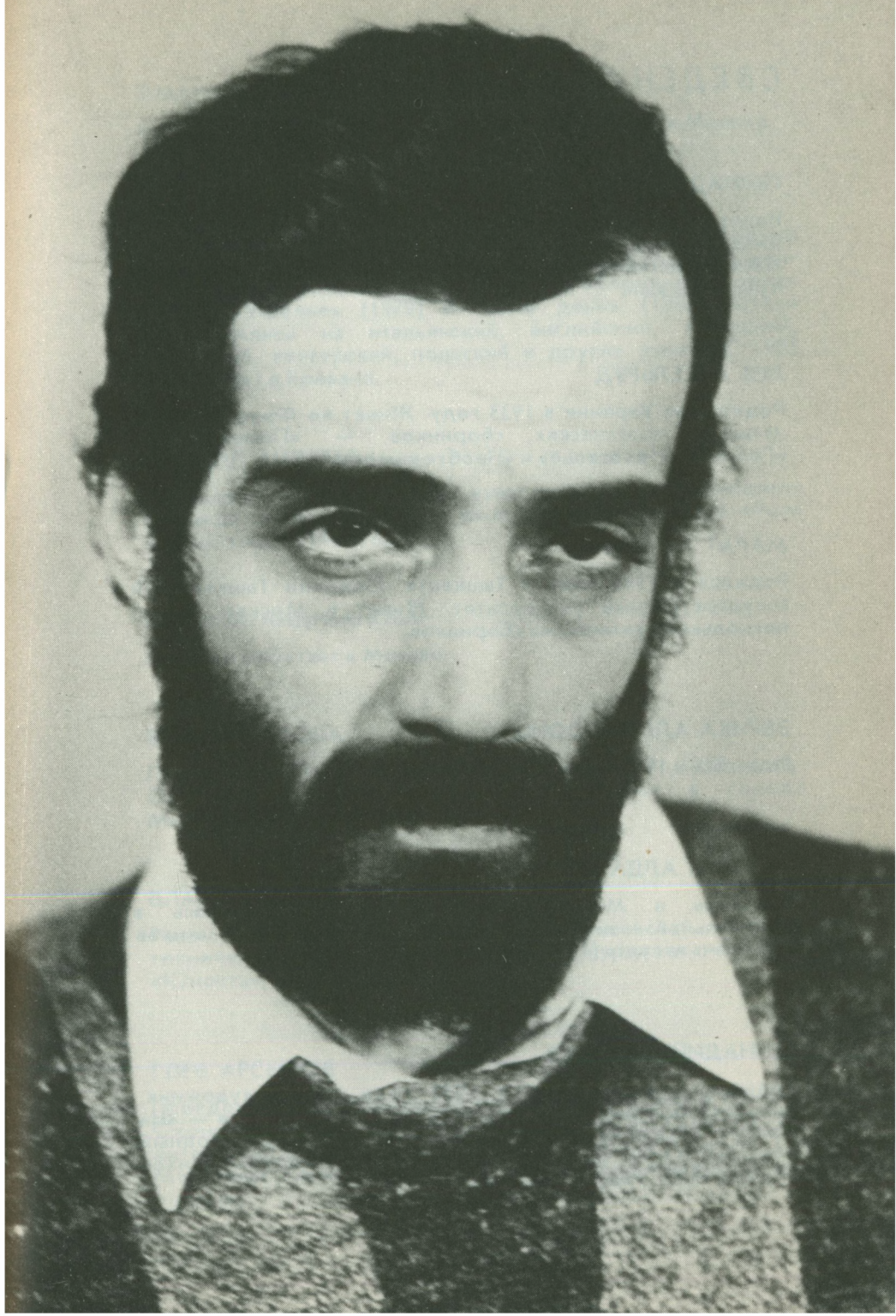
Автор подготовленных к изданию книг верлибров — «Утраченная смерть» и «Высота молчания».

Составитель и один из авторов первого в СССР сборника верлибров «Белый квадрат» (1988).

Составитель и один из авторов сборника верлибров «Время Икс» (1989).

Составитель «Антологии одного верлибра», опубликованной в альманахе «Поэзия» (№ 58).

Руководитель группы верлибристов «Минус 37».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГЕННАДИЙ АЙГИ

Родился в 1934 году. Живет в Москве. Автор более чем двадцати книг, изданных за рубежом. В СССР творчество Айги представлено несколькими газетными и журнальными публикациями.

ЛЕВ АКСЕЛЬРУД

Родился на Украине в 1933 году. Живет во Фрунзе. Автор четырех поэтических сборников — «Перекрестки», «Голоса», «Новоселье» и «Необходимость».

МАРАТ АКЧУРИН

Родился в 1948 году в Ташкенте. Окончил Ташкентский государственный университет. Живет в Москве. Автор нескольких поэтических сборников.

ЭВРИКА АЛЛАВЕРДОНЦ

Родилась в 1973 году. Живет в Москве.

МИЛАНА АЛДАРОВА

Родилась в Москве. Окончила МГУ. Печаталась в центральной периодике. Автор сборника стихов «Отсрочьте суд!» (1988).

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ

Родился в Ленинграде в 1932 году. Поэт, художник, архитектор. Автор четырех стихотворных сборников — «На мосту», «Высокие деревья», «Мое дело», «Пригородный пейзаж». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Умер в 1987 году.

ЭМАНУЭЛЬ АНАНДАНИРМАЛ

Родился в Одессе в 1957 году. Живет и работает в Москве.

РУБЕН АНГАЛАДЯН

Родился в 1947 году в Ахалцихе. Окончил отделение экономической кибернетики Ленинградского государственного университета. Автор стихотворных сборников «Хорал» (1975), «Ущелье» (1979) и «Весь день» (1987). Стихи переводились на итальянский, английский, немецкий, испанский, венгерский, польский и другие языки. С 1985 года живет в Ереване.

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

Родился в 1906 году в семье известного русского писателя Леонида Андреева. Автор философского трактата «Роза мира». Умер в 1959 году.

МАРИНА АНДРИАНОВА

Живет и работает в Москве.

ВЕРА АНЦЕРОВА

Псевдоним Натальи Тищенко. Родилась в 1958 году. Окончила Донецкое медучилище. Живет в городе Макеевке Донецкой области.

ВЛАДИМИР АРИСТОВ

Родился в 1950 году. Окончил Московский физико-технический институт. Печатался в журналах «Смена», «Юность», в альманахе «Поэзия».

ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ

Псевдоним Юрия Сорокина. Родился в 1936 году в Москве. Окончил Институт восточных языков при МГУ. Переводит китайскую поэзию и прозу (Лю Баньнун, Се Бинсинь, Ван Мэн, Чжан Канкан, Ай Цин), а также западноевропейскую поэзию.

ОЛЕГ АСИНОВСКИЙ

Родился в 1964 году. Живет в Москве. Автор стихотворного сборника «До и после» (1989).

НАТАЛЬЯ АСТАФЬЕВА

Живет в Москве. Автор нескольких стихотворных сборников — «Девчата» (1959), «Гордость» (1961), «Кумачовый платок» (1965), «В ритме природы» (1977), и других.

ПЛАТОН АФАНАСЬЕВ

Родился в 1932 году в Таллинне. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Печатался в центральной периодике. Живет в Москве.

ИВАН АХМЕТЬЕВ

Живет в Москве. Печатался в коллективном сборнике «Молодая поэзия 89».

БАЖЕН

Родился в 1970 году. Живет в Ростове-на-Дону.

ЭДУАРД БАЛАШОВ

Живет в Москве. Работает в издательстве «Советский писатель». Автор нескольких сборников философских миниатюр.

КОНСТАНТИН БАНДУРОВСКИЙ

Живет и работает в городе Славянске-1 Донецкой области.

МАКС БАТУРИН

Родился в 1965 году в Томске. Учился на историческом факультете Томского государственного университета. Печатался в журналах «Сибирские огни» и «Томский зритель». Работает в многотиражной газете.

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

Родился в 1958 году. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор двух стихотворных сборников — «Пульс птицы» и «Прости, Леонардо!». Работает редактором литературно-художественного издания «Дети Стронция», выходящего в Перми.

НИКОЛАЙ БЕЛОУСОВ

Родился в 1949 году в Чимкентской области. Живет в Москве. Иллюзионист.

АЛЕКСЕЙ БЕЛЬМАСОВ

Родился в 1959 году в городе Гурьевске Кемеровской области. Учится заочно в Кемеровском институте культуры. Автор двух стихотворных сборников — «Устояние» и «Жалей не жалей...». Живет в городе Ленинск-Кузнецкий.

ВИКТОРИЯ БЕЛЯЕВА

Родилась в 1966 году. Живет в Москве.

ЮРИЙ БЕРЕЩЕНКО

Живет в Москве. Автор сборника «Стихи» (1990).

М. БЕССОНОВ

Родился в 1960 году. Живет в Новокузнецке. Член местного объединения художников «Группа Чистых».

ЕВГЕНИЙ БЛАЖЕЕВСКИЙ

Родился в 1947 году. Окончил Московский полиграфический институт. Автор стихотворного сборника «Тетрадь».

КОНСТАНТИН БОГОМОЛОВ

Родился в 1975 году. Живет в Москве. Член литературной студии «Кипарисовый ларец» (руководитель О. И. Татарина).

НИКОЛАЙ БОЙКО

Родился в 1937 году в Алтайском крае. Живет в Симферополе. Работает художником.

АЛЕКСАНДР БОЛИН

Родился в 1960 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Переводит с арабского и английского языков. Работает экспертом-искусствоведом. Живет в Москве.

ИГОРЬ БОЛЫЧЕВ

Живет в Москве. Автор книги стихов «Разговоры с собою» (1990).

ЭРА БОНДАРЕВА

Живет во Владивостоке. Печаталась в журнале «Литературное обозрение».

ИГОРЬ БОНДАРЕВСКИЙ

Родился в 1956 году. Живет в Ростове-на-Дону. Печатался в «Литературной газете», в журнале «Дон», в альманахе «Истоки». Автор книги стихов «Словно непобежденные мельницы ветряные».

ВИТАЛИЙ БОРИСПОЛЕЦ

Родился в Киеве в 1962 году. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. Печатался в альманахе «Поэзия». Автор готовящихся к изданию стихотворных сборников «Золотые ворота» и «Бунт иллюзий».

ОЛЕГ БОРУШКО

Живет и работает в Москве. Печатался в альманахе «Поэзия».

ГРИГОРИЙ БРАЙНИН

Родился в 1954 году. Живет в Донецке. Окончил ДПИ. Работает инженером на заводе «Скиф».

ЕВГЕНИЙ БРАЙЧУК

Родился в 1948 году в Подмосковье. Живет в Москве. Печатался в ленинградской газете «Смена». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс».

АЛЕКСАНДР БРИГИНЕЦ

Родился в 1962 году в Киеве. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. Работал в газете, издательстве, журнале. Печатался в центральной и республиканской периодике. Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Автор готовящейся к изданию книги стихов «Прогноз на завтра».

ВЛАДИМИР БРИТАНИШСКИЙ

Родился в 1933 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский горный институт. Работал в геофизических экспедициях. Автор стихотворных сборников — «Поиски», «Наташа», «Пути сообщения», «Открытое пространство» и «Движение времени».

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Родился в 1940 году в Ленинграде. С 1972 года находится в эмиграции. В настоящее время живет в Нью-Йорке. Профессор ряда американских университетов. Автор восьми стихотворных сборников на русском языке и англоязычной книги эссе «Меньше, чем единица», изданных за рубежом. Лауреат Нобелевской премии в области литературы за 1987 год.

ЮРИЙ БРУСОВАНИ

Родился в 1949 году в Ленинграде. Окончил среднюю художественную школу в Академии художеств и Высшее художественно-промышленное училище имени Мухомой. Автор 250 картин и 1000 рисунков, большая часть которых

находится в США, ФРГ, Швеции, Франции. Автор циклов иллюстраций к «Ветхому Завету», произведениям Данте, Маркеса, Кортасара, Достоевского, Булгакова, Гоголя. Автор альбома «Голоса и тени» и буклета «Лицо света».

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ

Родился в 1954 году в Москве. Окончил механико-математический факультет МГУ. Работает учителем математики. Печатался в журналах «Юность», «Огонёк», «Знамя», «Новый мир», «Аврора», в альманахе «День поэзии».

ДМИТРИЙ БУРАГО

Родился в 1968 году. Окончил Киевский педагогический институт. Преподает в Киевской гимназии.

ИГОРЬ БУРИХИН

Родился в 1943 году. Жил в Ленинграде. С 1978 года находится в эмиграции. В настоящее время живет в Кельне. Автор двух стихотворных сборников, изданных в ФРГ, — «Мой дом слово» и «Превращения на воздушных путях».

ВЛАДИМИР БУРИЧ

Родился в 1932 году в Харькове. Окончил факультет журналистики МГУ. Печатался в центральной периодике. Один из авторов сборника свободных стихов «Белый квадрат» и сборника «Время Икс». Автор книги свободных стихов «Тексты». Стихи переводились на 15 языков.

ИВАН БУРКИН

Родился в 1919 году в Пензе. В настоящее время живет в США. Автор шести стихотворных сборников — «Только ты» (1947), «Рукой небрежной» (1972), «Путешествие из черного в белое» (1972), «Заведую словами» (1978), «13-й подвиг» (1978), «Голубое с голубым» (1980).

ВОЛЬФ БУХМАН

Родился в 1917 году в Одессе. Окончил Военно-воздушную академию имени Жуковского в Москве. Преподавал в гражданских учебных заведениях, работал в географической экспедиции.

ВАЛЕХ

Родился в 1960 году в Баку. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в центральной периодике. Автор книги стихов «Речитатив». Живет в Москве.

ЗАМИР ВАЛИЕВ

Родился 1956 году в Самаркандской области. Окончил Самаркандский государственный университет. Автор книги стихов «Длинные короткие годы».

СЕРГЕЙ ВАНЦАК

Родился в 1963 году. Живет в Полтаве.

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИН

Родился в 1949 году в Москве. Окончил Московский физико-технический институт и аспирантуру. Кандидат физико-математических наук. Работает в Институте прикладной математики АН СССР. Печатался в «Московском комсомольце», «Литературной газете», в журналах «Студенческий меридиан», «Смена», «Дружба», «Литературная учеба», в альманахах «Истоки» и «Поэзия».

ИГОРЬ ВАССЕРМАН

Родился в 1962 году в Донецке. Окончил ДПИ. Аспирант.

ПЕТР ВЕГИН

Родился в 1939 году. Автор ряда стихотворных сборников. Стихи переводились на многие языки мира.

СЭДА ВЕРМИШЕВА

Родилась в 1932 году в Тбилиси. Живет в Ереване. Автор пяти стихотворных сборников — «Солнце стоит высоко» (1971), «Мерцающий пунктир» (1974), «Листья» (1982), «Наскальный орнамент» (1988), «Нагорье» (1990).

ЕВГЕНИЯ ВЕТРОВА

Родилась в 1945 году. Живет в Киеве. Филолог.

ИГОРЬ ВИНОВ

Родился в 1952 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Живет в Киеве.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

Родился в 1925 году в Брянске. Автор более 30 стихотворных сборников, многие из которых переведены и изданы в разных странах мира. Живет в Москве.

ЮРИЙ ВИТЮРИН

Автор стихотворного сборника «Сентябри». Живет в Кирове.

ГЕОРГИЙ ВЛАСЕНКО

Родился в 1955 году в Ессентуках. Окончил факультет английского языка Пятигорского педагогического института иностранных языков. Автор статей по искусству и кино. Печатался в журнале «Литературное обозрение». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс».

ВЯЧЕСЛАВ В. ВОЛКОВ

Родился в 1967 году. Живет в Ленинграде. Печатался в ленинградской газете «Смена».

ВЕРА ВОЛКОНСКАЯ

Живет и работает в Москве.

МИХАИЛ ВОЛОВИК

Родился в Днепропетровске в 1959 году. Живет в Нижнем Новгороде. Биолог по образованию. Печатался в республиканской периодике. Руководитель литературного объединения «Ковчег».

ЛЮДМИЛА ВОЛОШИНА

Родилась в 1937 году в Орджоникидзе. Окончила юридический факультет ЛГУ. Кандидат юридических наук. Печаталась в журнале «Работница» и альманахе «Поэзия».

ИСАННА ВОРОНОВСКАЯ

Родилась в Ростовской области в 1955 году. Печаталась в альманахе «Поэзия».

ВАДИМ ВОРОНЦОВ

Родился в 1931 году. Живет в Москве. Автор стихотворного сборника «Белый мячик в зеленой траве» (1989).

НИНА ГАБРИЭЛЯН

Родилась в 1953 году. Окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Печаталась в центральной периодике. Автор книги стихов «Тростниковая дудка» (1986). Живет в Москве.

БАРЫЙ ГАЙНУТДИНОВ

Живет в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книги стихов «Колокольный звон» (1989).

РУСЛАН ГАЛИМОВ

Родился в 1946 году в Чистополе. Работал на КамАЗе. В последние годы жил в Москве. Умер в 1982 году. Посмертно изданы книги рассказов «Сказочник» (1982) и «Ко мне и от меня» (1988). Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс»

ИГОРЬ ГАЛКИН

Родился в 1963 году. Живет в Донецке. Работает художником-оформителем.

ЕЛИЗАВЕТА ГАНОПОЛЬСКАЯ

Живет в Тюмени. Учится заочно в Литературном институте имени А. М. Горького. Работает в газете «Тюменский комсомолец».

ВАСИЛИЙ ГАРКУША

Родился в 1962 году. Живет в Донецке. Окончил факультет романо-германской филологии Донецкого государственного университета. Работает искусствоведом.

ДМИТРИЙ ГЕРТЕЛЬ

Псевдоним Дмитрия Лепера. Живет в Москве. Член поэтического клуба «Кристалл».

ВИКТОР ГЛУЩЕНКО

Родился в 1939 году в городе Сумы. Окончил Киевский автодорожный институт. Работает инженером-конструктором. Печатался в газете «Неделя» и в альманахе «Поэзия».

НИКОЛАЙ ГОДИНА

Живет на Урале. Автор нескольких стихотворных сборников, в том числе «Будни» (1990).

ГЕННАДИЙ ГОЛОВАТЫЙ

Родился в 1963 году в Забайкалье. Живет в Москве. Автор пяти стихотворных сборников — «Когда солнце сгорает», «Не забыть и не вспомнить», «Я открыл», «Времена жизни», «Запретный плод».

ЮРИЙ ГОМОНОВ

Родился в Ростовской области в 1956 году. Работает учителем в Ростове-на-Дону. Печатался в областной прессе.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

Скульптор. Автор книги стихов и репродукций «Слушая камни» (1989).

ОЛЬГА ГРЕЧКО

Родилась в 1947 году. Окончила Московский областной педагогический институт. Живет в Москве. Автор книги стихов «Земли и неба круг».

ЛЕОН ГРОХОВСКИЙ

Родился в 1931 году. Живет в Ленинграде. Врач по образованию. Автор стихотворных сборников «Я шагаю по земле» (1983) и «Предостережение» (1989).

АЛЕКСЕЙ ГРОХОТОВ

Родился в 1964 году. Окончил Ленинградский политехнический институт. Живет в Ленинграде. Работает инженером-электрофизиком.

ОЛЕГ ГУБАНОВ

Родился в 1965 году в Костроме. Живет в Нижнем Новгороде. Редактор самиздатовой газеты «Суп-Культура».

СЕРГЕЙ ГУМИЛЕВ

Родился в 1956 году. Живет на Южном Урале. Печатался в альманахе «Поэзия».

ИГОРЬ ДАВЛЕТШИН

Родился в 1967 году. Живет в Новокузнецке. Член местного объединения художников «Группа Чистых».

ВЛАДИМИР ДАГУРОВ

Родился в Нальчике в 1940 году. Окончил Свердловский медицинский институт. Защитил кандидатскую диссертацию по фармакологии. Автор десяти стихотворных сборников. Живет в Москве.

ЕВГЕНИЙ ДАЕНИН

Живет и работает в Москве.

АНДРЕЙ ДЕМИДОВ

Живет в Южно-Сахалинске. Член Сахалинского областного литературного объединения «Островитяне». Печатался в коллективном сборнике «На ветрах...».

СВЕТЛАНА ДЕНЬГИНА

Родилась в 1968 году в Куйбышеве. Учится на филологическом факультете Куйбышевского государственного университета.

РЕГИНА ДЕРИЕВА

Родилась в 1949 году в Одессе. Живет в Караганде. Автор двух стихотворных сборников — «Почерк» и «Узел жизни». Стихи Дериевой переводились на немецкий, болгарский, украинский и казахский языки.

ДЖУНА

Евгения Ювашевна Давиташвили. Признанный представитель нетрадиционных методов медицины. Автор методики бесконтактного массажа, опубликованной на многих языках мира. На конгрессе по биоэнергетике и психотронике, проходившем в Милане в 1986 году, ей присвоено звание профессора. Печаталась в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Огонек», «Юность», в газете «Литературная Россия». Автор книги «Слушаю свои руки». Художник.

ВЛАДИМИР ДОБИН

Родился в 1946 году в городе Люберцы Московской области. Окончил Московский государственный педагогический университет. Автор стихотворного сборника «Христос» (1989).

АРТУР ДОЛЯ

Родился в 1962 году в Целинограде. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в альманахах «Поэзия», «Парус времени», «Истоки» и в коллективных сборниках. Живет в Москве.

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

Родился в 1942 году в Кемерове. Работает в альманахе «Литературный Кузбасс». Автор двух стихотворных сборников — «Утренняя дорога» и «Прелесть смысла».

АЛЕКСАНДР ДОРИН

Родился в Москве в 1951 году. Окончил Московский авиационный институт. Печатался в альманахах «Истоки» и «Поэзия».

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

Живет в Ленинграде. Автор книги стихов «Небо соответствий» (1990).

ВЛАДИМИР ДРОЗДОВ

Живет в Ленинграде. Автор нескольких стихотворных сборников, в том числе «День земного бытия» (1989).

СОФЬЯ ДУБОВСКАЯ

Родилась в 1933 году. Живет в Ленинграде. Печаталась в коллективном сборнике «Молодой Ленинград — 89».

КИРА ЕЗЕРСКАЯ

Родилась в 1963 году в Ясной Поляне. Окончила музыкальное училище. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Печаталась в журнале «Студенческий меридиан». Живет в Москве.

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

Родился в Москве в 1935 году. Окончил Московское эстрадно-цирковое училище. Один из создателей «авторского цирка». Снимался в ряде фильмов. Народный артист Армянской ССР. Умер в 1972 году.

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО

Родился в 1949 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в центральной периодике. Автор книги стихов «Приметы родства» (1989).

ГАЛИНА ЕРМОШИНА

Родилась в 1962 году в поселке Ивантеевка Саратовской области. Окончила Куйбышевский институт культуры. Работает библиотекарем. Автор стихотворного сборника «Окна дождя» (1990).

ОЛЬГА ЕФРЕМОВА

Живет в Москве. Работает инженером-конструктором.

ИВАН ЖДАНОВ

Родился в 1948 году в деревне Усть-Тулатинка Алтайского края. Окончил Барнаульский педагогический институт. Автор книги стихов «Портрет». Живет в Москве.

БАЯР ЖИГМЫТОВ

Родился в 1953 году. Окончил Иркутский политехнический институт. Автор стихотворных сборников «Лунная роса» и «Пламя плетя». Живет в Улан-Удэ.

ВЛАДИМИР ЖОВНОРУК

Родился в 1963 году. Живет в Киеве. Работает заведующим отделом литературы еженедельника «Слова». Автор готовящейся к изданию книги свободных стихов «Миражи на ладонях».

ИГОРЬ ЖУРБИН

Родился в Махачкале в 1962 году. Окончил режиссерское отделение Минского института культуры. Работал на гомельском телевидении и радио ассистентом режиссера и редактором, артистом ансамбля «Поп-синдикат». Печатался в республиканской периодике. Автор стихотворного сборника «Колодец» (1990). Живет в Гомеле.

ЮРИЙ ЗАБРОДИН

Живет и работает в городе Ленинск-Кузнецкий.

ВАЛЕНТИН ЗАГОРЯНСКИЙ

Псевдоним известного московского композитора Глеба Седельникова. Автор книги стихов «Дождь кратковременный» (1990).

СВЕТЛАНА ЗАГотова

Родилась в 1956 году. Окончила Харьковский институт культуры. Живет в Донецке. Работает в школе искусств.

АЛЕКСЕЙ ЗАРАХОВИЧ

Живет и работает в Киеве.

КРИСТИНА ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС

Родилась в Москве в 1960 году. С 1966 года живет в Париже. Художник.

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

Родился в 1947 году в городе Волхове Ленинградской области. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Автор готовящейся к изданию книги стихов «Неверный угол». Живет в Ленинграде.

ЮРИЙ ЗМОРОВИЧ

Родился в Киеве в 1946 году. Окончил Киевский художественный институт и Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Занимается скульптурой из металла. Работы Зморовича выставлялись в Киеве, Москве, Нью-Йорке. Работает режиссером кино и театра.

ОЛЕГ ЗОЛотов

Родился в 1963 году в Риге. Печатался в журнале «Родник».

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Родился в 1954 году в Донецке. Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Работал в Донецком медицинском институте. Умер в 1987 году.

ВИКТОР ЗУЕВ

Родился в 1952 году на Сахалине. С 1980 года живет в Москве. Автор ряда статей о современной русской и восточной поэзии. Автор книги стихов «Увеличительное стекло» (1990).

АЛЕВ ИБРАГИМОВ

Живет в Москве. Автор стихотворного сборника «Вишни».

АЛЕКСАНДР ИВАННИКОВ

Родился в 1955 году в Ростове-на-Дону. Учился на биолого-почвенном факультете Ростовского государственного университета. Печатался в областной периодике и коллективных сборниках.

СВЕТЛАНА ИВАНОВА

Родилась в 1962 году. Живет в Ленинграде. Учится заочно в Литературном институте имени А. М. Горького. Автор стихотворного сборника «Тень на камне» (1990).

АЛЕКСЕЙ ИВЛЕВ

Родился в 1956 году в Риге. Учился на филологическом факультете Латвийского государственного университета. Печатался в журнале «Родник».

ИГОРЬ ИНОВ

Родился в 1930 году в Симферополе. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Живет в Ленинграде. Автор четырех стихотворных сборников — «В часе пути...» (1975), «По кромке августа» (1980), «Из дома в дом» (1987), «Рукопожатие в Карпатах» (1988).

НИНА ИСКРЕНКО

Родилась в 1951 году в городе Петровске Саратовской области. Окончила физический факультет Московского государственного университета. Работала переводчиком научной литературы с английского языка. Печаталась в журналах «Юность», «Аврора», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии». Живет в Москве.

ЮРИЙ КАБАНКОВ

Родился в 1954 году на Дальнем Востоке. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор двух стихотворных сборников — «Разговор» и «Кто служит ветром». Живет в Тульской области.

ОЛЕГ КАЗАКОВ

Живет и работает в Ленинграде.

ИГОРЬ КАЛУГИН

Живет в Москве. Автор нескольких поэтических сборников, в том числе «Стихотворения» (1990).

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

Родился в 1951 году. Живет в Алма-Ате. По профессии инженер-металлург. Окончил Высшие литературные курсы. Автор книги стихов «Чувство мира».

НИКОЛАЙ КАПИТАНОВ

Родился в 1950 году. Живет в Тверской области. Печатался в журналах «Дружба», «Студенческий меридиан», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», в коллективных сборниках. Автор книги стихов «За вереском» (1990).

ДИНАРА КАРАКМАЗЛИ

Живет в Баку. Автор двух стихотворных сборников — «Здравствуй» и «Когда проснулись птицы».

НИКОЛАЙ КАТАЛЬНИКОВ

Родился в 1966 году. Живет в Донецке. Учится на филологическом факультете Донецкого государственного университета.

САВЕЛИЙ КАШНИЦКИЙ

Родился в 1952 году. Окончил Московский авиационный институт. Работает инженером. Печатался в центральной периодике.

Г. КВАНТРИШВИЛИ

Живет в Куйбышеве. Студент КГПИ.

СВЕТЛАНА КЕДРИНА

Родилась в 1934 году. Живет в Москве. Печаталась в центральной печати и в коллективных сборниках.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

Живет и работает в Москве. Печатался в центральной периодике и в коллективных сборниках.

ЛАРИСА КЕРЧИНА

Родилась в Уфе в 1962 году. Окончила Уфимский авиационный институт. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Живет в городе Реутове Московской области.

ГЕОРГИЙ КИРИЛЛОВ

Родился в 1952 году в Таллинне. Окончил Таллиннский политехнический институт. Печатался в республиканской периодике и коллективных сборниках.

АНДРЕЙ КИРСАНОВ

Живет и работает в Москве.

СЕМЕН КИРСАНОВ

Родился в 1906 году в Одессе. С 1925 года жил в Москве. Умер в 1972 году. Автор ряда стихотворных сборников. Стихи Кирсанова переводились на многие языки мира.

ВЛАДИМИР КЛИМОВ

Родился в 1951 году. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор четырех книг о молодежных театрах и ряда статей о литературе и живописи. Печатался в центральной периодике. Живет в Москве.

ГАЛИНА КЛИМОВА

Родилась в 1947 году в Москве. Окончила географический факультет Московского государственного педагогического университета. Печаталась в центральной периодике.

СВЕТЛАНА КЛИНУШКИНА

Родилась в 1967 году. Живет в Москве. Работает младшим редактором в издательстве Московского полиграфического института.

МАРИНА КНЯЗЕВА

Живет в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работает на кафедре литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг о современной культуре. Печаталась в журнале «Москва» и в альманахе «Поэзия».

АНАТОЛИЙ КОБЕНКОВ

Родился в 1948 году в Хабаровске. Живет в Иркутске. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор восьми стихотворных сборников.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

Родился в 1930 году на юге Бессарабии. Поэт, переводчик, критик. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда стихотворных сборников. Живет в Москве.

ЕВГЕНИЙ КОЛЕСОВ

Родился в 1951 году в Костроме. Окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Переводит с немецкого и новогреческого языков. Печатался в альманахе «Поэзия».

ВАЛЕРИЙ КОЛОТВИН

Родился в 1961 году. Живет в Новокузнецке. Член местного объединения художников «Группа Чистых».

МАРИНА КОЛОТВИНА

Родилась в 1963 году. Живет в Новокузнецке. Член местного объединения художников «Группа Чистых».

ОСИП КОЛЫЧЕВ

Родился в 1904 году в Одессе. Автор более двадцати стихотворных сборников. Умер в 1973 году.

НАТАЛЬЯ КОНОПЛЕВА

Живет в Москве. Автор книги стихов «Остановись, незримый поводырь» (1990).

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВ

Родился в 1946 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в альманахах «Истоки» и «День поэзии».

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВА

Родилась в 1959 году. Живет в Донецке.

НИНА КОСТАНИНОВА

Родилась в Костромской области. Окончила Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Работает в объединении «Союзреставрация». Автор книги стихов «От первого лица».

АЛЕКСАНДР КОРМАШОВ

Родился в 1959 году в Вологодской области. Окончил Московский государственный педагогический университет. Работает редактором в издательстве «Столица». Автор двух стихотворных сборников — «Чаша» (1985) и «Бор» (1988).

АНДРЕЙ КОРЧЕВСКИЙ

Родился в 1964 году. Живет в Алма-Ате. Математик по образованию. Автор книги стихов «Приближение весны».

ЭЛЬМИРА КОТЛЯР

Автор нескольких стихотворных сборников, первый из которых — «Ветка» — вышел в издательстве «Советский писатель» в 1958 году.

ЛЕВ КОТЮКОВ

Родился в 1947 году в Орле. Живет в городе Пушкино Московской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор трех стихотворных сборников, в том числе «В одинокой толпе» (1990).

НАТАЛЬЯ КОЧИНА

Родилась в 1976 году. Живет в Москве. Член литературной студии «Кипарисовый ларец».

ПЕТР КОШЕЛЬ

Родился в 1946 году в Белоруссии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор нескольких стихотворных сборников. Живет в Москве.

ДМИТРИЙ КРАВЧУК

Родился в 1967 году. Живет в Новокузнецке. Член местного объединения художников «Группа Чистых».

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

Родился в 1951 году на Южном Урале, в городе Новотроицке. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор стихотворных сборников «Птичьи светофоры», «Пока вы любите...», «Крик» и других. Живет в Москве.

НИНА КРАСНОВА

Родилась в 1950 году в Рязани. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Автор четырех стихотворных сборников — «Разбег», «Такие красные цветы», «Потерянное кольцо», «Плач по рекам».

ЗАХАР КРЕЙМЕР

Родился в 1951 году. Живет во Фрунзе. Окончил Фрунзенский политехнический институт. По образованию инженер-строитель. Печатался в республиканской периодике и коллективном сборнике «Ожидание» (1990).

ВИКТОР КРИВУЛИН

Родился в 1944 году в Ворошиловградской области. Живет в Ленинграде. Автор нескольких стихотворных сборников, в том числе изданных за рубежом.

ОЛЕГ КРУГЛИКОВ

Родился в 1964 году в Риге. Печатался в газете «Советская молодежь» и в журнале «Родник».

ИГОРЬ КРУЧИК

Родился в 1961 году. Окончил филологический факультет Киевского государственного университета. Автор книги стихов «Весть о братьях».

ТАТЬЯНА КУДИНА

Родилась в 1964 году в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работает редактором в ВНЦ наркологии Минздрава СССР. Печаталась в альманахах «Поэзия» и «Весь свет».

МИХАИЛ КУЗЬМИН

Родился в 1949 году в Ленинграде. Учился на факультете психологии ЛГУ. Один из основателей клуба ленинградских картунистов, известного своими нонконформистскими выставками. С января 1990 года ведет рубрику «Тик-Так» при молодежной газете «Смена».

МАРИНА КУЛАКОВА

Родилась в 1962 году. Живет в Нижнем Новгороде. Печаталась в журналах «Нева», «Юность», «Новый мир», «Литературная учеба».

СЕРГЕЙ КУЛЛЕ

Родился в Ленинграде в 1936 году. Умер в 1984 году. Стихи опубликованы посмертно в ленинградской газете «Смена».

ВИКТОР КУЛЛЭ

Родился в 1962 году в Ленинграде. Живет в Москве. Печатался в журналах «Юность», «Литературная учеба», «Родник», в газете «Собеседник». Стихи переводились на английский, немецкий, болгарский и другие языки.

АНАТОЛИЙ КУЛТЫШЕВ

Родился в Перми. Живет в Москве. Работает оператором котельной.

АНДРЕЙ КУЛЬБА

Родился в 1963 году в городе Дивногорске Красноярского края. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

ВАЛЕРИЙ КУПРИЕНКОВ

Родился в 1946 году в городе Ленинск-Кузнецкий. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Художник. Автор десяти персональных выставок картин.

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

Родился в 1939 году в Новосибирске. Окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Автор четырех стихотворных сборников. Один из авторов сборника свободных стихов «Белый квадрат» и сборника «Время Икс». Стихи переводились на немецкий, английский, сербо-хорватский и другие языки. Живет в Москве.

ИГОРЬ ЛАПИНСКИЙ

Родился в 1944 году в Варшаве. С 1954 года живет в СССР. Работал музыкальным редактором Гостелерадио УССР, литературным редактором Киевской киностудии имени А. Довженко. В настоящее время преподает в детской музыкальной школе.

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Родился в 1922 году. Живет в Москве. Автор ряда стихотворных сборников — «Стороны света», «Земное небо», «Кинематограф», «День такой-то», «Письма Катерине или Прогулка с Фаустом» и других. Стихи переводились на многие языки мира.

РАФАЭЛЬ ЛЕВЧИН

Родился в Крыму в 1946 году. С 1970 года живет в Киеве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работает литературным сотрудником театра. В печати выступал как переводчик.

МИХАИЛ ЛЕЗИН

Родился в 1974 году. Живет в Тольятти.

ВЛАДИМИР ЛЕНЦОВ

Родился в 1938 году в Харьковской области. Живет в Москве. Автор семи стихотворных сборников.

ВАЛЕРИЙ ЛИПНЕВИЧ

Родился в 1947 году в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор четырех стихотворных сборников. Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Живет в Москве.

АЛЛА ЛИПНИЦКАЯ

Родилась в 1949 году. Окончила филологический факультет Сумского педагогического института. Работает научным

сотрудником Сумского художественного музея. Автор готовящейся к изданию книги стихов «Мы только путники с тобой».

АЛЕКСАНДР ЛИПОВЕЦКИЙ

Живет и работает в Свердловске.

НИКОЛАЙ ЛИСИЦЫН

Родился в 1959 году в Душанбе. Окончил Томский медицинский институт. Работает корреспондентом томской многотиражной газеты.

ГЕРМАН ЛУКЬЯНОВ

Родился в 1936 году. Окончил Московскую консерваторию по классу композиции у Арама Хачатуряна. Художественный руководитель Московского камерного джаз-ансамбля «Каданс». Член Союза композиторов СССР. Печатался в журнале «Литературное обозрение». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс».

АНДРЕЙ МАДИСОН

Родился в 1952 году. Окончил Тартуский государственный университет. Печатался в журнале «Таллинн». Живет в Таллинне.

МАЙ — АВГУСТ

Родился в 1950 году. Живет в Ставрополе.

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ-КРОТКОВ

Родился в 1959 году. Окончил Московский государственный институт культуры. Печатался в журналах «Сельская молодежь», «Континент», в альманахах «Мулета», «Поэзия». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Стихи Макарова-Кроткова переводились на английский, сербо-хорватский и украинский языки.

ВЛАДИМИР МАЛЬЦЕВ

Родился в 1959 году в Тюменской области. Окончил филологический факультет МГУ. Печатался в газете «Московский университет». Работает в Главном управлении культуры Мособлисполкома. Живет в Подольске.

АЛЕКСАНДР МАЛЫЙ

Родился в 1958 году. Живет в Киеве.

НИКОЛАЙ МАРИН

Родился в 1948 году в Новокузнецке. Окончил Московский институт тонкой химической технологии. Кандидат технических наук. Стихи публиковались в Японии. Живет в Москве.

НИКОЛАЙ МАРКАРОВ

Родился в 1933 году. Живет в Москве. Член Союза художников СССР. Переводит литературу с армянского языка.

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

Родился в 1961 году. Печатался в коллективном сборнике «Звенья». Живет в Пскове.

АЛЕКСАНДР МЕДНИКОВ

Родился в 1960 году. Живет в Южно-Сахалинске.

ВЛАДИМИР МЕЖЕРА

Родился в 1963 году. Живет в Ростове-на-Дону.

ЕЛЕНА МЕЛЬНИК

Родилась в 1956 году. Окончила Московский народный университет искусств. Живет в городе Макеевке Донецкой области.

АРВО МЕТС

Родился в 1937 году в Таллинне. Окончил Ленинградский библиотечный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Работает в редакции журнала «Новый мир». Печатался в центральной периодике. Автор трех стихотворных сборников. Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Стихи Метса переводились на испанский, немецкий, польский, сербо-хорватский, украинский, грузинский, литовский и другие языки.

АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ

Живет в Москве. Печатался в центральной периодике.

ЭДУАРД МИЖИТ

Родился в 1961 году в Тувинской АССР. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Печатался в газетах «Собеседник», «Литературная газета», в альманахе «Истоки».

ЮРИЙ МИЛОВА

Родился в 1952 году в Тбилиси. Окончил Тбилисский институт иностранных языков. Печатался в центральной периодике и в коллективных сборниках. Стихи переводились на украинский язык.

ОЛЕГ МИНГАЛЕВ

Живет в Москве. Печатался в центральной периодике.

АРСЕН МИРЗАЕВ

Родился в 1960 году. Живет в Ленинграде. Печатался в журнале «Сумерки», в альманахе «Петрополь».

ПАВЕЛ МИТЮШЕВ

Родился в 1957 году. Окончил физический факультет МГУ. Член клуба «Поэзия». Живет в Москве.

СЕРГЕЙ МНАЦАКАНЯН

Родился в Москве в 1944 году. Окончил Высшие литературные курсы. Автор ряда стихотворных сборников — «Вздых», «Высокогорье», «Автопортрет» и других.

ЮРИЙ МОГУТИН

Живет в Москве. Автор стихотворного сборника «Магний маленьких молний» (1990).

ИЛЬЯ МОЗЫРЬ

Родился в 1915 году. Живет в Москве. Автор готовящейся к изданию книги стихов «Взрыв».

АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

Родился в 1949 году. Окончил филологический факультет МГУ. Печатался в альманахе «Поэзия».

ВЛАДИМИР МОНАХОВ

Родился в 1955 году в Харьковской области. Окончил Иркутский государственный университет. Печатался в областной периодике. Живет в Братске.

ИВАН МОРДОВИН

Живет и работает в Барнауле.

АЛЕКСАНДР МОРЕВ

Псевдоним Александра Пономарева. Родился в 1934 году. Жил в Ленинграде. Покончил самоубийством в 1979 году. Автор посмертно изданной книги стихов «Листы с пепелища».

ВЛАДИМИР МОРОЗОВ

Родился в 1948 году. Живет в Донецке. Работает инженером.

СТЕЛЛА МОРОТСКАЯ

Родилась в 1962 году. Живет в Нижнем Новгороде. Окончила факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ. Работает инженером-программистом. Печаталась в альманахе «Истоки».

ИРИНА МОСКАЛЕНКО

Родилась в 1961 году. Живет в Ростове-на-Дону.

СЕРГЕЙ МОСКВИН

Родился в 1949 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в центральной периодике. Живет в Москве.

СЕРГЕЙ МУРАТОВ

Живет и работает в Москве.

ВАЛЕНТИНА МУРЗИНА

Родилась в Куйбышевской области. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Живет в Москве.

НОРА НАДЛЕР

Псевдоним Элеоноры Даниловой. Родилась в Сибири. Училась в Московском полиграфическом институте. Живет в Мариуполе.

ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

Родился в 1950 году в городе Солнечногорске Московской области. Окончил Московский институт культуры. Печатался в центральной периодике.

АЛЕКСАНДР НЕЖУРКО

Родился в 1964 году в Донецке. Окончил ДПИ. Работает экономистом.

ЛЮДМИЛА НЕЙМАН

Живет и работает в городе Отрадном Куйбышевской области.

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

Родился в 1934 году. Живет в Москве. Печатался преимущественно на Западе. Автор сборника «Стихи из журнала» («Прометей», 1989).

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

Родилась на Урале в 1912 году. Автор стихотворных сборников «Ночь на баштане» (1955) и «А земля наша прекрасна» (1958). Умерла в 1958 году.

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

Родился в 1948 году в Улан-Удэ. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Работал в газете «Молодежь Бурятии» и в журнале «Байкал». Умер в 1971 году. Посмертно издана книга стихов «Стреноженные молнии» (1974).

ИРА НОВИЦКАЯ

Родилась в 1946 году в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. Печаталась в альманахах «Поэзия», «День поэзии». Работает старшим лаборантом.

СЕРГЕЙ НОСОВ

Родился в 1956 году в Ленинграде. Окончил исторический факультет ЛГУ. Защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории раннего славянофильства. Автор ряда работ по русской мысли и литературе. Автор книги «Аполлон Григорьев. Судьба и творчество» (1990). Печатался в альманахах «День поэзии», «Истоки». Живет в Ленинграде. Работает в Институте русской литературы АН СССР.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

Поэт, критик, переводчик. Профессор Литературного института имени А. М. Горького. Автор ряда стихотворных сборников. Живет в Москве.

СЕРГЕЙ ОКРОПИРИДЗЕ

Родился в 1935 году в Омской области. Окончил Тбилисский институт иностранных языков. Печатался в журнале «Литературная Грузия» и в альманахе «Дом под чинарами». Переводит с немецкого языка. Живет в Тбилиси.

АЛЕКСЕЙ ОЛЬГИН

Псевдоним Льва Маграчева. Родился в 1931 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский педагогический институт. Живет в Таллинне. Автор двух стихотворных сборников — «Нетронутое лето» (1974) и «Осенние светофоры» (1979).

ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ

Родился в 1930 году в Тулузе. Автор монографии «Стих и поэтическое видение». Переводит литературу с грузинского и французского языков. Печатался в журнале «Литературная Грузия», в альманахах «Дом под чинарами», «Кавкасион». Живет в Тбилиси.

ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ

Родился в 1952 году в Челябинске. Окончил Куйбышевский государственный университет. Защитил кандидатскую диссертацию «Свободный стих в русской советской поэзии 1960-1970-х годов». Печатался в областной периодике и в альманахе «День поэзии». Живет в Куйбышеве.

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

Родился в 1964 году. Окончил Московский институт химического машиностроения. Печатался в журнале «Смена». Стихи переводились на сербо-хорватский язык. Живет в Москве.

МИХАИЛ ОРЛОВ

Родился в 1949 году. Работал слесарем, грузчиком, матросом, корректором, корреспондентом областной кемеровской газеты. С 1981 года жил в Томске. Умер в 1986 году. Стихи публиковались в сборнике «Молодая поэзия 89» и сборнике свободных стихов «Время Икс». Посмертно издана книга «Травы чужих полей» (1989), включившая исторические миниатюры, эссе, фантастические новеллы, рассказы и стихи.

ЕЛЕНА ОРЛОВА

Родилась в 1967 году. Окончила Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Занимается живописью, графикой, книжными иллюстрациями. Живет в Москве.

МАРИНА ОРЛОВА

Родилась в 1960 году в Донецке. Печаталась в центральной периодике.

ОЛЕГ ОСИПОВ

Живет в Ленинграде. Печатался в журнале «Аврора», в альманахе «День поэзии» и в коллективном сборнике «Невские просторы».

МУЗА ПАВЛОВА

Родилась в Перми в 1916 году. Живет в Москве. Автор нескольких сборников пьес, изданных за рубежом.

ЭРТА ПАДЕРИНА

Живет в Новосибирске. Печаталась в коллективном сборнике «Весенние голоса» (1985).

АЛЕКСАНДР ПАК

Родился в 1953 году. Живет во Фрунзе. Печатался в журнале «Литературный Киргистан» и в коллективном сборнике «Сахалин».

НИКОЛАЙ ПАНЧЕНКО

Родился в 1924 году в Калуге. Живет в Москве. Автор ряда стихотворных сборников — «Обелиски в лесу», «Зеленая книга», «Уходит дерево», «Остылый уголь» и других.

ВАЛЕНТИНА ПАХОМОВА

Родилась в 1954 году в городе Павлове-Посаде Московской области. Живет в Москве. Работает в музее Кусково. Печаталась в коллективном сборнике «Перовские страницы» (1990).

ЕВГЕНИЙ ПАШАНОВ

Родился в 1964 году. Живет в Москве. Педиатр по образованию.

ЛЕОНИД ПАЩЕНКО

Родился в 1936 году. Окончил ташкентский педагогический институт. Автор пяти стихотворных сборников — «Страна Синеи Птицы» (1973), «Книга степи» (1974), «Площадь Путовского» (1975), «Простые слова» (1983), «Избранное» (1986). Стихи переводились на английский, французский, польский и другие языки.

АЛЕКСАНДР ПИНЯГИН

Живет и работает в Москве.

НАТАЛЬЯ ПИСАРЕВА

Родилась в 1958 году в Донецке. Училась в Донецком музыкальном училище. Печаталась в коллективном сборнике «Поиск».

СТАНИСЛАВ ПОДОЛЬСКИЙ

Родился в 1940 году. Окончил Новочеркасский политехнический институт. Автор двух стихотворных сборников — «Весенняя мастерская» (1982) и «Древо дороги» (1986). Живет в Кисловодске.

ВИКТОР ПОЛЕЩУК

Родился в 1957 году в Оренбургской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Живет в Душанбе.

ЮРИЙ ПОЛЬЧЕНКО

Родился в 1959 году. Живет в Киеве. Работает звукоинженером в Киевском театре киноактеров.

ЕВГЕНИЙ ПОНТЮХОВ

Родился в 1941 году в Вологодской области. Живет в Орловской области. Работает редактором районной газеты.

ВАЛЕНТИН ПОПОВ

Живет в Ленинграде. Печатался в альманахе «День поэзии».

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Живет в Ленинграде. Автор книги стихов «Птицы в городе» (1989).

ИГОРЬ ПОТАПОВ

Живет в Москве. Работает авиационным инженером.

АЛЕКСАНДР ПРЕДЫБАЙЛО

Родился в 1957 году. Окончил Киевский государственный художественный институт. Работает искусствоведом. Живет в Киеве.

СЕРГЕЙ ПРОВОРОВ

Родился в 1970 году. Живет в Нижнем Новгороде.

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВ

Родился в Иванове. Живет в Харькове. Учится в Харьковском политехническом институте.

ИННА ПРОНКИНА

Родилась в 1970 году. Живет в Москве. Член литературной студии «Кипарисовый лагерь».

ЮРИЙ ПРОСКУРЯКОВ

Родился в Москве в 1950 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Живет в городе Энгельсе Саратовской области.

ЭДУАРД ПУСТЫНИН

Родился в 1965 году в Краснодарском крае. Учился в Кубанском государственном университете. Проходил службу в ограниченном контингенте советских войск в ДРА. Работал грузчиком, дворником, воспитателем в ПТУ. Живет в Москве.

ДМИТРИЙ ПЭН

Родился в 1961 году в Пекине. Живет в Ростове-на-Дону. Работает преподавателем на филологическом факультете Ростовского государственного университета. Кандидат филологических наук. Печатался в «Литературной газете», в журнале «Дон», в альманахе «Истоки».

ТАТЬЯНА РАДЕЦКАЯ

Живет в Южно-Сахалинске. Член областного литературного объединения «Островитяне». Печаталась в коллективном сборнике «На ветрах...».

ВЛАДИМИР РАЖНИКОВ

Родился в 1938 году в Оренбурге. Окончил Гнесинский музыкальный институт. Защитил кандидатскую диссертацию по психологии. Автор ряда стихотворных

сборников, в том числе — «Распродажа в новолуние» (1989).
Живет в Москве.

ВИКТОР РАЙКИН

Родился в 1960 году в Чите. Окончил физический факультет Ростовского государственного университета. Переводит современную английскую и американскую поэзию. Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс». Живет в Ростове-на-Дону.

МИХАИЛ РАХМАНОВ

Печатался в коллективных сборниках и в альманахе «Поэзия».

ВСЁВОЛОД РОЖНЯТОВСКИЙ

Родился в 1956 году в Пскове. Окончил исторический факультет Псковского педагогического института. Работает старшим научным сотрудником Псковского музея-заповедника.

ВОЛДЕМАР РОМАНОВСКИЙ

Родился в 1949 году в Преильском районе Латвийской ССР. Учился в МГУ и Литературном институте имени А. М. Горького. Печатался в журналах «Карогс», «Уральский следопыт» и в альманахе «Поэзия».

ОЛЕГ РОСЛА

Псевдоним Олега Казакова. Родился в 1967 году в Бухарской области Узбекской ССР. Живет в городе Отрадном Куйбышевской области.

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН

Родился в 1947 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического университета. Печатался в коллективном сборнике «Молодая поэзия 89» и в альманахе «Поэзия».

БОРИС РУДЕНКО

Живет и работает в Полтавской области.

МАРИЯ РУДЕНКО

Родилась в 1965 году. Аспирантка филологического факультета МГУ. Печаталась в альманахе «Поэзия».

ЛАРИСА РУМАРЧУК

Автор ряда стихотворных сборников, в том числе — «Осеннее купанье» (1983).

НИКОЛАЙ РУМЯНЦЕВ

Родился в 1968 году в Ленинграде. Учится в Киевском педагогическом институте.

СТАНИСЛАВ РЫЖОВ

Родился в 1946 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Живет в Магадане. Работает в молодежной газете. Автор двух стихотворных сборников — «Под знаком Ожидания» и «Мгновенный дождь».

ВИКТОР САВОСТИН

Родился в 1942 году. Живет в Москве.

АЛЕКСЕЙ САГАНЬ

Родился в 1969 году. Живет в Москве.

МАРК САМАЕВ

Родился в 1930 году. Умер в 1985 году. Автор посмертно изданной книги стихов «Город» (1990).

АЛЕКСАНДР САМАРЦЕВ

Родился в 1947 году в Москве. Окончил Куйбышевский авиационный институт. Автор книги стихов «Ночная радуга». Живет в Москве. Член клуба «Поэзия».

ДАВИД САМОЙЛОВ

Родился в 1920 году. Жил в Москве. Автор сборников лирико-философских стихов — «Ближние страны», «Второй перевал», «Дни», «Волна и камень», «Весть» и других. Умер в 1990 году.

ГЕНРИХ САПГИР

Родился в 1928 году в Бийске. Автор более двадцати пьес для детей, многие из которых поставлены в театрах нашей страны и за рубежом. Автор двух стихотворных сборников, в том числе — «Московские мифы» (1989). Член Союза кинематографистов СССР, член УНИМА, международной организации кукольников. Живет в Москве.

ЯН САТУНОВСКИЙ

Родился в 1913 году. Печатался за рубежом.

ВАЛЕРИЙ САФРАНСКИЙ

Родился в 1952 году. Окончил факультет журналистики МГУ. Живет в Калуге. Работает главным редактором издательского предприятия «Время». Печатался в центральной периодике и в коллективных сборниках.

АРСЕНИЙ СЕДУГИН

Родился в 1925 году в Иванове. Окончил исторический факультет МГУ. Автор нескольких стихотворных сборников, в том числе — «Яблочный кот» (1987).

ТАТЬЯНА СЕЛЬВИНСКАЯ

Художник. Живет в Москве. Автор книги стихов «Посвящение» (1989).

СВЕТЛАН СЕМЕНЕНКО

Родился в 1938 году. Окончил филологический факультет Тартуского государственного университета. Автор нескольких стихотворных сборников. Работает в журнале «Таллинн».

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

Родился в 1941 году. Работает ведущим научным сотрудником Института мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького. Печатался в газете «Комсомольская правда», в журналах «Юность», «Смена», «Простор», в альманахах «Поэзия», «День поэзии».

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВ

Родился в 1951 году во Владимирской области. Окончил радиоприборостроительный факультет Владимирского политехнического института. Печатался в центральной периодике. Живет в Красногорске.

ОЛЕГ СЕРЕБРЯКОВ

Родился в 1964 году в Таллинне. Печатался в республиканской периодике и в коллективном сборнике «Турнир поэтов».

СЕРГЕЙ СЕРЕДЕНКО

Родился в 1963 году. Окончил Таллиннский политехнический институт. Учится на филологическом факультете Тартуского университета. Работал актером в театре-студии «Школа шутов». Печатался в журналах «Таллинн», «Радуга», в коллективном сборнике «Турнир поэтов». Живет в Таллинне.

ВАДИМ СИДУР

Крупнейший советский скульптор. Родился в 1924 году в Днепропетровске. Жил в Москве. Автор более 500 скульптурных и 10 графических и живописных работ. Выставки Вадима Сидура проходили в Швейцарии, Швеции, Дании, Великобритании, Польше, США, в том числе более

20 персональных выставок в ФРГ. Работы Сидура установлены на улицах и площадях многих городов мира. Умер в 1986 году. Посмертно издан сборник его стихов «Самая счастливая осень» (1990).

АЛЕКСАНДР СКИДАН

Родился в 1965 году. Живет в Ленинграде.

ВЛАДИМИР СКИФ

Родился в 1945 году в Иркутской области. Окончил Иркутский государственный университет. Автор шести стихотворных сборников — «Зимняя мозаика» (1970), «Журавлиная азбука» (1979), «Бой на рапирах» (1982), «Грибной дождь» (1983), «Живу печалью и надеждой» (1989), «Копье Пересвета» (1990).

ИРИНА СЛЕПАЯ

Родилась в 1963 году в Калуге. Окончила факультет иностранных языков Калужского педагогического института. Работает в калужском издательском предприятии «Время». Учится заочно в Литературном институте имени А. М. Горького. Печаталась в журналах «Огонек», «Юность», в альманахе «Поэзия», в коллективных сборниках.

АНАТОЛИЙ СОКОЛОВ

Родился в 1957 году в Севастополе. Живет в Ленинграде. Работает инженером радиосвязи. Печатался в центральной периодике и в коллективных сборниках.

ПАВЕЛ СОКОЛОВ

Родился в 1946 году. Живет в Москве.

АЛЕКСАНДР СОКОЛЬНИКОВ

Живет и работает в Иркутске.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Родился в 1959 году в Киеве. Окончил филологический факультет Черновицкого государственного университета. Работал художником-реставратором монументальной живописи. Печатался в центральной периодике и за рубежом. Живет в Гурзуфе.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Родился в 1924 году во Владимирской области. Поэт, прозаик, очеркист. Живет в Москве. Автор ряда книг стихов и прозы.

ВИКТОР СОСНОРА

Родился в 1936 году. Живет в Ленинграде. Автор 31 неизданной и 5 изданных книг. Автор романа «Дом дней», опубликованного в журнале «Звезда», № 6, 1990 год.

АЛЕКСЕЙ СОФРОНОВ

Родился в 1948 году в Москве. Окончил Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Печатался в центральной периодике.

НАТАЛЬЯ СТЕГНИЙ

Живет в Москве. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

В. СТЕПАНОВ

Живет в Куйбышеве. Учится в КПИ.

ТАМАРА СТРАХОВА

Живет и работает в городе Ленинск-Кузнецкий.

СЕРГЕЙ СТРОКАНЬ

Родился в 1959 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. По специальности — востоковед-филолог. Работал корреспондентом АПН в Шри-Ланке, Индии. В настоящее время работает редактором Главной редакции Азии и Океании АПН. Печатался в журнале «Москва», в альманахе «День поэзии», в коллективных сборниках. Автор двух книг стихов — «Белый свет» (1989) и «Прощание с зимой» (1990).

АРСЕНТИЙ СТРУК

Родился в 1935 году. Автор трех стихотворных сборников — «Арена», «Карнавал», «Равновесие» и двух книг прозы — «Мой коралл в тумане» и «Неутихающее эхо». Переводит стихи и прозу с украинского и испанского языков. Живет в Москве.

НИНА СТРУЧКОВА

Родилась в 1955 году в Тамбовской области. Окончила Тамбовский кооперативный техникум. Печаталась в центральной периодике.

АНДРЕЙ СУЗДАЛЬЦЕВ

Родился в 1948 году. Окончил филологический факультет МГУ. Печатался в центральной периодике и за рубежом. Автор книги стихов «Настоящее время» (1988). Живет в Москве.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

Поэт, прозаик, киносценарист. Родился в 1936 году в Алма-Ате. Автор ряда книг стихов и прозы.

МАРГАРИТА СЫРОВА

Живет и работает в Костроме.

ТАТЬЯНА СЫРЫЩЕВА

Живет в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Автор четырех стихотворных сборников.

АТУР ТАМРАЗОВ

Родился в 1962 году в Киеве. Окончил механико-математический факультет Киевского государственного университета. Работал программистом, лаборантом, грузчиком, сторожем, снимался в нескольких картинах на киностудии имени Довженко. В настоящее время работает актером в театре-студии «Театральный клуб».

АНДРЕЙ ТАНЦЫРЕВ

Родился в 1957 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Свердловского государственного университета. Печатался в коллективном сборнике «Турнир поэтов». Живет в Таллинне.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Родился в 1907 году в семье народовольца-восьмидесятника. Детство и отрочество прошли в Елизаветграде (Кировоград). Жил в Москве. Автор ряда стихотворных сборников — «Перед снегом», «Земле — земное», «Вестник», «Стихотворения», «Волшебные горы», «Зимний день». Автор многочисленных переводов, в особенности с восточных языков. Умер в 1989 году.

АНАТОЛИЙ ТЕПЛЯШИН

Родился в 1951 году на Южном Урале. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книги стихов «Открытый океан».

АЛЛА ТЕР-АКОПЯН

Поэт, переводчик. Живет и работает в Москве.

ТАТЬЯНА ТЕРЕБИНОВА

Родилась в 1950 году в Куйбышеве. Окончила МГИК. Работает преподавателем музыки. Живет в городе Отрадном Куйбышевской области.

СЕРГЕЙ ТЕСЛО

Родился в 1965 году. Живет в Донецке. Работает в киноклубе «Многоточие».

ЮРИЙ ТУРОВ

Живет в Москве. Печатался в коллективном сборнике «Молодая поэзия 89».

ВЛАДИМИР ТУЧКОВ

Родился в 1949 году в городе Мытищи Московской области. Окончил Московский лесотехнический институт. Работал инженером в НИИ. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Юность», «Радуга», в коллективных сборниках.

ЛЕСЯ ТЫШКОВСКАЯ

Родилась в 1969 году в Киеве. Учится на филологическом факультете Киевского государственного университета.

ВИТА ТЭ

Родилась в 1971 году. Живет в Свердловске.

АРКАДИЙ ТЮРИН

Родился в 1952 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в центральной периодике. Автор двух стихотворных сборников — «Я видел» (1988) и «Цвет земли» (1990). Один из авторов сборника свободных стихов «Белый квадрат» и сборника «Время Икс». Стихи переводились на французский и сербохорватский языки.

АЛЕКСАНДР УЛАНОВ

Родился в 1963 году в Куйбышеве. Окончил Куйбышевский авиационный институт, где работает в настоящее время. Автор готовящейся к изданию книги стихов «Направление ветра».

КАРИ УНКОВА

Родилась в 1940 году в Ленинграде. Окончила географический факультет Ленинградского государственного университета. Трагически погибла в 1983 году.

МИХАИЛ ФЕДОСЕЕНКОВ

Родился в 1957 году в Кемерове. Окончил Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. Печатался в альманахе «Поэзия» и в коллективных сборниках.

МИХАИЛ ФЕЛЬДМАН

Родился в 1952 году в Ленинграде. Окончил Исторический факультет Ленинградского государственного университета. Погиб в железнодорожной катастрофе в августе 1988 года под станцией Бологое. Автор посмертно изданной книги стихов «Миновало» (1990).

АНДРЕЙ ФИЛИМОНОВ

Родился в 1969 году. Учится в Томском государственном университете.

НАТАЛЬЯ ХАТКИНА

Родилась в 1956 году в Донецке. Окончила филологический факультет Донецкого государственного университета. Автор двух стихотворных сборников.

РОМАН ХЕ

Живет в поселке Томари Сахалинской области. Печатался в журналах «Аврора», «Дальний Восток» и в альманахе «Поэзия». Автор книги стихов «Гудящие раковины» (1984).

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

Поэт, переводчик. Автор нескольких стихотворных сборников. Живет в Москве.

ВАСИЛИЙ ХЛЫБОВ

Родился в 1953 году в Ижевске. Окончил Московский геологоразведочный институт. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Автор двух стихотворных сборников — «Взмах руки» и «Солонцовая охота».

ОЛЬГА ХМЕЛЬ

Живет в Киеве. Окончила Киевский государственный институт театрального искусства. Работает в Киевской филармонии.

АЙДАР ХУСАИНОВ

Живет в Москве. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

МСТИСЛАВА ЧАЙКА

Родилась в 1971 году в городе Конотопе Сумской области. Живет в Киеве. Печаталась в журналах «Радуга», «Смена», «Возрождение», «Русское слово», в альманахах «Истоки», «День поэзии».

ЭЛЬВИРА ЧАСТИКОВА

Живет в Москве. Автор книги стихов «Два горизонта» (1990).

ДЕНИС ЧАЩИН

Родился в 1968 году в Киеве. Учится в Киевском государственном институте театрального искусства.

ЕВГЕНИЙ ЧЕКАНОВ

Живет и работает в Ярославской области.

РИММА ЧЕРНАВИНА

Живет и работает в Москве.

ДМИТРИЙ ЧЕРНЫШЕВ

Родился в 1963 году. Живет в Ленинграде.

ТАТЬЯНА ЧЕРЫГОВА

Родилась в 1955 году в Ижевске. Окончила театральное училище имени Щукина. Работала актрисой в театрах Ижевска и Вологды. В настоящее время живет в городе Пушкино Московской области. Печаталась в газете «Московский комсомолец», в альманахах «Истоки», «Поэзия».

ЕВГЕНИЙ ЧИГРИН

Родился в 1961 году на Украине. С 1988 года живет в Южно-Сахалинске. Печатался в альманахе «Сахалин» и в коллективном сборнике «На ветрах...».

ВЕРА ЧИЖЕВСКАЯ

Родилась в 1946 году в Белоруссии. Живет в Обнинске. Работает в городской газете. Автор книги стихов «Чеканка» (1990).

АНАТОЛИЙ ЧИКОВ

Родился в 1928 году в городе Мытищи Московской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор ряда стихотворных сборников — «Синица», «Янтарь», «Сердце камня», «Часы и жизнь» и других.

ЛЕОНИД ЧУДНЫЙ

Живет и работает в Симферополе.

СВЕТЛАНА ЧУЛКОВА

Родилась в 1958 году в Москве. Окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Работает в издательстве «Мир». Печаталась в альманахах «Истоки», «Поэзия».

ГЕОРГИЙ ЧХЕИДЗЕ

Родился в 1955 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор двух пьес. Печатался в альманахе «Поэзия».

ЯН ШАНЛИ

Родился в 1955 году в Якутске. Живет в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в центральной периодике. Автор книги стихов «Облик» (1990).

ИВАН ШАПКО

Родился в 1940 году в Одессе. Окончил Одесский институт пищевой промышленности. Работал на Дальнем Востоке на острове Шикотан. С 1977 года живет на Северном Кавказе (Домбайская долина). Печатался во французском журнале «Шанж» и в сборнике свободных стихов «Время Икс».

СЕРГЕЙ ШАТАЛОВ

Родился в 1958 году в Донецке. Учился на филологическом факультете Донецкого государственного университета. Работал режиссером. Поставил спектакли — «Солярис» (С. Лем), «Гофманиана» (А. Тарковский), «Палач» (Пер Лагерквист), «Доктор Фаустус» (Т. Манн) и другие. Работает в киноклубе «Многоточие». Один из авторов сборника свободных стихов «Время Икс».

ТАТЬЯНА ШЕМЕЛИНА

Художник. Живет и работает в Кемерове.

ЛАЗАРЬ ШЕРЕШЕВСКИЙ

Родился в 1926 году в Киеве. Окончил филологический факультет Горьковского государственного университета. Автор нескольких стихотворных сборников.

ЕВГЕНИЙ ШЕШОЛИН

Родился в 1955 году в Карславе. Окончил Псковский педагогический институт. Печатался в газетах «Молодежь Эстонии» и «Советская молодежь». Трагически погиб в апреле 1990 года.

АЛЕКСАНДР ШМИДТ

Живет в Алма-Ате. Автор двух стихотворных сборников.

ЭРИК ШМИТКЕ

Родился в 1957 году в Сибири. Живет в Ленинграде. Работал учителем в школе, воспитателем в ПТУ, кладовщиком, маляром, корреспондентом газет, литературным консультантом. Печатался в журнале «Нева», в альманахе «День поэзии», в коллективных сборниках.

АНАТОЛИЙ ШОР

Родился в 1951 году в Бессарабии. Учился в Новосибирском государственном университете. Печатался в журнале «Сибирские огни» и в альманахе «Петрополь». Живет в Ленинграде.

АЛЕКСАНДР ШУМИЛОВ

Родился в 1946 году. Живет в Ленинграде. Печатался в коллективном сборнике «Молодой Ленинград».

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ

Родился в 1960 году в Орехово-Зуеве. Печатался в центральной периодике.

АЛЕКСАНДР ЩУПЛОВ

Родился в 1949 году в Москве. Окончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета. Автор ряда стихотворных сборников — «Серебряная изнанка», «Повторение непройденного», «Поле боли», «Исполнение желаний» и других.

ВИКТОРИЯ ЭРГЕС

Живет и работает в Москве.

ЮРИЙ ЯКМА

Живет и работает в Казахстане. Печатался в альманахе «Поэзия».

ФРАНЧЕСКА ЯРБУСОВА

Родилась в 1942 году в Алма-Ате. Живет в Москве. Работает на киностудии «Союзмультфильм».

С. С. Джангирова

АНТОЛОГИЯ РУССКОГО ВЕРЛИБРА

Составитель Карен Джангиров

Зав. редакцией *В. И. Грушецкий*
Технический редактор *Е. Ю. Салтыкова*
Корректор *И. П. Платонова*
Ответственный за выпуск *Ви Це Иль*

Сдано в набор 19.12.90. Подписано в печать 19.02.91.
Формат 60 x 94/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура журнально-
рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 49,09. Усл. кр.-отт. 51,59.
Уч.-изд. л. 35,20. Тираж 10 000 экз.
Заказ 069. Цена 13 р.

Издательство "Прометей" МПГУ им. В.И. Ленина, 119048,
Москва, ул. Усачева, 64.
Московская типография № 5 при Госкомпечати СССР, 129243,
Москва, ул. Мало-Московская, 21.

Издательство "Прометей"
планирует начать
с 1992 года
выпуск ежегодного
литературно-графического альманаха
"РУССКИЙ ВЕРЛИБР".

Предлагаемые к публикации
тексты
статьи
и
рисунки
посылать составителю альманаха
К. Э. Джангирову
по адресу:
109387, Москва, а/я 79

